ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРАВИТЕЛЬСТВА КБР И КБНЦ РАН

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ КАВКАЗА

Сборник статей
к 60-летию В. Х. Кажарова

НАЛЬЧИК 2009

ББК – 94(479)+39
УДК – 63.3(24)+63.5
А – 43

Ответственный редактор
Б. Х. Бгажноков

Редакционная коллегия:
А. Х. Абазов, Д. Н. Прасолов, Дж. Я. Рахаев

А – 43 **Актуальные** проблемы истории и этнографии народов Кавказа: Сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. Нальчик: Издательство Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, 2009. – 360 с.

ISBN – 978–5–91766–005–9

Данный сборник посвящен 60-летию со дня рождения известного кавказоведа Валерия Хашировича Кажарова. Издание включает научные статьи, в которых рассматриваются актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа.

Материал, представленный в сборнике, адресован специалистам в области исторического и этнологического кавказоведения, преподавателям и студентам, тем, кто интересуется историей народов Кавказа.

This edition is dedicated to the 60-th anniversary of the wellknown researcher of the Caucasus Valery Hashirovich Kazharov. The collection includes scientific articles in which topical problems of the history and ethnography of peoples in the Caucasus are considered.

The edition is intended for experts in the field of history and ethnology of the Caucasus, to lecturers and students, to those who are interested in the history of peoples in the Caucasus.

© КБИГИ, 2009
© Ф. В. Гучева, оформление, 2009
© Издательство КБИГИ, 2009

ОТЫСКАТЬ БЕСПРИСТРАСТНУЮ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ
К 60-летию В. Х. Кажарова

19 августа 2009 г. крупному российскому кавказоведу, специалисту по истории и этнологии адыгов Валерию Хашировичу Кажарову исполняется 60 лет. Этому юбилею и посвящен настоящий сборник.

В.Х. Кажаров родился 19 августа 1949 г. в сел. Сармаково КБАССР. По окончании историко-филологического отделения КБГУ поступил в 1971 г. в аспирантуру при Институте этнографии АН СССР, где под руководством выдающегося кавказоведа В.К. Гарданова подготовил и защитил кандидатскую диссертацию «Сельская община у адыгов в первой половине XIX в. (поземельные отношения)», а в 1994 г. – докторскую диссертацию на тему: «Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в.».

Вдумчивое, серьезное отношение к анализу фактического материала, критическое осмысление трудов именитых ученых старшего поколения позволили В.Х. Кажарову выработать новый взгляд на исторические события XIX в. Исследуя общественные трансформации, происходившие у адыгов в первой половине XIX в., он впервые в отечественной науке поставил вопрос о кризисе феодального строя кабардинцев. Позже эта идея получила более подробное обоснование в плановой научно-исследовательской работе «Кризис традиционного феодализма в Кабарде», завершенной в 1986 г. Итогом многолетних исследований в этом направлении стали монографии: «Адыгская хаса. Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии» (Нальчик, 1992), «Адыгская вотчина. К проблеме основной социальной единицы адыгского феодального общества» (Нальчик, 1993). В расширенном виде историческая концепция В.Х. Кажарова была изложена в обобщающем труде «Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в.» (Нальчик, 1994).

В крайне неблагоприятных условиях, созданных военной экспансией России, феодальное адыгское общество спешно, порой

лихорадочно перестраивалось, пытаясь адаптироваться к новым реалиям и сохранить хотя бы часть наиболее важных общественных отношений. Но вопрос о судьбе основного корпуса традиционных институтов был предрешен самим фактом утраты феодалами политической власти. В Кабарде и несколько позже в Западной Черкесии их деятельность сосредоточилась на том, чтобы смягчить разрушительное действие новых порядков и установлений, придать максимально возможный оттенок преемственности тем изменениям, которые происходили в обществе помимо их воли.

Результаты исследований по адыгской истории нашли дальнейшее развитие в коллективных трудах: «Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы» (Нальчик, 1999), «Адыгская (черкесская) энциклопедия» (М., 2006) и новейшей обобщающей работе «Северный Кавказ в составе Российской империи» (М., 2007).

Работы В.Х. Кажарова принесли ему известность исследователя, выдвинувшего оригинальную концепцию социокультурного развития кабардинцев в условиях их вхождения в состав России и адаптации к ее социальной системе. Большой научной заслугой В.Х. Кажарова следует признать выявление вотчины как структурообразующего элемента адыгского феодализма, исследование глубинных основ вотчинной организации, ее взаимосвязи с особенностями менталитета адыгов. Это позволило ему на большом историческом материале раскрыть причины стагнации их общественного развития в XVII–XVIII вв., специфические особенности сословно-представительных собраний в феодальной Кабарде, основные черты ее государственного строя, а также всесторонне изучить сложный комплекс политических факторов трансформации традиционного адыгского общества в условиях утраты народом политической независимости. В теоретическом плане работы В.Х. Кажарова имеют важное значение для понимания деструктивных последствий взаимодействия различных социоцивилизационных систем. Проблемы, поставленные В.Х. Кажаровым, получили дальнейшую разработку, в том числе и на материале других народов Северного Кавказа. Эти обстоятельства позволяют считать его основоположником собственной научной школы.

Значительных успехов В.Х. Кажаров добился в научно-организационной деятельности. С 1993 г. он возглавляет отдел истории

КБИГИ. В отделе ведутся исследования по основным направлениям истории и этнографии народов республики и Северного Кавказа. За этот период во вверенном ему научном подразделении была проведена основная работа по написанию новой академической многотомной истории КБР.

В.Х. Кажаров приложил немало усилий для открытия в 1996 г. в КБИГИ аспирантуры. За время ее работы были выпущены десятки специалистов по истории, этнологии, филологии и фольклористике народов КБР, лучшие из которых пополнили ряды сотрудников института.

Важнейшей вехой в жизни В.Х. Кажарова стала работа над «Адыгской энциклопедией», где он стал одним из основных авторов исторического очерка. Находясь на посту заместителя главного редактора, он фактически стал организатором всей работы, происходившей в Нальчике, координируя ее с учеными Майкопа, Черкесска и др. городов. В течение нескольких месяцев 2003 г. после нескольких лет простоя основа этого беспрецедентного научного проекта была подготовлена усилиями небольшой группы специалистов. По инициативе В.Х. Кажарова к работе над энциклопедией были привлечены не только именитые специалисты, но и молодые ученые, которые, благодаря этому, реализовали свой научный потенциал и обеспечили успешное завершение выдающегося труда, получившего высокую оценку со стороны отечественных и зарубежных ученых.

В 2000-х гг. одним из приоритетных направлений исследований В.Х. Кажарова становится исламская проблематика, по которой он опубликовал серию статей, коренным образом изменивших устоявшиеся представления о роли ислама в истории традиционного кабардинского общества.

С 2005 г. под редакцией В.Х. Кажарова стал издаваться «Исторический вестник», на страницах которого публикуются научные работы по актуальным проблемам истории и этнографии народов Кавказа.

Важным событием в культурной жизни республики стал выход в свет в 2005 г. сборника «Адыгские песни времен Кавказской войны», в котором В.Х. Кажаров выступает ответственным редактором и автором одной из вводных статей.

После реорганизации в 2007 г. отдел исторических наук под руководством В.Х. Кажарова стал крупнейшим научным подразде-

лением КБИГИ. В его состав входят секторы истории, этнологии, источниковедения, археологии и группа по изучению проблем современного развития общества. В 2000-х гг. отдел заметно омолодился в значительной мере за счет привлечения к работе выпускников аспирантуры КБИГИ. Таким образом, была налажена преемственность поколений.

К своему 60-летию Валерий Хаширович подошел с солидным багажом профессиональных достижений как исследователь-новатор, труды которого оказали значительное влияние на современное кавказоведение, как организатор научно-исследовательской деятельности и наставник, внесший значительный вклад в подготовку нового поколения специалистов по истории и этнографии народов Северного Кавказа. В своих исследованиях он заложил основы новой концепции истории традиционного адыгского общества, основные теоретико-методологические положения которой разделяются многими специалистами, причем не только из числа непосредственно его учеников.

Исследовательская деятельность В.Х. Кажарова получила высокую оценку со стороны научного сообщества. В 1997 г. монография «Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в.» была удостоена Государственной премии КБР в области науки. Общественным признанием заслуг В.Х. Кажарова стало также присвоение ему в 1999 г. звания «Заслуженный деятель науки КБР».

Популярность, успех и авторитет В.Х. Кажарова объясняются его огромным интеллектуальным, человеческим обаянием, убежденностью и энергичностью, которую он проявляет в работе с коллегами и особенно с учениками, среди которых русские, кабардинцы, балкарцы, осетины. Каждая новая его работа вызывает живой интерес специалистов, стимулирует дальнейшие дискуссии и развитие исторических исследований. Историческая наука в понимании Валерия Хашировича является той сферой деятельности, для которой во все времена остается актуальной сократовская проблема – отыскать беспристрастную точку зрения.

Б. Х. Бгажноков

А. Х. Абазов, М. Н. Губжоков,
Д. Н. Прасолов, Дж. Я. Рахаев, М. Ю. Унарокова
(Нальчик, Майкоп)

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ АДЫГОВ В РАБОТАХ В.Х. КАЖАРОВА

Имя Валерия Хашировича Кажарова давно известно широкому кругу специалистов-кавказоведов. Вот уже три десятилетия его научные труды вызывают непреходящий интерес у историков, этнологов, религиоведов, фольклористов.

Научные достижения В.Х. Кажарова давно уже не ограничиваются рамками адыговедения, став частью золотого фонда отечественной исторической науки.

Творческая биография В.Х. Кажарова – образчик неуклонного расширения сферы научных интересов, в орбите которых сегодня пребывают сложнейшие, фундаментальные проблемы социокультурного и цивилизационного плана, исследовательской базой которых является гражданская, геополитическая и этническая история адыгов Средневековья и нового времени. Не чужды ему и проблемы современного состояния адыгской этничности и государственности.

В.Х. Кажарова отличают неординарность мышления, порой граничащая с парадоксальностью, удивительная способность выявлять и формулировать актуальные проблемы, которые обращены не только в прошлое, но и к современности. Ему присущ уникальный дар пробуждать в соотечественниках чувство этнического достоинства. Он умеет, взывая к их разуму и исторической памяти, побуждать к противостоянию процессам деэтнизации и морального вырождения адыгской нации.

Каждая работа В.Х. Кажарова становится событием, значимой вехой в историческом кавказоведении, приобретает статус «классической», открывает новые научные направления, которые на-

ходят продолжателей. В немалой степени этому способствует не только великолепное знание материала, но и его неповторимый стиль изложения – строго научный, лаконичный и одновременно образный и эмоциональный.

Имея стойкую репутацию «разрушителя научных стереотипов», В.Х. Кажаров тем не менее, отличается высокой культурой научной дискуссии, тактичностью в оспаривании сложившихся в науке и кажущихся незыблемыми идей и исторических мифов.

Ведущим научным направлением из числа разрабатываемых В.Х. Кажаровым и осуществляемым им главным образом на материале Кабарды является исследование многообразных и неоднозначных аспектов межцивилизационного взаимодействия адыгского мира и России.

Наиболее значимым и драматичным периодом их совместной истории являются XVIII и XIX вв. – эпоха утверждения Российской империи на Кавказе. Именно в это время адыги окончательно теряют свою независимость, переживают территориальную и демографическую катастрофу. Демонтируется политическая система исторической Черкесии, разрушаются традиционные структуры управления и институты общественной саморегуляции, а адыгский этнос испытывает социокультурный шок при вхождении в состав Российского государства.

Одним из свидетельств тотального крушения старого мира явился системный кризис адыгского феодализма, конкретные проявления и предыстория которого стали одним из ведущих лейтмотивов научного творчества В.Х. Кажарова[1].

Проблемы адыгского феодализма

Адыгский феодализм как глобальное историческое явление нашел свое отражение уже в первых монографиях В.Х. Кажарова[2]. Их логическим продолжением, значительно расширившим проблемное поле исследования, стали написанные В.Х. Кажаровым соответствующие разделы обобщающего коллективного труда «Адыгская (черкесская) энциклопедия»[3], а также ряд других работ, конкретизирующих отдельные положения его теории.

Внеся существенный вклад в общую теорию кризиса феодализма, разрабатываемую в отечественной и западной медиевисти-

ке, в этих трудах В.Х. Кажаров выстроил оригинальную концепцию общественных отношений феодальной Черкесии, состояние и трансформацию которых он рассматривает на протяжении двух кардинально различающихся по содержанию хронологических отрезков. Период XVI–XVII вв. является эпохой расцвета традиционного адыгского феодализма с характерными для него чертами: многоступенчатой сословной структурой, иерархическим характером властных отношений и землевладения, сильной военной организацией, ярко выраженной рыцарской идеологией, культурным доминированием адыгов на Северном Кавказе[4]. В последней трети XVIII в. адыгский феодализм вступил в полосу внутреннего кризиса, усугубленного российской экспансией. В.Х. Кажаров приходит к заключению, которое приобретает концептуальный характер в свете его дальнейших исследований в русле цивилизационного подхода: «В результате столкновения двух общественных структур, стоявших на разных ступенях развития, одна из них должна была быть сломлена, что и произошло с кабардинским феодализмом[5].

В своих работах В.Х. Кажаров выстраивает многоплановую и многомерную структуру адыгского феодализма, реконструируемую им по источникам XVI–XVIII столетий. Однако, как отмечают историографы А.Х. Боров и Ю.М. Азикова, «подлинная новизна и результативность осуществленного им исследования связана не с предметом или источниковой базой, а с принципами и методологией анализа. С одной стороны, В.Х. Кажаров последовательно проводит принцип историзма, рассматривая свой предмет не как раз и навсегда данный, «застывший» вне времени и пространства, а «в динамике» (по его излюбленному выражению) и в связи со сложной совокупностью общественных и политических отношений изучаемого периода. С другой стороны, он отвергает логику упрощенного эволюционизма и последовательно реализует системный подход, в рамках которого структурно-функциональный анализ не подчиняется историко-генетическому методу, а координируется с ним»[6].

Реконструируемое В.Х. Кажаровым широкое полотно политической и социокультурной истории адыгов складывается из совокупности диалектически взаимосвязанных и взаимозависимых элементов – структурообразующих институтов традиционного адыгского феодального общества.

Описывая *социальную структуру эпохи феодализма*, В.Х. Кажаров уделяет особое внимание ее ключевому звену, *основной единице адыгского общества – вотчине*. Опираясь на новейшие исследования по этнологии, медиевистике и общинной теории, он впервые в историческом кавказоведении выявил ошибочность прямого отождествления кабардинского села – *къуажэ* с сельской общиной и убедительно доказал, что оно по своей социальной природе является одной из множества разновидностей частной феодальной вотчины, диапазон уровней организации которых простирался от вотчины-деревни до вотчины в масштабах удела или даже всей Кабарды (которую в некоторых случаях можно воспринимать как наследственное владение, «вотчину» княжеского дома Иналовичей). В качестве микроструктур, составлявших феодальную вотчину-деревню и теоретически способных в нее перерасти, В.Х. Кажаров выделяет субвотчины – в форме мелкой феодальной вотчины (феодального двора) или крестьянской вотчины. Последний вариант развития событий не был исключением, поскольку, как отмечает автор, при крайней гипертрофии вотчинного структурного принципа у «аристократических» адыгов на него стали ориентироваться также и крестьяне, которые, при условии получения дворянского звания, приобретали возможность (еще во многом абстрактную) стать владельцами вотчины-деревни.

Следует отметить и акцентирование внимания В.Х. Кажарова на вотчинном структурном принципе как факторе, доминировавшем на всех уровнях общественной жизни адыгов, что, в частности, проявлялось в феодальной раздробленности, княжеских междоусобицах, отсутствии у адыгов централизованного государства, регулярной армии и городов, а также господстве в их общественном сознании ярко выраженного (по средневековым меркам) индивидуализма[7].

Оценивая общественную роль вотчины «в самый ответственный период истории Кабарды, когда решался вопрос о ее независимости», В.Х. Кажаров приходит к выводу, «что она не обеспечила в должной мере интеграцию кабардинского общества, перестав соответствовать этой основной функции любой социальной системы. Естественно, не могла она отвечать и потребностям дальнейшего общественного развития кабардинцев, во многом определив его стагнацию и тупиковый характер»[8].

Отмечая, что эта характеристика относится ко всем «аристократическим» адыгам, автор подчеркивает, что при рассмотрении вотчинной организации у шапсугов, натухайцев и абадзехов в первой половине XIX в. вырисовывается совсем другая картина. Различия обуславливались, прежде всего, процессами демократизации общественно-политического устройства этих западно-адыгских субэтносов. В результате в их среде был уничтожен старовотчинный элемент, широко распространились мелкие вотчины, объединявшиеся в своеобразные демократические союзы. «На смену «аристократической» вотчине-общине пришла соседская община «демократического» типа, которая, став основной единицей новой административной системы, открыла невиданные до этого возможности для политического объединения Западной Черкесии в освободительной войне против царизма»[9].

Сопоставляя векторы развития социальных систем «аристократических» и «демократических» адыгов, В.Х. Кажаров пишет, что общественно-политический переворот у шапсугов, натухайцев и абадзехов выявил новые возможности социального развития, чему в немалой степени способствовала регенерация у них общинных отношений на новой основе[10]. Однако эта тенденция была прервана окончательным покорением адыгов в 1864 г.

С вотчинным структурным принципом неразрывно связана *проблема традиционной земельной собственности*. В.Х. Кажаров, используя своеобразную методику исследования и первоначально рассматривая уже разрушенную российской колониальной политикой систему землевладения, реконструирует основы, на которых изначально зиждилось земельное право в Кабарде: фамильный характер и иерархический принцип пользования землей. Сохранность земельных прав гарантировалась сюзеренно-вассальными и корпоративно-родственными отношениями, связывавшими различные виды условных владений в одно прочное целое.

Одной из сфер, где в полной мере проявились лучшие качества Кажарова-историка – глубина и тщательность анализа, чрезвычайное богатство идей и выводов, – стала *политическая организация феодальной Черкесии*, исследованная главным образом на материалах Кабарды.

В отличие от своих предшественников, которые фиксировали наличие и некоторые функции старшего князя (*пщышхуэ*),

сословно-представительного собрания (*хасэ*) и высшей судебной инстанции (*хей*), В.Х. Кажарову впервые в адыговедении удалось продемонстрировать формы диалектического взаимодействия этих трех центральных органов власти.

Данная проблема была всесторонне освещена автором в монографии «Адыгская хаса. Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии». В ситуации всеобщего (но, увы, кратковременного) интереса к историческому наследию адыгов и интуитивного поиска новых форм общественной организации постсоветской эпохи книга имела широчайший общественный резонанс, заново «открыла» и переосмыслила социальную и политическую историю адыгов. В начале 1990-х гг. она явилась интеллектуальным манифестом их возрождающегося этнического самосознания.

Главным недостатком работ, затрагивавших политическое устройство феодальной Кабарды, являлись схематизм и упрощенный эволюционизм, в соответствии с которыми хаса благодаря наличию палаты «старшин черного народа» воспринималась как пережиток доклассового общества и архаического народного собрания. Этот недостаток удалось преодолеть только В.Х. Кажарову, рассмотревшему функционирование хасы в динамике и проследившему изменения в структуре и функциях этого института власти на протяжении нескольких столетий. В частности, им было доказано, что вышеупомянутое участие крестьянских лидеров в работе хасы являлось не архаикой, а нововведением, вызванным острыми социальными и политическими противоречиями.

Одним из важнейших аспектов функционирования хасы в XVI–XVIII вв. являлись ее взаимоотношения с верховным князем (*пщышхуэ*) в контексте проблемы политического единства страны. В.Х. Кажаров (и здесь в полной мере проявился его незаурядный талант историка) предостерегает от поиска во взаимосвязи хасы и верховного князя различных векторов общественно-политического развития феодальной Кабарды.

Как подметили А.Х. Боров и Ю.М. Азикова, в отличие от общеевропейской тенденции, в Кабарде возникновение и функционирование сословно-представительного собрания не выражало тенденцию к формированию централизованного государства[11].

Феодальная раздробленность и междоусобицы также органически присущи всем периодам истории Кабарды до начала XIX в., как и противоположные им объединительные тенденции. Повышение или понижение роли хасы, усиление или ослабление власти пщышхуэ не демонстрируют однозначной взаимной зависимости и однозначного соотношения с объединительной тенденцией. Вся же борьба основных субъектов исторического процесса – князей – была направлена на поддержание равновесия сил и статус-кво, оберегающего их прерогативы вотчинников. Периодические (или циклические) подъемы объединительной тенденции нельзя рассматривать «как стадии, ведущие к образованию централизованного государства». На длительном историческом отрезке с середины XVI до первой четверти XIX в. обнаруживается неуклонное ослабление и хасы, и власти верховного князя в связи с прогрессирующей дезинтеграцией кабардинского общества. Исчерпание возможностей дальнейшего развития вотчины-общины и сочетание архаического принципа наследования верховной политической власти по боковой линии с таким признаком развитого феодализма, как сословно-представительное собрание, фактически закрепившее политическую дезинтеграцию, определили, по утверждению В.Х. Кажарова, стагнирующий, тупиковый характер социально-экономического и политического развития кабардинцев в XVII–XVIII вв.[12]

Феодальная раздробленность Кабарды предопределила видовое разнообразие сословно-представительных собраний, что соответственно потребовало специального изучения данного явления. Руководствуясь преимущественно материалами XVIII в., наглядно демонстрирующими разделение Большой Кабарды на удельные княжества, борьбу партий и временных союзов княжеских родов за гегемонию в Центральном Предкавказье, В.Х. Кажарову удалось выявить следующие виды хас: 1) в уделе; 2) в партии (включавшей два удела); 3) при объединении трех уделов и, наконец; 4) общекабардинскую хасу, или хасу Большой Кабарды[13].

Многие новаторские идеи, высказанные В.Х. Кажаровым при детальном изучении основных аспектов функционирования сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии, такие как: типологизация хасы, проблема ее трансформации, ша-

риатское движение и хаса и т.д., давно стали достоянием как адыговедения, так и исторического кавказоведения в целом. В дальнейшем, обращаясь к актуальным вопросам социальной истории Кабарды второй половины XVIII – XIX вв., историк неоднократно существенно дополнял и развивал свои взгляды, высказанные в «Адыгской хасе»[14].

Касаясь фундаментальной проблемы адыговедения – *типологизации государственно-политического строя Кабарды в XVI–XVIII вв.,* – В.Х. Кажаров разработал концепцию, которая считается общепризнанной. Нельзя не заметить, что советское адыговедение к середине XX в., в целом, довольно близко подошло к выявлению сущностных характеристик общественно-политического строя средневековой Кабарды. В вопросе о типологии Кабардинского государства историки сошлись во мнении о том, что это была «аристократическая республика»[15]. Однако это понятие отражало только одну сторону политической организации кабардинского общества, характерную для властных отношений между князьями. И только с появлением «Адыгской хасы» можно говорить о комплексном анализе проблемы.

В.Х. Кажаров показывает, что определение государственно-политического строя Кабарды в качестве республиканского или монархического зависит от того, рассматривается ли он в «горизонтальной» плоскости отношений между князьями или в «вертикальной» плоскости отношений между управляющими и управляемыми (князьями и их подданными). Применительно к политической организации кабардинского феодального общества эти термины не исключают, а дополняют друг друга, причем термин «монархия» больше относится к ее сущности, «республика» – к ее форме. В итоге, государственно-политический строй Кабарды в XVI–XVIII вв. В.Х. Кажаров определяет как «сословно-представительную монархию в форме федеративной княжеской республики»[16].

Особое внимание В.Х. Кажаров уделил *традиционным институтам общественной саморегуляции*, обеспечивавшим функционирование системообразующих социальных связей в адыгском обществе. В посвященных им работах В.Х. Кажаров дает целостную картину бытования у адыгов этих институтов, прослеживает их динамику. Он подчеркивает тесную взаимосвязь *гостеприимства,*

куначества и патроната, принимавших самые разнообразные формы в зависимости от социокультурного и политического контекста и «перетекавших» друг в друга при определенных условиях, что подтверждается и терминологической нерасчлененностью этих институтов на материале адыгского языка. Данные институты способствовали определенной гармонизации общественных отношений, сглаживая социальные противоречия и препятствуя как тираническим устремлениям высшей аристократии, так и ограничивая княжеские междоусобицы. Особую роль патронат играл во взаимоотношениях между адыгами и соседними с ними народами и государствами. Так, именно в терминах «покровительства» адыги понимали свои «присяги», «шерти» и пр. договорные обязательства, заключавшиеся с Московским государством, Османской империей и др. державами.

Значительная часть функций покровительства во взаимоотношениях адыгов с другими народами реализовывалась через аталыческие связи. Общественно-политическое значение *аталычества* заключалось в установлении или закреплении социальных связей между представителями господствующего класса. Распространение этого института за пределы феодальной Черкесии, придавало особое своеобразие политической и социокультурной истории адыгов.

Архаичным институтом, вызывавшим непреходящий интерес у исследователей, является *кровная месть*. Касаясь данного института, В.Х. Кажаров подробно охарактеризовал развитую систему композиций, регулировавшую право осуществления кровной мести. Шкала возмещения зависела от сословной дифференциации общества, закрепляя тем самым социальную иерархию. От социально статуса зависела не только «цена крови», но и само право кровной мести, которое не могло быть обращено на представителей вышестоящих сословий. Рассматривая данный институт, В.Х. Кажаров отмечает, что кровная месть, в обычное время являвшаяся стабилизатором общественных отношений, в 20-е гг. XVIII в. ввергла Кабарду «в опустошительные междоусобицы, которые настолько обескровили страну, что она в решающий момент своей истории не смогла отстоять свою независимость»[17].

Подробно рассмотрев в своих работах основные системообразующие элементы адыгского феодализма (главным образом в его

кабардинском субварианте), В.Х. Кажаров сделал вывод о вступлении его в стадию *стагнации*.

Кабардинский феодализм, достигнув своего расцвета в XVI–XVII вв., в дальнейшем демонстрировал удивительную статичность, оказавшись не в состоянии порождать новые формы социальной организации.

Политическая дезинтеграция Кабарды, раздробленной на уделы, сопровождалась хроническими феодальными междоусобицами, подрывавшими экономический потенциал, приводившими к значительным потерям населения и обнищанию владельцев. Однако, что со всей убедительностью доказывает В.Х. Кажаров, путь, который в аналогичной ситуации проделали европейские страны, был для Кабарды невозможен, поскольку особенности ее политического и социально-экономического строя не позволяли использовать однотипность феодальных институтов и апробированные пути выхода из кризиса.

Так, освобождение крестьян не привлекло к появлению элементов капитализма, поскольку вчерашние крепостные, обретя свободу, сами стремились стать крепостниками, результатом чего была дальнейшая консервация экономической системы. Сословно-представительные собрания, утратив общекабардинское значение, а, следовательно, и степень воздействия на политическую ситуацию в масштабах всей Кабарды, даже в отдаленной перспективе не могли стать инструментами достижения централизации страны, как, впрочем, и институт старшего князя (пщышхуэ), все более номинального главы Кабарды. Традиционные институты общественной регуляции оказывались не в состоянии противостоять разгулу политического эгоизма, причем кровная месть становится инструментом политической борьбы между княжествами, зачастую приобретая неуправляемый характер.

«Поскольку система феодальных институтов оказалась неспособной обеспечить дальнейшее развитие общества и выполнять в должной мере функции его интеграции и самосохранения, есть основание говорить о существовании внутренних предпосылок для кризиса феодализма или о его предкризисном состоянии в середине XVIII в. Однако все это выявилось лишь в последующий период под воздействием внешнего фактора, без которого эти институты,

* 1

вероятно, могли бы существовать еще очень долгое время, повторяясь в одних и тех же формах. Другими словами, обнаружившуюся историческую бесперспективность не следует считать процессом их непосредственного кризиса, деформации и разрушения, что и произошло в конце XVIII – первой половине XIX в.», – заключает В.Х. Кажаров.

Согласно теоретическим изысканиям В.Х. Кажарова, *кризис традиционного адыгского общества* был связан с российской политикой и его этапы в основном совпадали с этапами колониальной политики царизма.

Начало первого из них можно соотнести с 1774 г., когда по Кючук-Кайнарджийскому трактату Кабарда отошла к России. Особенностью этого периода было сохранение Кабардой политической самостоятельности. Будучи, однако, лишена таких важнейших атрибутов суверенитета, как внешняя политика и оборона, Кабарда оказалась в колониальной зависимости от России с перспективой полной ликвидации ее внутренней автономии и захвата большей части ее территории[18].

Следующей знаковой датой на пути утраты независимости стал 1793 г., когда в Кабарде учреждаются «родовые суды» и «расправы», ставшие полицейским орудием в руках военной администрации.

Учреждение в 1822 г. Кабардинского временного суда завершило ликвидацию суверенитета Кабарды и ее окончательное включение в административно-политическую структуру Российской империи.

Каждый из этих этапов имел свою внутреннюю логику развития, а каждый структурный элемент демонтируемой феодальной системы – собственную негативную динамику.

Каждый элемент разрушающейся феодальной системы рассматривается В.Х. Кажаровым поэтапно, самостоятельно и в его взаимосвязи с другими составляющими адыгского традиционного общества.

На основе источников В.Х. Кажаровым выявляется картина постепенного, планомерного и тотального разрушения всех структурообразующих институтов традиционного адыгского феодального общества.

Так, с потерей Кабардой политической самостоятельности подверглись разрушению связанные с ней удельная система, сословно-представительные собрания, институт наездничества и др.

Утрата высшей власти князьями разрушает некогда стройную систему вассалитета. «В относительно короткий исторический срок, – отмечает В.Х. Кажаров, – кабардинские пши из своеобразных монархов (в рамках своих княжеств) превратились в неполноправных подданных империи»[19]. Происходит массовое обнищание и «окрестьянивание» многочисленного дворянского сословия, прежде не знавшего иного занятия, кроме воинской деятельности на службе у сюзеренов.

Ликвидация политической самостоятельности Кабарды повлекла за собой уничтожение системы сюзеренно-вассальных отношений в Центральном Предкавказье, что стало одной из важнейших причин подрыва политического положения князей и упадка кабардинского феодализма.

Фактически разрушается и система феодального землевладения – в силу несоответствия основных принципов ее существования (условного, иерархического и фамильного) российским представлениям о полной помещичьей собственности.

Утрата политической власти аристократией резко сузила диапазон возможностей к урегулированию сословно-классовых конфликтов, что еще более дестабилизировало социальный порядок.

В результате включения Кабарды в состав России образовался новый жизненный уклад из остатков традиционных и привнесенных извне элементов, механическое сочетание которых не означало системной целостности. Во многом именно этим объясняется В.Х. Кажаровым «болезненность и внутренняя конфликтность последующего социального и культурного развития кабардинцев, утрата ими подлинных ценностей и обретение мнимых в виде суррогатов навязываемой культуры, обращение народа в качестве самозащиты к прошлым традициям и нахождение только формы в силу утраты их живого духа»[20] – тезис, актуальность которого в современных условиях продолжающегося этнического кризиса не нуждается в обосновании.

Таким образом, представленная В.Х. Кажаровым в рамках исторической этнологии развернутая концепция социокультурного развития адыгов в процессе их интеграции Россией позволила выявить степень и глубину трансформации адыгского этнического социума, обосновав целый ряд положений, имеющих важное зна-

чение для понимания деструктивных последствий взаимодействия различных социоцивилизационных систем.

Несмотря на то что при изучении процессов трансформации традиционных институтов кабардинцев в конце XVIII – первой половине XIX в. В.Х. Кажаров не стремился к абсолютизации собственной точки зрения, многие его идеи и поставленные научные проблемы в настоящее время получают более детальное рассмотрение в работах аспирантов и молодых ученых, становятся объектами диссертационных и монографических исследований, апробируются на конференциях различного уровня. В частности, изучение дальнейшей трансформации основной социальной единицы кабардинцев в пореформенный период, в русле концепции В.Х. Кажарова, было продолжено в диссертациях Д.Н. Прасолова[21] и Х.С. Кушхова[22]. А.Х. Абазов в рамках юридической антропологии исследует процессы трансформации правовых институтов кабардинцев в конце XVIII – начале XX в.[23]; вопросы функционирования и трансформации института абречества у кабардинцев рассматриваются Т.Х. Алоевым[24], Р.Р. Кардановой (Кошукоевой)[25], а на материале народов Северо-Восточного Кавказа – В.О. Бобровниковым[26]. Общий подход В.Х. Кажарова, предложенный им при разработке теоретических проблем, связанных с изучением особенностей функционирования и трансформации традиционной культуры адыгов в различных исторических условиях, стал методологической основой диссертации М.Н. Губжокова[27], а также очерка «Традиционная культура адыгов» в «Адыгской энциклопедии»[28]. Концепция В.Х. Кажарова оказала значительное влияние на исследование Х.С. Кушховым традиционных общественных институтов кабардинцев в пореформенный период[29]. Докторант В.Х. Кажарова Ф.А. Озова в динамике исследует развитие института аманатства у черкесов в XVI–XVII вв.[30]

Проблема новаций в политической культуре адыгов

Одним из важнейших достижений Кажарова-историка является выявление им основных этапов, движущих сил и сущности трансформаций, имевших место в политической культуре адыгов с конца XVIII в. до момента утраты ими независимости.

Первым этапом политического творчества адыгов В.Х. Кажаров считает шариатское движение, возникшее как реакция на кризисное состояние кабардинского этнополитического организма в условиях российской экспансии.

Неудачи антиколониальной борьбы кабардинцев в 60–90-х гг. XVIII в. со всей очевидностью выявили недостаточность прежних форм их политической интеграции в виде временных союзов удельных княжеств и показали необходимость того, чтобы интеграционные процессы, не ограничиваясь этим, охватили взаимоотношения всех слоев общества, подчинив частные и сословно-групповые интересы общекабардинским делам. Именно социальные преобразования были призваны стать основой политического единства нового типа для успешного решения задач, вставших перед кабардинским обществом в конце XVIII – начале XIX в. Согласно В.Х. Кажарову, традиционные религиозно-мифологические представления, освящавшие прежний порядок вещей, и адат, санкционировавший социальное неравенство и политическую децентрализацию, в этом отношении не годились для данной цели. Альтернативой стал ислам, провозглашающий равенство людей перед Богом и оправдывающий борьбу с неверными. Возникло так называемое «шариатское движение», которое возглавил Адиль-Гирей Атажукин.

Ислам, таким образом, становится идеологическим оружием антиколониальной борьбы и в то же время средством преобразования общества в соответствии с социальной программой, предусматривавшей уравнение прав князей и дворян. Однако, как совершенно справедливо подчеркнул В.Х. Кажаров, «в эгалитарных устремлениях значительной части пши-уорков помимо религиозных мотивов нельзя было не заметить отчетливо рационалистический… характер аналогий с опытом Французской революции… здесь проглядывается трезвый расчет на достижении определенных политических выгод в результате уравнения прав различных сословий внутри феодального класса»[31].

Необходимость радикальных общественных преобразований в Кабарде с целью укрепления ее политического единства диктовалось прежде всего дальнейшим наступлением царизма на ее жизненные права, в частности форсированным захватом территории. Карательные экспедиции русских войск, призванные подавить не-

прекращающиеся антиколониальные восстания, не сломили дух сопротивления кабардинцев, а также их волю к социальному творчеству. Несмотря на огромные потери, они с удвоенной энергией принялись защищать свою независимость, стремясь преобразовать свою жизнь в соответствии с новыми ценностями и идеями. Царское правительство, убедившись в невозможности исключительно военными методами покорить Кабарду, пошло на уступки и согласилось на упразднение родовых судов и расправ. Вместо них кабардинцы в 1807 г. учредили «духовный суд» под названием мехкеме.

С 1807 г. Кабарда вновь стала фактически независимой страной[32]. Вся полнота власти перешла к мехкеме, которое занималось не только судебными делами, но и осуществляло главные управленческие функции в ее внутренней и внешней политике. Военное командование на Кавказе, не считая возможным воспрепятствовать деятельности «духовных судов» в Кабарде, стремилось сохранить некоторые элементы прежней судебной системы и добиться от нее хотя бы формального признания ее зависимости от России.

Повышение роли влияния духовенства в общественно-политической жизни Кабарды привело к тому, что в ее высшем законодательном органе (*хасе*) оно образовало отдельную палату. Появление постоянно действующего судебного органа освободило традиционную хасу от значительной части судебных функций. Зато глава высшей исполнительной власти (*валий*) становился одновременно председателем верховного суда. Заметно изменилось и соотношение общекабардинской хасы и власти верховного князя. Теперь в Большой Кабарде вместо одного валия избирают два, что явилось «закономерным следствием учреждения здесь двух мехкеме»[33]. Исключительное своеобразие данной ситуации состояло в том, что эти совершенно независимые друг от друга правители избирались не на хасах своих партий, а на общей хасе всей Большой Кабарды. Сосуществование двух верховных князей, избиравшихся на общем сословно-представительном собрании, согласно В.Х. Кажарову, свидетельствует «о переходном состоянии политической системы Кабарды, демонстрирующем мощное сопротивление традиционных структур всяким новшествам»[34].

Наступление царизма на Кабарду приняло особенно широкомасштабный характер при Ермолове. Завоевание Кабарды в основ-

ном завершилось в 1822 г., когда здесь был учрежден так называемый Временный суд, полностью подчиненный русской военной администрации. Тем самым российское правительство ликвидировало всякую возможность «развития в Кабарде высших форм цивилизации на основе синтеза ислама и традиционной культуры»[35]. Оценивая с этой точки зрения смысл и сверхзадачу шариатского движения В.Х. Кажаров утверждает, что оно «представляло собой попытку выхода из того цивилизационного тупика, в котором оказались адыги во второй половине XVIII в.»[36]

Важно отметить, что исследовательская мысль историка не остановилась на простой констатации факта. Прибегнув к альтернативному пониманию истории, он ставит перед нами вопрос: чем, в конечно итоге, закончилось бы грандиозное по адыгским меркам шариатское движение, если бы политическая самостоятельность Кабарды не была уничтожена[37]? И сам же предлагает искать ответ в поиске исторических аналогий – вероятно, оно завершилось бы институционализацией перемен и достижением относительной стабильности, как это обычно случалось со многими реформаторскими и революционными движениями. «В любом случае, – пишет В.Х. Кажаров, – это не было бы возвращением к старому порядку вещей, поскольку его суть как раз состояла в решительном разрыве с прежней традицией. Его успех означал бы также и выход за пределы традиционного адыгского менталитета и его переход на качественно более высокий уровень, соответствующий задаче самосохранения этноса. Однако кабардинцы, только пробудившись к сознательной исторической жизни, перестали быть субъектами истории, утратив свою независимость. В результате «прорыв» к новому типу цивилизации, к новому историческому бытию не состоялся»[38].

Определенное внимание В.Х. Кажаров уделяет и проблемам политической эволюции западноадыгских субэтносов в XVIII – первой половине XIX в. Так, в историческом очерке «Адыгской (Черкесской) энциклопедии» им было показано, что произошедшее в середине XVII в. антифеодальное восстание на Северо-Западном Кавказе положило начало долговременному процессу трансформации социально-политической системы в Западной Черкесии, формированию своеобразного симбиоза аристократических и де-

мократических народных собраний, эволюции политического сознания свободного крестьянства-тфокотлей. В их среде сложилась идеология «народного правления» и новые для традиционного адыгского сознания представления о распределении социальных функций между сословиями феодального общества, что обусловило предпосылки общественно-политических преобразований в Западной Черкесии, известных как «демократический переворот»[39].

«Демократизация» общественно-политического устройства шапсугов, натухайцев и абадзехов имела целью выход из того исторического тупика, в котором оказались все адыги в конце XVIII – начале XIX в. Шариатское движение в Кабарде являлось первой попыткой преодоления кризиса традиционного адыгского мира. Но процесс ее подчинения Российской империи опережал темпы социально-политических преобразований в ней и в конечном счете перечеркнул их.

По мнению В.Х. Кажарова, общественно-политические преобразования у адыгов Северо-Западного Кавказа как бы перенимают у кабардинцев эстафету социальных реформ адыгского общества, углубляя и радикализуя их. Но в отличие от Кабарды, эти преобразования имели несравненно более широкую социальную базу, так как происходили «снизу», а не «сверху», явившись следствием мощного антифеодального движения. Внутренние конфликты, приведшие в 1796 г. к Бзиюкской битве, дали первый толчок социальным реформам, однако позднее последние стимулировались главным образом внешнеполитическими факторами. С другой стороны, об эффективности процессов демократизации в деле обеспечения целостности и независимости данной группы адыгов свидетельствует уже то обстоятельство, что созданная в результате реформ политическая система дала им возможность в течение нескольких десятилетий противостоять гигантской империи.

Общественно-политический переворот привел к установлению так называемого «народного правления», основанного на выборном начале. Основным критерием выдвижения в органы власти стали личные заслуги, а не принадлежность к классу благородных. Более того, тфокотли («вольные земледельцы») взяли бразды правления в свои руки, заняв таким образом господствующее положение в обществе. В свою очередь, заметно изменилась роль

социальных организаций, составлявших основу представительной системы шапсугов, натухайцев и абадзехов. Вместо прежних дворянских вотчин и их объединений на первый план общественно-политических отношений выступают сперва «соприсяжные братства», а затем соседские общины нового типа. На ранних этапах трансформации прежней социальной системы религиозный фактор практически не проявлялся, но по мере углубления реформ его роль возрастает, выполняя задачу идеологического обоснования необходимости демократического обновления традиционного общества.

После Адрианопольского мира 1829 г., когда Османская империя отказалась от своих притязаний на Западную Черкесию в пользу России (уступив ей то, чем сама не владела), социально-политические и конфессиональные процессы у «демократической» группы адыгов вступили в новую фазу своего развития, подчиняясь целям национально-освободительной войны, которая теперь принимает религиозную оболочку.

Основными направлениями политического творчества западных адыгов в сфере властных институтов являлись:

1) совершенствование центральных и местных верховных органов власти, сосредоточивших административные, исполнительные, военные и судебные полномочия;

2) замена основы представительной власти с родовых формирований (сохранявшихся со времен «демократического переворота») на территориальные.

Знаменательным историческим рубежом в общественно-политическом развитии адыгов Северо-Западного Кавказа явилось Адагумское собрание, продолжавшееся с некоторыми перерывами целый год (с февраля 1848-го по февраль 1849 г.). Оно сыграло выдающуюся роль в выработке у них единой системы управления на светских началах. Позднее, в 1849–1850 гг., наиб Шамиля Мухаммед-Амина учредил на большей части Шапсугии, Абадзехии и Натухая мехкеме, которое он стремился использовать как одно из главных средств к их централизации. Но эти успехи оказались кратковременными, так как консерватизм общественного сознания адыгов препятствовал прочному синтезу исламских начал управления и «демократических» структур власти.

Итогом политических преобразований периода Кавказской войны стало создание Великого Меджлиса, куда вошли области, еще не захваченные Россией к лету 1861 г. Благодаря целому ряду весьма радикальных реформ независимой Черкесии удалось несколько оттянуть неизбежный финал Кавказской войны. Однако продолжающиеся широкомасштабные боевые действия при многократном перевесе российской стороны не позволили в полной мере реализовать потенциал этих многообещающих преобразований.

Проблемы этнополитической истории адыгов

Одной из сложнейших проблем исторического адыговедения является определение *территориальных границ феодальной Кабарды и их динамики в XVII – первой половине XX в.* Качественно новый подход к теме обозначен в ставшей теперь классической статье В.Х. Кажарова «К вопросу о территории феодальной Кабарды»[40].

Автор статьи выступает в роли разрушителя мифологем, господствовавших в советской историографии и касавшихся проблем изменения границ Кабарды. В.Х. Кажаров четко формулирует и развенчивает концептуальные подходы, прежде препятствовавшие выявлению реальной динамики этнической и политической карты феодальной Кабарды.

Во-первых, сведение процессов ее изменения к известной в истории подвижности кабардинских населенных пунктов, т.е., по существу к внутренним миграциям, которые в свою очередь рассматривались как освоение кабардинцами новой этнической территории. В рамках данного подхода игнорировалось четкое деление Кабарды на феодальные вотчины – уделы, внутри которых и совершались подобные перемещения.

Во-вторых, отождествление политических границ Кабарды с этнической территорией кабардинцев, а последней – только с территорией, где располагались их населенные пункты.

В-третьих, игнорирование того обстоятельства, что феодальная Кабарда изначально являлась полиэтническим государственным образованием, территориальный суверенитет которого закономерно превышал непосредственно этническую территорию кабардин-

цев. Здесь уместно еще раз напомнить об определении В.Х. Кажаровым Кабарды как «малой феодальной империи». С этой точки зрения западные границы Кабарды «вдвигались» в Закубанье, достигая р. Уруп, соприкасаясь с владениями бесленеевцев.

И, наконец, в-четвертых, непонимание особенностей функционирования власти-собственности в масштабах всей Кабарды и в рамках удельных княжеств, а также специфики иерархической структуры землевладения и политической системы в целом[41].

В контексте темы динамики границ Кабарды В.Х. Кажаров затрагивает и проблему типологического разнообразия моделей взаимоотношений различных адыгских политических образований с Россией.

Так, опираясь на данные источников XVI–XVIII вв. о выходе восточных границ Кабарды к Каспийскому морю, В.Х. Кажаров для иллюстрации данного тезиса обращается к судьбе князей Идаровых, под суверенитетом которых находились земли между Каспием и Сунжей. Именно по просьбе Идаровичей в устье Терека, т.е. на восточных рубежах их владений, и был построен московским царем Терский город. В.Х. Кажаров отмечает, что путь, который прошла Кабарда во взаимоотношениях с Россией – от военно-политического союза через вассальную зависимость к полному поглощению, – княжество Идаровых прошло в более стремительном темпе: от вассалитета с элементами прямого подданства до поглощения последними всех других видов отношений к первой четверти XVIII в.[42] Территория княжества Идаровых была утрачена в силу ряда причин внутреннего и внешнего свойства. Оказавшаяся в политической изоляции, раздираемая феодальными войнами, вотчина Идаровых необратимо угасает и утрачивает политический контроль над полиэтнической структурой княжества. Одним из значимых факторов был отъезд в Москву Идаровых со своими вассалами с последующим растворением в русской этнической среде. Символическим итогом этой прежде неосознаваемой политической драмы стало пресечение правящего княжеского дома. «Судьба некогда могущественного кабардинского княжества закончилась весьма показательно. Став проводником влияния России в Кабарде и на всем Северном Кавказе, оно, по сути дела, стало ее первой жертвой, хотя и сравнительно бескровной. Но цена за

временное возвышение оказалась слишком дорогой не только для этого княжества. Она была сполна оплачена всей Кабардой, а затем и всеми адыгами за счет утраты независимости и разрушения адыгской цивилизации»[43].

В отличие от восточных земель, северные территории Кабарды, некогда достигавшие р. Кума, были утрачены в ходе открытого военного конфликта с Россией после основания крепости Моздок в 1763 г. и строительства Азово-Моздокской линии. Потеря лучших пахотных и пастбищных земель привела кабардинцев к экономической катастрофе, а искусственная скученность создала благоприятные условия для распространения эпидемий.

Проведением Кавказской линии не закончилось сокращение кабардинской территории. Оно лишь положило начало широкомасштабному процессу ее колонизации. В конце XVIII и на протяжении всего XIX в. происходило ее заселение, с одной стороны, русскими, а с другой – горскими народами, находившимися в прошлом в зависимости от кабардинских князей. После окончательной утраты Кабардой своей политической независимости в 1822 г. уже не могло быть и речи о ее территориальном суверенитете и соответственно политических границах. Под термином «Кабарда» все в большей степени стали понимать этническую территорию кабардинцев. Но и она предельно сужается, ограничиваясь узким и легко разрываемым пространством, на котором располагались их села. Теперь ее размеры и конфигурация произвольно определялись царскими властями. В частности, генерал Ермолов для осуществления постоянного и жесткого контроля над кабардинцами расположил их населенные пункты вблизи цепи крепостей, построенных им внутри Кабарды в 1822 г.

Но и в таком сильно урезанном виде этническая территория кабардинцев продолжала сокращаться. Наиболее существенными этапами данного процесса являются: 1) переселение значительной части кабардинцев, не смирившейся с оккупацией страны за Кубань, к западным адыгам (1822); 2) выселение кабардинцев из района Пятигорья за р. Малка в 20-х гг. XIX в.; 3) основание в центре Кабарды новых русских поселений для охраны Военно-Грузинской дороги в конце 30-х – начале 40-х гг. XIX в. (Пришибской, Александровской, Котляревской, Змейской и др.); 4) укрупне-

ние кабардинских сел в 1865 г. и создание благоприятных условий для дальнейшей колонизации освободившихся земель; 5) образование балкарских сел на этнической территории кабардинцев в пореформенный период; 6) появление множества русских и украинских поселений на кабардинской территории в конце XIX – начале XX в.; 7) отмежевание в 1918–1921 гг. под предлогом «социализации» более трети земельного фонда Кабарды; 8) выделение из КБАО в 1944 г. части Курпского района.

Идеи, высказанные В.Х. Кажаровым в этой статье, вызвали широкую дискуссию среди кавказоведов. Казавшиеся незыблемыми идеологемы исторического кабардиноведения впервые были подвергнуты критическому анализу. По существу, изучение геополитической динамики, международного статуса, социально-экономического и культурного развития народов средневековой Кабарды и иных, не менее важных вопросов теперь немыслимо в отрыве от исследования динамики ее границ в XVIII–XX вв. Первыми публикациями в этом направлении явились статьи Дж.Я. Рахаева о геополитическом положении Кабарды и Западной Черкесии в конце XVII – первой четверти XVIII в.[44] и Т.Х. Алоева о закубанских территориях Кабарды[45].

Оригинальная концепция политогенеза кабардинского общества, разработанная В.Х. Кажаровым, в наиболее полном виде была изложена в рамках коллективной монографии «Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы»[46]. Уже известные сюжеты здесь были дополнены исследованиями по истории национальной государственности 1917–1991 гг.

Исследуя *опыт национального самоопределения кабардинцев в 1917–1921 гг.*, В.Х. Кажаров показал, что начало процессов национально-государственного строительства было связано не с Октябрьским переворотом, а с Февральской революцией[47]. Органы власти, возникавшие на обломках старого политического режима, воплощали институциализацию стремления кабардинцев к созданию национальной государственности. В зависимости от конкретной политической ситуации на передний план выдвигался тот или иной уровень самоопределения: от автономии до государственного суверенитета[48]. При этом социально-политическое творчество

народов Северного Кавказа заметно опережало программные цели самой радикальной партии того времени – партии большевиков. Так, необходимость установления в России федеративной демократической республики впервые была заявлена в программе, принятой на I съезде горских народов Северного Кавказа и Дагестана в апреле 1917 г. – задолго до законодательного закрепления принципа федерализма в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа на III съезде советов (Москва, январь 1918 г.).

Особо следует сказать о новаторской оценке историком значения партии «Свободная Кабарда» и роли ее лидера – З. Даутокова-Серебрякова в общественно-политической жизни Кабарды и Балкарии в период Гражданской войны. В.Х. Кажаров убедительно доказывает, что утверждение советских историков о буржуазно-националистическом характере движения противоречит исторической действительности. Партия «Свободная Кабарда» признавала власть окружного народного Совета, не ставила вопроса о независимости и в чрезвычайно экстремальных условиях того времени предлагала меры, подчиненные одной высшей цели – самосохранению народа[49].

Оценивая результаты национально-государственного строительства в августе–ноябре 1918 г., В.Х. Кажаров пришел к выводу о том, что кабардинское общество в невиданно короткий срок сумело реконструировать на новой основе социально-политическую и идеологическую структуру, утраченную Кабардой еще в 1822 г. Об этом свидетельствовали: 1) наличие независимой политической и судебной власти, избранной демократическим путем; 2) территориальный суверенитет; 3) создание национального войска; 4) нейтралитет в вопросах войны и мира и самостоятельная внешняя политика во взаимоотношениях с народами Северного Кавказа; 5) создание особого Духовного Совета, выполнявшего функции примирения и социальной интеграции. Анализируя ситуацию, сложившуюся после окончательного утверждения Советской власти на Северном Кавказе, и имея в виду территориальные потери Кабарды, историк подчеркивает: «Участие кабардинцев в коллективной форме государственности обернулось для них национальной катастрофой»[50]. Это обстоятельство инициировало выход Кабарды из состава Горской АССР.

Новые подходы к исследованию проблем гражданской войны получили дальнейшее обоснование в работах О.А. Жанситова[51].

Продолжая тему, связанную с проблематикой государственного строительства кабардинцев в XX в., В.Х. Кажаров ставит вопрос о *национальной государственности и функциях этнического воспроизводства* в 1921–1991 гг.

При изучении этой проблемы В.Х. Кажаров акцентирует внимание не на общеизвестных функциях любого суверенного государства, являющегося субъектом международного права, а на тех специфических задачах, которые призвано решать национальное государство, входящее на федеративных началах в состав другого государства. Иными словами, он ставит вопрос: в какой степени национальная государственность в виде АО, а затем АР справлялась со своей основной задачей – сохранением и развитием этнической культуры и, шире, – этническим воспроизводством?[52] С этой точки зрения наследие советского исторического адыговедения с его пафосным описанием «трудовых побед», «культурной революции» и «невиданного социального прогресса», достигнутого народами «социалистической Кабардино-Балкарии», предстает совершенно несостоятельным, но оно вместе с тем, вопреки здравому смыслу, на уровне мифологем, все еще актуализируется в общественном сознании. В связи с этим историк взял на себя труд дать краткий очерк новейшей истории Кабарды в контексте дихотомии: уровень национальной государственности / состояние этнической культуры.

«К сожалению, – констатирует В.Х. Кажаров, – национальная государственность не только не способствовала развитию этнической культуры кабардинцев, но и стала орудием ее разрушения в 20–30-е гг. XX в.»[53] Она превратилась в дополнительное средство ужесточения массовых репрессий, которые, прокатившись по всей стране, были усугублены в Кабардино-Балкарии в силу ее так называемой «национальной специфики». Дополнительные чрезвычайные меры против «врагов народа», как правило, оправдывались ссылкой на «буржуазный национализм».

Факты неопровержимо свидетельствуют, что в Кабардино-Балкарии репрессии начались непосредственно с установлением советской власти и не прекращались вплоть до 1956 г. Но массовый характер они приняли раньше, чем в других областях страны. По-

водом для них стали «Баксанские события» 1928 г. Подавив массовое стихийное выступление, местные власти в лице Б.Э. Калмыкова не ограничились наказанием его участников: они приступили к расправе над сельской интеллигенцией (сформировавшейся еще до Февральской революции). «Именно эта прослойка духовной элиты кабардинцев, – пишет В.Х. Кажаров, – в большей степени, чем другие социальные группы, способствовала сохранению их этнической культуры и этнического самосознания. Синтезировав адыгскую культуру с достижениями исламской цивилизации, они придерживалась ценностей, противоречащих коммунистической идеологии, а потому и являлась потенциальной духовной оппозицией правящему режиму»[54]. Масштабы репрессий против священнослужителей и вообще всех лиц, знавших арабскую грамоту, предстоит еще исследовать. Но уже сейчас можно сказать, что в 1928 г. они завершили уничтожение последних остатков прежней духовной элиты[55].

Затем настала очередь зажиточного крестьянства. Причем местное руководство выступило с инициативой форсированной коллективизации. В результате самодеятельная и наиболее трудолюбивая часть народа, которая исповедовала высочайшую этику труда и самодисциплины, была полностью уничтожена. Физическое уничтожение «кулачества», а по сути – носителей традиционной социокультурной системы кабардинцев нанесло непоправимый удар по их этнической культуре. Лишаясь же ее, они не приобретали взамен ничего, кроме суррогатов навязываемой «социалистической» культуры.

Благодаря этим мерам Советскому государству удалось «разорвать связь времен, преемственность культур и поколений и на образовавшейся «чистой доске» (*tabula rasa*) написать письмена новой идеологии»[56]. Но для приобщения к ней необходимо было преодолеть безграмотность значительной части населения, причем коммунисты руководствовались в этом вопросе далеко не гуманистическими идеалами, а четким пониманием того, что для эффективного функционирования тоталитарной системы требовалась элементарная грамотность. Вся деятельность образовательных и культурно-просветительских учреждений была направлена на решение этой задачи. Постепенно грамотность стала средством

вовлечения населения в политику и мощным инструментом его духовного порабощения. «Культурная революция» на деле обернулась разрушением адыгской культуры. «Конструктивные начала в сфере образования, – отмечает В.Х. Кажаров, – не идут ни в какое сравнение с деструктивными, катастрофическими результатами «культурной политики» национальной автономии… Переход Кабардино-Балкарии к более высокой форме государственности (обретение ею статуса автономной республики) сопровождался ослаблением ее функций по этническому воспроизводству»[57]

В 50–70-е гг. XX в. национальная «интеллигенция», выполняя прямой идеологический заказ государства, активно проводила политику языковой ассимиляции, воспитывала подрастающее поколение в духе неприязни к адыгским духовным ценностям, принимала самое непосредственное участие в разрушении прежней исторической памяти и формировании нового исторического сознания, фальсифицированного в соответствии с требованиями тоталитарной системы.

Формально кабардинский субэтнический социум, обретя национальную государственность, как бы устранил свою неполноту, достроив свою социально-политическую структуру. Фактически же она использовалась как инструмент подавления этнической идентичности кабардинцев. Национальная государственность кабардинцев в СССР не только не способствовала сохранению их самобытной культуры, но ускоренными темпами приближала угрозу деэтнизации. Осознание обществом (а не отдельными его представителями) полного несоответствия между декларируемыми целями развития «кабардинской социалистической нации» и реальным ее состоянием произошло во второй половине 80-х гг. XX в. А это, по мнению ученого, означало этнический кризис и вместе с тем кризис прежней формы национальной государственности.

Религиозная культура

Уже в одной из первых монографий В.Х. Кажаровым было показано, что ислам сыграл огромную роль в политическом и социокультурном развитии кабардинцев в период т.н. «шариатского движения» конца XVIII – начала XIX в., которое автор рассматривает

как «одно из ярких проявлений начавшегося кризиса феодализма в Кабарде»[58]. Для традиционного общества оно представляло собой невиданное явление. Впервые «в своей истории кабардинцы приступили к сознательному преобразованию своего традиционного уклада жизни в соответствии с определенной социальной доктриной… Эталоном наилучшего социального устройства являлось не прошлое состояние общества (как прежде), а его будущее, конструируемое с учетом опыта передовых стран, переосмысленного, в свою очередь, через нормы шариата»[59].

В 2000-х гг. обоснование этих положений становится одной из центральных тем в исследованиях В.Х. Кажарова. Рассматривая основные этапы религиозной истории кабардинцев в XVI–XX вв., он убедительно доказывает, что ислам в этот период становится составным компонентом их этнической культуры. Синтез ислама и традиционной культуры адыгов в период сопротивления колониальной экспансии Российской империи наиболее ярко был раскрыт В.Х. Кажаровым во вводной статье к сборнику фольклорных материалов «Адыгские песни времен Кавказской войны» (Нальчик, 2005). В этот период песни и вся традиционная духовная культура под мощным и всесторонним воздействием ислама претерпели сложную трансформацию. Но для того чтобы выяснить особенности этого процесса, необходимо исследовать специфику религиозного сознания адыгов, что в свою очередь требует «изучения, с одной стороны, особенностей менталитета этноса в целом и отдельных социальных групп, а с другой – анализа тех сфер культуры, которые компенсировали ограниченность социорегулятивных функций религии»[60].

Прежде всего следует указать на роль *адыгэ хабзэ* – универсального морально-правового кодекса, являвшегося «наиболее ярким и концентрированным выражением адыгского менталитета»[61]. Именно всеобъемлющий характер норм адыгэ хабзэ, сакрализированных сначала язычеством, а затем христианством и исламом, позволял ему во многом заменять религию, что позволяет говорить о «своеобразном синкретизме религиозных верований, морали и права»[62].

В нескольких штрихах, вобравших в себя весь опыт ученого и в тоже время итог многолетних размышлений о специфике раз-

вития адыгской культуры, В.Х. Кажаров отметил ряд особенностей традиционного адыгского менталитета, не способствовавших или прямо препятствовавших утверждению монотеистических религий: «Парадоксальное сочетание в менталитете духа личной свободы и независимости с традиционализмом и прагматизмом; его чуждость отвлеченным идеям общего блага, народного суверенитета и религиозного спасения; отсутствие в общественном сознании адыгов напряженного разрыва между должным и сущим, сферой трансцендентного и эмпирической реальностью; его погруженность в стихию повседневной жизни, не оставляющая места для размышлений о надмирном Боге, несовершенстве и неполноте земного бытия; приверженность традициям, доходящая до их обожествления; цикличное восприятие времени; культ настоящего и прошлого; ориентация на прошлое в качестве идеальной модели мироустройства, на бесконечное повторение и воспроизводство прежних социальных образцов»[63].

Широта научных интересов В.Х. Кажарова сказалась и в том, что он не оставил без внимания и современное состояние ислама. В июле 2002 г. под его руководством была проведена комплексная этнографическая экспедиция по изучению современного состояния ислама в КБР. По ее результатам был предложен комплекс социально-экономических, политических, культурных и психологических мер, направленных на сохранение мира и стабильности в регионе.

Одним из научных результатов этнографической экспедиции 2002 г. стало выявление небольших, но ценных собраний старопечатных и рукописных книг и документов на арабском, староосманском и персидском языках конца XVIII – начала XX в., анализ которых был дан старшим научным сотрудником Института востоковедения РАН В.О. Бобровниковым. Эти материалы опровергают представление о неразвитости ислама в Кабарде и Балкарии, а также свидетельствуют, что мусульмане региона поддерживали культурно-религиозные связи с единоверцами Восточного Кавказа, Поволжья, Крыма и Османской империи[64]. Как отметил В.О. Бобровников, «интересные находки первой экспедиции по изучению ислама в Кабардино-Балкарии сулят этой теме большое будущее»[65]. В ходе этой же экспедиции сотрудник Института стран

Азии и Африки А.А. Ганич изучила религиозные аспекты этнокультурных связей адыгов Северного Кавказа с ближневосточной диаспорой[66].

Таким образом, в исследованиях В.Х. Кажарова по истории религии кабардинцев нашло оформление новое направление, которое рассматривает ислам не как идеологию, противостоящую традиции, адыгэ хабзэ, а как органичную часть этнической культуры кабардинцев. Эта концепция подробнейшим образом была развита в работах А.Х. Мукожева[67].

Интеллектуальная история

В работах В.Х. Кажарова выстроена и новая концепция интеллектуальной истории кабардинцев, изучение которой он начинает с анализа философии Жабаги Казаноко (1686–1750) – выдающегося политического и общественного деятеля Кабарды, оказавшего большое влияние и на духовную культуру соседних народов. Документально подтвержденные свидетельства позволяют говорить, что он являлся дворянином и ближайшим советником кабардинских князей Кайтукиных и принимал участие в нескольких дипломатических миссиях в Россию и Крымское ханство. Значительно более разнообразные фольклорные материалы представляют Жабаги мыслителем и реформатором традиционных общественных институтов.

Подчеркивая, что духовное наследие Жабаги неисчерпаемо и допускает бесчисленное множество интерпретаций, В.Х. Кажаров предлагает свое видение философии адыгского мудреца. В ней он находит отражение многих насущных проблемы той эпохи. Автор считает, что «он не только выразил или отразил сокровенные глубины народной мудрости (что уже само по себе немало), но и сделал их предметом рефлексии, показал народу в истинном свете его же собственные мысли и ценности, выделив те из них, которым нужно следовать. Наметив на их основе новые духовные ориентиры и сконструировав в соответствии с ними идеальную модель поведения разумного человека, он как бы указал кабардинцам «Путь жизни». Именно в качестве Учителя жизни он и остался в их исторической памяти»[68]. В.Х. Кажаров в оценке философии Ж. Казано-

ко исходит из того, что она отражала наиболее глубинные пласты адыгской традиционной культуры, связанные с ориентацией на индивидуализм и свободу.

Фольклор сохранил лишь незначительную часть духовного наследия Жабаги, причем только те мысли, которые соответствовали менталитету народа. Признавая, что факт приспособления их к уровню его понимания предполагает естественный процесс их существенного упрощения и искажения, В.Х. Кажаров не находит оправданий современным фольклористам и деятелям адыгской культуры, которые искажали духовное наследие Жабаги в угоду политической конъюнктуре[69]. Вместе с тем, как констатирует автор, работа по выявлению аутентичности его высказываний по существу еще не начиналась.

Неоднократно отмечая примеры «дерзкого новаторства» Ж. Казаноко в духовном развитии Кабарды, В.Х. Кажаров подчеркивает такие имманентные черты мировоззрения Жабаги, как гуманизм и толерантность, исключавшие фанатизм и односторонний подход к оценке социальных институтов и конкретных действий людей.

Как отмечается в работе, «этноцентризм и пренебрежительное отношение к другим культурам органически чужды философии Жабаги. Этим во многом объясняется широкое распространение его взглядов среди соседних народов Северного Кавказа. Провозглашая терпимое и уважительное отношение к другим культурам, он ориентировал кабардинцев на восприятие общечеловеческих ценностей, содержащихся в каждой из них, что в свою очередь делало более привлекательной адыгскую культуру в глазах окружающих народов. Не случайно, что она именно во времена Жабаги достигает апогея своего развития и становится синонимом изысканности и комильфотности. Здесь, конечно, нужно учитывать и политические факторы: доминирующее положение Кабарды в Центральном Предкавказье, но без учета указанных особенностей ее традиционной культуры она вряд ли стала бы объектом подражания»[70].

Через анализ философии Жабаги В.Х. Кажаров размышляет об особенностях менталитета кабардинцев. «От иронических парадоксов и абстрактных размышлений до решительной переоценки ценностей, а тем более – до ниспровержения традиций лежит дистанция огромного размера. Она фактически непреодолима в тради-

ционном обществе, ибо предполагает его самоотрицание. Жабаги намного опережал свое время, но весьма прагматичный менталитет кабардинцев, чуждый крайностей и романтической увлеченности, не испытывал потребностей к изменениям. В первой половине XVIII в. они еще не оценивали мир критически с точки зрения трансцендентного идеала. В их сознании не было напряженного противостояния между сферами сущего и должного, наличным бытием и потусторонними ценностями»[71].

Развивая эти мысли, В.Х. Кажаров отмечает: «Касаясь условий появления в Кабарде такой личности, как Жабаги, а также возможностей сохранения его мыслей в народной памяти, необходимо со всей определенностью сказать, что этого не произошло бы, если бы народ через его философию не выражал свои идеальные представления о нормах и аномалиях социального бытия. В свою очередь его философия в парадоксальной форме отразила глубинные основы адыгского менталитета, ориентированного на свободу личности, толерантность и гуманизм. Таким образом, Жабаги не только мудрец и основатель философской мысли адыгов, но и ярчайший выразитель духа народа»[72].

Со времени издания «Адыгской хасы» обращение В.Х. Кажарова к ярким страницам исторического прошлого адыгов становится одним из способов актуализации задач сохранения их этнокультурной самобытности в современных условиях[73]. Характерным примером является заключительная фраза из его статьи о Ж. Казаноко: «философия Жабаги показала интеллектуальную самодостаточность адыгов, их способность к духовным прорывам на чисто национальной почве. Она остается призывом к сохранению их культурного суверенитета и национальной идентичности. Ее актуальность возрастает по мере удаления от эпохи, в которую он жил. Вот почему Жабаги – будущее адыгов. С того момента, когда они перестанут помнить о нем, они прекратят свое существование в качестве этноса»[74].

При исследовании общественной мысли кабардинцев в первой половине XIX в.[75] В.Х. Кажаров выделяет две альтернативы, представленные, с одной стороны, лидерами шариатского движения, а с другой – И. Атажукиным и Ш.Б. Ногмовым.

Общественная деятельность Измаил-бея Атажукина проходила в самый разгар шариатского движения, но предложенные им

средства предотвращения гибели Кабарды в условиях военного противостояния России оказались диаметрально противоположны позиции его брата – Адиль-Гирея Атажукина. Если последний видел спасение своей страны в независимости и переустройстве всех сфер жизни на основе шариата, то И. Атажукин – в сближении с Россией и ликвидации мехкеме[76]. «Взаимоисключающий характер этих концепций, – отмечает В.Х. Кажаров, – в экстремальных условиях, когда требовалось элементарное единство по основополагающим вопросам этнического бытия, лишь подчеркивал глубокую степень дезинтеграции как духовной элиты, так и общества в целом. Вместе с углублением разлада между различными точками зрения на способы их реформирования и выживания нарастало губительное для Кабарды несоответствие между реальной действительностью и ее восприятием со стороны социальных групп, отвечающих за выработку стратегии самосохранения этнического социума»[77].

После поражения шариатского движения в 1822 г. и окончательного утверждения в Кабарде колониальной администрации, «перед духовной элитой встала задача выработки новых стратегических ориентиров, которые способствовали бы более гибкой и успешной адаптации кабардинцев к социокультурной и политической системе Российской империи»[78]. Просветительская деятельность Ш. Ногмова, его исторические и филологические труды стали как бы ответом на этот вызов истории.

Одна из самых необычных работ В.Х. Кажарова посвящена историческим взглядам Ш. Ногмова[79]. Здесь автор в жанре социально-психологической истории предлагает интереснейшую трактовку причин загадочного молчания адыгского просветителя относительно катастрофических последствий войны и чумы в первой четверти XIX в., анализируя заодно и мотивы, побудившие его к идеализации древней истории адыгов.

Одним из наивысших достижений в интеллектуальной истории адыгов стала деятельность баксанского просветительского центра. Отстаивая духовный суверенитет народа, баксанские просветители, без сомнения, учитывали новые реалии, возникшие в ходе вовлечения народов России в процессы модернизации. Более того, они всячески пропагандировали необходимость усвоения до-

стижений современной европейской цивилизации. В значительной степени это осуществлялось через адыгскую (черкесскую) диаспору в русле процессов обновления ислама в Османской империи, причем в лояльной к России форме. Это был своеобразный латентный период идеологического обоснования права народа на самоопределение, когда он через просвещение уяснял для себя свою самоценность и неотъемлемость прав на сохранение своей этнокультурной самобытности[80].

По мнению В.Х. Кажарова, баксанское просветительское движение в начале XX в. нашло наиболее оптимальный способ сохранения адыгами своей этнической идентичности. В его рамках сформировалась подлинно народная интеллигенция. В новом социально-политическом контексте, «возникшем после Февральской революции 1917 г., все это послужило основой для достижения определенных форм суверенитета, которые должны были обеспечить реализацию ценностей и идеалов, культивировавшихся баксанским адабом. Без учета созданных им духовных предпосылок невозможно понять основные вехи национально-государственного строительства и судебных реформ в Кабарде в 1917–1920 гг.»[81]

Через просвещение началось частичное восстановление духовного потенциала адыгов после этнической катастрофы XIX в., вызванной Кавказской войной. Однако процесс формирования новой духовной элиты был прерван установлением советской власти. Идеи баксанских просветителей оказались несовместимы с идеологией и практикой большевиков, что сыграло роковую роль в судьбе многих представителей данного поколения кабардинской интеллигенции. За небольшим исключением они были уничтожены советским режимом или вынуждены были покинуть родину.

* * *

Данная работа не претендует на исчерпывающее освещение научных интересов В.Х. Кажарова. Мы обозначили в самых общих чертах некоторые направления его исследований и те достижения, которые оказали влияние на развитие исторического кавказоведения. Его работы, получив высокое научное и общественное признание, вместе с тем, вызывают споры и неоднозначные оценки.

Можно по-разному относиться к историческим исследованиям В.Х. Кажарова, но нельзя отрицать, что они дали мощный импульс к дальнейшей разработке широкого круга проблем истории и этнографии народов Северного Кавказа, как для его последователей, так и для оппонентов.

На сегодняшний день можно уже говорить о школе Кажарова как о свершившемся факте. Будучи ярко выраженным генератором научных идей, Валерий Хаширович является центром притяжения талантливых молодых ученых, многим из которых он открыл путь в большую науку. Еще больше тех, на кого он оказал опосредованное влияние, считающих себя его учениками, соратниками и сподвижниками. В данном обзоре они неоднократно упомянуты в контексте конкретных направлений, разработанных В.Х. Кажаровым.

Разнообразие сфер приложения научных знаний представителями школы Кажарова поражает. Можно уверенно прогнозировать дальнейшее усиление ее научных позиций. И дело здесь не только в притоке новых сил. Актуальной остается углубленная разработка и детализация выдвинутых В.Х. Кажаровым теоретических положений (например, концепции адыгского феодализма на материале Западной Черкесии и др.). Своего часа ожидают и те направления, что заново «открыты» им сравнительно недавно – интеллектуальная история, религиозное сознание, историческая фольклористика и др.

Сам же В.Х. Кажаров по-прежнему неутомимо расширяет сферу своих научных приоритетов. В настоящее время он занимается проблемами развития исторического адыговедения во второй половине XX в. и анализом современного исторического сознания кабардинцев, – в последние 20 лет эта сфера этнического сознания также формировалась в немалой степени под воздействием его исследований.

Примечания

[1] Структура данной работы весьма условна, поскольку многие работы В.Х. Кажарова трудно отнести к тому или другому направлению; об этом же говорит и используемая им оригинальная методология исследования. В нашем историографическом очерке мы постарались отразить преимущественно инновационное содержание трудов В.Х. Кажарова.

[2] *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса. Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. Нальчик, 1992; *Он же.* Адыгская вотчина. Нальчик,

1993; *Он же*. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – XIX в. Нальчик, 1994.

[3] *Кажаров В.Х.* Адыгский феодализм // Адыгская (черкесская) энциклопедия. М., 2007. С. 130–168; *Он же*. Кабардинское общество в условиях колониального натиска (1763–1820-е гг.) // Там же. С. 221–236; *Он же.* Колониальный статус Кабарды и кризис традиционного феодального общества // Там же. С. 236–267.

[4] Адыгская (черкесская) энциклопедия. С. 130.

[5] *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты... С. 15.

[6] *Боров А.Х., Азикова Ю.М.* Концепция раннего государства в современной политической антропологии // Исторический вестник. 2008. № 7. С. 6.

[7] *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина. С. 80–93

[8] Там же. С. 82.

[9] Там же. С. 85.

[10] Там же.

[11] *Боров А.Х., Азикова Ю.М.* Указ. соч. С. 7.

[12] *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты… С. 228–230.

[13] Там же. С. 37.

[14] Вот лишь некоторые из них: *Кажаров В.Х.* Пространственная организация и время проведения сословно-представительных собраний у кабардинцев в XVIII в. // Ошхамахо. 1992. № 4. (на каб. яз.); *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина. Нальчик, 1993; *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в. Нальчик, 1994; *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления и проблемы. Нальчик, 1999; *Кажаров В.Х.* Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны // Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2005. С. 29–86; *Кажаров В.Х.* Столкновение цивилизаций и первые поражения Кабарды в 60–90-е гг. XVIII в. // Исторический вестник ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2006. Вып. 4. С. 218–271; *Кажаров В.Х.* Кабарда в период «духовного правления» (1807–1822) // Исторический вестник ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2006. Вып. 4. С. 271–289.

[15] См., например: *Налоева Е.Дж.* К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды в первой половине XVIII в. // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1972. Вып. 6. С. 87.

[16] *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты... С. 267.

[17] Адыгская (Черкесская) энциклопедия. С. 162.

[18] Там же. С.225.

[19] Там же. С.266.

[20] Там же. С.267.

[21] *Прасолов Д.Н.* Кабардинская сельская община во второй половине XIX – начале XX в.: Дис. к. и. н. Нальчик, 2001.

[22] *Кушхов Х.С.* Общественный быт кабардинцев во второй половине XIX – начале XX в.: Дис. к. и. н. Нальчик, 2004. С. 50–79.

[23] *Абазов А.Х.* Трансформация института барантования у кабардинцев в дореформенный период // Исторический вестник. Нальчик, 2007. Вып. 5. С. 148–160; *Абазов А.Х.* Трансформация системы композиций кабардинцев в конце XVIII – первой половине XIX в.: Дис. к. и. н. Москва, 2008. – 192 с.; *Абазов А.Х.* Система санкций в обычном праве кабардинцев (первая половина XIX в.) // Актуальные вопросы противодействия преступности в современных условиях: Материалы международной научно-практической конференции. Нальчик, 2008. Т. 2. С. 233–243.

[24] *Алоев Т.Х.* Кабардинские абреки Чечни в первой трети XIX века (К вопросу о сравнительном анализе миграций кабардинцев в Закубанье и Чечню) // Вестник

КБИГИ. Нальчик, 2006. Вып. 12.

[25] *Карданова (Кошукоева) Р.Р.* Кабардинские абреки как политические преступники (вторая четверть XIX в.) // Исторический вестник. Нальчик, 2009. Вып. 8.

[26] *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002; *Он же.* Абреки и государство: культура насилия на Кавказе // Электронный ресурс: http:// Kavkaz/memoru/print/analytics/id/4065 04.html;

[27] *Губжоков М.Н.* Западные адыги в период Кавказской войны (этнокультурные аспекты).: Дис. к. и. н. Нальчик, 2001. С.17.

[28] *Губжоков М.Н., Прасолов Д.Н., Думанов Х.М., Думанова Ф.Х.* Традиционная культура адыгов // Адыгская энциклопедия. М., 2006. С. 313–372.

[29] *Кушхов Х.С.* К вопросу об эволюции института кровной мести в Кабарде (II половина XIX – начало XX в.) // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2003. Вып. 10. С. 79–86; *Он же.* Проблема преемственности Хасы и съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти Горских обществ // RES PUBLICA. Нальчик, 2003. Вып. 4. С. 22–30; *Он же.* Аталычество у кабардинцев во второй половине XIX – начале XX в. // IV конференция молодых ученых, посвященная 10-летию Кабардино-Балкарского научного центра РАН: Тезисы докладов. Нальчик, 2003. С. 73–75; *Он же.* Общественный быт кабардинцев во второй половине XIX – начале XX в. Дис. к. и. н. Нальчик, 2004. С. 80–137.

[30] *Озова Ф.А.* Аманаты Черкесии в период царствования Ивана IV Васильевича (1547–1584 гг.) // Исторический вестник. Нальчик, 2009. Вып. 8.

[31] *Кажаров В.Х.* Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны // Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2005. С. 42.

[32] *Кажаров В.Х.* Кабарда в период «духовного правления» (1807–1822) // Исторический вестник ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2006. Вып. 4.

[33] *Кажаров В.Х.* Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны // Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2005. С. 48.

[34] Там же. С. 49.

[35] Там же. С. 52.

[36] Там же. С. 53.

[37] Там же.

[38] Там же.

[39] *Кажаров В.Х.* Традиционный адыгский феодализм // Адыгская энциклопедия. М., 2006. С. 153, 154.

[40] *Кажаров В.Х.* К вопросу о территории феодальной Кабарды // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2004. Вып. 11.

[41] Там же. С. 3, 4.

[42] Там же. С. 13.

[43] Там же. С. 21.

[44] *Рахаев Дж.Я.* Геополитическое положение Кабарды на рубеже XVII–XVIII вв. // Материалы XVIII конференции молодых ученых. Нальчик, 2007. Ч. 2; *Он же.* Кабарда в российско-османских отношениях в дополтавский период // Вестник ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2008. Вып. 15; *Он же.* Геополитическое положение Западной Черкесии на рубеже XVII–XVIII вв. // Перспектива – 2003. Материалы всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Нальчик, 2003. Т. 5; *Он же.* Кабарда в 20-е годы XVIII в.: кризис легитимности и распад государства // Архивы и общество. № 3. Нальчик, 2007 (1-я часть); Архивы и общество. Нальчик, 2008. № 4 (окончание).

[45] *Алоев Т.Х.* Вопрос о закубанских территориях Кабарды в контексте миграции кабардинцев в первой четверти XIX в. // Исторический вестник ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2006. Вып. 3.
[46] *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999.
[47] *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. С. 35.
[48] Там же. С. 35–36.
[49] Там же. С. 45.
[50] *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. С. 50.
[51] *Жанситов О.А.* Антибольшевистское движение в Кабарде и Балкарии под руководством З. Даутокова-Серебрякова // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2005. Вып. 1; *Он же.* Противоправные действия Советской власти в Кабарде и Балкарии в годы Гражданской войны // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2005. Вып. 2; *Он же.* Антибольшевистская борьба в Кабарде и Балкарии (1917–1920): Автореферат дис. к. и. н. Грозный, 2006; *Он же.* Антибольшевисткое движение и деникинский режим в Кабарде и Балкарии в 1917–1920 гг. Нальчик, 2009.
[52] *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Указ. соч. С. 54.
[53] Там же.
[54] Там же. С. 55.
[55] Там же.
[56] Там же. С. 56.
[57] Там же. С. 57.
[58] *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса. С. 95, 96.
[59] Там же. С. 95.
[60] *Кажаров В.Х.* Песни, ислам и традиционная культура адыгов… С. 35.
[61] Там же.
[62] Там же.
[63] Там же. С. 36.
[64] *Бобровников В.О.* Мусульманская книжная культура Балкарии конца XVIII – начала XX в. // Исторический вестник. Нальчик, 2008. Вып. 7. С. 168–180.
[65] Там же. С. 179.
[66] *Ганич А.А.* Черкесская диаспора в Иордании (самоидентификация, представления об исторической родине и влияние на ситуацию на Северном Кавказе) // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 1 (25). С. 25–36; *Она же*. Связи черкесской диаспоры с Кавказом: основные тенденции // Материалы Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектива-2006». Нальчик, 2006. Т. 2. С. 27–32; *Она же*. Некоторые особенности религиозной жизни черкесской общины Иордании (конец XIX – середина XX в.) // Meyeriana: Сборник статей, посвященный 70-летию М.С. Мейера. М. 2006. Т. 2. С. 83–101.
[67] *Мукожев А.Х.* К вопросу о характере исламизации кабардинцев // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2003. Вып.10. С. 49–58; *Он же.* Ислам в Кабардино-Балкарии в 1917–1930 гг. // Res Publica. Нальчик, 2003. Вып. 4. С. 51–66; *Он же.* Ислам и адыгэ хабзэ // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. 3. С. 426–436; *Он же.* Ислам в Кабардино-Балкарии до и после октября 2005 г. // Исторический вестник. Нальчик, 2008. Вып. 7. С. 208–229; *Он же.* Ислам в новейшей истории кабардинцев: Дис. к. и. н. Нальчик, 2009.

[68] *Кажаров В.Х.* У истоков общественной мысли кабардинцев // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. 1. С. 311–312.
[69] Там же. С. 303.
[70] Там же. С. 309.
[71] Там же. С. 307.
[72] Там же. С. 311.
[73] *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса. С. 156.
[74] *Кажаров В.Х.* Зарождение общественной мысли кабардинцев. С. 327.
[75] *Кажаров В.Х.* Альтернативы общественной мысли кабардинцев в первой половине XIX в. // Исторический вестник. Вып. 4. Нальчик, 2006. С. 500–511.
[76] Там же. С. 501, 502.
[77] Там же. С. 503.
[78] Там же. С. 504.
[70] «История адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова и катастрофы его времени // сторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. 2. С. 326–344.
[80] См.: *Кажаров В.Х.* Исламское просвещение в Кабарде. С. 612.
[81] Там же.

М. Ю. Унарокова
(Майкоп)

АДЫГО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИФФУЗИЯ КУЛЬТУР

Кавказ, являясь линией стыка двух континентов, объединяет два цивилизационных пространства и формирует евразийское культурно-историческое единство. Вместе с тем, будучи демаркационной границей Европы и Азии, он способствует устойчивому сохранению онтологической разъединенности культур Запада и Востока. Географической дуалистичностью Кавказа обусловлено этнокультурное своеобразие как автохтонных, так и пришлых народов региона. Этническая структура современного населения Кавказа свидетельствует о его исторической роли в судьбах многих гетерогенных народов. Но Кавказ в исторической ретроспекции не был местом транзита, где мигрирующие народы останавливались проездом. Здесь оседали индоевропейцы античности, тюркоязычные народы и семито-хамиты Средневековья. Их взаимодействие с этническим субстратом зачастую приводило к формированию новых народов.

Движение народов в сторону Кавказа имело место с дописьменной истории. Если принять во внимание гипотезу М.В. Андреевой о частичной миграции переднеазиатских народов майкопской эпохи на Северо-Западный Кавказ[1] и теорию В.С. Бочкарева о включенности Кавказа в цивилизационное пространство Передней Азии как периферийный культурный блок[2], то может показаться правомерным предположение о культурной фузии этих двух регионов – Кавказа и Передней Азии – с III тыс. до н.э.

Азово-Черноморье и Средиземноморье относятся к одному океаническому бассейну – Атлантическому, и связаны морскими путями, побуждавшими древние народы Южной Европы и Кавка-

за к каботажному мореходству, что способствовало установлению ранних контактов, а, возможно, и миграционным процессам между этими географическими объектами, как это предполагает В.И. Марковин[3].

Письменные источники по истории Северо-Западного Кавказа фиксируют хронологию систематических и устойчивых контактов этнического субстрата с индоевропейскими племенами на протяжении всего I тыс. до н.э. (киммерийцы – VIII в. до н.э., скифы – VII в. до н.э., греки – рубеж VII–VI вв. до н.э., сарматы – IV–II вв. до н.э.).

Тюркоязычный этнический компонент на современном Кавказе появляется с раннего Средневековья. Этим историческим фактом завершается античность и начинается новая эпоха в этнических судьбах автохтонов Северного Кавказа.

На этом фоне в домонгольско-татарский временной отрезок, в период наиболее обостренного противостояния русских княжеств туранской агрессии и, в частности, хазарскому милитаризму, происходит продвижение славянского этнического фактора с севера на юг. Большинством специалистов процесс антихазарского движения связывается с именем Святослава и его походом в 965 г. на Хазарский каганат. Как известно, данное историческое событие послужило началом непосредственного контакта раннесредневековых адыгов-зихов (касогов) с русскими. Тмутараканское княжество привело их в статус народов, населяющих смежные территории. Поход Мстислава на Касогию в 1022 г. повлек за собой, с одной стороны, данническую зависимость части зихо-касожского этнического массива от Тмутаракани, с другой стороны, если верить генеалогическим преданиям, он привел к ранней династической связи адыгов и русских, которая заложила основы особой ветви русского дворянства.

Это – общеизвестная канва исторической преамбулы позднесредневековых адыго-русских отношений. Хрестоматийны также исторические предпосылки, за которыми последовало установление дипломатических отношений между Черкесией и централизованным русским государством в середине XVI века. Закрепление позднесредневековых межэтнических контактов династическими связями (во второй уже раз в контексте адыго-русских отношений) между Русским царским двором и адыгским княжеством сформи-

ровало целый ряд механизмов, которые обеспечили условия открытого и прямого диалога двух разносистемных культур – адыгской и русской. Уровень контактов Черкесии и Русского государства в XVI в. относился к тем ситуациям, когда культуры вступают в процесс непосредственного сближения и прямой диффузии.

Позднесредневековые контакты гетерогенных культур – адыгской и русской – были детерминированы следующими факторами:

– два взаимодействующих народа – адыги и русские – в основной своей массе были локализованы в территориальном отдалении друг от друга;

– контактирующая часть обоих народов была представлена привилегированными сословиями;

– контактирующие сословия были носителями элитарной части культур обоих народов;

– с черкесской и русской стороны взаимодействующие социальные группы были законодателями в определении ценностных ориентаций как в культуре повседневности, так и в целом в этнокультурном пространстве;

– выбор культурных универсалий, взаимоприемлемых для контактирующих народов, был с адыгской стороны – за аристократическим сословием, с русской – за царским двором.

Согласно документам, военно-политический черкесско-русский альянс середины XVI в. сложился по инициативе адыгской стороны. Во взаимодействии же культур, если судить по архивным источникам, стороной максимальной заинтересованности была Москва. Первая треть XVII в. в этом отношении характеризуется активным интересом царского двора к сырьевым ресурсам Черкесии. Это касается прежде всего серебросодержащих руд. Обостренное внимание средневекового Русского государства к северокавказским серебро-свинцовым месторождениям было обусловлено прежде всего тем, что «в отношении… цветных металлов русские златокузнецы находились в очень неблагоприятном положении. Ни золота, ни серебра, ни меди в пределах тогдашних русских земель не было. Все эти металлы ввозились из соседних стран…»[4]. Дефицит цветных и, в частности, благородных металлов сохранялся в Русском государстве как в позднее Средневековье, так и в новое время. Так, документы 1627–1629 гг. свидетельствуют о

настойчивой устремленности царского двора к недрам Черкесии и, в целом, Северо-Кавказского региона[5]. Главным объектом деятельности двух геолого-разведочных групп, снаряженных на Северный Кавказ, являлись «залежи серебряной руды». В течение нескольких лет в Черкесию отправлялись отряды геологов, которым так и не удалось установить места залегания сереброносных руд. Факт наличия таковых был подтвержден экспедициями в результате анализа образцов, которые доставлялись им черкесами, так и не указавшими район добычи. Как отмечает Е.Н. Кушева, места залегания свинцово-серебристых руд держались черкесами в строгом секрете[6].

Особый интерес в этом плане представляют две «Памяти из Оружейной палаты…» за 1660 г. Первый документ – «*Память из Оружейной палаты в приказ Казанского дворца о посылке в Астрахань литовских мальчиков для обучения их оружейному делу у черкасских оружейников*» – датирован 20 июня 1660 года: «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержец, указал послать из Оружейного приказу в Астарахань ребят ... для учения ж пансырного дела... А как те ребята будут мастером в учение отданы, и великий государь указал тем мастером давать из своей государевы казны своего государева жалованья поденного корму по 8 алтын 2 деньги на день, ученикам по 2 алтына на день. Да ис тамошних ребят, которые к тому ж учению похотят учитца, указал мастеровым людем их учить великий государь и поденной корм потому ж и учинить. *А то им, мастером, великого государя милосердой указ велено сказать, чтоб они тех ребят выучили своему доброму мастерству и открыли дела свои к учению явно и ни в чем бы от них в делах своих не скрылись* (курсив наш – *М.У.*). А как они тех ребят выучат, и им, мастером, за то их учение великого государя милость. А как те ребята тому мастерству выучатца, и великий государь указал тех ребят прислать к Москве в Оружейной приказ… И о том о всем великий государь указал в Астрахань… ко князю Григорию Сунчелеевичу Черкаскому...»[7].

Во втором документе – «*Память из Оружейной палаты в приказ Казанского дворца о дополнительной посылке в Астрахань учеников оружейного дела*», адресованном также Григорию Чер-

касскому и датированном 13 июля 1660 г., пишется об указе царя послать трех человек «*для учения дела булатных и сабельных полос и для учения ж пансырного дела…* (курсив наш. – *М.У.*)»[8].

Данные документы свидетельствуют, во-первых, о формировании в Астрахани черкесской школы ученичества в целях подготовки мастеров оружейного и панцирного дела для Оружейной палаты. Во-вторых, в школе мастерства черкесских оружейников-златокузнецов в Астрахани обучались как юноши, присланные из Москвы, так и «тамошние», местные. В-третьих, тот факт, что Государь наставлял, чтобы черкесские оружейники-златокузнецы «тех ребят выучили своему доброму мастерству и открыли дела свои к учению явно и ни в чем бы от них в делах своих не скрылись» , говорит о высокой оценке технологических и художественных достоинств черкесской традиционной индустрии металла царским двором.

Серия «Грамот из Оружейной палаты…» от 1661 г., отправленных астраханскому воеводе Григорию Сунчалеевичу Черкасскому с повелением Государя прислать черкесских мастеров оружейного и панцирного дела в Москву, в Оружейную палату, свидетельствует о стремлении наладить производство черкесского оружия не только в Астрахани, но и в столице Русского государства. Так, «*Грамота из Оружейной палаты астраханскому воеводе Г.С. Черкасскому о присылке к Москве черкасских оружейников*» от 10 августа 1661 г. гласит: «От царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца, в нашу отчину в Асторохань... князю Григорью Сунчалеевичю Черкаскому...

Нынешняго 169-го году апреля в 24 день послана наша великого государя грамота к Асторохане к тебе, боярину, ко князю Григорью Сунчалеевичю... велено прислать к нам, великому государю, к Москве черкас пансырного дела самых добрых мастеров, да булатного сабельного дела сварщиков самых же добрых мастеров. А в дорогу тем мастером *по нашему великого государя указу велено давать поденного корму пансырного дела мастеру по осми алтын по 2 деньги, булатного сабельного дела сварщику по 5-ти алтын* (курсив наш. – *М.У.*). И вы о том к нам, великому государю, [ав]густа по 10-е число не писывали и мастеровых людей не присылывали.

И н[ыне] указали мы, великий государь, для тех мастеровых людей в Асторохань послать другую нашу, великого государя, грамоту. А по прежней и по сей нашим, великого государя, грамотам *мастеровых людей, призвав к себе и уговоря их милостиво, и [обнаде]жить их нашею царского величества милостию; и уговоря прислать к себе, великому государю, к Москве вскоре... А корму указали мы, великий государь, пансырного и булатного дела мастером давать равно по штинатцати алтын по четыре деньги на день* (курсив наш – *М.У.*).

А как они, мастеры, по нашему, великого государя, указу будут на Москве и мы, великий государь, их, мастеров, пожалуем, велим им учинить свое государево годовое денежное полное жалованье и корм большой. А как они, мастеры, с Москвы похотят в свои домы, и мы, великий государь, пожалуем их, велим отпустить в их домы попр[еж]нему. И в том бы они на нашу государскую милость были [на]дежны»[10].

Интересно заметить, что Государевы грамоты настойчиво отсылаются в Астрахань с последовательным повышением платы за работу черкесским мастерам. Данные исторические документы подтверждают степень востребованности технологических параметров металлообработки и художественно-эстетических установок черкесских мастеров и их изделий при русском царском дворе.

«Распросные речи» черкесских оружейников Калубата и Баду, работавших в Астрахани, свидетельствуют о том, что адыгские оружейники занимались отделкой собственных изделий серебром. Так, 28 апреля 1663 г. состоялось судебное разбирательство по поводу «кражи караульным Петрунькой литого серебра» в четыре алтына у оружейников Баду и Калубата, что является косвенным подтверждением их статуса мастеров не только оружейного дела, но и серебряного[11].

Из всего этого можно заключить, что:

– и в позднее Средневековье сохраняется интерес Русского государства к рудным запасам Черкесии и, в целом, Северного Кавказа, который был обусловлен дефицитом сырья для индустрии цветных металлов (эта проблема оставалась актуальной в России и через два столетия);

– формирование царским двором в XVII в. черкесских школ мастерства оружейного и кольчужного дела в Астрахани и в Мо-

скве свидетельствует о востребованности черкесской металлообработки и художественных технологий адыгского златокузнечества. В этом плане показательна общеизвестная история черкесской шашки «*сэшхо*» и ее место в российской военной культуре нового времени;

– к первой половине XVII в. искусство черкесских оружейников-златокузнецов стало полиструктурным и многоплановым как по форме, так и по содержанию;

– при взаимодействии гетерогенных этнических культур адыгов и русских позднего Средневековья культурой-донором являлась адыгская, а культурой-реципиентом – русская. Эту особенность диффузионных процессов между адыгской и русской культурами в XVI в. заметил в свое время Е.М. Шиллинг, который пришел к выводу, что интенсификация золотого шитья при дворе Ивана Грозного была обусловлена влиянием черкесского золотошвейного искусства[12].

Геополитический, ресурсный, технологический и культурологический интерес Русского государства к Северному Кавказу, к Черкесии, сохранился и в новое время.

В исторической судьбе адыгского народа XIX в. – одна из сложнейших эпох, которая привела к фазе необратимой деструкции этноса. Это – век перманентной войны, которая вошла в историю Черкесии и России как Кавказская и привела к радикальным изменениям этничности адыгов: формированию широкой диаспоры, дисперсности и статусу этнического меньшинства во всех регионах расселения.

Любая война приводит во взаимодействие не только вооруженные силы противоборствующих народов. Формы взаимодействия народов, находящихся в состоянии войны, – категория экстраординарная.

Так, в XIX в. Ставропольская гимназия дает классическое образование мальчикам-заложникам из адыгских княжеских и дворянских семей. И в это же время российскими войсками выжигаются целые населенные пункты Западной Черкесии. Это один уровень взаимодействия, который был продиктован военно-политической доктриной и геополитикой Российской империи XIX в.

Взаимодействие народов, будь то мирное или военное, влечет за собой культурные контакты. В годы Кавказской войны этот

процесс отчасти носил официально-ортодоксальный характер: российская военно-административная служба время от времени с определенной периодичностью открывала в специальных местах межэтнического контакта «зоны свободной торговли» для обеих сторон. Речь идет о пунктах торгово-экономического контакта, так называемых меновых дворах. Как правило, товаропоток и движение товародержателей контролировались с российской стороны: велся посписочный учет адыгов, пересекших кордонную линию в базарный день. Учету подлежал также перечень предметов, с которым каждый черкес переходил пограничную территорию в обоих направлениях.

Документы подобного содержания отложились в центральных и региональных архивах. Так, в Краснодарском краевом государственном архиве хранится целый ряд фондов с большим пластом документов подобного содержания, часть которых опубликована в 1957 г.[13] В них отражены русско-адыгские торговые отношения периода Кавказской войны (1793–1860 гг). Информативность данной категории источников позволяет составить четкое представление о структуре и количественных показателях товарооборота между Черкесией и Россией, о спросе и характере предложения с обеих сторон, об акторах, осуществлявших коммерческие операции.

Заметим, что в эти годы адыги на российский рынок поставляли шорно-седельные изделия, предметы экипировки всадника вплоть до холодного оружия, сукно домотканное, войлочные изделия, продукцию аробного производства и т.д. Из России – металл-сырец (в те периоды, когда на его ввоз в Западную Черкесию не накладывалось вето), серебро в литрах[14], мануфактура, соль, гончарные изделия и другие предметы домашнего обихода индустриального производства.

Сформировался неординарный по своей сути замкнутый производственно-товарный круг: из российского металла адыгские оружейники изготавливали кинжалы и шашки, художественно отделанные адыгскими златокузнецами, они вывозились на пограничный российский рынок; затем ими вооружалось кубанское линейное казачество, являвшееся форпостом российской армии.

Таким образом, контролируемая и регламентированная торговля между двумя воюющими народами становилась одним из про-

дуктивных каналов взаимопроникновения разносистемных культур. Результатом этого взаимодействия становятся общеизвестные культурные заимствования с обеих сторон. Кубанским казачеством – все компоненты сословно маркированного костюма – черкеска, бешмет с рубашкой адыгского типа, кубанка (головной убор), кинжал, шашка, комплекс конской сбруи с седлом, тип жилища с открытой верандой и т.д. Адыгами – четырехколесная подвода (обусловлено сменой экологической ниши – выселением адыгов из горной зоны и расселение их только в предгорной равнинной части бывшей Черкесии), печь пристенного многооборотного типа, культура самоварного чаепития и т.д.

Следует подчеркнуть, что некоторые элементы иноэтнической культуры настолько глубоко внедрились в инвариантную часть этнической культуры адыгов, что они проникли в святая святых – в художественное мышление народа. Так, самовар со всей атрибутикой русской чайной церемонии – стаканом с блюдцем, чайной ложкой, сахарницей, щипцами для сахара, чайным столиком с венским стулом – вошли в традиционное художественное плетение циновок. Композиционная свобода, изящество стилизованного изображения утилитарных вещей до сих пор вызывает удивление как у посетителей Национального музея Республики Адыгея, в фондах которого имеются образцы этого типа циновок, так и у исследователей прикладного искусства.

Опредмечивание орнаментального комплекса было свойственно адыгской этнической эстетике при декорировании определенной категории сакрально маркированных объектов. Таковы надгробные стелы, орнаментированные стилизованными изображениями предметов, отмеченных гендерным статусом покойника (на женских погребениях – ножницы, золотая шапочка и т.д.; на мужских – кинжал, газыри, шапка, по покрою соответствующая сословию погребенного).

В адыгском художественном мышлении использование утилитарных предметов как исходный образ, как прототип орнаментального элемента допускается и в тех случаях, когда имитируется предмет, «выпавший» из номенклатуры аксессуаров индивида. Так, на поясном наборе адыгского всадника есть подвески, напоминающие форму оселка и называющиеся по сегодняшний день

«*мыжъоупц1э*» – «*оселок*». Традиция ношения оселка на поясе восходит к нартскому эпосу, когда раз в год трем нартам за особые заслуги присуждались оселки: отличившийся в храбрости одаривался первым оселком; второй адресовался мужчине – за комильфотность и высокую почтительность к женщине; третий – тому из нартов, кто в экстремальных условиях оказался самым воздержанным к пище.

Таким образом, включение в орнаментальную систему стилизованных изображений утилитарных предметов – явление, устоявшееся в традиционной культуре адыгов, и его осмысление требует особого герменевтического подхода.

Инкорпорация же в определенной степени дискретной художественной системой адыгов предметов иноэтнического происхождения в разгар Кавказской войны – явление неординарное.

С другой стороны, высокая степень приуроченности, адаптивности, эффективность, изящество, комфортность всего комплекса экипировки воина-всадника, внутренняя эстетика адыгского традиционного мужского костюма позволили «переодеть и перевооружить» кубанское казачество, с которым адыги были в состоянии постоянного противоборства на протяжении столетия. Это влияние было так стабильно и фундаментально, что черкеска с кубанкой остаются идентификационным кодом и для современного кубанского казачества.

Общеизвестно, что обладание оружием черкесской работы для российского воина являлось предметом особой гордости как в Средневековье, так и в новое время.

Культура – продукт творческой деятельности человека; носителем культурного продукта является человек; реципиент культурных деяний – человек. Но при этом культура – категория самодостаточная. Она определяет собственную траекторию внедрения в иноэтническую среду, ищет свою нишу и находит механизмы инкорпорации в гетерогенную культуру.

Одна из уникальных особенностей явлений культуры – способность последовательного изменения своей аксиологической значимости в этническом сознании народа-реципиента.

Онтологическая гибкость, адаптивность к этнопсихологической и этнолингвистической парадигме гетерогенного народа,

вживаемость в инвариантную часть этнической самобытности принимающего этносоциума – свойство факторов культуры.

Вернемся еще раз к самоварному чаепитию, вошедшему в адыгский быт в экстраординарных условиях взаимодействия русского и черкесского народов. Как мы уже отметили, торгово-экономические взаимоотношения Черкесии и России XIX в. реализовывались в рамках регламента, который определялся военно-политическими параметрами, продиктованными реальным временем. Кавказская война завершается, 90 % адыгского этнического сообщества становятся депортантами. Вынужденные мигранты экспортируют в неизвестное будущее самое необходимое, то, что может быть востребовано в экстремальных условиях, в чужеродной культурной среде. И в перечень таких артефактов попадают самовар с чайным стаканом. Через столетие в сознании третьего-четвертого поколения адыгов диаспоры тульский самовар (адыг. *сомар*//*сэмаур*//*сэмуар*) обретает статус этнической святыни, символа исторической родины. В различных регионах Турции, в местах компактного расселения адыгов – в предместьях миллионного города Адана, в мегаполисе Кония – самовары, пересекшие несколько морей вместе с прадедами, не просто хранятся в семьях, а выставлены для всеобщего обозрения как реликвия, как память о потерянной родине, как частица земли Черкесской, как знаковая, культовая вещь[15]. При этом слово «*стакан*» долгое время воспринималось как адыгское и, вопреки арабскому и турецкому названиям «*пинджан*», «*бардак*», чайная посуда настойчиво именуется адыгским вариантом данной лексемы – *стэчан*.

В вилайете Чанаккале близ городка Бига расположен бжедугский аул Тэфкой. В 1999 г. во время очередной экспедиции наш информатор Ибрагим, плотник, мастер по традиционному адыгскому зодчеству, с особым чувством удовлетворения, что он сейчас откроет одно из лексических сокровищ адыгского языка этнографу из исторической родины, т.е. автору этих строк, спросил, знаем ли мы такой ботанический термин – «*саснэй*». Нам пришлось его огорчить тем, что «*сосна*» – это русское название дерева *остыгъай*.

Еще один пример этнокультурных метаморфоз, фиксируемых в диаспоре как свидетельство вживаемости гетерогенных артефактов в инокультурную систему. В 1997 г. первая фольклорно-

этнографическая экспедиция в Турции была организована в вилайетах Токат и Кайсер. По воле судьбы первым аулом, с которого мы начали свою экспедиционную работу, оказался абадзехский населенный пункт *Щэнюрт – Унэрэкъохьабл*, историческим прототипом которого является село *Унароково*. В небольшом городке Турхал в семье Унароковых наряду с золотошвейными узорами от сай прабабушки, из которых составлено настенное панно в дорогом подрамнике, с кинжалом прадеда, как символ исторической родины хранится столовое серебро – супник с половником и серебряные приборы с вензелями российского императора Александра II. Роль его в этническом исходе адыгов, в их массовой депортации общеизвестна.

Как было уже отмечено, культурные деяния имеют авторов, генетически привязаны к определенному народу, месту и времени, и при этом они способны, не меняясь материально, изменить свою аксиологическую, семиотическую и герменевтическую сущность. Эта способность концептуальной изменчивости, гуманитарной метаморфозы характеризует культуру как независимую, в определенном смысле анимизированную категорию.

Из сказанного выше можно заключить, что:

– экстремальная ситуация, сформировавшаяся на Северо-Западном Кавказе, в частности в Черкесии, в период Кавказской войны, привела в состояние перманентного взаимодействия адыгский и русский народы;

– взаимодействие двух гетерогенных народов в экстраординарных условиях способствовало диффузии двух разносистемных культур – адыгской и русской;

– диффузия привела к фундаментальным взаимозаимствованиям: в ходе Кавказской войны наиболее лабильной оказалась адыгская, т.к. она была экологически и функционально адаптирована к ландшафту и потому востребована казачеством (мужской национальный костюм, шорно-седельные изделия, экипировка всадника-воина, холодное оружие и др.);

– артефакты русской культуры, инкорпорированные адыгской культурой в период Кавказской войны, в диаспоре обрели новую онтологическую, аксиологическую и семиотическую значимость.

Примечания

[1] *Андреева М.В.* К вопросу о южных связях майкопской культуры // Советская археология. 1977. № 1. С. 55,56.
[2] *Трифонов В.А.* Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // Краткие сообщения АН СССР. М., 1987. Вып. 192. С. 18–25.
[3] *Марковин В.И.* Испун. Дома карликов. Краснодар, 1985. С. 104–108.
[4] *Рыбаков Б.А.* Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 143.
[5] Кабардинско-русские отношения. М., 1957. Т. 1. С. 111–126.
[6] *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (II пол. XVI – 30-е гг. XVII вв.). М., 1963. С.103.
[7] Кабардинско-русские отношения. М., 1957. Т. 1. С. 322,323.
[8] Там же. С. 323.
[9] Там же. С. 322.
[10] Там же. С. 324.
[11] Там же. С. 327.
[12] *Шиллинг Е.М.* Адыгейский узор // Искусство. 1940. № 3. С. 155–160.
[13] *Хоретлев А.О., Алферова Т.Д.* Русско-адыгейские торговые связи. 1793–1860 гг.: Сборник документов. Майкоп, 1957. С. 222.
[14] Литра (греч.) – мера веса листового серебра по российской метрологии XIX в.
[15] Архив ЦА АГУ. Турция. Кония. 2005 г.

Ф. А. Озова
(Черкесск)

ИНСТИТУТ АМАНАТСТВА В КАБАРДЕ В КОНЦЕ 1580-х – СЕРЕДИНЕ 1620-х ГОДОВ

Не будет преувеличением сказать, что функционирование института аманатства (заложничества) в Кабарде на всех этапах его истории представляло собой наглядную иллюстрацию направленности кардинальных внешнеполитических задач российской политики в этой стране.

Стремление к ослаблению турецкого влияния на Кавказе и обеспечение путей сношения с Грузией можно назвать приоритетными направлениями кавказской политики Русского государства в конце XVI – начале XVII вв.[1] Ключ для решения этих задач находился в Кабарде и был связан с геополитическим значением Кабарды для Кавказа. Поэтому стратегической целью своей кавказской политики русский двор поставил установление «протектората над всей Кабардинской землею»[2]. 1580-е гг. знаменовали собой начало нового этапа в русско-кабардинских связях[3]. Отношения Руси и княжества Идарей в этот период окончательно оформляются как вассальные с элементами прямого подданства[4].

Механизмом для достижения этой цели стала система шертования. Дипломатические отношения Москвы и Кабарды с 1550-х гг. до начала XVIII в.[5] базировались на шертных грамотах. Шерть русскому царю возобновлялась кабардинскими князьями в двух случаях: с началом нового царствования в Москве или с выборами в Кабарде нового пщы-тхьэмадэ (верховного князя)[6]. В залог выполнения шертного договора верховный князь Кабарды выдавал Москве своего сына, который содержался в качестве аманата, вы-ступая гарантом политических договоренностей. В 1558–1588 гг. кабардинские аманаты пребывали при царском дворе в Москве, а с 1589 г. на

специальном аманатном дворе в крепости Терки. Таким образом, в результате русско-черкесских договоренностей середины 1550-х гг. оказались воедино связанными, с одной стороны, традиция избрания пщы-тхьэмадэ сословно-представительным собранием (Хасэ), с другой, – процедура шертования царю и, с третьей, – система аманатства. Но вскоре, уже с конца 1580-х гг., сложившаяся практика шертования и выдачи аманатов по инициативе Москвы начинает претерпевать изменения. Русская сторона, вопреки существовавшим изначально договоренностям, обращается с требованием выдачи аманатов не только к верховному князю, но и ко всем влиятельным персонам политической жизни Кабарды.

Б.Х. Бгажноков выделяет институты шертования и аманатства, возникшие в 50-е гг. XVI в. в результате военно-политического союза (симмахии) между Россией и Черкесией в качестве признаков ассиметризма, дисбаланса этого союза[7].

Г.А. Кокиев оценивал аманатство как одно из звеньев сложной системы колониальной политики Москвы на Кавказе; заложничество, по его мнению, обеспечивало вынужденную покорность со стороны горцев[8].

Характерными чертами внешней политики России в XVII в. были продуманность, последовательность и упорство в достижении внешнеполитических задач[9]. Такой вывод позволяет говорить о том, что обозначенный дисбаланс русско-кабардинских отношений не был случаен и свидетельствовал об изначальной имперской направленности стратегической политики русского двора на Кавказе. Документы указывают на то, что Москва, прежде всего и очень тщательно, следила за выполнением кабардинцами именно тех пунктов договоренностей, которые вносили дисбаланс в русско-кабардинские отношения. Этот дисбаланс усиливался и попытками вмешательства русского правительства в процесс выборов пщы-тхьэмадэ, осуществлявшегося в Кабарде на основе древней национальной традиции. Официальное пожалование царем верховных князей Кабарды, которое также можно рассматривать как один из признаков ассиметризма русско-кабардинского военно-политического союза[10], не было вообще предусмотрено русско-кабардинскими договоренностями, оно не имело никаких юридических предпосылок и сложилось де-факто.

Хан-Гирей в «Записках о Черкесии» отмечал, что «…черкесы, в продолжение многих столетий управляясь собственными коренными <…> обычаями, приобрели и некоторые узаконения в известных формах, которыми руководствуются при разбирательстве дел <…>, к этим узаконениям, которые, конечно, нельзя сравнивать с гражданскими узаконениями просвещенных наций, *однако ж основанным на чистоте совести и хранимым лишь памятью старцев*, сей народ в течение веков так сильно привязан, что не только лишение, *но даже их изменение в разные времена были причиною кровавых волнений и бедствий народных* (курсив наш. – *О.Ф.*) <…>»[11]. Именно это наблюдение адыгского историка иллюстрируется событиями в Кабарде конца XVI и последующих веков. Попытки вмешательства извне в политическую жизнь Кабарды способствовали превращению общественной жизни страны в череду кровавых столкновений, проходивших чаще всего под видом междоусобных войн.

В шертной записи 1588 г.[12] и в «Жалованной грамоте царя Федора Ивановича кабардинскому князю Камбулату Идарову и всей Кабардинской земле»[13] была намечена тактика для достижения стратегической цели русской политики на Кавказе – установления протектората над всей Кабардой. В указанных документах на очень обтекаемое обещание царя и великого князя Федора Иоанновича взять присягнувших князей «под свою царскую руку и во оборону ото всяких наших недругов»[14] были перечислены очень конкретные обязанности принявших шерть князей Идаровых:

– служить только московскому царю, не иметь никаких отношений с Турцией, Крымом и Шамхальством[15];

– «хто будет государю царю и великому князя Федору Ивановичу всея Русии друг, тот и нам будет друг, а хто будет государю царю и великому князю Федору Ивановичу всея Руси недруг, тот и нам будет недруг, и на того нам со государевыми воеводами с астраханскими и терскими воеводами с ратными людьми ходити и приводити во государеву волю»[16];

– князья Идаровы должны были попеременно жить в Терском городе и вместе с воеводами добиваться, чтобы все феодальные владельцы Северного Дагестана, Иверии и Кабарды были «послушны» царю и его «государским воеводам астраханским и терским», чтобы «пристали» к Терскому городу[17];

– «а которые черкасские князи с своими улусы, Тоилостанов род Шолох – князь Ташбзаруков з братьею и с племянники и з детьми да Кайтуков род Тапшнук-князь, да Ослонбек да Жансох Осланбековы, служат Крымскому и Шевкальскому, и тебе, Канбулату-князю, и детем твоим князю Очикану и Куденеку-князю, Думануку-князю и Мамстрюку-князю и всем братье твоей и племянником со всею своею Кабардинскою землею, тех черкас со всеми их улусы привести х Терскому городу под нашу царскую руку и в наше жалованье и *заклады* у них в Терской город для укрепления *взятии* (курсив наш. – *О.Ф.*), чтоб они от Крымского и от Шевкальского отстали, а были в нашем жалованье. А которые будут непослушны и с вами к нашему царскому жалованью х терскому городу не пристанут, и тебе, князю Канбулату, з братьею и з детьми и с племянники, тех черкас приводити под нашу царскую руку и заклады у них для укрепления *поимати* (курсив наш. – *О.Ф.*), чтоб они были с вами в нашем царском жалованье и в службе»[18]. Таким образом, действуя через Идарию, Москва намеревалась привести к вассальной зависимости всю Кабарду. Осуществление этой цели виделось, прежде всего, через шертование князей всех уделов Кабарды русскому царю. В случае отказа князей добровольно принять шерть и выдать заложников предполагалось прибегнуть к силовым методам. Присягнувшие князья должны были «служити <…> со государевыми воеводами, с астраханскими и с терскими воеводами, с ратными людьми ходити и приводити в государеву волю <…> и заклады у них поимати»[19]. В данном случае налицо намерение Москвы использовать такой классический прием имперской политики для достижения своих задач, как противопоставление одной части населения другой. Царский двор использовал в этих целях междоусобные противоречия в Кабарде. Стрельцы и казаки с «вогненным боем» участвовали в княжеских междоусобицах с 1560-х гг.[20] Предлогом для вмешательства во внутрикабардинские дела была защита князя Темрюко от «недругов». Под этим же предлогом закладывались и военные укрепления, ставшие «форпостами колониальной экспансии Московского государства на Кавказе»[21]. В конце 1580-х гг. в действия князей Идаровых по распространению московского влияния в регионе становятся основной причиной междоусобных раздоров. Неприятие политики царского двора

в Кабарде было со всей определенностью продемонстрировано самым авторитетным на то время князем Шолохом Тепсаруковичем Таилостановым. Казаки, Идаровы и Кайтукины, примкнувшие к ним в этот период, совместно выступили для выполнения своих обязательств перед царем по приведению к шерти «непослушного» князя Шолоха и одновременно для сведения с ним своих счетов: они силой оружия принудили его присягнуть царю и выдать аманата, подвергнув при этом его княжество разорению. Подобное применение силы русской стороной – в смысле осуществления военных мероприятий, уже вело к подавлению или к полной ликвидации интересов объекта применения силы[22]. Такими объектами в рассматриваемый период поочередно выступали все, за исключением Идарии, княжеские уделы Кабарды.

В 1589 г. в связи с наступившей подряд смертью двух верховных князей Кабарды политическая жизнь последней сосредоточивается вокруг выборов пщы-тхьэмадэ. В связи с этими выборами происходит первое столкновение двух политических традиций: системы централизованной абсолютной монархии России и глубоко самобытной политической системы Кабарды[23] – сословно-представительной монархии в форме федеративной княжеской республики[24].

Москва делает первую попытку подчинить институт пщы-тхьэмадэ посредством оставления верховного княжения у последовательно прорусски ориентированных князей Идаровых[25], с которыми к тому же царский дом был связан священными для традиционных обществ (каковыми являлись в то время как Россия, так и Кабарда) узами родства. В основе русского вмешательства в процесс выборов верховного князя лежало непонимание устройства общественной и политической жизни в Кабарде. Принимая за отправную точку устройство собственного политического порядка, русское правительство полагало, что, подчинив своему контролю выборы верховного князя, оно установит контроль над всей политической жизнью Кабарды. В этом контексте проявляется еще один признак ассиметризма военно-политического союза России и Кабарды. Он заключался в «несоответствии властных полномочий Московского царя и верховного князя Кабарды»[26]. Хотя попытки вмешательства во внутреннюю жизнь Кабарды были отторгнуты

ее политической системой, названный прецедент способствовал началу кризиса двух институтов, которые олицетворяли политическое единство Кабарды, – института пщы-тхьэмадэ (верховного князя) и избиравшего его сословно-представительного собрания – Хасы.

Имперские задачи московского двора не позволяли игнорировать факт существования в Кабарде нескольких центров политической власти: владетельных князей трех уделов, которые могли претендовать быть избранными пщы-тхьэмадэ, а также сословно-представительного двухпалатного собрания[27] – Хасы. Это обстоятельство было учтено Посольским приказом и повлияло в дальнейшем на рост числа заложников. Институт аманатства, напрямую связанный с институтом верховного князя, по мере ослабления последнего в результате попыток манипулирования им стал все более расширяться, вовлекая в орбиту своего действия наряду с пщы-тхьэмадэ и всех удельных князей. Было выяснено, что, помимо сына верховного князя, в аманаты могут браться сыновья и других влиятельных в политическом отношении персон. Эти последние могли и не принадлежать к сословию пши (князей), а быть первостепенными дворянами – тлакотлешами. Так, терский воевода князь А.И. Хворостинин, поставленный на службу в 1589 г., в своей «отписке» от 3 июня 1589 г. уведомлял Посольский приказ о значении в Кабарде рода Хотова (Хату Анзорова. – *О.Ф.*) – дворян первой степени – тлакотлешей: «…Хотов в Кабарде именитой человек; все кабардинские князи и мурзы и уздени слушают ево во всем и на княжонье на большое у них без нево посадить никово нельзя; и Мамстрюк, государь, и Очекан, и Куденек добре ево чтят пред собою. И он с нами, с холопи твоими, о всем договорился потому ж, что ему тебе, государю, служити и сына в заклад прислать»[28]. Хворостинин докладывал царю, что ему удалось добиться от «Хотова с товарищы» обещания содействовать в приведении всей Кабарды «под твою государеву руку Асланбеков весь род и иных черкас, и на княженье на большое без твоего государева указу никого не посадити»[29].

«Хотов с товарищы» в пику сильнейшему князю Кабарды Шолоху Тепсаруковичу Таилостанову, который в 1589 г. мог бы быть удостоен титула пщы-тхьэмадэ, смогли добиться избрания верховным князем Жансоха Кайтуковича. Князь Шолох не участвовал в

общекабардинской Хасе, которая была созвана по случаю избрания нового верховного князя. Он не стал подтверждать и шерть, принесенную его послами Биканом и Ланом в Москве в феврале 1589 г.[30] Проблема приведения к присяге авторитетного и могущественного в Кабарде князя Шолоха Таилостанова рассматривалось в это время русским двором в качестве первоочередной[31]. Положение же князя Шолоха было крайне затруднительным. Присяга диктовала прекращение всяческих отношений с Крымским ханством и феодальными владениями Северного Дагестана. Выполнение этого требования для князя Шолоха было невозможным. Таилостановых с этими владениями связывали отношения родства (*благъагъэ*): две его дочери были супругами представителей крымского правящего дома Гиреев, «а в Шевкалах и Кумыках таково же»[32]. Немаловажным было и то, что князь Шолох выражал свое недовольство действиями русской стороны, нарушавшей территориально владельческие права и экономические интересы князей Таилостановых. Все эти обстоятельства порождали подозрительное отношение к особе князя Шолоха и побудили Посольский приказ предпринять увенчавшиеся успехом усилия для предотвращения избрания Шолоха верховным князем Кабарды.

Князь Шолох интересовал царский двор в первую очередь в связи с планами установления контроля над военно-стратегическими и торговыми магистралями, которые соединяли Северный Кавказ с Закавказьем. В силу того что дороги, ведущие «с плоскости к наиболее удобному перевалу через Главный Кавказский хребет»[33], были расположены на землях Таилостанея и Гиляхстанея, они находились в монопольном владении князей этих уделов. Русское посольство, направленное царем Федором Иоанновичем в Грузию, было вынуждено добиваться проезда через владения князей Шолоха и Алкаса. Посольство смогло уговорить князей Таилостанова и Гиляхстанова приехать на переговоры «о государевых кабардинских делах»[34] в Идарию, на Сунжу (на место снесенных 1-го и 2-го Терских городов, где через год, в 1590 г., был выстроен Сунженский острог[35], просуществовавший до 1605 г.). В ходе переговоров князь Шолох безуспешно пытался включить в условия шертования свои требования к московской стороне:

1) приказать терскому воеводе помогать ему людьми в борьбе против недругов;

2) не запрещать его людям ловить рыбу в Тереке и охотиться «в которых местах мои угодья бывали преж сего»;

3) запретить «государевым людям» за ловлю рыбы в Тереке и за охоту в указанных местах «меня и моих людей громити»[36].

Князья Шолох и Алкас, не найдя понимания со стороны посольства князя С. Звенигородского, все-таки были вынуждены дать шерть. Однако они уклонились от предоставления сопровождения посольству русского двора по сложному и продолжительному пути через Дарьял. Нежелание князя Шолоха оказать содействие посольству Москвы, проигнорировавшему его во многом законные требования при заключении шертного договора, было вполне объяснимо. С другой стороны, те близкие родственные и аталыческие связи, которые существовали между Таилостановыми, крымскими ханами и кумыцкими шамхалами , также не допускали такого шага со стороны князя Шолоха. Помощь русскому двору, враждебно настроенному против Крыма и Шамхальства, была бы истолкована как пренебрежение вышеобозначенными отношениями и расценена согласно социокультурным нормам времени чрезвычайно негативно, оказав губительное влияние на репутацию князя Шолоха.

В своей очередной отписке в Москву терский воевода Хворостинин сообщил, что 14 октября 1589 г. вновь избранный верховный князь Кабарды Жансох Кайтукович дал шерть в Терском городе «за всю Кабарду»[38]. Верховный князь Кабарды Жансох должен был прислать в качестве аманата в Терский город своего сына Сортмана: «А доколе пришлет сына в заклад, и до тех мест бытии в закладе Мамстрюку. И мы, холопи твои, Янсоха-князя с товарищы отпустили, а в закладе оставили Мамстрюка»[39]. Из семи сыновей князя Жансоха, старшим из которых был Сортман, в аманаты был отдан младший, седьмой сын Чюжей[40] (Шужей). Законность избрания князя Жансоха Кайтуковича верховным князем Кабарды, согласно родословной книге А.И. Лобанова-Ростовского, не была признана в Кабарде: «Княженство дано ему на Москве, а в Каборде княженства ему не давывали»[41]. Князь Жансох Кайтукович, посетивший русский двор в 1592 г.[42], получил Жалованную грамоту на «большое княжение» лишь в 1602 г.[43] Изучение исторических источников привело В. Х. Кажарова к выводу, что князь Жансох все-таки был удостоен в Кабарде звания верховно-

го князя[44]. Этот вывод подтверждается и пребыванием в аманатах сына князя Жансоха Чюжея (Шужея). В родословной книге А.И. Лобанова-Ростовского о сыне князя Жансоха Чюжее говорится, что он «сиживал <…> в омонатех на Тереке»[45]. Срок пребывания в аманатах князя Чюжея неизвестен, так как неясно, сколько времени пребывал в достоинстве пщы-тхьэмадэ его отец. Факт отправки в Москву кабардинского посольства в 1608 г.[46] от князя Шолоха Тепсаруковича Таилостанова, выступавшего в данном случае в качестве верховного князя, свидетельствует о том, что князь Шолох был избран пщы-тхьэмадэ между 1603-м, когда от него, как от удельного князя Москву посетило посольство[47], и 1608 гг. Можно предположить, что аманат от князя Жансоха пребывал в Терках как минимум 15 лет (1589–1602), а как максимум – 19–20 лет (1589–1607). Аманат князь Чюжей, скорее всего, был сменен через некоторое время, однако в доступных нам документах нет на этот счет никаких сведений.

Так как попытки Посольского приказа в 1589 г. нейтрализовать политическое влияние князя Шолоха не были успешными и он попрежнему оставался влиятельнейшей политической фигурой Кабарды, чьи земли привлекали пристальное внимание Москвы, было решено для закрепления его шерти, к которой он был принужден посольством князя С. Звенигородского, взять в аманаты одного из сыновей князя Шолоха – Алкаса[48]. Требование к удельным князьям о выдаче аманатов, зафиксированное впервые в «Жалованной грамоте царя Федора Ивановича кабардинскому князю Камбулату Идарову и всей Кабардинской земле»[49] 1588 г., было нововведением и противоречило действовавшим со времен царя Иоанна IV Васильевича договоренностям, сложившимся русско-кабардинским связям и предыдущей практике ведения аманатных дел. Согласно «древнему порядку» в 1589 г. в Терскую крепость был уже отправлен аманатом сын верховного князя Кабарды Жансоха Кайтуковича. Князь Шолох попытался на действия русской стороны ответить адекватным образом. Князь А.И. Хворостинин доносил в Москву, что «Солох (Шолох. – *О.Ф.*) <…> заклад дал оманом узденя своего Бикана, который был у тебя, государь, в челобитчике, а дав, приказал ему з дороги побежяти… А сын ево Алкас и племянник Бак к нам в Терский город укрелятися не едут и твоих государевых

послов провожать не пошли»[50]. С целью приведения князя Шолоха к «послушанию»[51] и взятия у него аманата 21 ноября 1589 г. состоялся поход казаков и «черкесской рати» (в числе наступавших был и вновь избранный верховный князь Жансох Кайтукович, сыновья Асланбека Кайтуковича и Камбулата Идаровича)[52] под началом казачьего головы Григория Полтева на владения князя Шолоха. Подробное описание таких походов дают многие документы XVI–XVII вв. Они происходили по определенной схеме, которая сводилась к тому, что селения захватывались и сжигались, вассалы князей и их подвластные брались в плен, многие из плененных могли быть распроданы в чужие страны, например, в Крым. Такие действия вели зачастую к полному разорению князя. После боев против Таилостанея Г. Полтев писал кахетинскому царю Александру, что он «…по государеву наказу <…> на государевых непослушников, которые под государевою бытии не хотели <…> повоевал и пожог и всее Кабардинскую землю под государеву руку привел и дорогу х тебе очистил и твоих послов ис Кабарды х тебе отпустил»[53]. Наступление на Таилостаней, на помощь которому выступили только кумыки, было осуществлено значительными силами, состоявшими в основном из кабардинцев – численность кабардинских войск как минимум в 5 раз превосходила численность казаков. Лишь одни князья Кайтукины выставили в этом походе против князя Шолоха 4–5 тысяч человек[54], Г. Полтев имел «вогненово бою 750 человек»[55]. «Шолохова Кабарда была разорена, более 30 селений «выжжены» и «выевоены»[56]. Очевидец этого похода, посланник кахетинского царя Александра, кабардинец Янша так описал его заключительный этап: когда «государева рать» подошла близко к кабаку князя Шолоха, он сам с детьми и с узденями «вышел к Григорию Полтеву пеш»[57]. Последнее обстоятельство не могло не поразить кабардинца Яншу и его современников, так как заставить кабардинского князя к такому пешему выходу могло лишь чувство крайнего унижения и смирения перед обстоятельствами. Князь Шолох дал Полтеву «в аманаты своего сына, 20 человек лучших узденей…»[58]. Согласно родословной книге А.И. Лобанова-Ростовского из пяти сыновей князя Шолоха в аманаты был выдан третий сын Тасалтан. Он «сиживал на Тереке в оманатех многие лета»[59]. Уже после смерти князя Жансоха князь Шолох был избран верховным князем

Кабарды и оставался им вплоть до своей кончины в 1616 г.[60] Длительное возвышение князя Шолоха в политической жизни Кабарды было причиной долгого пребывания в аманатах его сына, но очевидно, что князь Тасалтан не мог сидеть в аманатах почти четверть века. Известно, что в 1608 г. от князя Шолоха в аманатах находился его младший брат или племянник князь Лорсан[61] – а в 1614 г., князь Сурхай[62] – двоюродный брат князя Шолоха – Сурхай (Суркай) Ибакович Таилостанов[63].

Несмотря на то что после смерти в 1598 г. царя Федора Иоанновича русско-кабардинские договоренности автоматически расторгались, Кабарда продолжала выполнять условия прежней шерти. Отношения России и Кавказа в это время прервались, только Терская крепость продолжала свои сношения с русским правительством[64]. Сохранялась также связь между Терками и Кабардой. При воцарении шурина покойного царя Бориса Годунова (1598–1605), а затем при избрании на царский престол Василия Шуйского (1606–1610) «кабардинцы подданства своего к России не отменили и аманатов от себя в Терек с переменою давали <…>»[65]. При этом надо отметить, что конец XVI – начало XVII столетий были тяжелым временем не только для России, но и для Кабарды. Если этот период остался в истории России как эпоха страшной смуты, то, как пишет адыгский историк Хан-Гирей, «самое ужаснейшее междоусобие в Кабарде можно с некоторою основательностью отнести к тому времени…»[66]. Около 1600 г. князем Казыем Пшеапшоковичем были убиты князья Домануко и Мамстрюк Темрюковичи[67]. Е.Н. Кушева считала причиной гибели братьев их службу русским интересам в регионе[68]. В пользу этого предположения говорит, например, имевшая место в 1591 г. безуспешная попытка шамхала убедить князя Мамстрюка в необходимости отказаться от шерти русскому царю[69]. После гибели князей Домануко и Мамстрюка их двоюродным братьям князьям Сунчалею Канклычевичу (Янглычевычу) и Куденету Канбулатовичу Идаровым пришлось спастись бегством в Терский город. Князь Куденет вернулся вскоре в свои владения, а князь Сунчалей «с тех мест <…> на Тереке и остался»[70]. Князь Казый Пшеапшокович, опасаясь мщения, вынужден был вместе со своими и покойных князей Домануко и Мамстрюка подданными уйти за р. Кубань, в Бесленей. Там он оставался в течение трех

лет[71], видимо, до тех пор, пока не были урегулированы последствия событий 1600 г.

В 1603 г. князь Сунчалей с очередным кабардинским посольством посещает Москву, где испрашивает позволения основать вместе со своими 7 сыновьями[72] и небольшим количеством уцелевших подданных свою слободу на берегу р. Терек, напротив Терской крепости[73]. В лице изгнанного князя Сунчалея Канклычевича Идарова Кабарда получила рьяного проводника имперской политики России. Стремление отомстить за смерть братьев и за свое разорение придало службе князя Сунчалея, которая давала ему единственный шанс для мщения врагам, невиданное рвение. Князь Сунчалей очень ловко использовал в этих целях русско-кабардинские договоренности. Пункты шертных грамот стали настоящим оружием против врагов князя Сунчалея. Приведение к шерти путем вооруженной силы, взятие аманатов от противо-стоящих ему княжеских уделов не противоречили условиям шертных грамот. В то же время такие действия разоряли и ослабляли эти княжества, удовлетворяя жажду мести князя Сунчалея. Именно после своего поселения в гор. Терки князь Сунчалей принудил силой оружия выдать аманатов главных виновников разорения Идарии – князей Кайтукиных. В качестве аманатов в Терский город были привезены двое двоюродных братьев князя Казыя Пшеапшоковича[74]. Взятие от одного удела двух заложников был беспрецедентным для того времени случаем. Если в 50–80-е гг. XVI в. в заложниках находился один аманат – от удела верховного князя (в эти десятилетия – Идария); а в 1590-е гг. и в начале XVII в. – два аманата – от того удела Кабарды, князь которого был избран верховным князем (Кайтукай), и антимосковски настроенного князя Шолоха Таилостанова (Таилостаней); то в результате междоусобной войны начала XVII в. благодаря стараниям Сунчалея Идарова, круг заложников увеличился и в аманатах стали пребывать 5 княжеских сыновей, которые представляли уже все феодальные уделы Кабарды. Наряду с аманатом от княжеского удела пщы-тхьэмадэ – Таилостанея (1-аманат), заложники от Кайтукая (2), Гиляхстанея (1) и от Идарии (1). По материалам посольства Гордана (Кардана) Индорокова в Москву, в 1608 г., когда посольство покинуло Кавказ[75], в гор. Терки содержались аманаты:

1) «Люварсан Шелохов сын»[76]. Согласно родословной книге А.И. Лобанова-Ростовского это был либо брат верховного князя Кабарды Шолоха князь Лорсан Тепсарукович Таилостанов, либо его родной племянник Лорсан – сын князя Пышты Тепсаруковича Таилостанова[77] (на то, кто из них находился в аманатах, нет конкретных ссылок).

2) «Яным – сын князя Казыя»[78]. Яным (Женым), согласно информации князя Сунчалея Канклычевича Идарова, был родным племянником князя Казыя; по родословной книге А.И. Лобанова-Ростовского, Яным был 6-м сыном князя Кануки[79] (Кайтуки)[80] Кайтуковича и приходился двоюродным братом князя Казыя Пшеапшоковича[81].

3) Князь Мудар – сын князя Алкаса (Олкаса) Джанмурзовича Гиляхстанова[82].

4) «Дударук Янмурзин сын»[83]. По родословной книге А.И. Лобанова-Ростовского, сын покойного верховного князя Кабарды Осланбека Кайтуковича[84] или старший сын младшего брата князя Осланбека князя Кануки (Кайтуки) Кайтуковича[85]. Но так как в это же время в аманатах находился самый младший сын Кануки (Кайтуки) Кайтуковича – князь Яным (Женым), то очевидно, что в аманатах был князь Дударук – сын князя Осланбека Кайтуковича, также приходившийся двоюродным братом князя Казыя Пшеапшоковича[86].

5) «Асланбек Юдаров сын»[87]. Предположительно, это аманат от Идаровых, сын князя Ильдара Куденетовича[88], правнук Канбулата Идаровича, внук принявшего присягу от Идарии в 1614 г. князя Куденета Канбулатовича.

В связи с воцарением Михаила Романова в первой половине 1614 г. в Кабарду была отправлена объявительная грамота с сыном боярским Петром Смагиным. «Кабардинские владельцы князь Солох, Казы Мурза Шептуков, Мурдар Мурза Алкасов, Кеденек Мурза Калбулатов, Нарчов Мурза Бузлуков, Айтековы дети <…> вновь присягу учинили по силе прежней своей шерти на Куране и в том письменное обязательство за своими руками дали, с которого при сем перевод на российском языке приложен»[89]. Таким образом, представители всех четырех княжеских уделов Кабарды шертовали новому царю: от Таилостанея – Шолох Тепсарукович, от Кайтукая – Кази Пшеашокович, от Гиляхстанея – Мудар Алка-

сович и «Айтековы дети» – Маметь и Охлов Айтековичи[90], от Идарии – Куденет Канбулатович и Нартшу (Нарчов) Елбузлукович[91]. Прецедент содержания в Терках аманатов от всех уделов Кабарды, возникший как акт мщения князя Сунчалея своим врагам, лег в основу дальнейшей практики «омонатных дел». Он способствовал тому, что в 1614 г. после шертования кабардинских князей в Терки снова было взято 5 аманатов ото всех княжеских уделов Кабарды. К этому времени, видимо, были улажены спорные вопросы между князем Казы и князем Сунчалеем, так как от Кайтукая остался в Терках один аманат. Об этом свидетельствует и тот факт, что владения князей Домануко и Мамстрюка были отданы во владение одному из сыновей князя Сунчалея – князю Будочею[92].

В 1614 г. в гор. Терки находилось 5 аманатов: 1 – от Таилостанея, 1 – от Кайтукая, 2 – от Гиляхстанея и 1 – от Идарии. Князь Сунчалей Канклычевич Идаров сам указывал на то, что такое расширение круга кабардинских заложников было результатом его усердия к службе. Когда в 1614 г. он ходатайствовал перед московским двором о своем назначении («пожаловании») «князем над окоцкими черкасы», он, перечисляя свои заслуги перед русским правительством, указывал, как на главную заслугу: «Поимал в заклад на Терек аманаты <…> у черкасских князей, которые при прежних государей *в оманатех не бывали* (курсив наш. – *О.Ф.*) <…> черкасских княжих детей Казыева-князя родново племянника Женыма, да Шелохова-князя сына Сурхая, да Айтекова-князя сына Айдемиря, да Алхасова-князя сына Казыя, и к шерти их всех привел, что им всем служити и прямити всем тебе, Великому государю»[93]. Сопоставив упомянутые документы, можно утверждать: князь Лорсан, который пребывал аманатом от Таилостанея в 1608 г., был сменен к 1614 г. на князя Сурхая (Суркая) Ибаковича[94], «Шелохова-князя сына»[95], двоюродного брата князя Шолоха. На место князя Мудара Алкасовича в аманаты был взят его сын князь Казый Мударович. Заложником в Терках стал также князь Айдемир, названный князем Сунчалеем сыном князя Айтека Кошевича (Каншаовича) Гиляхстанова. Хотя по известным родословным росписям А.М. Пушкина и А.И. Лобанова-Ростовского у князя Айтека было только два сына – Мамат (Маметь) и Охлов[96], причем указание на их аманатство отсутствует. Судя по сведениям, оставленным нам князем Сунчалеем, у

князя Айтека был третий сын – князь Айдемир. Наличие в 1614 г. в Терской крепости двух заложников от Гиляхстанея можно объяснить стремлением московского двора таким образом обеспечить своим послам свободный доступ к Дарьяльской дороге, находившейся в руках Гиляхстановых, и предотвратить проход по этому пути персидских войск из Закавказья. Аманат от Алкаса (Олкаса) Джанмурзовича Мудар Алкасович был взят в Терки до отправления посольства Кардана Индорокова в Москву, т.е. до 1608 г. Можно точно сказать, что заложник от Гиляхстанея – сын владетельного князя Геляхстанея Алкаса (Олкаса) Джанмурзовича, был взят после того как в 1604 г. его племянник князь Айтек Джанмурзович Гиляхстанов продвинул свои населенные пункты в Дарьяльское ущелье и полностью взял под свой контроль дорогу «в горах к Сонской земле»[97]. К 1614 г. князь Мудар Алкасович был сменен на своего сына князя Казы Мударовича. Не довольствуясь тем, что в гор. Терки находился в аманатах сын князя Мудара, от Гиляхстанея берется второй аманат – князь Айдемир. Заложник от «Айтековых детей» был захвачен между 1608-м и 1614 гг. Произошло это, скорее всего, на фоне военных успехов перидских войск в Закавказье и их расположения непосредственно у границ Гиляхстанея. Князь Мудар в это время также предпринял переселение своих деревень непосредственно в Дарьяльское ущелье: «А на котором де месте Мурдар-мурза сидел кабаками, и с того места перешел и сел со всеми своими кабаками у Терека в щелях на Грузинской дороге, куды преж того хаживали в Грузи твои государевы послы, и около де кабаков своих поставил надолбы и укрепил кабаки свои все накрепко»[98]. Достаточно красноречиво свидетельствует о характере методов добычи аманатов информация из доноса на князя Мудара Алкасовича (1615). В документе говорится о том, что якобы князь Мудар Алкасович после поездки к персидскому шаху «*уграживает де кабардинским князьям и мурзам* (курсив наш. – *О.Ф.*) и говорит: который де сын мой в Терском городе сидит в омонатех, уж жо де он будет у меня, шах – Бас де для того хочет в Терской город послати посла нароком и хочет де его ис Терского города взятии ко мне»[99]. Известно, что во время своей поездки в 1614–1615 гг. в Иран князь Мудар Алкасович вступил в вассальные отношения с шахом[100]. Вполне возможно, что к этому шагу он был подвигнут действиями князя

Сунчалея по насильственному захвату в заложники князя Казыя, а также тем, что в нарушение шертного договора и сложившейся практики взятия заложников в Терках содержалось два аманата от Гиляхстанея.

Колорит того времени очень явственно чувствуется в сведениях, донесенных до нас Ш.Б. Ногмовым. Он пишет, что в период управления Кайтукаем князем Казыем Пшеапшоковичем (начало XVII в.) «мы должны были попеременно воевать то с ногайцами, то с калмыками, то с турками и крымцами. Благодаря мужеству и благоразумию князя (князя Казыя Пшеапшоковича. – *О.Ф.*) войны эти вообще были удачны для кабардинцев; наконец ногайский мурза Алкайс с родственниками своими Ештерском и Бештерском вторглись с многочисленными полчищами в пределы кабардинские и дошли до Баксана. Обманом они успели умертвить славного князя Казы и, взяв его голову, скрылись ночью от преследования кабардинцев»[101]. Это нападение Большого Ногая на Кайтукай было инициировано князем Шолохом Таилостановым. В отместку за убийство князя Казы Таилостаней в том же 1616 г. подвергся сокрушительному разгрому объединенных сил Кайтукая, Тарковской Кумыкии и ратных людей Терской крепости. Разорение довершили войска крымского хана Джанибек-Гирея, которые нанесли еще один сильный удар на владения князя Шолоха – союзника враждебного хану предводителя Большой Ногайской орды бия Иштерека[102]. По сведениям, Хан-Гирея, в одном из междоусобных сражений погибли сразу «три славных в преданиях народных сына» верховного князя Шолоха[103]: Хорошай, Алкаш (Алкас), Тасалтан. Они пали жертвой мести им со стороны их двоюродных братьев Бека (Бекмурзы) и Саурбека (Сарбека) за убийство их отца и соответственно младшего брата князя Шолоха – Пышты[104]. (Ч.Э. Карданов считает, что убийство князя Хорошая произошло в 1641 г.[105]). После междоусобных столкновений 1616 г. Таилостаней так никогда и не оправился. В том же году умирает верховный князь Кабарды Шолох Тепсарукович. Четверо из его сыновей были бездетными. После славного князя Шолоха остался единственный наследник – его внук, сын князя Хорошая – Енбулат (Минбулат)[106], которого по причине кровной мести вынуждены были скрывать в Кумыкии. После смерти князя Шолоха Тепсаруковича Таилостановы вытесняются из активной политической жизни Кабарды[107].

Последним верховным князем, избранным согласно старой традиции, стал Куденет (Кундет) Камбулатович Идаров. Нет никаких сомнений в том, что Куденет Камбулатович принял шерть «за всю Кабарду», как это бывало и прежде, однако об этом событии и аманатах полученных в гор. Терки нет никаких упоминаний в доступных нам документах. Судя по более поздним документам, Кайтукины, Таилостановы и Гиляхстановы уклонились от присяги. В 1624 г. после смерти Куденета Камбулатовича «большое княжение» в Кабарде навсегда уходит из рода Идаровых[108] и Таилостановых. В 20–30 гг. окончательно нарушается традиция избрания верховного князя, когда пщы-тхьэмадэ поочередно, «по ряду», избирался князь от трех линий Иналовичей (Идаровы, Кайтукины, Таилостановы). В 1624-м и 1631 гг. на верховное княжение претендовали Идаровы – соответственно Пшимахо Камбулатович Идаров и Нартшу (Нарчов) Елбузлукович (правнук Биту Идарова). В Москве они были пожалованы «большим княжением», однако в Кабарде им княжения не было дано[109]. Во второй четверти XVII в. верховное княжение перешло к внукам Пшеапшоко Кайтуковича – Алегуко Шогануковичу, после него – Хатакшоко (Атажуко) Казыевичу – и уже никогда больше не выходило из линии Кайтукиных до 1822 г.[110]

Кризисное состояние таких интеграционных общекабардинских общественных институтов, как пщы-тхьэмадэ – верховное княжение, и Хасэ – сословно-представительное собрание, проявившееся наиболее зримо в изменении древней традиции избрания пщы-тхьэмадэ, было следствием ряда изменений в общественной жизни Кабарды на протяжении 1580–1620-х гг.

Одним из важнейших факторов, приведшим к этим изменениям, стал начавшийся распад единой территории Кабарды вследствие сепаратистской позиции князей Идаровых. Идария после своего возвышения в 50–80-е гг. XVI в., на протяжении конца XVI – начала XVII в. начала выступать форпостом русского наступления на Кавказ. Важнейшую роль в этом сыграла система военных крепостей, построенных на территории Идарии, и прежде всего крепость Терки. Строительство крепости Терки в 1588 г. и учреждение здесь русской администрации положили начало распространению российских государственных порядков на террито-

рии Кабарды. Бегство от врагов князя Сунчалея в гор. Терки стало причиной превращения кабардинского князя Сунчалея Идарова в русского служилого князя Сунчалея Черкасского. Служба князя Сунчалея дала расширению русского влияния в регионе мощный импульс. Это выразилось и в образовании новых населенных пунктов около крепости Терки – Черкасской, Новокрещенской, Окоцкой и Татарской слобод[111], что еще больше расширило территорию, находившуюся под юрисдикцией России. Назначение князя Сунчалея в 1615 г. русским правительством «князем над окоцкими черкасами» с правом правления, суда и военного предводительства[112] имело далеко идущие последствия для всей Кабарды. Образовавшееся на окраине восточной Кабарды – в Идарии – особое княже-ство князей Сунчалеевичей Идаровых, подданное русскому царю[113], ставшее проводником русского влияния не только в Кабарде, но и в Северном Дагестане, закрепило еще крепче откол от Кабарды части ее территории. К 20-м гг. XVII в. Идария уже состояла из нескольких сегментов: территория, управляемая по-прежнему князьями Идаровыми; территория (на которой располагались русские крепости Терки (1588), Сунженский острог (1590–1605), слободы вокруг Терков), находившаяся под юрисдикцией России. Жители этой последней разделялись по национальному принципу: русская их часть подчинялась терскому воеводе, нерусская – князьям Идаровым.

В это время Идария в силу занятой и проводимой ею на протяжении десятилетий позиции в вопросе, казалось бы, внешнеполитической ориентации, а на самом деле в вопросе сохранения или утраты своего суверенитета фактически «начинает выступать как инородное политическое образование, обнаруживая несовместимость с остальной Кабардой, которая <…> придерживалась одной линии, направленной на сохранение своей независимости. В этом главном вопросе пути их политического развития разошлись кардинальным образом»[114].

Борьба с сепаратизмом Идаровых, наложившаяся на междоусобные распри, в которые были вовлечены все мало-мальски значимые военно-политические силы региона, превратила территорию Кабарды в театр бесконечных военных действий. Именно проблема сохранения самостоятельности Кабарды составила

основное содержание борьбы всех княжеских уделов Кабарды против Идарии. Поддержка Москвой князей Идаровых сыграла для их княжества роковую роль. С одной стороны, благодаря помощи в виде отрядов стрельцов и казаков, вооруженных артиллерией, а также материального вознаграждения за службу Идаровы на фоне ослабления и распада своего княжества сохраняли некое подобие своего прежнего статуса. С другой же стороны, служба интересам России на Кавказе практически с самого начала установления дипломатических отношений с Москвой противопоставила ее постепенно всей Кабарде и даже, в силу служения русским интересам, феодальным владениям Северного Дагестана и ввергла ее в пучину непрерывной борьбы за русские интересы против всей Кабарды и Дагестана. Это подорвало ее силы и авторитет как в Кабарде, так и в регионе, истощило ее морально и материально. В результате войн, эпидемий, миграций на запад Кабарды, отъезда в Москву Идаровых, получивших известность в России как Черкасские, со своими дворянами и крепостными с последующим их растворением в русской этнической среде, ассимиляции кабардинцев соседними кавказскими народами постепенно истощались ее человеческие ресурсы[115]. Опустошению подверглось княжество Таилостаней, большие людские и материальные потери понесли Кайтукай и Гиляхстаней. К 20-м гг. XVI в. уже явно проявилась тенденция к распаду единой территории Кабарды на три части, свидетельством чему стало нарушение традиции избрания верховного князя. Первая из этих частей – вассальное с элементами прямого подданства русскому царю ослабленное княжество Идария. Вторая часть – центральная часть территории Кабарды, обескровленный Таилостаней, вытесненный с большой политической арены, и Гиляхстаней (в будущем объединенные под названием Малой Кабарды). Третья – западная часть Кабарды – Кайтукай (в будущем – Большая Кабарда). Со второй четверти XVII в. большое княжение навсегда уходит не только из рода Идаровых[116], но и из рода Таилостановых.

Если судить по событиям 10-х гг. фактическим центром политической жизни Кабарды становится Кайтукай. Князь Казы Пшеапшокович, может быть, и поэтому пал жертвой убийц, что приобрел чрезмерное влияние и авторитет в Кабарде. Преемником князя

Казы Пшеапшоковича стал его племянник князь Алегуко Шогенукович. Как можно предположить, на протяжении 3 лет последовавших за смертью князя Казыя, князь Алегуко был занят концентрацией сил для мщения мурзам Большого Ногая за смерть своего дяди. При этом князь Алегуко не спешит принести новую шерть русскому царю после смерти верховного князя Кабарды в 1616 г. К 1619 г. ему удалось создать антиногайскую коалицию: «Готовы все головами своими и безленейские и кумиргинские и жаньские черкасы (адыгские субэтносы западной части Черкесии. – *О.Ф.*) под крымского царя рукою а кумытцкие и мерзинские и шибуцкие и тщанские (чеченские общества – Мереджой, Шубут, Шато)[117] и калканские (ингушское общество Галга)[118] и мулкинские (чеченское общество Мулкой)[119] и многих горских земель люди готовы все против ногайских людей заодин стояти»[120]. И именно в это время князь Алегуко решает шертовать в Терском городе. Князь Алегуко, вероятно, был вынужден обратиться в Терский город. Он добивался помощи Москвы против многочисленного войска Большого Ногая. Было понятно, что такое обращение было немыслимо без принесения князем Алегуко шерти. В мае 1619 г. князья Кайтукая и Гиляхстанея – Алегуко Шогенукович и Мудар Алкасович – с Ахловым Айтековичем в Терском городе дали шерть русскому царю. После шертования князья обратились к царю с ходатайством дать им в помощь ратных людей, чтобы защититься «от ногайских мурз». Терский воевода писал царю: «А будет ты, великий государь, их кабардинских князей и мурз, не пожалуешь, ногайских мурз воевати им не поволишь, и ногайские, государь, люди учнут кочевати на Крымской стороне, а за Волгу не пойдут, и им де, государь, кабардинским князьям и мурзам, от них, от ногайских мурз, теснота будет великая, и прожитии им, кабардинским князьям и мурзам, будет невозможно. И им де, государь, кабардинским князьям и мурзам, от великие нужи и от тесноты от ногайских людей ис Кабарды брести розно, пометав дома свои»[121]. По всей видимости, поход обозначенной коалиции против Большого Ногая так и не состоялся, ходатайство князя Алегуко не было удовлетворено Москвой. К 1619 г. этот вопрос теряет свою актуальность в связи с уходом большей части Большой Ногайской орды снова на правую сторону Волги и уменьшением числа ее набегов на Кабарду[122].

После смерти пщы-тхьэмадэ Шолоха и князя Казы борьба против Идаровых как проводников русского влияния, направленного на превращение Кабарды в вассала Москвы, разгорелась с новой силой. Ее возглавил преемник князя Казы его племянник – князь Алегуко Шогенукович. Это противостояние, оформленное как междоусобное противоборство Идаровых с остальными княжескими родами Кабарды, накалялось на протяжении последующих десятилетий и достигло апогея в начале 40-х гг. XVII в. Сами Идаровы называли в качестве причин междоусобных распрей между ними и остальными князьями Кабарды свою службу московскому царю. Эта служба выражалась, судя по жалобам Идаровых-Черкасских, в следующем:

1) приведение кабардинских князей к шерти силой;

2) насильственное взятие заложников – аманатов;

3) шпионаж в пользу русского двора;

4) противопоставление вассалов (уорков) их сюзеренам – князьям (пши).

Князь Сунчалей, обращаясь (1621) к царю, так объясняет вражду к ним всех других княжеских родов: «Видя нашу службишко и кровь к тебе, ко государю, и хотят нас за то разорити, что мы, холопи твои, тебе, государю, служим правдою и верою, и вести всякие турские и крымские и кызылбашские и всяких горских земель на Терек к твоим государевым воеводам дядя мой и братья посылают беспрестанно.<…> А хотели, государь, дядю моего и братью, поймав со всеми уздени и со всеми кабаки, отвести в Бесленеи и крымскому царю»[123].

Интересно, что эта жалоба была передана в Москву через нарочных, так как князь Сунчалей находился в конфликте и с терскими воеводами, которые пытались помешать поездке князя Сунчалея с этой жалобой в Москву. По всей видимости, терские воеводы старались хотя бы в какой-то степени дистанцироваться от междоусобных распрей князей Идаровых, противясь широкому использованию русской политики в регионе в качестве инструмента мщения князя Сунчалея своим врагам в Кабарде. Такое положение проливает некоторый свет на характер князя Сунчалея и предполагает оценивать его жалобы и претензии как чрезмерные и неадекватные. Однако в ответ на эту жалобу из Посольского при-

каза поступило распоряжение об увеличении жалования князю Сунчалею Канклычевичу (со 150 до 180 руб. в год) и ряду его подданных[124]. 8 июля 1622 г. в Посольском приказе была подписана грамота, которая повелевала терскому воеводе С.И. Волынскому пойти походом на принявших шерть еще в 1619 г. Кайтукиных.

Поход терских служилых людей во главе с князем Сунчалеем состоялся в августе 1622 г. «…пришел под Казыевых детей и под Алегуки-мурзы кабаки безвестно. <…> Казыевых детей Атокузуку с братьею и Алегука мурз повоевали и кабаки их и по полем хлеб и сена пожгли…». Это нападение застало врасплох князей Алегуко и Хатокшоко. Сунчалей посылает к князю Алегуко и к сыновьям Казыя, успевшим уйти в горы, требование вторично принести шерть царю и дать в Терский город аманатов. В том же году князь Алегуко снова подтвердил шерть; 29 сентября 1622 г. в заложники был отдан старший сын покойного князя Казыя Пшеапшоковича Хотокшоко (Атокузуко, Отокузуко). Он отправился в крепость Терки в сопровождении « 10 человек лутчих узденей»[125]. Князья Таилостановы – «Шолоховы <…> племянники Зогорбек-мурза (Саурбек Пыштович. – *О.Ф.*) з братьею» тоже подтвердили шерть. Они выдали в заложники, уже во второй раз, князя Сырхов-мурзу (Суркая Ибаковича) (первый раз он сидел в заложниках после 1614 г.)[126]. Князь Суркай спустя несколько лет был сменен на князя Шебака[127], приходившегося ему младшим братом по матери, вышедшей замуж по обычаю левирата за князя Саурбека Пыштовича Таилостанова. Покровительство царя приняли и «Несоховы дети – Ильмурза с братьями» – сыновья князя Жансоха Кайтуковича. В аманаты был прислан средний из трех сыновей князя Ельмурзы Жансоховича, находившегося в то время в бегах от кровников в Кумыкии, – Батырби. Это был последний акт мести князя Сунчалея князьям Кайтукиным.

С кончиной в 1624 г. пщы-тхьэмадэ Куденета Камбулатовича Идарова и князя Сунчалея Канклычевича Идарова-Черкасского завершилась целая эпоха в истории Кабарды, которая была отмечена деятельностью таких неординарных личностей, как князья Шолох Таилостанов, Казы Кайтукин, Сунчалей Идаров. Основное содержание этой эпохи можно охарактеризовать как продолжение борьбы предыдущего времени за сохранение суверенитета Кабарды.

Отличительной особенностью этого периода борьбы за независимость можно назвать открытое проявление Россией, с которой в 1550-е гг. Кабарда заключила военно-политический союз, имперских интересов в регионе Кавказа и сепаратизм князей Идаровых. В 80-е гг. политику сохранения независимости Кабарды пытался проводить князь Шолох Тепсарукович Таилостанов, в начале XVII в. – князь Казы Пшеапшокович Кайтукин и его племянник князь Алегуко.

Феодальная раздробленность страны была использована государствами с имперскими амбициями для реализации своих имперских планов руками самих кабардинцев. Особенно большие результаты в этом направлении имело русское правительство. Оно уже в 1560-е гг. стало с помощью стрельцов, казаков и артиллерии активно поддерживать междоусобные распри кабардинских князей, выступая на стороне князей Идаровых. В эти годы участие терского гарнизона в военных операциях в Кабарде, строительство крепостей проводилось под видом помощи царя Иоанна Васильевича князю Темрюко. В дальнейшем, когда имперские устремления России начали проявляться более явно, они были положительно восприняты только князьями Идаровыми. Идаровы пытались ценой трансформации своего удела из независимого княжества в вассальное с элементами прямого подданства русскому царю княжество установить свое лидирующее положение в Кабарде. Основание крепости Терки положило начало процессу распространения российского государственного порядка на территории Кабарды. Создание особого княжества князей Сунчалеевичей Идаровых-Черкасских, подданного русскому царю, закрепило отделение от Кабарды части ее территории, положив начало аннексии кабардинских земель Россией.

В конце 1580-х гг. в договоренностях московского двора и князей Идаровых уже откровенно говорилось о задаче приведения кабардинских князей, даже против их воли, силой оружия, к вассальной зависимости от русского царя. Такой подход к вопросу о вассалитете коренным образом отличался от того понимания сюзеренно-вассальных отношений, которые господствовали в Кабарде, когда вассал в случае нарушения его прав имел полную свободу беспрепятственно покинуть своего сюзерена. Этот конфликт представлений о вассалитете обернулся для кабардинского

общества многочисленными кровопролитными междоусобными столкновениями. Вмешательство русского двора в междоусобные противоречия в Кабарде порождало недовольство кабардинских князей политикой России в регионе. Последняя стала источником усугубления междоусобной борьбы. Участие гарнизона Терской крепости, в особенности артиллерии, в этой борьбе придавало ей особо кровавый характер и приводило к большим человеческим потерям в противоборствующих княжеских уделах.

Главной целью принуждения к вассалитету княжеских уделов Кабарды в рассматриваемый период была попытка установления русского контроля над военно-стратегическими и торгово-экономическими магистралями, соединявшими через территорию Кабарды северную часть Кавказа с южной, что дало бы России большое преимущество на Кавказе перед Турцией, Ираном и Крымом. При этом русский двор начал полностью игнорировать законные права кабардинских князей. Результатом борьбы за установление контроля над северокавказскими военно-стратегическими и торгово-экономическими путями, которое велось в основном силами кабардинцев, находившихся в междоусобной вражде с Таилостановыми, стало практическое опустошение княжества Таилостаней и истребление наиболее сильной шолоховской ветви князей Таилостановых. Все это способствовало процессу автономизации центральной части территории Кабарды. Таким образом, обособление Таилостановского удела, положившее начало распаду Кабарды на Большую и Малую, «виновником»[128] которого считается князь Шолох, началось не по его воле, а в результате борьбы с ним и ослабления княжества Таилостаней.

Участь Таилостанея постигла и наиболее рьяного его противника в вопросе внешнеполитической ориентации Кабарды – Идарию: гибель наиболее могущественных представителей рода Идаровых князей Домануко и Мамстрюко; превращение части князей Идаровых в русских служилых князей; откровенная антикабардинская позиция третьей части князей Идаровых, поставившая их в положение изгоев в своем сословии в Кабарде; расчленение Идарии, часть территории которой оказалась под управлением другого государства; обеднение и опустошение Идарии до такой степени, что материальное положение князей Идаровых перестало соответство-

вать их статусу. В результате изменений, произшедших в положении княжеских уделов Кабарды на протяжении конца XVI – начала XVII вв., из трех княжеских родов два – Идаровы и Таилостановы – были исключены из круга претендентов на верховное княжение.

За четвертьвековую службу князя Сунчалея Идарова непосредственно в гор. Терки окончательно сложился симбиоз русских интересов в Кабарде и интересов князей Идаровых. В эти годы сложно отличить акт мести Идаровых от акта политической воли московского двора. Такое сращивание интересов придало русской политике на Кавказе в первой четверти XVII в. особую динамичность. Политика России в Кабарде в этот период несет на себе неизгладимый отпечаток личности князя Сунчалея Идарова. Служба царю, одним из главных мотивов которой была жажда мщения князя Сунчалея, способствовала усилению и ожесточению междоусобной войны. Будучи представителем правящего дома Иналовичей, князь Сунчалей был прекрасно осведомлен о «болевых точках» всех княжеских родов Кабарды. Эти сведения были им использованы для нанесения наиболее чувствительных ударов своим врагам. Особо это выразилось в захвате им аманатов. Результатом деятельности князя Сунчалея стало изменение первоначального порядка взятия аманатов русской стороной. Вместо одного аманата – сына верховного князя, который брался от всей Кабарды, стал браться один аманат от каждого княжеского удела. Захват заложников, сопровождавшийся зачастую разгромом уделов, принуждал князей не выставлять своих требований и соглашаться с условиями шертных грамот. В случае когда нужно было оказать особо сильное давление на князя того или иного удела, у него захватывались два заложника. Таким образом, в целях обеспечения доступа к Дарьяльской дороге русских и грузинских посольств, обмен которыми был особенно интенсивен в конце XVI и в начале XVII вв.[129], была нарушена сложившаяся практика аманатства в Кабарде: помимо заложника от верховного князя был взят аманат и от антимосковски настроенного князя Шолоха Таилостанова; позже, когда в Терской крепости содержался один аманат от каждого княжеского удела, от Гиляхстанея было взято два заложника.

Если по условиям шертных грамот возобновление шерти должно было производиться в случае смерти русского царя или

верховного князя Кабарды, то в 20-е гг. XVII в. получает распространение практика повторного приведения к шерти князей по усмотрению Москвы с подачи Идаровых. Последние пытались под предлогом «укрепления» в шерти удовлетворить свои претензии к другим князьям. Институт аманатства становится настоящим инструментом подавления интересов кабардинских князей. Если русско-кабардинские договоренности 1550–1570-х гг. предусматривали, что аманаты выдаются стороной, принявшей шерть царю в качестве гарантов политических договоренностей, то в конце XVI в. – первой четверти XVII в. аманаты начали использоваться для давления на князей в целях склонения их к принятию прорусского внешнеполитического курса Кабарды.

Княжеские сыновья сопровождались представителями лучших фамилий Кабарды. Таким образом, из Кабарды в заложники отбывало одновременно несколько десятков представителей цвета кабардинской аристократии. Политическое заложничество, ослабляя и разрушая изнутри правящий класс кабардинского общества, значительно способствовало усилению деструктивных тенденций в жизнедеятельности как политической системы, так и всей общественной жизни Кабарды.

Роль князей Идаровых в развитии русского централизованного государства достаточно хорошо изучена. Высокой оценки со стороны русского правительства была удостоена и деятельность князя Сунчалея: «Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси, нашему царскому величеству, служили и прямили, и всякого добра и повышенья и *государству нашему разширенья везде искали* (курсив наш. – *О.Ф.*), и с недруги нашими бились, не щедя голов своих, и непослушников наших под нашу государскую руку приводили…»[130].

Проблема изучения роли князей Идаровых в истории Кабарды до сих пор не получила должного внимания. Единственно, что можно совершенно определенным образом утверждать на основе представленных здесь материалов, так это то, что за приобретения, сделанные князьями Идаровыми для Русского государства, высокую цену своими человеческими и материальными ресурсами заплатила вся Кабарда.

Примечания

[1] *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: вторая половина XVI – 30 годы XVII века. М., 1963. С. 276.
[2] *Пчелов Е.В.* Кабардинская земля в царском титуле и русской геральдике XVI – начала XX века. Нальчик, 2007. С. 37.
[3] *Кажаров В.Х.* К вопросу о территории феодальной Кабарды // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2004. Вып. 11. С. 13; *Пчелов Е.В.* Кабардинская земля в царском титуле и русской геральдике XVI – начала XX века. С. 37.
[4] *Кажаров В.Х.* К вопросу о территории феодальной Кабарды. С. 13.
[5] *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе. Нальчик, 2001. С. 94–95.
[6] *Дзамихов К.Ф.* Адыги: вехи истории. Нальчик,1994. С. 59. Наряду с титулом «верховный князь» в документах и историографии встречаются другие наименования этого титула, такие как «главный, начальный князь кабардинский, пщытхьэмадэ, пщышхуэ», а с XVIII в. – «уэлий» (русск. – «вали»).
[7] *Бгажноков Б.Х.* О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и ее асимметризм) // Исторический вестник Института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2005. Вып. 2. С. 57.
[8] *Кокиев Г.А.* Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в. // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Нальчик, 2005. С. 114.
[9] Очерки истории СССР XVII в. М., 1955. С. 461. Цит. по: *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе. С.101.
[10] *Бгажноков Б.Х.* О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и ее асимметризм). С. 57.
[11] *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 335.
[12] Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в двух томах / Сост.: Н.Ф. Демидова, Е.Н. Кушева, А.М. Персов / Ред.: Т.Х. Кумыков, Е.Н. Кушева. М., 1957. (Далее – КРО). Т. 1. С. 50, 51.
[13] КРО. Т. 1. С. 52–54.
[14] Там же.
[15] Там же.
[16] Там же.
[17] Там же.
[18] Там же. С. 53.
[19] Там же. С. 51.
[20] Там же. С. 11, 13.
[21] *Кокиев Г.А.* Русско-кабардинские отношения в XVI–XVII вв. // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. С. 184.
[22] *Меремкулов А.Н.* Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв.: историко-правовой аспект. Ростов-на-Дону, 2005. С.15.
[23] *Пчелов Е.В.* Кабардинская земля в царском титуле и русской геральдике XVI – начала XX века. С. 37.
[24] *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 1994. С. 267.
[25] КРО. Т. 1. С. 384.

[26] *Бгажноков Б.Х.* О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и ее асимметризм). С. 57.
[27] *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. С. 216, 217.
[28] КРО. Т. 1. С. 57, 58.
[29] Там же. С.63.
[30] Там же. С. 55.
[31] Там же. С. 53.
[32] *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: вторая половина XVI – 30 годы XVII века. С. 272, 273.
[33] *Кокиев Г.А.* Распад Кабарды на Большую и Малую и установившиеся отношения с соседними народами // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А.Кокиева. С. 204.
[34] КРО. Т. 1. С. 110.
[35] *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа. С. 276, 277.
[36] Там же. С. 272.
[37] Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе. С. 109, 110.
[38] КРО. Т. 1. С. 63.
[39] Там же. С. 64.
[40] Там же. С. 386.
[41] Там же. С. 385.
[42] *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа. С. 282.
[43] Там же. С. 317.
[44] *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. С. 216.
[45] КРО. Т. 1. С. 386.
[46] Там же. С. 85, 86.
[47] *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа. С. 285.
[48] КРО. Т. 1. С. 386.
[49] Там же. С. 52–54.
[50] Там же. С. 64.
[51] Там же. С. 182.
[52] *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа. С. 273.
[53] КРО. Т. 1. С. 400.
[54] Там же. С. 182.
[55] Там же. С. 400.
[56] *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа. С. 273.
[57] Там же.
[58] КРО. Т. 1. С. 400; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа. С. 273.
[59] КРО. Т. 1. С. 386, 387.
[60] Там же. С. 401.
[61] Там же. С. 86, 386.
[62] Там же. С. 85.
[63] Там же. С. 387.
[64] *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа. С. 291.
[65] Архив КБИГИ, ф, 1, оп. 1, д. 5, л. 31; РГАДА, Кабардинские дела, 1742–1769 гг. Кн. № 3. Л. 322–331.
[66] *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. С. 215.
[67] КРО. Т. 1. С. 402 (комментарии).
[68] *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа. С. 285

[69] Там же. С. 278.
[70] КРО. Т. 1. С. 385.
[71] Там же.
[72] Там же. С. 385.
[73] *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа. С. 285; *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958. С. 47.
[74] КРО. Т. 1. С. 86.
[75] *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. С. 151.
[76] КРО. Т. 1. С. 86.
[77] Там же. С. 386.
[78] Там же. С. 86.
[79] Там же. С. 386
[80] Там же. С. 385.
[81] Там же. С. 386.
[82] Там же. С 386.
[83] Там же. С. 86.
[84] Там же. С. 386.
[85] Там же.
[86] Там же. С. 385, 386.
[87] Там же. С. 86.
[88] Там же. С. 385.
[89] Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 1, д. 5, л. 33; РГАДА, Кабардинские дела, 1742–1769 гг., кн. № 3, л. 322–331; КРО. Т. 1. С. 80.
[90] КРО. Т. 1.С. 387.
[91] Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 1, д. 5, л. 33; РГАДА, Кабардинские дела, 1742–1769 гг., кн. № 3, лл. 322–331; КРО. Т. 1. С. 80, 387; *Бгажноков Б.Х.* О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и ее асимметризм). С. 59, 60.
[92] КРО. Т. 1. С. 385.
[93] Там же. С. 84, 85.
[94] Там же. С. 383, 387.
[95] Там же. С. 85.
[96] Там же. С. 387.
[97] *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе. С. 101.
[98] КРО. Т. 1. С. 88.
[99] Там же.
[100] *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе. С. 104.
[101] *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. С. 115.
[102] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII. С. 337; *Кидирниязов Д.С.* Ногайцы в XV–XVIII вв.: Проблемы политических, экономических и культурных взаимоотношений с сопредельными странами и народами. Махачкала, 2000. С. 269.
[103] *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. С. 216; КРО. Т. 1. С. 386, 387.
[104] КРО. Т. 1. С. 386.
[105] *Карданов Ч.Э.* Путь к России // Кабардинские князья в истории отношений Кабарды с Российским государством в XVI – начале XIX века. Нальчик, 2001. С. 386.
[106] КРО. Т. 1. С. 383, 387. Согласно другим данным, у князя Минбулата был брат князь Тепсаруко. Он был убит в 1641 г. // КРО. Т. 1. С. 197.

[107] *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. С. 219.
[108] *Кажаров В.Х.* К вопросу о территории феодальной Кабарды. С. 14.
[109] КРО. Т. 1. С. 385.
[110] *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. С. 218, 219.
[111] *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией вторая половина XVI – 30 годы XVII века. С. 293.
[112] *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе. С. 103.
[113] *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе. С. 103; *Кажаров В.Х.* К вопросу о территории феодальной Кабарды. С.13, 14.
[114] *Кажаров В.Х.* К вопросу о территории феодальной Кабарды. С. 15.
[115] Там же. С. 19, 20.
[116] Там же. С.14.
[117] КРО. Т. 1. С. 405, 406.
[118] Там же. С. 406.
[119] Там же.
[120] Там же. С. 97.
[121] Там же.
[122] Там же. С. 406.
[123] Там же. С. 100.
[124] Там же. С. 101, 102.
[125] Там же. С. 103.
[126] Там же. С. 103, 114.
[127] Там же. С. 116.
[128] *Алексеева Е.П.* Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI–XVII вв. Черкесск, 1957. С. 33.
[129] *Кушева Е.Н*. Народы Северного Кавказа. С. 276.
[130] КРО. Т. 1. С. 210.

В. О. Бобровников
(Москва)

ИШКИЛЬ И БАРАНТА В ДАГЕСТАНЕ XVII – ВТОРОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКОВ: ОБЫЧАЙ ИЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ ГОРЦЕВ-МУСУЛЬМАН?

Одной из самых загадочных и плохо изученных норм обычного права (адата) на Северо-Восточном Кавказе остается ишкиль. Он давно привлекает внимание ученых. Материалы о дагестанском ишкиле еще в XIX в. начали собирать знаменитые русские историки права М.М. Ковалевский и Ф.И. Леонтович. В советское время об ишкиле не раз писали историки, этнографы и юристы. Но никто не шел дальше общей постановки вопроса и даже не дал подробного описания этого обычая. К тому же ученых интересовали преимущественно социальное содержание и истоки ишкиля, а не его правовые формы. Данная работа представляет первую попытку проанализировать ишкиль как меняющуюся обычно-правовую практику в историческом контексте эпохи русского колониального завоевания XVIII–XIX вв., от которой дошло большинство арабских документальных источников об ишкиле.

У читателей, знакомых с последними исследованиями по обычному праву, название статьи может вызвать ассоциацию с серией работ о баранте в Казахской степи американского историка Виктории Мартин[1]. Сделано это намеренно. В истории ишкиля и баранты немало общего. К тому же мой подход близок к методике Мартин. Вместе с тем я не пытался переложить для Дагестана предложенную американской исследовательницей модель превращений обычного права в колониальной империи. Наоборот, на судьбе ишкиля я хотел показать читателю, что ход развития обычного права в горах Северо-Восточного Кавказа необязательно по-

вторял путь, по которому оно пошло в Казахской степи. Правовая действительность и политика империи на ее восточных окраинах была гораздо мозаичнее, чем обычно думают. Избранный ракурс позволил мне затронуть несколько загадок, связанных с ишкилем в Дагестане. До сих пор не определено, что это – преступление, самоуправство или право? А если право, то какое и для кого? Как ишкиль относился к баранте и как он менялся по мере русского завоевания? В чем сходство и различие отношения к ишкилю со стороны шариатского движения XVIII–XIX вв., имамата Нагорного Дагестана и Чечни, чиновников Российской империи? Какие средства употреблялись при борьбе с ним? Что можно сказать о наследии ишкиля в регионе?

Пытаясь найти ответы на поставленные выше вопросы, я обратился к обширной переписке об ишкиле, которая велась в XVII–XIX вв. между сельскими общинами, их союзами, ханствами, русскими военными и гражданскими чиновниками на Северном Кавказе. Большинство писем написано по-арабски и еще не переведено на русский язык. Публикации отдельных документов в лучшем случае имеют археографическое описание рукописей без анализа их правовой формы и содержания. Источники по истории ишкиля включают несколько типов. Первая и самая многочисленная их группа – это письма по поводу конкретных случаев взимания ишкиля. Ко второму типу относятся различные законодательные акты, от договоров (араб. *иттифак*) до кодексов обычного права (араб. *дафтар*), включая знаменитые Гидатлинские адаты и Кодекс Рустем-хана. Важную дополнительную информацию несут фетвы об ишкиле местных мусульманских правоведов, дореволюционное делопроизводство и законодательство, а также этнографические описания.

Используя в равной мере все перечисленные выше группы источников, я опирался в основном на неопубликованные документы Рукописного фонда Института истории, археологии, этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук[2] в Махачкале, где хранится более 100 оригиналов писем об ишкиле, их бесчисленные копии XIX–XX вв. и несколько десятков адатных кодексов из Нагорного Дагестана на арабском и тюркских (кумыкском и староосманском) языках.

ИШКИЛЬ И БАРАНТА

Прежде всего нужно определить, что дагестанские мусульмане понимали под *ишкилем*. По крайней мере, с XV в. этим понятием в Дагестане называли право истца напасть на односельчан ответчика и захватить их собственность или самих их с тем, чтобы заставить ответчика выплатить просроченный долг или удовлетворить истца исполнением иного рода обязательств. Синонимом ишкиля было тюркское слово *баранта*[3] (иначе *барамта*, *барымта*), которое понималось в Дагестане иначе, чем в Большой Кабарде или Черкесии на Северо-Западном Кавказе, не говоря о Казахской степи и Средней Азии. О различиях между ишкилем и барантой будет подробно сказано ниже. Пока же посмотрим, о каких конкретных случаях взимания ишкиля говорится в арабоязычной переписке накануне эпохи колониальных завоеваний и реформ.

Среди писем об ишкиле можно выделить четыре большие группы дел. Это: 1) частные обращения заимодавцев к должникам из других общин с требованием вернуть долг под угрозой ишкиля; 2) ответные иски общин ответчика о выкупе арестованного имущества и людей; 3) тяжбы по поводу ишкиля на уровне и при посредничестве союзов общин (араб. *джайш*, *нахийа*, «вольных обществ» в терминологии русских авторов начала XIX в.); 4) дела горской знати против общинников-узденей, захвативших в ишкиль их имущество или подданных. Группы эти отражают четыре уровня судебной власти и права в иерархии местного мусульманского общества. Большинство документов относится ко 2-й и 3-й группам. Вот характерные примеры писем об ишкиле в моем переводе:

I

Рис. 1. От Рамазана Баршамайского[4]... Аци Харахинскому[5].

Мир Вам, милость и благословение Аллаха. Да хранит Вас Аллах от сатанинской злобы. Аминь[6] .

С получением этого письма вышли долг, ссуженный тебе согласно твоему договору и известный моему кунаку [по имени] Уцисай, подателю сего письма. Иначе я возьму через него *ишкиль*, как разрешено брать. Остальное ты услышишь из уст подателя сего письма. И обратно[7] привет[8].

Рис. 2. Хаджжи-Муса из Караха, проживающий в селении Гоцатль, желает вечного мира членам сельского суда (‘*укала*’) и общине (*джама‘а*) селения Кахаб-Росо[9].

О, правосудные и справедливые люди! Велите вашему односельчанину Мусе отдать [причитающийся] мне долг размером в один *гуруш*[10] в руки подателя сего, вашего односельчанина Мухаммада сына Сулаймана, который является держателем моего ишкиля (*сахиб ишкили*) или же пусть прийдет в селение Гоцатль, где, по [нашему] договору (*ва‘д*), должен быть уплачен долг. Если он не отдаст [долга] и не придет, то я не верну ишкиля через подателя сего письма[11].

II

Рис. 3. Мир вам, милость и благословение Всевышнего Аллаха!

От старшин (*ар-ру’аса’*) Кудали их благородным братьям имаму и старшинам Миатли (авар. *МагIалал*)[12]. Да исполнит Аллах ваши помыслы!

Пошлите к нам Исил (авар. «Исаева») Мухаммеда, а мы пошлем вместе с ним известного справедливостью человека в [союз селений] Каралал с тем, чтобы, по показаниям его кунака (*дайфи-х*), была установлена истина в отношении вора. Так пусть он (зд. Исил Мухаммед. – *В.Б.*) поклянется вместе с тем, кто окажется с ним, и завершат [тяжбу][13] для возвращения ишкиля без отговорок. О том, что произойдет (на суде. – *В.Б.*), вы узнаете от Ибрахима. Для вас это лучшее. Будьте здоровы![14].

Рис. 4. От великих и справедливых старшин (араб. *руаса вакубара ваурафа*) Сиуха (авар. *Сахъал*) великим и справедливым старшинам и всему обществу Килатли (авар. *Килал*)[15] бесконечные и бесчисленные приветы.

Узнайте, что податель этого письма Мухаммед Ханилав – близкий родственник убитого. У него есть [право] за свой тухум убить убийцу и преследовать его. Нельзя брать ишкиль в иске против убийцы. Так прикажите вернуть его осла, если вы справедливы[16].

Рис. 5. Большинство жителей общины (*джама‘а*) Гоор (авар. *Гьаал*), а в особенности Гитинав (авар. *ГьитIинав*), желают боль-

шинству жителей благословенного общества Аймаки[17], и в особенности Хаме (авар. *ХIама*), мира, милости и благословения Всевышнего Аллаха. Аминь.

Мы хотим уведомить вас, что провели расследование, разыскивая в нашем селении человека, который захватил кинжал у вашего односельчанина в виде ишкиля (*бисм ал-ишкил*), но не нашли его и не выяснили, кто это был. Поскольку обстоятельства сложились так, прикажите вашему односельчанину вернуть кинжал нашего односельчанина в руки подателя сего письма. Мы же постараемся сделать [то же самое] для вашего односельчанина, как это водится между людьми. [Имущество], напротив, увеличится, если будет угодно Всевышнему Аллаху! Остальное и приветы вы услышите из уст подателя сего[18].

III

Рис. 6. От правителей (араб. вула) Цудахара правителям Усиша[19].

Привет вам и милость Аллаха!

Велите вашему односельчану освободить ишкилей, потому что он захватил их противозаконно. Ведь один из ваших односельчан присягнул за другого, его свидетельство принято и выслушано даргинцами[20]. Было решено повиноваться. Решение же даргинцев вынесено согласно его свидетельству. Будьте здоровы[21]!

Рис. 7. Кади и знать (*кубара'*) Цудахара приветствуют благородного имама кади Акуша.

Велите вашим односельчанам послать кого-либо забрать *алым*[22] за то, что случилось между даргинцами, и освободить ишкилей (*аша'кил*). Поистине, вы поймете из этого немногого многое[23].

IV

Рис. 8. Благородный господин правитель (*хадрат ал-амир*) Эльдар-хан-бек[24] желает членам сельского суда, старшинам (*ал-'укала' ва-р-ру'аса'*), хаджи и кади городка (*балдат*) Аргвани[25] мира, милости и благословения Всевышнего Аллаха.

Да хранит их Всевышний Аллах от всяких бед!

Да будет вам известно, что мы захватили в ишкиль неприкосновенного (*му'мин*) подателя письма из ваших односельчан (*шахсу-*

кум), чтобы он был ходатаем ради собственности одного из наших земляков Салмана, захваченной вами в ишкиль, а затем отпустили его по просьбе его кунака, поручившегося возместить причиненный нам ущерб (*даман*). Салман требует вернуть ружье и шашку, взятые вами в ишкиль. Если же вы не вернете этой собственности, то мы возьмем ишкиль и во второй, и в третий раз, доколе не будет решена и завершена эта тяжба. Это в ваших возможностях. Будьте здоровы[26]!

Приведенные выше документы показывают характерные случаи захвата ишкиля. Чаще всего его брали для возмещения убытков по просроченным долговым обязательствам и случаям воровства. Ишкиль также применяли в имущественных спорах между супругами из разных селений[27] и при потравах угодий скотом[28]. Брать ишкиль разрешалось только за пределами своей общины (араб. *джама'а*). Следуя характерным для дагестанского *'адата* нормам талиона, за утраченную вещь старались захватить равную ей: за осла – осла, за быка – быка, за коня – коня, за кинжал – кинжал, за винтовку – винтовку. Чаще всего его брали скотом и оружием. В качестве ишкиля могли захватывать и заложников-*аманатов*, продавая их в рабство в случае невыплаты долга. Само понятие означало, вероятно, «захват, арест»[29] движимой частно-семейной собственности (*мулк*[30]).

Процедура взимания ишкиля предполагала совершение следующих действий, узаконенных в местной правовой традиции. Сначала истец вызывал ответчика в суд своей или нейтральной общины. Если тот не являлся, в общину ответчика посылали письмо с угрозой применения ишкиля. Его нередко отвозил *кунак* истца, по обычаю, обязанный защищать интересы своего гостя как собственные. Как «держатель ишкиля» (араб. *сахиб ишкил*), он часто захватывал имущество или заложников. Нападение в отличие от запрещенного адатом и шариатом грабежа на большой дороге (араб. *игара*), должно было производиться днем и не из засады. При этом в роли наводчиков опять же выступали кунаки. Об этом говорят суровые санкции, которые адат устанавливал за донос в чужое общество[31]. Дело нередко кончалось примирением-*маслахат* (араб. *сулх*) и возвратом ишкиля.

М.М. Ковалевский выводил ишкиль из «родового права», но, по верному замечанию М.А. Агларова, не привел тому убедительных доказательств[32]. Действительно, в наших письмах ни разу не говорится о клане (араб. *кабила* для нах.-даг. из перс. *тухум*). Организатором и жертвой ишкиля была сельская община (*джама'а*) либо включавшие ее конфедерация общин (*нахийа*) или даже ханство. Используя известное определение Салли Ф. Мур, эти институты можно назвать «полуавтономным социальным полем»[33] этого обычая. Они определяли социальное пространство и тех игроков (*actors*), которые становились организаторами и жертвами ишкиля.

В ишкиле отразился военный характер дореформенной общины-*джамаата*. Ее полноправным членом мог быть лишь воин, носивший почетный титул *узденя*. В Нагорном Дагестане и Чечне это понятие означало не военную знать, как это было в Большой Кабарде и других исторических областях Северо-Западного Кавказа XVIII – первой половины XIX в., а свободных воинов-общинников. Военные силы общин и их объединений строились по принципу всенародного ополчения. Для отпора врага или нападения на соседей все взрослое мужское население превращалось в военный отряд. Ополчения селений объединялись в конфедерации, а те – в сверхсоюзы или ханства. Недаром в правовых документах и переписке того времени понятия «народ», «община», «конфедерация» и «ополчение» (авар. *бо*, дарг. *хуребо*, анд. *яз*. *игьа*, груз. *эри*) слились. Их переводили на арабский как «войско, воины» (араб. *'аскар, джайш, джунуд*)[34]. Между общинами и их союзами часто случались войны. В переписке встречается по-нимание ишкиля как правильной войны[35].

Военная природа ишкиля роднит его с барантой на Северном Кавказе и в Казахской степи. Киргизы тоже называли баранту войной (*бу нулды*)[36]. И у казахов, и у адыгов барантование принимало форму военного похода. Но баранта охватывала более широкий спектр явлений. Леонтович, обобщив материалы, собранные на Северо-Западном и Центральном Кавказе, выделил следующие значения этого понятия: «a) скот...; b) преступление в смысле обыкновенного грабежа, насильного отнятия и завладения чужой вещью...; c) военный захват, угон или полон людей и скота...; d) наказание в смысле грабежа или ограбления,.. конфискации иму-

щества; e) арест (до суда) чужого имущества в обеспечение прав кредитора, также при неудовлетворенной личной обиде, материальном ущербе, воровстве...; f) мера обеспечения исполнения судебного приговора...; g) право родных убитого до исполнения кровомщения "барантовать" имущество убийцы; наконец, h) право князя отбирать имущество у подвластных людей – узденей и чагар»[37].

Под ишкиль подходят только параграфы e) и f). Как уже говорилось, ишкиль не был связан с кланом-*тухум*ом и потому не касался кровомщения. В одном из приведенных выше писем прямо говорится: «Нельзя брать ишкиль в иске против убийцы»[38]. Только если при нападении случались ранения и убийства, кроме возврата ишкиля, полагалось дать виру (араб. *дийа*, тюрк. *алым*). Недаром, в одном из приведенных выше писем конца XVIII в. «кади и знать (араб. *кубара'*) Цудахара» просят акушинского кади «велеть их односельчанам послать кого-либо забрать виру (тюрк. *алым*) за то, что случилось между даргинцами, и освободить ишкилей (араб. мн. ч. *аша'кил*)»»[39]. У кровной мести и ишкиля в доколониальном Дагестане были четко разграниченные правовые поля. Поэтому в адатных кодексах ишкиль обычно помещали между статьями об убийствах и ранениях и штрафами за кражу и порчу собственности.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ АДАТА И ШАРИАТА

Условия и порядок применения ишкиля регулировала община-джамаат. В XVII–XIX вв. шла его постепенная кодификация. Нормы ишкиля сначала определялись во внутри- и межобщинных договорах-иттифак, а затем входили в состав адатных кодексов отдельных джамаатов и их союзов. Вместе с другими нормами местного адата на судьбе ишкиля сказалась пришедшаяся на этот период борьба общинников-узденей против горской знати. Недаром в Дагестане накануне русского завоевания различались адаты об ишкиле *бек*ов и *чанков*[40], с одной стороны, и общинников-узденей – с другой[41]. Характерный пример такого соглашения узденей был заключен в Аркасе в 1819 или 1820 г.:

Рис. 9. Хвала Аллаху, Господу миров! Да благословит Аллах и приветствует Мухаммеда, весь его род и сподвижников!

Это разъяснение на будущее.

Жители селений Мехтулы (кум. *Магьдул*), кумыков (*къумукъ*) и все араканцы (кум. *Гъаракан*) заключили соглашение[42] не подвергать ишкилю тех из них, кто не входит в их общину, но решать дела и тяжбы между собой как жители одного селения.

Уплачивать [долг] с недвижимого имущества (*ал-мал ас-сабит*)[43] согласно благородному шариату или по привычному [им] обычному праву (*расм*), учитывая вексель [должника], если у того есть имущество.

Если у него не имеется этого имущества, пусть должник будет взят и выдан в руки заимодавцу, головой отвечая за деньги, занятые им по договору.

Это решают кади и члены сельского суда (‘*урафа*’).

На кади и членов суда, не разобравших тяжбу внутри общины, оштрафовав ответчика в рублях (*р-б-л*, ?), ложится выкуп (*фидйа*) размером в *сом*[44] в пользу жителей селения.

Если после того как иск был завершен ими, истец возьмет с члена чужой общины ишкиль, то на нем – выкуп размером в сом.

Если истец уведомил жителей селения в том, что его дело не решено членами сельского суда и кади, подтвердив это устным заявлением своего кунака, с которым разделял хлеб-соль[45], а тот не постарался завершить его тяжбу, доведя иск до членов суда, кади и жителей селения, приложив к этому все силы, на кунака ложится выкуп размером в один сом.

Что же касается дел о воровстве, то кумыки и мехтулинцы передают их своему благородному правителю *шамхалу* Махди-хану[46].

Они написали данную бумагу (тюрк. *кагыз*) согласно его *фирману*[47] и повелению, а записали ее на собрании мехтулинцев и кумыков в Аркасе в присутствии правителя шамхала Махди-хана[48] в тысяча двести тридцать пятом году от хиджры, совершенной Пророком[49].

Свидетели [тому] из Тарков – *хаджи* Мухаммед-Али и Абдуррахман сын Аты; из [Нижнее] Казанище – Ахмед Черный, кадий Абдуррахман сын Абдал-лаха и Абакай сын Шейха; из Карабудахкента – Хусан-Акай, Баммат сын Муртаза-Али и Султан сын Надира, из Губдена – кадий Эльдар и Муса сын Сунгура; из Эрпели – эрпелинский хан Султан-Ахмед; из Дургели – кадий Вали и Мусалав сын Хубая; из [Нижнего] Дженгутая – Таймаз-хан и Атав; из Верхнего

[Дженгутая] – Мухамма сын Шалая; из Шуры – кадий Хасан, Али сын Паши и Осман сын Хамзы; из Параула – кадий Гасан-Гусейн; из Кадара – Муртаза-Али сын Жажи и кадий Аббас; из Охли – хаджи Мусалав и Пирбудаг; из Кулецмы – кадий Мухаммед-Амин и хаджи Омар, из Апши – Абдаллах-кади; из Аймаки[50] – кадий Магриб. Аллах же – лучший свидетель![51]

Тем самым ишкиль выводился за пределы действия общинного права (араб. *расм*). Сфера его действия ограничивалась «международными» спорами между общинами. Другие соглашения XVII–XVIII вв. запрещают применять его между джамаатами, объединившимися в конфедерацию-нахийа. В этом случае долг взыскивали сельские исполнители, представлявшие своего рода полицию (араб. *шурата*', авар. *гIелиби*)[52]. Адат узаконивал долговое рабство по отношению к неисправным должникам, выдавая их головой кредитору. Кроме того, вводились ограничения на применение ишкиля к должностным лицам общины – судьям-*кади*, глашатаям-*мангушам*, исполнителям, пастухам, ремесленникам и вынужденным много путешествовать студентам-*мута'аллимам*. Ишкиль нельзя было брать за околицей селения ответчика. Такие правила вводили, в частности, Уцмиевы адаты в Кайтаге[53].

С кодификацией ишкиля связана одна загадка. Переходя от переписки к соглашениям, а затем к кодексам, нельзя не заметить, что ишкиль постепенно пропадает со страниц общинного законодательства. В Кодексе Рустем-хана, Своде решений союза Андалал и Кодексе союза аварцев «Дары цветов, дремлющих во дворе адатов селений»[54] еще признается право кредитора взыскать долг при помощи ишкиля через старшин конфедерации. За противодействие захвату ишкиля или отказ принять в нем участие полагался крупный штраф[55]. Чуть более поздние Гидатлинские адаты запрещают брать ишкиль без разрешения старшин[56], а своды Цекоба и других аварских селений, составление которых завершилось ко второй трети XIX в., не называя ишкиля, штрафуют кунаков за участие в нем[57].

Не надо думать, что к этому времени обычай исчез. По косвенным данным, многие письма об ишкиле можно датировать первой и второй третью XIX в. Одно из них написано шамхалом Тарков-

ским Абу-Муслим-ханом, правившим в 1836–1860 гг. В обширной переписке имамата Шамиля (1834–1859) мне удалось обнаружить несколько писем, так или иначе связанных с ишкилем. Сам имам не раз выступал посредником при выдаче ишкиля в обмен на исполнение требований истца[58]. Вместе с тем знаменитый «Низам» Шамиля ни разу не упоминает про ишкиль, устанавливая денежные штрафы за воровство и обеспечение долга всем наличным имуществом[59].

Дело в том, что кодификация ишкиля пришлась на эпоху подъема шариатского движения, выступавшего против несовместимых с мусульманским правом местных обычаев, в первую очередь ишкиля. В XVIII в. отдельные дагестанские селения и их союзы заключали соглашения о приведении норм гражданского и имущественного права в соответствие с шариатом. Наиболее известны соглашения сходов союза Томурал (1710), гидатлинского селения Ассаб (1741–42), конфедераций Ахты-пара (до 1748), Акуша (1748–49), соглашение кумухцев с Сурхай-ханом II (1813)[60]. Отдельные нормы мусульманского права были включены в адатные кодексы. Один из них, принятый на сходе закатальских аварцев в Агдаме в 1751–52 г., запрещал ишкиль даже по отношению к чужим общинам, обязывая джарцев решать имущественные иски либо по шариату либо по адату[61]. Мусульманские правоведы пытались вывести ишкиль за пределы как мусульманского, так и обычного права.

Письма об ишкиле наводнила исламская риторика. В них зазвучали призывы отказаться от «недозволенного насилия» и «отвратительной несправедливости»[62]. Например, обращаясь к джамаату Кудали с просьбой приструнить подчинявшееся ему селение Маали, каралальцы писали:

Рис. 10. От кади, старшин, знати и прочих мужчин (араб. *арруаса ва-ль-кубара ва-ш-шуббан*) [союза] селений Каралал к кадию, старшинам, судьям (*алукала*) и прочим [жителям] города Кудали бесконечный привет.

Пока светит Арктур, удачи вам и радостных вестей!

Поистине, маалальцы стали заносчивы с нами и неоднократно брали ишкили у наших односельчан вопреки разрешенному среди

мусульман (*мин гайр сабил ал-муслимин*) несмотря на то, что мы поступаем, как положено между мусульманами, о чем мы сообщаем изустно через кунака, которого посылаем к вам и иным из вашего [общества], дабы установить [истину] из рассказа заслуживающего доверия (*ал-савик*)[63] кунака. Прикажите же им (маалинцам. – *В.Б.*) отдать [захваченное] у наших односельчан в ишкили, если вы справедливы и законопослушны. Ведь мы с вами подобно спине и животу связаны происхождением от одних и тех же древних предков, и между нами не должно быть ничего, кроме взаимной дружбы и любви... Наша речь – это речь великодушных, а не насильников.

Остальное вы узнаете из уст этого вестника, которого мы послали к вам, желая, чтобы вы поступили с ними (маалинцами. – *В.Б.*) по закону (*ал-хакк*), ведь они являются одной из ваших общин (араб. *таифа*), так присмотритесь внимательнее к своим речам[64].

Вот еще одно письмо такого рода:

Рис. 11. Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

Великие и справедливые старшины (араб. *руаса ва-кубара ва-урафа*) жителей Тукита (авар. *ТIукал*) [шлют своим] дорогим братьям и верным друзьям, великим и справедливым старшинам и большинству общины Инхело[65], привет и [пожелания] вечных милостей [Аллаха]. Аминь.

Еще мы хотим от вас, чтобы вы приказали своим односельчанам, как вам удобно и нам приятно, прекратить брать на основании ложных доводов ишкиль у наших односельчан и перейти от ишкиля к полному окончанию тяжбы. Мы же будем стремиться решить ее по благородному шариату или законному обычаю (*расм*). Будьте здоровы![66]

Примеры такой переписки можно приводить долго. Многочисленные выпады против ишкиля говорят как о делегитимизации этого обычая, так и о его устойчивости. Интересно отметить, что среди жертв и инициаторов ишкиля нередко встречались и ревнители шариата из числа сельских кади. Письма полны этими примерами. Например, акушинский кади пишет кади Шамсутдину, что укра-денная у того кобылица с приплодом возвращена ему, и

просит его отпустить ишкиль[67]. Его преемник обращается к общине Чуни, прося «приказать их односельчанину отпустить ишкиль имама Куппы»[68]. Большинство писем об ишкиле написано от лица кади, защищавших интересы своих односельчан, и адресовано опять-таки кади и сельским имамам. Таким образом, даже сторонники шариатского движения были вовлечены в ишкильное противостояние.

ИШКИЛЬ НА ОКРАИНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Российская империя также столкнулась в Дагестане с проблемой ишкиля. В последней трети XVIII и первой половине XIX в. отношение к этому явлению российских властей претерпело сильные изменения. На первых порах они смирились с барантованием и даже сами применяли ишкиль к нарушителям закона. Как прекрасно показал в своих работах Томас Барретт, оказавшись в пограничье (англ. *frontier*), русские испытали сильнейшее влияние местных нравов и обычаев[69]. Так, в 1753 г. владелец Костека Алишбек испрашивал у кизлярского коменданта бригадира И.Л. фон Фрауендорфа подтвердить «разрешение (*фурман*) брать барамту в Аухе», выданное им приехавшему от русских в Костек некоему Кантемиру[70]. Включаясь в систему ишкильного противостояния, комендант Кизлярской крепости И.С. Вишняков выдавал в сентябре 1783 г. людям шамхала Тарковского Муртада-ʻАли временные паспорта (рус. *билет*, кум. *йол кагызлар*) на проезд через русские владения, «чтобы по дороге с ними не случился ишкиль»[71].

Но уже в первой половине XIX в. русские военные власти решительно выступали против ишкиля, характеризуя его как «самоуправство». Общее видение проблемы в этот период сильно напоминало разобранную выше политику имамата. Показательна характеристика ишкиля в примечании к русскому переводу Кодекса Рустем-хана (1860 г.): «Обычай этот служил поводом к беспрерывным грабежам и разбоям»[72]. Тут хорошо чувствуются типичное для того времени ориенталистское клише о дикости горцев и их склонности к разбою. К этому времени ишкиль нередко получал антироссийскую политическую окраску. Сельские общины и конфедерации на границах имамата и Российской империи использовали его как средство политического давления на горскую знать (*беков, чанков*) и мусульманскую элиту (*кади, ʻулама'*), перешед-

шую на службу империи. При помощи ишкиля старшины джамаатов пытались освободиться от уплаты новых податей русским.

Ситуацию времен Кавказской войны (1817–1864) неплохо рисует одно из последних писем об ишкиле, в котором шамхал Тарковский Абу-Муслим-хан требует от общины Чиркея вернуть захваченный у него скот, угрожая довести инцидент до сведения русских военных властей:

Рис. 12. Благородный Абу-Мулим-хан[73] желает *кади*, справедливым и благочестивым старшинам (*ал-'укала' ас-сулаха'*) и общине Чиркея[74] мира и удачи от Предвечного Аллаха на пути искренних и верных!

Толпа ваших односельчан захватила у моих людей двадцать одну пару быков и заточила в тюрьму двух моих людей в виде ишкиля (*бисм ал-ишкил*). Что за отвратительное дело вы учинили с моими людьми! Ведь я никогда прежде не захватывал ничего из вашего скота и лошадей, даже из взятого у вас беками (*'умара'*) Туркали[75] с разрешения моего брата Шамхала[76], а затем возвращенного вам согласно договору. За мной нет ни ваших лошадей, ни нарушения закона по отношению к вам. Так зачем поступать так дурно? Каковы будут последствия, если ваш поступок станет известным русским властям? [Не знаю], стараетесь ли вы обмануть нас и русских лживыми обещаниями и фальшивыми договорами или же то, о чем мы узнали (захват ишкилей. – *В.Б.*), есть начало расторжения обещаний и нарушения договоров. Если [верно] первое, то мы в отличие от русских не поддадимся обману. Совсем нет. Мы с русскими различаем добродетельных от злодеев. Если [верно] второе, то кто же поддержит вас, когда станет известно о возобновлении утихшей было смуты (*фитна*). О, возлюбленные братья, не распространяйте порока и смуты. Заставьте замолчать[голоса] порочных. Верните задержанный скот и людей, чтобы ваш поступок не заставил вас раскаяться в содеянном и не привел вас к убыткам. Хорошенько подумайте! Поистине, разум удаляет... и прочее. Будьте здоровы![77]

Приведенный документ показывает, что при принятии российского подданства сельские общины и конфедерации обещали не применять ишкиля на территории империи, что вполне согласо-

вывалось с принципами местного адата. Рецидивы его случались, пока шла Кавказская война. Но после разгрома имамата и «умиротворения» горцев в 1859 г., подавления последнего крупного антироссийского восстания 1877 г. ишкиль терял под собой почву. С одной стороны, его противники были как в лагере русских, так и среди сторонников имамата. После окончания Кавказской войны большинство шамилевских *на'ибов* и *кади* остались в Нагорном Дагестане на своих постах уже как чиновники введен-ного здесь в 1860 г. косвенного «военно-народного управления», при котором власть на местах была оставлена в руках местной элиты, поставленной после подавления восстания 1877 г. под жесткий контроль русских военных. Уцелевшая мусульманская элита общин дружно выступала за отмену ишкиля.

Что еще более важно, с окончанием русского завоевания были уничтожены полуавтономные социальные поля, в которых прежде практиковался ишкиль. Мусульманское пограничье превращалось во внутренний регион империи. К 1867 г. на территории Дагестанской области были упразднены последние ханства. Сельские конфедерации стали административными единицами девяти округов (*наибства*, араб. *нахийат*), на которые был разделен пореформенный Дагестан. Из полунезависимого военно-политического образования джамаат превращался в основную податную и судебно-административную единицу военно-народного управления, перестраиваемую в крестьянскую общину по русскому пореформенному образцу (*сельское общество*). Сельские ополчения были преобразованы в отряды иррегулярной жандармерии (*горской милиции*), а в 70-е гг. по большей части распущены.

Реформы лишили ишкиль как правовой, так и социальной опоры. Сохранив правовую автономию обычного и мусульманского права[78], государство создавало для них новое социальное поле в бессословной пореформенной общине. Противостояние общины и знати потеряло свое значение. Потеряв былые привилегии, горская знать входила в российское дворянство. Мусульманская духовная элита в Дагестане не получила подобно другим регионам империи привилегированного статуса и постепенно сливалась с узденской верхушкой. Согласно «Положению о сельских обществах» 1868 г., сельский сход и словесный суд, контролируемые старшиной, мог-

ли рассматривать по шариату только гражданские и имущественные иски (включая займы, обязательства и сделки) до 100 руб., а по адату – «воровство» и мелкие уголовные правонарушения, ущерб от которых не превышал 30 руб.[79] Приводившие к ишкилю имущественные споры узденей со знатью и между общинами перешли в окружные и Дагестанский народный суды по адату и шариату. Всякое неповиновение властям каралось военными судами по общим законам империи[80].

Быстро менялось и обычное право. В 50–70-е гг. XIX в. по инициативе местных властей в Дагестанской и Терской областях сельские сходы пересматривали нормы адата, отменяя те из них, которые нашли «вредными и несоответствующими духу настоящего времени»[81]. В число «вредных адатов», конечно, попал ишкиль, с этого времени исчезающий со страниц адатных кодексов, судебных дел и даже этнографических описаний «юридического быта»[82]. Характерно выступление против «вредных адатов члена» сельского суда из Темир-Хан-Шуринского округа: «В них есть много такого, что не может понравиться русским. Если мы не поспешим выкинуть или исправить некоторые из адатов, то мы, наверно, дождемся того дня, когда через них мы потеряем право решать свои домашние дела по адату». Эта речь сильно взволновала сход, и только после выступления кади в поддержку адата предложение отвергли[83].

НАСЛЕДИЕ ИШКИЛЯ

В результате российских завоеваний и реформ уже к концу XIX в. ишкиль исчезает из быта и даже языка дагестанских мусульман. Уже в начале XX в. смысл этого слова стал непонятен большинству дагестанцев. За несколько десятилетий Российская империя добилась того, что не удавалось ни деятелям шариатского движения XVIII–XIX вв., ни средневековым улемам, на протяжении столетий боровшихся с ишкилем[84]. Как ей это удалось? Почему ишкиль не пошел по пути баранты, которая, как показала на казахских материалах Мартин, адаптировалась к новым колониальным порядкам, потеряв при этом прежнее правовое значение в разрешении споров между кланами и общинами. Перейдя в сферу отношений мусульманских общин с государством, барантование превра-тилось в ко-

нокрадство, новый адат и бич колониального общества, с которым ни Российская империя, ни СССР не смогли справиться на протяжении десятилетий[85].

Я не хочу подвергать здесь сомнению выводы, к которым пришла в своих работах американская исследовательница. Мой тезис заключается в другом. Судьба ишкиля показывает, насколько многообразно шло развитие мусульманского общества и его права, адаптировавшихся к новым условиям жизни в пограничье сначала Российской, а затем Советской империи. Не следует абсолютизировать опыт ни одной отдельной окраины империи. Ни Казахская степь, ни Нагорный Дагестан не дают нам универсального примера колониальной трансформации обычного права и местного мусульманского общества под российскими реформами. Ведь даже режим военно-народного управления, задуманный для всего Кавказского края, удалось более-менее реализовать только в Дагестанской области. Другие области Северного Кавказа перешли в 1882 г. в ведение Военного министерства, а в Закавказье было установлено общероссийское губернское управление[86].

Причинами исчезновения ишкиля в Дагестане, как уже говорилось, были уничтожение полуавтономных социальных полей доколониального джамаата и мусульманских ханств, а также позиция, занятая представителями мусульманской духовной элиты, в руки которых перешла власть над общиной. Ишкиль был характерной практикой мусульманского пограничья империи, которая должна была отмереть после того, как Дагестан оказался в тылу России. К тому же судьба адата в дореволюционном Дагестане сложилась не так, как это было в Казахской степи и даже в не столь отдаленных от него Чечне, Кабарде или Адыгее. С одной стороны, в этих районах не было шариатского движения XVIII в., охватившего Нагорный Дагестан и приведшего к созданию имамата, в течение почти четверти столетия сопротивлявшегося нажиму Российской империи. С другой стороны, Дагестан XIX в. не испытал ни массовой эмиграции замиренных горцев в Османскую империю, ни переселений из Центральной и Южной России.

Государство продолжало бороться с барантой до советского времени. В 1928 г. она попала в число «преступлений, составляющих пережитки родового быта» (X гл. УК РСФСР). Ишкиль же

не вписался в мусульманское сопротивление властям империи и постепенно исчез еще в XIX в. Лишь его отдельные элементы – набег с похищением скота и заложников, конокрадство – сохранились в Дагестане до конца XX в. В периоды ослабления государства в годы двух русских революций, Гражданской и Отечественной войн, двух постсоветских российско-чеченских военных кампаний все вовлеченные в конфликт стороны широко использовали подобные действия[87]. В труднодоступных горных районах региона действовали сельские банды, специализировавшиеся на конокрадстве и заложничестве. Новый всплеск криминальной активности начался в Северном Дагестане и Чечне в 90-е гг. XX в. Но еще в дореволюционную эпоху все эти действия перестали ассоциироваться с ишкилем.

Не вписавшись в имперскую колониальную систему, ишкиль в отличие от баранты и кровной мести избежал превращения в новое «колониальное правонарушение». Его не затронул ни разработанный в наместничество князя А.И. Барятинского (1856–1862) и реализованный при его преемнике великом князе Михаиле Николаевиче (1862–1881) амбициозный проект поддержки адата с опорой на общину-джамаат в ущерб шариату и мусульманскому повстанчеству, ни попытки заменить колониальные адаты «революционным» шариатом в первое десятилетие советской власти, ни кампания создания советов старейшин времен «застоя» 60–70-х гг., ни попытки постсоветских властей опереться на возрожденную мусульманскую общину и «полезные адаты» горцев. Ишкиль отошел в историю и принадлежит сегодня к забытым адатам, которые неудобно, да и непросто вспомнить.

Примечания

[1] *Martin V.* Barymta: Nomadic Custom, Imperial Crime // Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1750–1917 / Ed. By Daniel Brower and Edward Lazzerini. Bloomington, 1997. P. 249–270. Статья, опубликованная В. Мартин в известном сборнике «Российский Восток», была переработана в заключительную главу ее монографии о колониальной трансформации общества и права кочевников Казахской степи в составе Российской империи: *Martin V.* Law and Custom in the Steppe. Richmond, 2001. P. 140–155. Имеется недавний русский перевод статьи 1997 г.: *Мартин В.* Барымта: обычай в глазах кочевников, преступление в глазах империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 360–388.

[2] Рукописный фонд Института истории, археологии, этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (далее: РФ ИИАЭ), ф. 16 (Письма), оп. 1, № 1260–1310; оп. 2, № 402; ф. 1, оп. 1, д. 286, 289, 426, 444.

[3] *Радлов В*. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1861. Т. 4. Ч. 2. С. 1481.

[4] В этом месте документ порван и два слова не удалось прочесть.

[5] Баршамай – даргинское селение в составе Кайтагского уцмийства, Харахи – аварское селение Койсубулинской конфедерации общин (авар. *Хьиндалал*) в горах Среднего Дагестана.

[6] Переход к содержательной части документа здесь и в других документах отмечен выделенной более крупным почерком стандартной фразой *ва ба'д* («А затем»), которая имеет синтаксическое значение красной строки и потому опущена в переводе.

[7] Букв. «привет от *кяф* до *каф*» (обратный порядок двух соседних букв арабского алфавита).

[8] Оригинал письма хранится в РФ ИИАЭ, ф. 16, оп. 1, № 1260. Написан на клочке грубой бумаги местного производства размером 78/82х152 мм, без даты, вероятно, XVIII в.

[9] Карах – аварская конфедерация общин в верховьях р. Кара-Койсу, Гоцатль – аварское селение на южных границах Аварского ханства, Кахаб-росо (авар. *ХъахIаб-росо*, букв. «Белое село») – другое аварское селение за пределами Хунзахского плато, тоже относившееся к Аварскому ханству.

[10] Турецкий пиастр, ходивший на Восточном Кавказе конца XVIII – начала XIX в. наравне с российской 10-рублевой серебряной монетой.

[11] РФ ИИАЭ, ф. 16, оп. 1, № 1276. Договор на бумаге местного производства размером 63х152/155 мм, без даты, вероятно, XVIII – начало XIX в.

[12] Две аварских общины. Первая в изучаемое время принадлежала к большому и сильному союзу Андалал, вторая – к конфедерации аварцев Салатавии на востоке от Салатавского хребта.

[13] Речь идет об очистительной присяге, широко распространенной в судах по адату. К ней прибегали в случае отсутствия прямых улик или свидетелей. Подозреваемый мог очиститься, если один или несколько родственников из его тухума, известных честностью, поклянутся, что он невиновен. Количество присягавших зависело от тяжести преступления и определялось согласно местному адату. Если обнаруживалась ложность присяги, клятвопреступник нередко обязан был развестись с женой (так называемая кебинная присяга, от *кебин*, тюрк. «брак»). Для очищения от подозрения в воровстве, по адату, требовалось два заслуживающих доверия свидетеля, связанных с обвиняемым узами родства или (как в данном случае) куначества. Исил Мухаммед из Маали был кунаком кудалинца, заподозренного в краже у его односельчан из Маали.

[14] РФ ИИАЭ, ф. 16, оп. 1, № 1267. Оригинал документа на бумаге местного производства размером 82/84х134 мм, без даты, с оттисками двух арабских перстней-печаток, вероятно, XVIII в.

[15] Сиух – аварское селение Койсубулинской конфедерации, Килатль – аварский союз общин в составе конфедерации Гумбет на севере Нагорного Дагестана.

[16] РФ ИИАЭ, ф. 16, оп. 1, № 1261. Оригинал документа написан на бумаге местного производства размером 80х150 мм, без даты, вероятно, относится к концу XVIII в.

[17] Гоор – аварский джамаат, входивший в союз Андалал, но к XVIII в. отделившийся от него. Аймаки – аварское селение, подчинявшееся Мехтулинским ханам.

[18] РФ ИИАЭ, ф. 16, оп. 1, № 1269. Оригинал договора на бумаге местного производства размером 66х116 мм, вероятно, XVIII в. или начало XIX в.
[19] Цудахар – сильный союз сельских общин даргинцев в Среднем Дагестане. Усиша – даргинское селение, входившее в конфедерацию горцев Акуша-Дарго. Во главе обоих союзов стояли выборные муфтии.
[20] Как и в письме на рис. 3, речь идет об очистительной присяге.
[21] РФ ИИАЭ, ф. 16, оп. 1, № 1263. Оригинал на бумаге местного производства размером 82х90 мм, без даты, вероятно, XVIII в.
[22] Тюрк. «вира за пролитие крови». Синоним араб. *дийа*.
[23] РФ ИИАЭ, ф. 16, оп. 1, № 1262. Оригинал на бумаге местного производства размером 86х108 мм, с оттиском смазанной арабской печати, без даты, вероятно, XVIII в.
[24] Вероятно, письмо написано от имени Тарковского шамхала Эльдар-бека сына Муртузали Казанищинского, правившего в 1735–1744 гг.
[25] Аргвани – крупная аварская община из конфедерации Гумбет на севере Нагорного Дагестана.
[26] РФ ИИАЭ, ф. 16, оп. 1, № 1272. Оригинал. В отличие от предыдущих писем об ишкиле документ написан более изящным почерком на бумаге больших размеров (148/151х139/132 мм) и лучшего качества, ближневосточного происхождения. По времени правления Эльдар-бека можно отнести его к 1730–1740-м гг. На обороте круглая арабская печать.
[27] РФ ИИАЭ, ф. 16, оп. 1, № 1305.
[28] Там же. № 1267 об., 1279, 1292.
[29] Этимология термина неясна. Если видеть в ишкиле перевод местного понятия на арабский, что вообще-то характерно для правовой лексики доколониального Дагестана, скорее, он ближе к корню *ш-к-л*: «спутывать животное» (*шаккала*), «путы» (*шикал*). Термин употребляется с арабскими глаголами «брать» (*ахаза*, чаще всего), «пленять» (*хабаса*), «отдавать» (*атлака*), «возвращать» (*радда*).
[30] Хотя *мулк* относится к общим категориям мусульманского права, его существование в Дагестане изучаемого периода в немалой степени зависело от норм местного адата.
[31] Соглашение ободинцев касательно наказания доносчиков из числа своих земляков (конец XVIII в.) // *Айтберов Т.М.* Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII–XIX вв. Махачкала, 1999. Ч. 2. С. 99, 100.
[32] *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. Т. 2. М., 1890. С. 133; *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988. С. 162–163.
[33] *Moore S.F.* Law and Social Change in the Semi-autonomous Social Field as an Appropriate subject of Study // Law and Society Review. 1973, № 7. P. 720.
[34] Подробнее см.: *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. М., 2002. С. 30–31, 321.
[35] Соглашение танусинцев с буцринцами по различным правовым вопросам (1217/1802–1803 г.) // *Айтберов Т.М.* Хрестоматия. Ч. 2. С. 104.
[36] *Гродеков Н.И.* Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области // Степной закон / Сост. А.А. Никишенков. М., 2000. С. 128.
[37] *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Нальчик, 2002 (перепечатка одесского издания 1882 г.). Вып. 1. С. 299, 300.
[38] РФ ИИАЭ, ф. 16, оп. 1, № 1261. См.: Рис. 4.
[39] РФ ИИАЭ, ф. 16, оп. 1, № 1262. Рис. 7.
[40] *Чанками* в Дагестане называли потомков от браков беков и ханов с женщинами из узденей. Правовой статус их был ниже горской знати. В борьбе общин со знатью чанки держали сторону последней, хотя некоторые из них и переходили на

сторону общин. Из крупных политических деятелей первой трети XIX в. к чанкам принадлежал имам Гамзат-бек, в юности поддерживавший тесные связи с домом *нуцалов* Аварии, но затем порвавший с ним и перебивший летом 1834 г. в Хунзахе род аварских ханов.

[41] Акт касательно перехода вихлинского чанки в сословие узденей и о правовых последствиях этого (начало XVIII в.) // *Айтберов Т.М*. Хрестоматия. Ч. 1. С. 35.

[42] Речь идет о политико-правовом договоре (араб. *иттифак*) между союзами общин, входившими в Мехтулинское ханство, конфедерацией во главе с кумыкским сел. Кафыр-Кумух и джамаатом аварцев во главе с сел. Аракани.

[43] В арабском оригинале стоит «недвижимость» (*ал-мал ас-сабит*), но, по мнению Т.М. Айтберова, это ошибка и речь идет о скоте. В тексте много тюркизмов, а по-кумыкски мал означает «мелкий скот». См.: *Айтберов Т.М.* Хрестоматия. Ч. 1. С. 97.

[44] Османская денежная единица.

[45] Букв. «кунака по ячменной каше» (араб. *дайф ас-савик*).

[46] Шамхал Тарковский Махди-хан (II) сын Мухаммед-шамхала и отец упомянутого в документе 3.2. Абу-Муслим-хана правил в 1796–1830 гг.

[47] В подражание указам боровшихся тогда за власть над Дагестаном султанов османской Турции и шахов сефевидского Ирана шамхалы Тарковские также называли свои указы фирманами (перс.).

[48] Т.М. Айтберов связывает проведение собрания в Аркасе с передачей в 1818 г. генералом А.П. Ермоловым, который командовал в 1816–1827 гг. Кавказским корпусом русской армии, мехтулинских и бамматулинских владений шамхау Тарковскому Махди-хану. *Айтберов Т.М*. Хрестоматия. Ч. 2. С. 75.

[49] 1235 г.х. = 1819–20 г.

[50] Свидетели договора собрались из аварских, кумыкских и даргинских селений, частью подвластных мехтулинским ханам, а частью граничивших с землями ханства.

[51] РФ ИИАЭ, ф. 16, оп. 1, № 1271.Оригинал соглашения записан на листе голубоватой бумаги европейского производства размером 207х168 мм и заверен на обороте арабской печатью Махди-шамхала. Переводы соглашения опубликованы Т.М. Айберовым, а затем автором данной главы. См.: *Айтберов Т.М.* Хрестоматия. Ч. I. С. 96–98 и описание рукописи на с. 23, 24; Обычай и закон в письменных источниках из Дагестана V – начала XX в. / Сост. и отв. ред. Бобровников В.О. Т. 1. До присоединения к России. М., 2009. С. 145–147. В настоящем издании уточнены правовые понятия источника.

[52] РФ ИИАЭ, ф. 16, оп. 1, № 1267 об. и др., passim.

[53] Их русский перевод см. в кн.: *Омаров А.С.* Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968. С. 186, 189, 190.

[54] Последний источник более известен под подложным названием «Кодекс законов Умму-хана». В 2001 г. М. Кемпер, работая в РФ ИИАЭ вместе с автором этих строк, обнаружил фотокопию оригинала кодекса с подлинным заголовком. Разбор этого кодекса см. в кн.: Kemper M. Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan von den Khanaten und Gemeindebunden zum gihad-Staat. Wiesbaden, 2005. S. 334, 335.

[55] *Омаров А.С.* Из истории права… С. 179–182; Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. / Сост. Х.-М.О. Хашаев. М., 1965. С. 265–267, 63.

[56] Гидатлинские адаты. / Публ. и пер. М.-С.Дж. Саидова под ред. Х.-М.О. Хашаева. Махачкала, 1957. С. 20, 40.

[57] Памятники обычного права Дагестана… С. 99. См. также: РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, № 1658; Хроника войн Джара в XVIII столетии / Пер., комм. П. Жузе. Баку, 1931. С. 66.

[58] *Омаров Х.А.* 100 писем Шамиля. Махачкала, 1997. С. 110, 116, 146, 174; *Омаров Х.А.* Образцы арабоязычных писем Дагестана XIX в. Махачкала, 2002. С. 95.
[59] Кодекс Шамиля, Махачкала, 1992 (перепечатка дореволюционного русского издания Низам Шамиля // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис, 1870. С. 13, 25–28.
[60] *Айтберов Т.М.* Хрестоматия. Ч. 1. С. 36–37, 42, 44–71; Ч. 2. С. 105, 106.
[61] Хроника войн Джара… 66–67.
[62] РФ ИИАЭ, ф. 16, оп. 1, № 1264.
[63] Вероятно, описка вместо ал-васик, араб. «надежный», «заслуживающий доверия».
[64] РФ ИИАЭ, ф. 16, оп. 1, № 1267 об. Документ записан на обороте приведенного выше письма XVIII в. См.: рис. 3.
[65] Тукита, Верхнее и Нижнее Инхело – горские общины союза Карата по Ахвахскому притоку р. Андийское Койсу на северо-западе Дагестана.
[66] РФ ИИАЭ, ф. 16, оп. 2, № 402. Оригинал на клочке грубой бумаги местного производства размером 55/57х92 мм, без даты, вероятно, XVIII или начало XIX в.
[67] РФ ИИАЭ, ф. 16, оп. 1, № 1274.
[68] Там же. № 1287.
[69] *Барретт Т.М.* Линии неопределенности: северокавказский «фронтир» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет: императорский период. Самара, 2000.
[70] *Оразаев Г.М.-Р.* Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. Опыт историко-филологического исследования документов фонда «Кизлярский комендант». Махачкала, 2002. С. 192, 193.
[71] Там же. С. 374, 375.
[72] *Омаров А.С.* Из истории права… С. 177.
[73] Шамхал Тарковский Абу-Муслим-хан, сын Махди-шамхала, правивший в 1836–1860 гг.
[74] Чиркей – главное селение аварской конфедерации Салатавии.
[75] Туркали – река, по имени которой назывались относившиеся к шамхальству и принадлежавшие кумыкским бекам сел. Торкали-Узень, Альбурикент и Кяхулай. Ныне в границах гор. Махачкала.
[76] Речь, похоже, идет о старшем брате Абу-Муслим-хана Сулейман-паш, занимавшем престол шамхальства Тарковского в 1830–1836 гг. Ко времени его краткого правления следует отнести и упомянутый в письме инцидент, когда туркхалинские беки угнали в виде ишкиля стадо из Чиркея.
[77] РФ ИИАЭ, ф. 16, оп. 1, № 1308. Оригинал письма написан на листе бумаги размером 114х177 мм, без даты, относится, скорее всего, к концу 30-х гг. XIX в. На обороте оттиск квадратной печати-перстня Абу-Муслима.
[78] По Проекту об управлении Дагестанской областью (1860), «Судопроизводство в Дагестанской области отправляется... по адату и шариату и по особым правилам, постепенно составляемым на основании опыта и развивающейся в них потребности...». См.: Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее: АКАК). Т. XII. Тифлис, 1904. С. 435.
[79] Проект положения о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Дагестанской области / Хазихи кава‘ид фи байан джама‘ат кура вилайат ад-Дагистан вафи тадбир умури-хим ва-л-хукук ал-ваджиба ‘ала ахали ал-кура ли-л-фадишахиййа ва ли-л-джама‘а. Темир-Хан-Шура, 1898. С. 2, 3, 8, 9, 14.
[80] АКАК. Т. 12. С. 436, 437.

[81] *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Вып. 1. С. 60.
[82] Там же. С. 41. Примеч. 2.
[83] *Амиров Г.А.* Среди горцев Северного Дагестана // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис, 1873. С. 40.
[84] *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа. С. 61. См. также: *Шихсаидов А.Р.* Ахмад ал-Йамани // Ислам на территории бывшей Российсколй империи: энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М., 2006. Т. 1. С. 43.
[85] *Мартин В.* Барымта. С. 376.
[86] *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа. С. 166–171.
[87] Подробнее об этом см. в моей кн.: *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа.

Приложения

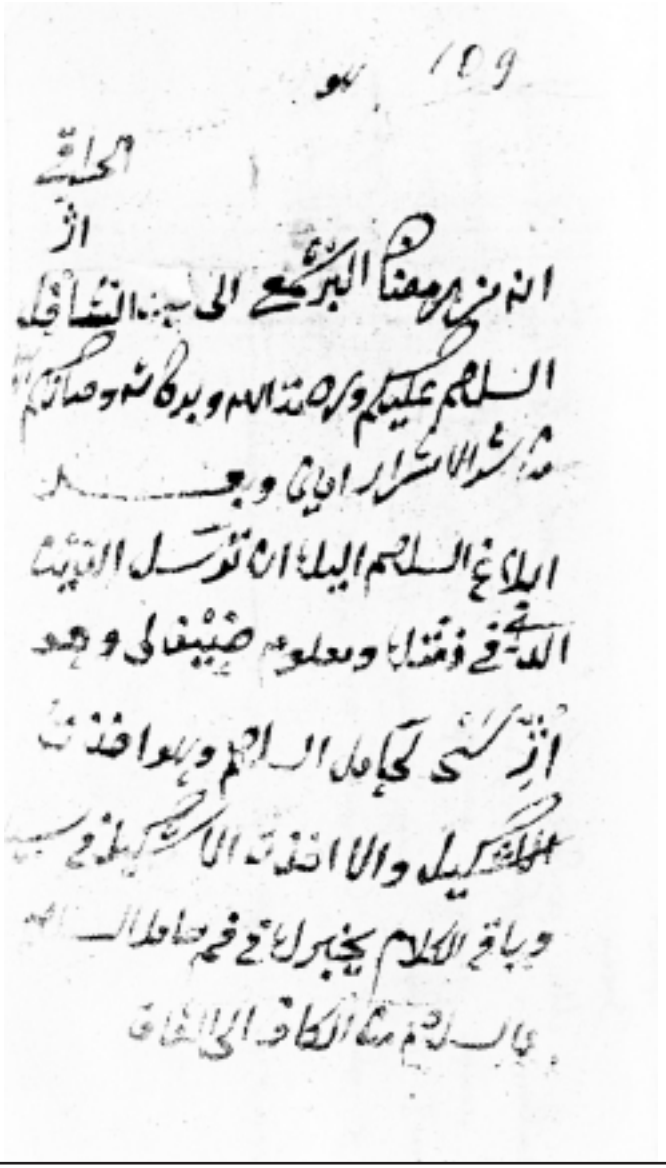

Рис. 1.

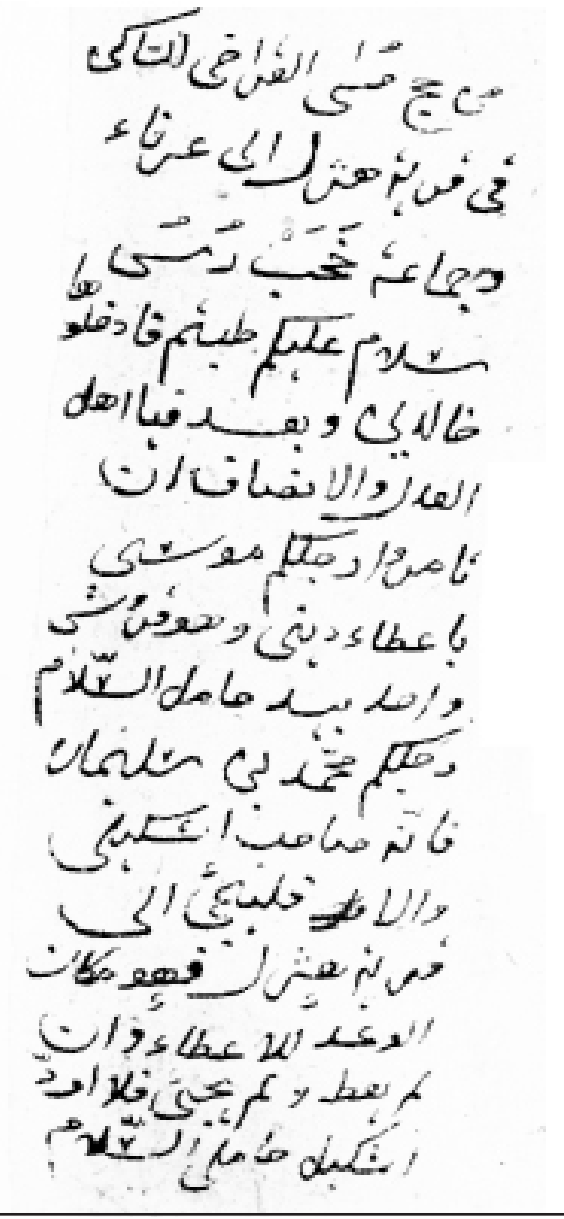

Рис. 2.

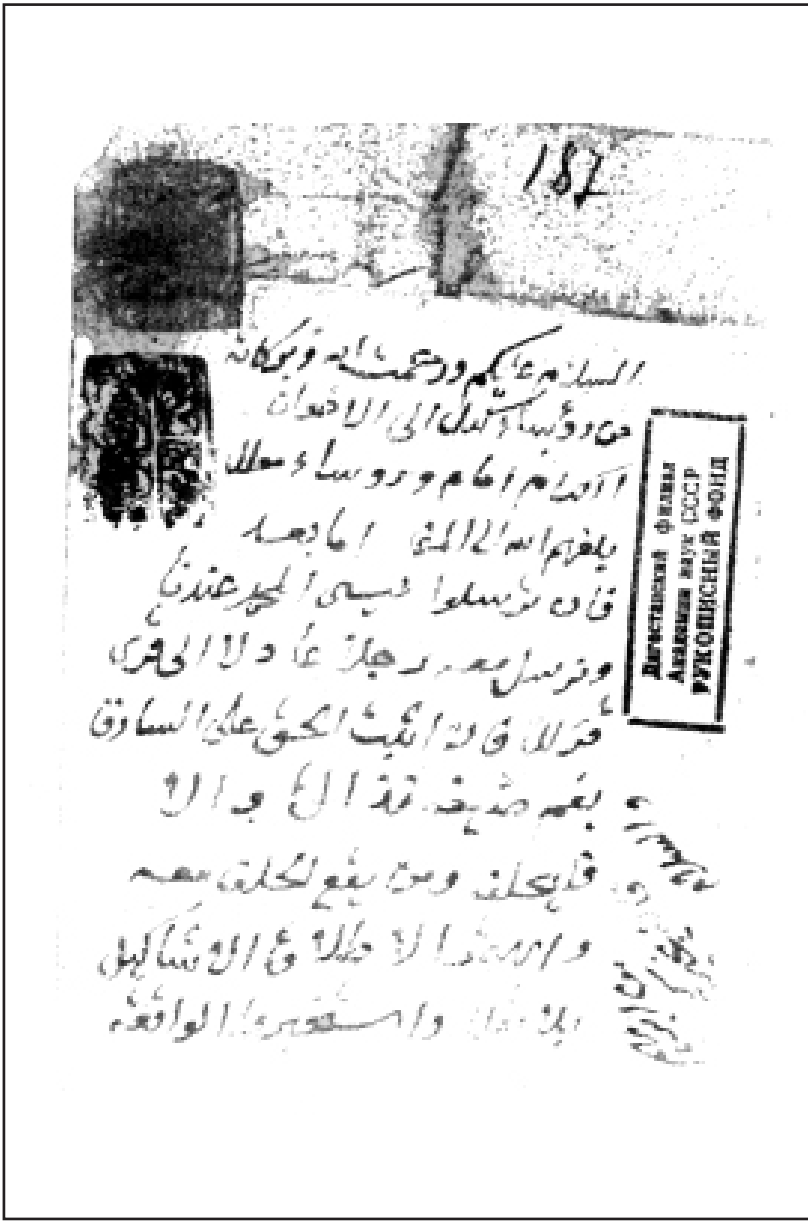
187
Дагестанский филиал
Академии наук СССР
РУКОПИСНЫЙ ФОНД

Рис. 3.

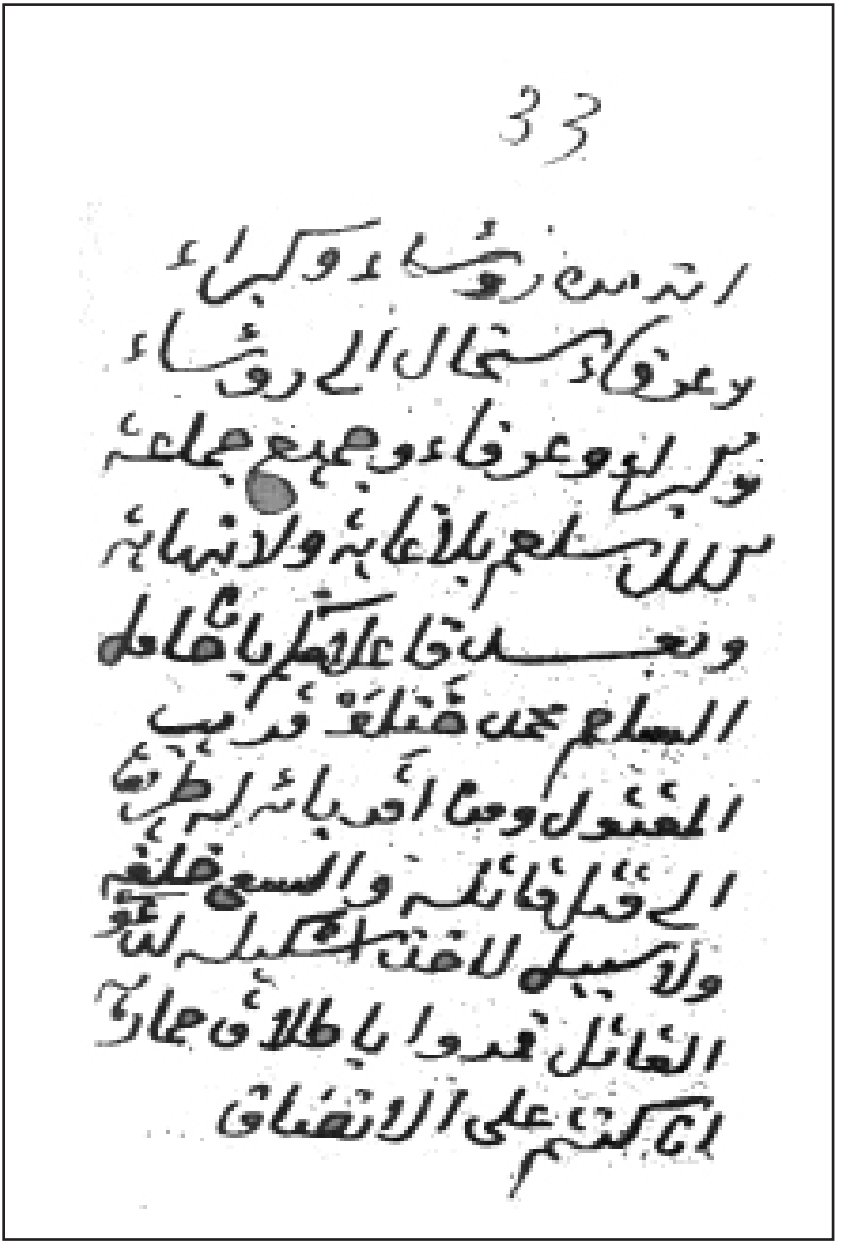

Рис. 4.

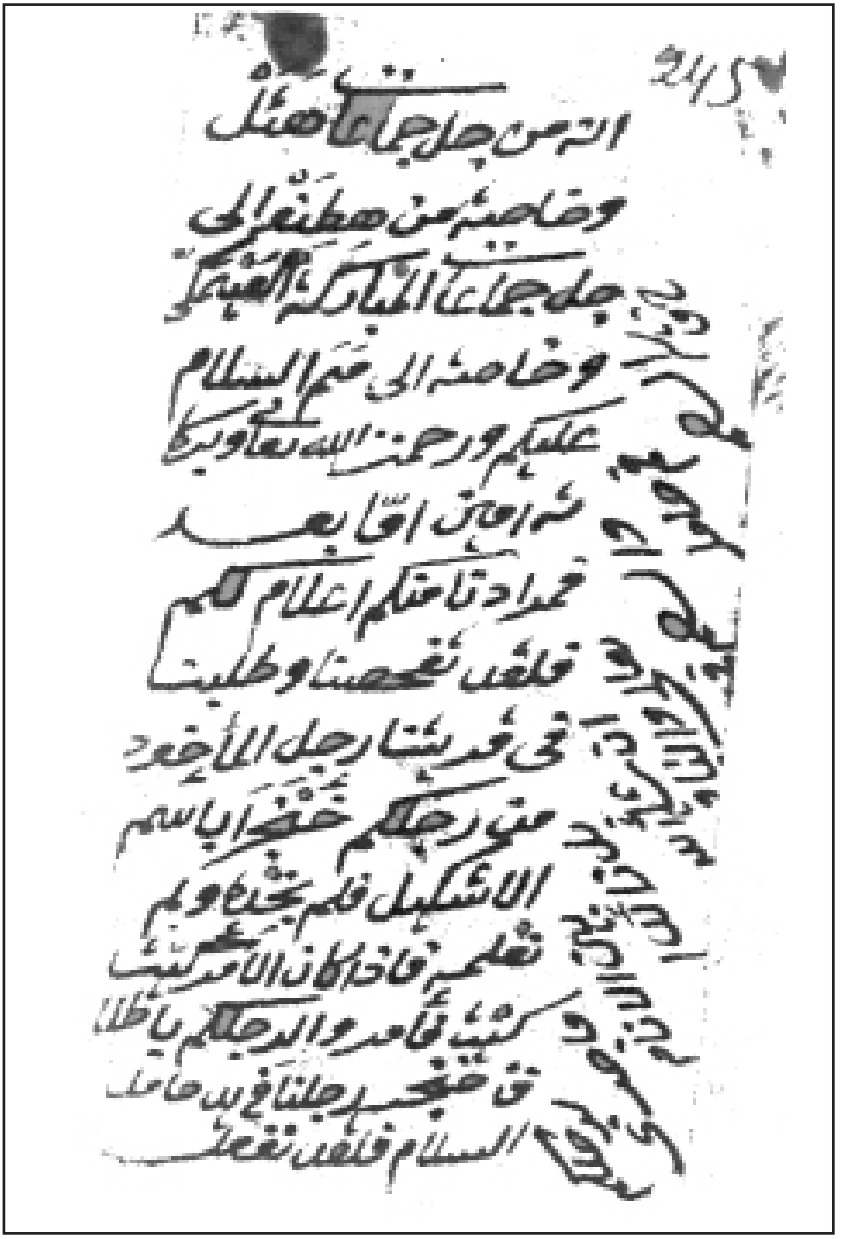

Рис. 5.

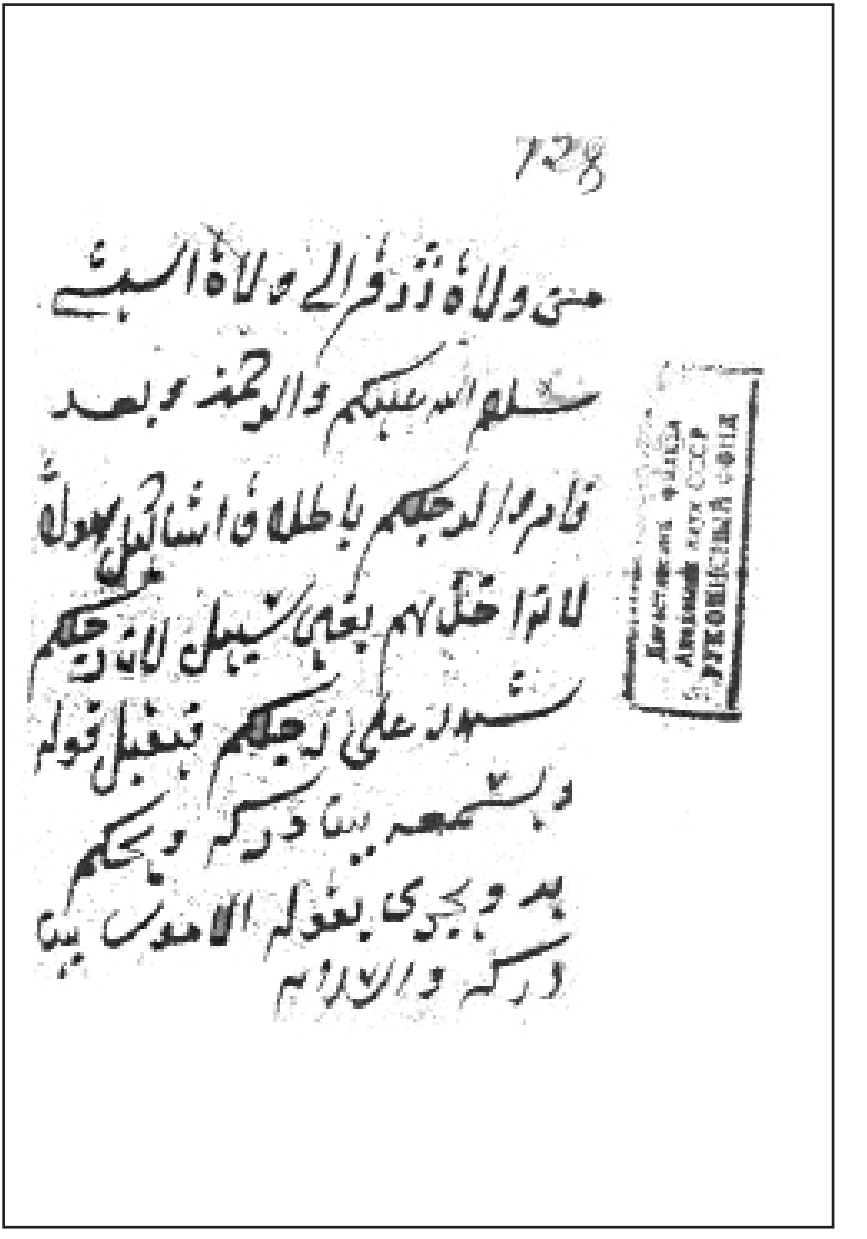

Рис. 6.

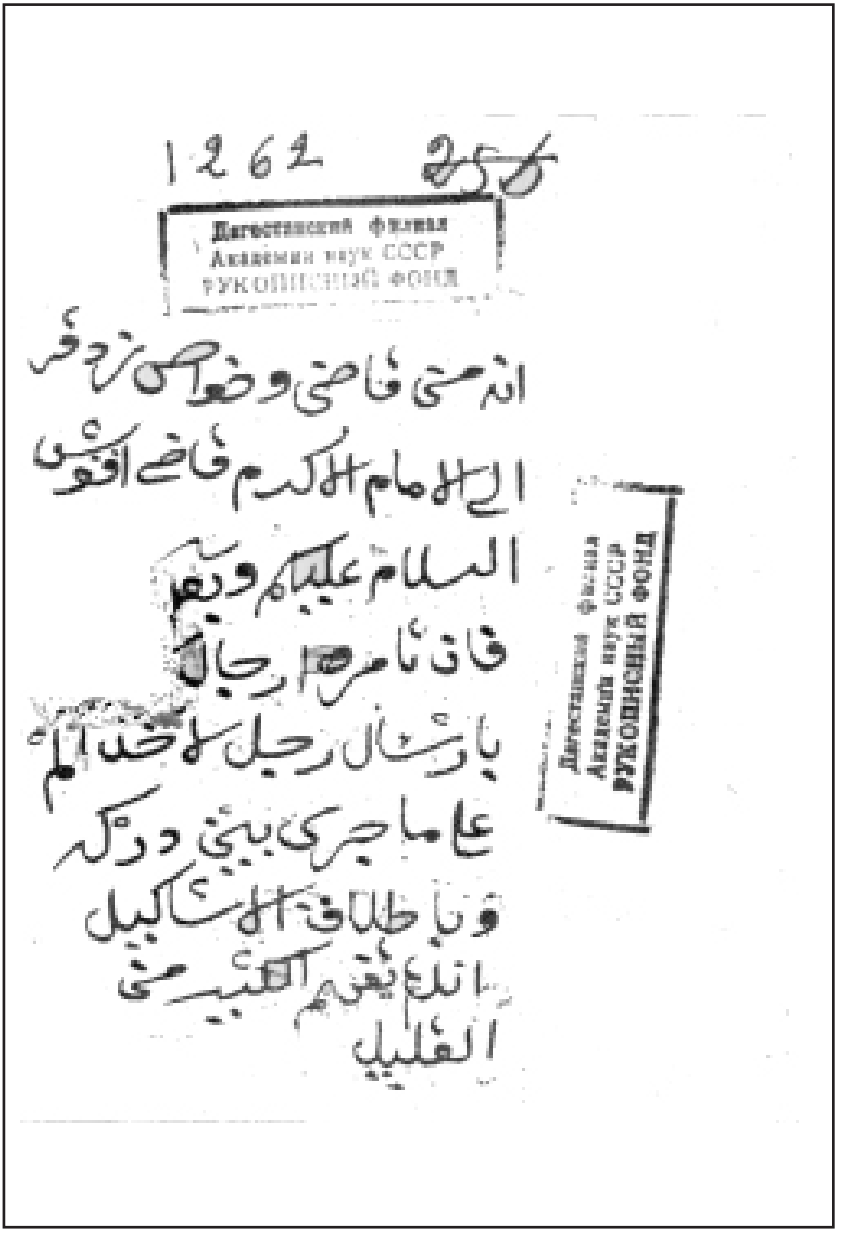
1262
Дагестанский филиал
Академии наук СССР
РУКОПИСНЫЙ ФОНД
Дагестанский филиал
Академии наук СССР
РУКОПИСНЫЙ ФОНД

Рис. 7.

Рис. 8.

Рис. 9.

Рис. 10.

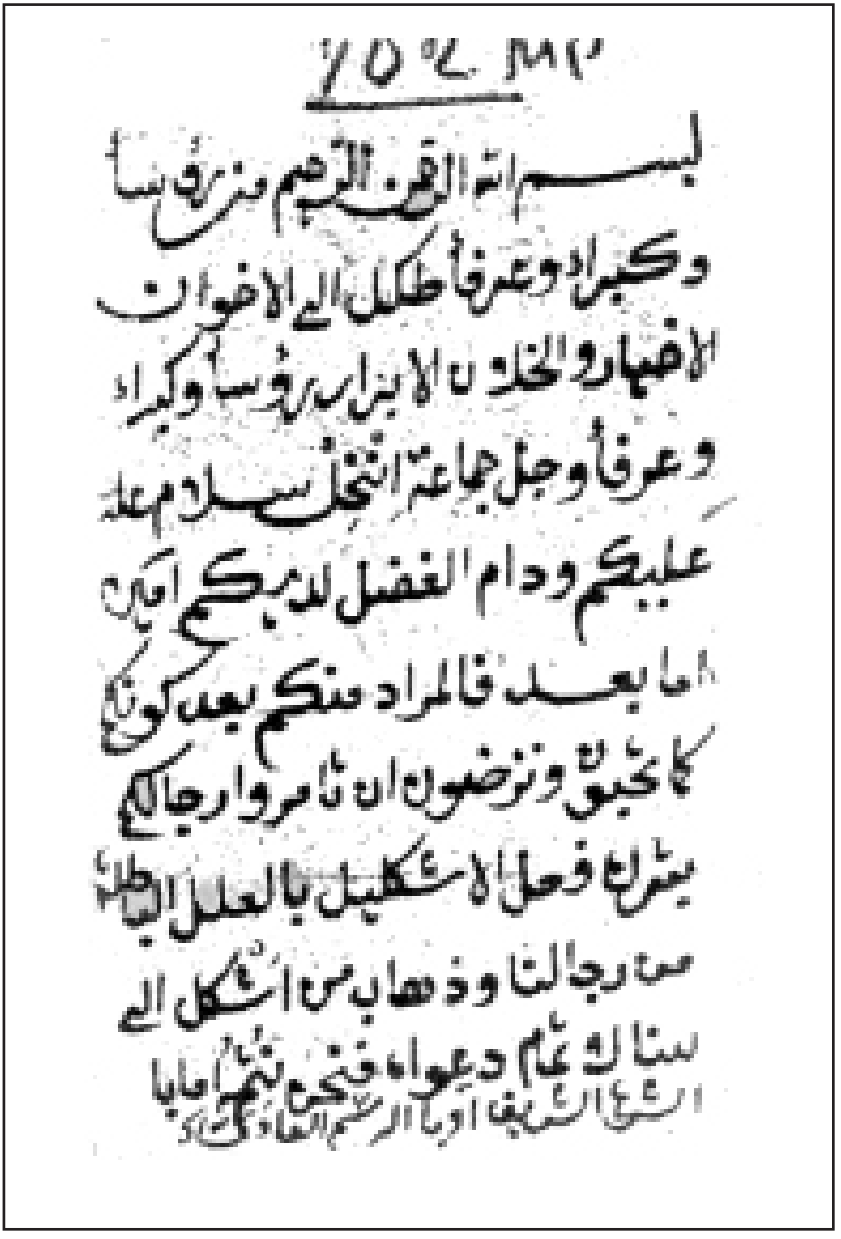

Рис. 11.

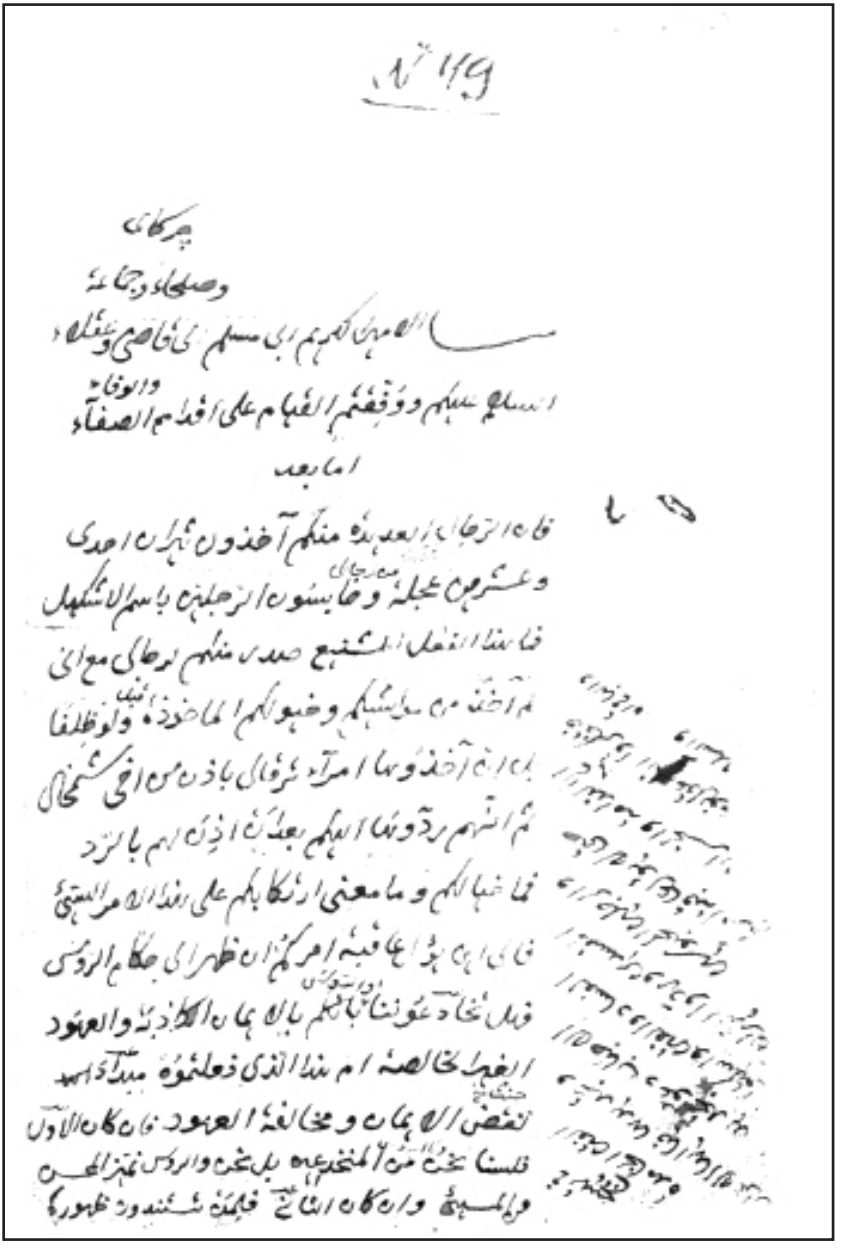

Рис. 12.

Дж. Я. Рахаев
(Нальчик)

КАБАРДА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА*

На рубеже XVII–XVIII вв. Кабарда являлась крупнейшим государством на северокавказском геополитическом пространстве. В нее входили: Абазия, Эндерей, Брагуны, Окочаны – на правах, близких по статусу с кабардинскими удельными княжествами; часть ногайцев, утративших собственную государственность еще в первой трети XVII в.; малочисленные горские народы – карачаевцы, балкарцы, осетины, ингуши и часть чеченцев. Однако достигнув пика территориального роста, страна оказалась, как никогда, уязвимой. В начале XVIII в. Кабарда вступила в острую фазу сложившегося еще раньше внутриформационного кризиса, смысловой доминантой, своего рода субстанциональным ядром которого оставался кризис государственности[1].

Темпы социально-экономического и политического развития страны были не сопоставимы с темпами модернизации России, не говоря уже о западноевропейских странах. Стагнация адыгского мира наглядно демонстрируется уже тем обстоятельством, что со времен Дж. Интериано, который еще в XV в. досконально описал общественный строй адыгов и оценил его как феодально-аристократический[2], социально-политическая структура адыгского общества не претерпела существенных изменений. Обращая на это внимание и считая такое положение вещей самой существенной и во многом парадоксальной особенностью адыгской истории, В.К. Гарданов указывал, что с середины XV в. по середину XIX в. в Европе капитализм стал господствующим общественным укла-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Кабарда в кавказской геополитике России в первой половине XVIII в.: исторический опыт и уроки» № 09-01-33102 а/Ю.

дом, в то время как феодализм в Черкесии сохранил структурно-типологические особенности, характерные для XV в.[3]

Отставание Кабарды проявилось задолго до конца XVII в. и было обусловлено геополитическим положением государства, через территорию которого проходил ряд военно-стратегических и торговых путей. Собственно геостратегическое положение страны предоставляло возможность крупным соседним государствам, путем включения Кабарды в сферу своего влияния, приступить к покорению Кавказа. Негативное влияние на развитие производительных сил и духовной культуры народов Кабарды, несомненно, оказывало перманентное геополитическое давление на пограничных пространствах. Обеспечение суверенитета требовало реорганизации всех сторон общественной жизни ее народов, в особенности кабардинцев, как государствообразующего этноса. Отсюда господство крупного частного землевладения вотчинного типа, традиция вассалитета, развитая феодальная иерархия и, наконец, установление крепостнических порядков, принявших у кабардинцев гипертрофированные формы[4].

Кабардинская вотчина, являясь системообразующим компонентом обороноспособности государства, в то же время, по мнению В.Х. Кажарова, стала одной из главных причин отсутствия централизованного государства[5]. Крайнее развитие вотчинного принципа, создавая благоприятную среду для княжеских междоусобиц, часто ставило Кабарду на грань полного развала, чем всегда спешили воспользоваться ее противники[6]. Любая объединительная тенденция, восстанавливая статус-кво, т.е. нарушенное равновесие между княжескими вотчинами-уделами, укрепляла те отношения, которые затем снова порождали междоусобицы. Объединительные и разъединительные силы пребывали в неустойчивом равновесии, периодически сменяя друг друга, но никогда не заканчиваясь окончательной победой одной из них[7].

Почвенно-климатические условия и гидрографические особенности Кабардинской равнины позволили адыгам уже в XV в. сформировать многоотраслевое и высокопродуктивное сельскохозяйственное производство[8]. Но, с другой стороны, природно-климатические условия края поддерживали самодовлеющий характер хозяйственного уклада кабардинских княжеств, а зачастую формировали экономическую автаркию.

Давно замечено, что однообразие ландшафта ведет к однообразию занятий населения, что не способствует обмену и тем самым надолго сохраняет натуральный характер хозяйства. Весьма слабый уровень развития внутренней торговли у населения Кабарды был вызван преимущественно однородностью сельскохозяйственной продукции, получаемой в пределах вотчины. То же самое следует сказать и о развитии ремесла, носившего исключительно вотчинный характер и приспособленного главным образом для военных нужд. Феодальные междоусобицы, несомненно, оказывали крайне отрицательное воздействие на развитие обмена и внутренней торговли, вследствие чего процесс экономической интеграции между княжескими вотчинами-уделами был локальным и прерывистым.

Внешняя торговля, во многом благодаря сравнительно протяженной линии побережья по Черному и Каспийскому морям, напротив, достигла значительного развития. Главнейшие отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности кабардинской вотчины – овцеводство, коневодство, пчеловодство, охота, а также ткацкое, войлочное, оружейное, арчачное, шорное и ювелирное производства – были связаны с внешним рынком, отправляя за пределы страны немалую часть своей продукции[9]. Однако потенциал дешевых морских путей сообщения для связи с внешним миром никак не был использован. Объем экспорта адыгских княжеств уже в эпоху раннего Средневековья напрямую зависел от региональной геополитической конъюнктуры[10], а с начала XVIII в. стал оказывать существенное воздействие, нередко деструктивное, на внутриполитические процессы в масштабах всей Кабарды[11]. Особое значение для кабардинских князей имел основной северокавказский торговый путь – из Закавказья, через Дагестан и Кабарду в Крым и Азов. Участие в транзитной торговле и последующее перераспределение редких и престижных товаров среди своих вассалов укрепляло иерархические связи внутри удельных княжеств. В итоге сильное государство складывалось при отсутствии адекватных ему экономических ресурсов.

Исследователи, разрабатывавшие теории государственного распада, сближаются во мнении о том, что чрезмерное расширение приводит к ресурсному напряжению и государственной дезинтеграции[12]. Принцип чрезмерного расширения с точки зрения нагрузки, связанной с передвижением и обеспечением войск, в

случае Кабарды особенно нагляден. Контроль над пограничными пространствами (между княжескими уделами, между княжествами и этнополитическим ареалом внутри страны, между Кабардой и соседними государствами) настоятельно требовал численного роста дворянства, достигавшего в начале XVIII в. трети населения страны.

Другим важным фактором, ведущим к распаду государства, называют геополитический принцип, согласно которому государства, расположенные в центре географического региона, имеют тенденцию с течением времени дробиться на более мелкие единицы[13]. В конце XVII в. Кабарда, располагавшаяся в центре Северного Кавказа, имела союзников и врагов на многих фронтах. Эта ситуация благоприятствовала дипломатии баланса сил, в которой формировалась оборонительная коалиция против любого усиливавшегося удельного княжества. В данном контексте особенное звучание приобретает фундаментальный принцип геополитической экспансии: «окраинное» преимущество способствует территориальной экспансии – государства, имеющие врагов на меньшем количестве фронтов, расширяются за счет государств, имеющих врагов на большем количестве границ[14].

Политическая история Кабарды конца XVII – первой трети XVIII в. – яркий тому пример, поскольку здесь влияние географии ощущается особенно сильно. Княжества Большой Кабарды (владения Атажукиных, Мисостовых и Джамбулатовых, разделившихся к началу XVIII в. на Бекмурзиных и Кайтукиных), имея «тыловую стену» – естественные препятствия в виде близости к Главному Кавказскому хребту, глубоких рек и непроходимых лесов, располагали возможностью сосредоточивать свои силы на меньшем количестве направлений. Так, к примеру, кабардинский посол в Российской империи, Магомет Атажукин, на аудиенции у вице-канцлера А.И. Остермана, состоявшейся 7 марта 1732 г. в Санкт-Петербурге, в Коллегии иностранных дел, особо подчеркивал: «Для обороны от неприятелей Большая Кабарда весьма крепка, понеже по обеим сторонам реки Баксана, по берегам, превысокие каменные горы, на которых и жилища свои они имеют по обеим сторонам реки Баксана. А за теми горами по обе стороны на ниских местах поселены деревни, где… хлеб сеют. Во время неприятельского нападения ис тех деревень… народ, оставя деревни, уходят в вышеписанные ж горы»[15]. В «Описании кабардинского народа», подготовленном в

КИД в мае 1748 г., на основе всех доступных в то время источников прямо указывалось на то, что «Баксан изо всех при Кавказских горах лежащих мест почитается за крепкое, хлебородное и скотопажитное место»[16]. В то время как Восточная Кабарда (владения Геехстановых, Идаровых и Таусултановых) под ударами многочисленных врагов ослабла настолько, что получила основание для применения к ней эпитета «Малая»[17], в частности, удельное княжество Идария уже в начале XVIII в. исчезло с политической карты Северного Кавказа.

Главенствующую роль во внешней политике кабардинской правящей элиты в исследуемый период играли ее взаимоотношения с Гиреями. В марте 1699 г. произошло официальное назначение Девлет-Гирея II (1699–1703) крымским ханом. Калгой был назначен Шагин-Гирей, а нур-эд-дином другой брат – Сеадет-Гирей. Вскоре Шагин-Гирей умирает, и на его место сделан был калгою, по желанию и воле султана, Шегбаз-Гирей[18]. Девлет-Гирей протестовал против этого назначения. В «Истории» Мухаммед-Гирея сообщается, хан настаивал на том, чтобы калгой был назначен Сеадет-Гирей, который «постарше Шегбаза годами… и что нарушение обычного старшинства вызовет в народе недовольство и волнение»[19]. Но протесты хана оставлены были без последствий, и это породило вражду между братьями. Практически все османо-крымские источники прямо свидетельствуют о том, что выдвинутый на пост калги самим султаном Шегбаз-Гирей держал себя относительно хана более чем самостоятельно. Более того, высокомерное поведение калги привело к осложнению крымско-черкесских отношений. На все увещевания относительно жизненной необходимости для ханства поддержания мирных отношений с адыгскими князьями в условиях крайне неблагоприятного для Бахчисарая осложнения международной обстановки следовал один и тот же ответ: «Даровавший ему ханство падишах и мне пожаловал калгайство: разве мы сами не знаем своих дел, что он ежеминутно шлет людей со своими приказаниями»[20]. Результаты братской вражды не замедлили обнаружиться: по сообщению Мухаммед-Гирея, «Шегбаз-Гирей пробыл в Черкесии 10 месяцев и был убит ночью какими-то черкесами, которые явились к нему будто бы по какому-то делу и, будучи впущены в дом ничего не подозревавшим

царевичем, застрелили и искололи его саблями и убежали, никем не задержанные»[21].

Османский историк Мехмед Рашид говорит, что репутация Шегбаз-Гирея, как человека способного была очень не по сердцу хану Девлет-Гирею, который вознамерился погубить брата и, улучшив момент, отравил его[22]. Крымские историки считают братоубийство делом происков Сеадет-Гирея, который уже раньше, недовольный назначением Шегбаз-Гирея калгой, отказался быть нур-эд-дином. Современник описываемых событий Мухамед-Гирей рассказывает, что когда, по убиении Шегбаза, калгой сделался опять Сеадет, а нур-эд-дином Газы-Гирей, то и между ними установились холодные отношения. Последний, возмущенный убийством Шегбаза, произвел дознание на месте в Черкесии. Схвачено несколько черкесов, которые на следствии сознались, что они убили Шегбаза по приказанию Сеадет-Гирея и в доказательство последнего показали бумагу с печатью Сеадет-Гирея. Сообщая это, автор присовокупляет: «Таковы вести обращались в устах народа; ответственность за достоверность их на передающих их. В существе дела, подобные вещи нередко случались и при прежних падишахах: из зависти сплошь и рядом брат злоумышлял против брата, отец против сына, сын против отца – тут нет ничего удивительного»[23]. Сейид Мухаммед Риза и Хуреми-челеби Акай-эфенди, в частности, указывают, что убийство было совершено в доме бесланейского эмира Тимур-Булата, и что убийца был из приверженцев Сеадет-Гирея, недовольного своим младшим братом за предвосхищение у него звания калги. Убийство Шегбаз-Гирея было совершено в конце декабря 1699 г.[24] Отыскав и уличив четверых убийц Шегбаза – Токчин-оглу с товарищами, Газы-Гирей отправил их для расправы в Крым к хану, где они подтвердили свое показание, что преступление совершено ими по приказанию Сеадет-Гирея[25].

Тем временем российско-османские противоречия разрешились с подписанием в начале июля 1700 г. Константинопольского мирного договор. Крымское ханство в силу потери Приазовья и фактического ослабления контроля над вассальными владениями в Прикубанье утратило и внутриполитическую стабильность. Многочисленные претенденты на ханский престол в начале XVIII в. находили мощную поддержку на «кубанской стороне», среди местных владетелей. По словам Мехмеда Рашида-эфенди, Газы-Гирей,

чувствуя себя небезопасным со стороны хана, покидает Черкесию и прибывает к ногайским мурзам, где находит мощную поддержку. Одно время ногайцы даже серьезно рассматривали вопрос об отделении от Крыма и учреждении собственного ханства во главе с Газы-Гиреем. В нарушение мирного договора нур-эд-дин во главе ногайского ополчения совершает набег на Польшу, чем вызывает острое недовольство Порты. Девлет-Гирей II был вынужден предпринять энергичные меры для подавления восстания. Судя по данным Сейида Мухаммеда Ризы и Хуреми-челеби Акай-эфенди, черкесы также послали вспомогательный отряд в начале декабря 1700 г.[26] В начале 1701 г. объединенный крымско-кабардинский отряд наголову разгромил ногайцев Газы-Гирея.

Начало XVIII в. в истории восточных адыгов ознаменовано осложнением геополитического положения Кабарды, вызванного неуклонным ослаблением удельного княжества Идария. Передав Московскому государству значительную часть военно-оборонительных функций, князья Идаровы уже не могли своими силами обеспечивать защиту своих подвластных[27]. Стремительное ослабление военно-политического потенциала Идарии дало возможность в конце XVII в. кумыкам Эндирея, при деятельной поддержке Тарковского шамхала, освободиться от зависимости кабардинским феодалам. Бездействие кабардинской знати, и в первую очередь князей Большой Кабарды, не обнаружившей тревоги по поводу проявленной кумыками решимости нарушить устоявшиеся с конца XVI в. вассальные отношения с Идаровичами, явилось побудительной причиной для активизации экспансионистских устремлений воинственных соседей княжества.

В этой связи в условиях усиления геополитического давления со стороны Тарковского шамхальства они направляют посольство в Москву. В 1700 г. Адиль-Гирей Каспулатович Черкасский[28] в сопровождении своих дворян прибыл в столицу. Здесь он нашел радушный прием и был назначен князем над Терскими казаками и инородцами[29]. Но действительная цель посольской миссии Черкасского – добиться содействия российского правительства в решении насущных проблем Идарии – не была достигнута, поскольку Петр I к этому времени решительно изменил приоритеты своей внешней политики. Тарковский шамхал не замедлил воспользоваться осложнением внешнеполитического положения Идарии. По его

указанию, в 1701 г. кумыки и казаки-раскольники в составе 3 000 всадников атаковали станицы гребенских казаков. Оборону возглавил князь Адиль-Гирей. Решающую роль в отражении нападения сыграли донские казаки, прибывшие по просьбе князя[30].

В апреле 1702 г. утвержденный послом в Османскую империю П.А. Толстой получил полномочную грамоту к султану Мустафе II и везирю Амджа-заде Хюсейн-паше, а также инструкции, где подчеркивался миролюбивый характер российского посольства, задачей которого являлось укрепление добрососедских отношений между двумя странами, «лучшее и состоятельное оного мира укрепление»[31]. Кроме того, послу было поручено по прибытии ответить на данные ему «статьи», описав «тамошнего народа состояние…»[32]

Приоритетная задача миссии П.А. Толстого заключалась в том, чтобы добиться от османов жесткого контроля над Крымским ханством и предотвратить набеги, отпор которым должен был отвлечь значительную часть русских вооруженных сил от главного театра войны на севере, где шла война со Швецией. Непосредственно после возведения на Бахчисарайский престол Девлет-Гирей II повел энергичную борьбу за отмену условий Константинопольского договора в части, ущемлявшей интересы крымских феодалов. Уже в начале 1701 г. хан обратился к Порте за разрешением совершить набег в Приазовье, мотивируя это тем, что русские укрепляют Азов и свою крымскую границу. Великий везирь Хюсейн-паша такого разрешения не дал. Д. Лехно в своем сочинении по истории Крымского ханства совершенно точно уловил и отразил настроения Гиреев о несомненной «измене» везиря, подкупленного «царскими дарами… пребогатыми и премногими». «Еще большей изменой» Хюсейн-паши явилось разрешение на строительство вопреки условиям мирного договора укрепления и крепости Каменка «не вдалеке от крепости Ор… на пространстве часов 10 пути внутри границ Крыма»[34].

В 1702 г. Девлет-Гирей II неоднократно направлял в Стамбул своих послов, сообщавших султану Мустафе II о сложившейся на российско-крымской границе ситуации. Наконец в декабре 1702 г. был направлен вельможа «с открытым письмом… следующего содержания: «Известно народам и ведомо всем, что они (русские – *Дж.Р.*) ищут предлога и домогаются разными средствами отнять

у нас землю нашу и господствовать над Черным морем по своему произволу»[35]. Для предотвращения опасного для независимости ханства развития событий султану предлагалось санкционировать походы крымцев в пределы России. Однако Мустафа II «не только ничему не хотел верить, но, напротив, считал их самих клеветниками и ложными доносителями»[36]. Когда хан убедился в бессмысленности дальнейших переговоров, то, по словам Лехно, «велел клич кликать во всех владениях своих, чтобы все соединились в один союз… народ и все знатные повиновались и вошли с ним в союз». Девлет-Гирей II «выслал брата своего Сеадет-Гирей-султана, а с ним лучшее войско» в Анатолию. К концу года ряд крепостей на Нижнем Дунае – Браилов, Килия и Томарово – оказались в руках восставших, угрожавших теперь уже Адрианополю. Новый везирь Мустафа-паша Далтабан для приведения крымцев в повиновение сосредоточил у Дуная огромную османскую армию. Но, как вскоре выяснилось, везирь отправил янычар не для усмирения крымцев, а на соединение с ними, дабы поднять бунт против султана. Визирь был казнен, а крымские войска под натиском османов бежали в Крым. По сообщению Лехно, «Царь Девлет-Гирей-Хан остался один с Сеадет-Гирей-султаном и с своими слугами». Султан немедленно сместил Девлет-Гирея II с престола, назначив на его место отца мятежного хана – Селим-Гирей I с тем, однако условием, чтобы Девлет-Гирей и Саадет-Гирей были высланы в Порту. Селим-Гирей принял эти условия и направил в Бахчисарай войско во главе с Газы-Гиреем и Каплан-Гиреем, однако последние уже не застали мятежников – «Девлет-Гирей и султан-Сеадет-Гирей… спаслись бегством в землю Черказ (т.е. Кабарду. – *Дж.Р.*)»[37]. Лехно указывает, что смещенный хан «ушел в Диджан-каласи, что в Черказы, и поселился там, а с ним около 300 человек»[38].

Кабардинская аристократия, несмотря на осложнение международной обстановки в регионе, оставалась верна союзническим обязательствам перед Девлет-Гиреем. Об этом, в частности, свидетельствует сообщение российского посла в Стамбуле П.А. Толстого от 25 июля 1703 г.: «Изверженной хан крымской в черкесах собрал много войску и хочет приходить войной на турок»[39]. Примечательно, что, судя по данным Лехно, примерно в это же время вблизи ставки Девлет-Гирея был схвачен «лазутчик из московитян», который под пытками сознался хану в том, что он послан

«выведать твои мысли», а также с предложением, исходящим непосредственно от Петра I, – принять российское подданство. В этом случае царь обещал «поставить тебя владыкою над Великою Татариею, в Казанской земле». Девлет-Гирей ответил категорическим отказом: «Не желаю и царства от него»[40], после чего лазутчик был отпущен в Россию. В августе 1703 г. Девлет-Гирей, «теснимый братьями своими» и, очевидно, не желаю втягивать союзную Кабарду во внутриполитическую распрю Гиреев, «послушался речей старца-отца и вернулся в Крым», откуда впоследствии был сослан на о. Родос[41].

В середине 1703 г. османское правительство решило использовать затруднительное положение, в котором оказались российские войска, терпевшие поражения на западных рубежах страны. Новый везирь Мехмет-Рами предъявил через П.А. Толстого российскому правительству требование срыть крепость Каменный Затон, сжечь корабли в Азове и Таганроге, прекратить строительство кораблей и назначить смешанную комиссию для уточнения русско-турецкой границы. Российский посол отказался удовлетворить претензии везиря[42].

К июлю 1703 г. П.А. Толстой собрал достоверные сведения о внутриполитическом и международном положения Османской империи и при посредстве российских купцов, возвращавшихся из Стамбула, переслал Петру I «Отписки»[43] на «тайные статьи». Взаимоотношения османского правительства с Крымским ханством он описал так: «Татарского хана имеют турки великим себе другом и яко царя и помощника веры махметанские почитают… татаровя никогда жалованья от салтана ниже от хана себе не имеют, токмо когда на войне для помощи салтанской и что похитят полону, денег и иных каких пожитков, то у них не отъемлется, и того ради по своему своевольному обычаю народ татарский в покое быть никогда не желает…, и желают всегда войны…, обаче и салтан турецкой не яко в уставное жалованье, но на стол хану крымскому и на покупку стрел дает на год по 40 000 золотых червонных, в то время, когда для помочи туркам на войну ходят, а когда на войну не ходят, в те лета ничего им от салтана не дается…»[44] Кроме того, он указал царю на то, что территория, занимаемая в начале XVIII в. адыгами, по мнению турецких чиновников являлась составной частью Османской империи: «Есть во области турецкой под державою салтанскою народ, именуемый черкесы…»[45]

Здесь нужно иметь в виду, что по мусульманской традиции, определявшей характер внешней политики османского правительства в первой половине XVIII в., все немусульманские страны рассматривались как «территория войны» – «дар аль-харб», и их отношения с миром ислама – «дар аль-ислам» – могли быть лишь двух видов: либо войной, либо покровительством. Последнее не мусульмане получали только в том случае, если соглашались на уплату дани (ясака), и тогда они зачислялись в категорию «дар ассульх», т.е. «территорию мира».

В соответствии с такой концепцией османы рассматривали Центральное Предкавказье, населенное народами, исповедовавшими в начале XVIII в. неисламские верования, как «территорию войны» – «дар аль-харб». Османский историк Гезар-Фенна при описании адыгов прямо говорит об этом: «Крайний предел черкесов, обитающих в Таманском округе, куда назначаются от Высокой Державы судьи, составляют черкесы Жанэ: у них еще действуют вообще постановления шариата. Брать из них невольников непозволительно. А от Жанэ вплоть до черкесов Кабарды – это места войны; брать у них полоняников позволительно»[46]. Судя по сведениям, собранным П.А. Толстым, османские чиновники и духовенство крайне низко оценивали результаты исламизации адыгов: «(черкесов. – *Дж.Р.*) имеют они за диких людей и недостойных всякому делу человеческому…»[47] Тем не менее в силу значимости Кабарды в кавказской геополитике Блистательной Порты она считалась правительством Ахмеда III османской территорией.

Следует заметить, что сведения о народах Центрального Кавказа, в том числе о кабардинцах, османы получали преимущественно из Крыма. Крымские ханы в практике международных отношений в начале XVIII в. вынуждены были считаться не столько с геостратегическими интересами империи в Кавказском регионе, сколько с требованиями татарских мурз, для которых набеги на народы и племена Центрального Кавказа составляли значительную часть доходов. Именно поэтому крымцы дезинформировали османское правительство в том, что касалось оценки степени исламизации кабардинцев, а это, в свою очередь, позволяло им легализовать как набеги, так и требования уплаты дани (ясака), предъявляемые к кабардинским княжествам.

С середины лета 1704 г. российско-османские отношения осложнились. С воцарением на польском троне шведского ставленника С. Лещинского возникла реальная возможность для создания антирусского военно-политического союза его сторонников и крымских татар. В июне 1704 г. представители Лещинского вступили в переписку с ханом Селим-Гиреем I, обещавшим им свою помощь. В конце июля 1704 г. П.А. Толстому стало известно о том, что Крымский хан просил у султана разрешения совершить набег на русские земли, а также о его сношениях с Лещинским[48]. Благодаря своим оперативным действиям российский посол получил твердые уверения везиря в том, что «хану крымскому никогда никакая повольность набега чинить или на рати царского величества» нападать предоставлена не будет[49]. В 1704 г. Селим-Гирей умер, на крымский трон был возведен Газы-Гирей II (1704–1707), а немногим после Каплан-Гирей I (1707–1708), во внешнеполитическом курсе которых четко прослеживалось стремление к наибольшему ослаблению союзников Девлет-Гирея, в первую очередь кабардинских князей.

Под давлением османского правительства П.А. Толстой вынужден был пойти на уступки в вопросе о пересмотре русско-турецкой границы. Весной 1706 г. в Азове собралась пограничная российско-османо-крымская комиссия. Результатом ее деятельности стало соглашение о границе, заключенное в апреле 1706 г. в Ачуеве дьяком К.И. Рудеевым, и обязательство прекратить приграничные набеги[50]. Определенные соглашением границы в Приазовье бесповоротно лишали Крымское ханство возможности располагать сухопутным сообщением с владениями в Прикубанье и соответственно сильно ослабляли геополитическое влияние ханства на народы Центрального Предкавказья.

Астраханское восстание 1705–1706 гг. осложнило международную обстановку в крае и резко ослабило позиции России на Северном Кавказе. Положение усугублялось еще и тем обстоятельством, что восставшие установили дипломатические сношения с Крымским ханством. В этот сложный период кабардинская аристократия, в лице Идаровичей, оказала России действенную помощь в подавлении мятежа. Так, к примеру, Адиль-Гирей Черкасский совместно со своим братом Дивеем[51] и Терским воеводой

Д.И. Молостовым в ноябре 1705 г. ликвидировали восстание в Терском городе[52].

Весной 1707 г. в Москве Адиль-Гирей Черкасский встречается с Петром I. За проявленную верность и службу князь получает щедрое вознаграждение[53]. К этому же году относится сообщение о том, что в предместье Терека живет «терский отставной» Батыр Мурза Черкасский, исполняя функции князя над местным, черкесским и окоченским, населением[54]. По существу, это последнее упоминание об Идаровых. Вследствие этого фактически прекращает свое существование и само княжество Идария[55]. По мнению В.Х. Кажарова, падение «Идареевой Кабарды» было предопределено, поскольку, «стиснутое со всех сторон враждебным окружением, разоряемое внутренними и внешними войнами, невосполнимо теряя людские и материальные ресурсы, лишенное помощи со стороны остальной Кабарды, это княжество в течение всего XVII в. постепенно приходит в упадок, а в начале XVIII в., когда род Сунчалеевичей пресекся, среди Идаровых не осталось никого, кто мог бы управлять княжеством, сочетая эти функции с княжением над нерусским населением Терского города»[56]. Геополитический смысл падения Идарии проявился уже в следующем, 1708 г., когда произошло нападение на Терскую крепость кумыков, чеченцев и ногайцев под руководством башкирского хана Мурада Кучукова[57].

В начале марта 1707 г. благодаря усилиям французского посла, тайного агента С. Лещинского, и шведского короля в российско-османских отношениях возникла новая напряженность. Судя по сообщениям П.А. Толстого в Москву, Людовик XIV предписал своему послу в Стамбуле Ш. Ферриолю, чтобы он «всяким образом потщился Порту привесть в ссору с Российским государством и неотступно о том помышлял, хотя и с великим иждивением. И посол оный, умысля, что ему одному Порту в такое дело привесть трудно, и ведая, что явными поступками нескоро меня может осилить и я буду чинить ему прешкоду, того ради согласился тайно с ханом крымским… и по такому соглашению хан прислал в Константинополь своего везиря»[58]. В то же время Ш. Ферриоль внушал османским чиновникам, что, если Порта «в нынешнем времени московского царя не утеснит, уже-де впредь долго такого времени дожидаться»[59]. На аудиенции у султана ханский везирь испросил разрешения «итить в помощь королю шведскому»[60]. Российскому

послу удалось предпринять ряд контрмер: вручить письмо с разоблачением интриг Крымкского хана и французского посла и перекупить некоторых чиновников османского правительства. В результате этого султан решил сменить хана. 27 марта 1707 г. султан собрал совет, на котором была решена отставка хана Газы-Гирея I и назначение на ханский престол Каплан-Гирея I, которому повелели «с Московским государством жить смирно»[61].

В июне П.А. Толстому донесли, что Ш. Ферриоль отправил своего эмиссара к новому Крымскому хану. Российскому послу стало известно, что Каплан-Гирей I в принципе был не против подстрекательских планов французского дипломата, однако считал, что еще не наступило время для их осуществления.

В июле 1707 г. в Стамбул с официальной миссией прибыл посол С. Лещинского Галицкий стольник Гурский. Ш. Ферриоль деятельно помогал Гурскому в осуществлении его миссии, сводившейся к тому, чтобы Портой немедленно было дано разрешение крымцам выступить против русских. В дальнейшем же имелось в виду образование антирусского шведско-польско-османского союза[62]. Благодаря крупным взяткам султанскому имаму, рейс-эфенди и везирю российскому послу П.А. Толстому удалось предотвратить организованный французским послом заговор. 9 августа муфтий дал знать российскому послу, что на совете у султана после большого спора было решено сохранить мир. В сентябре П.А. Толстой донес: «Который поляк был здесь от С. Лещинского… отпущен нечестно, можно сказать, что выслан силою, когда он был у везиря на последней аудиенции»[63].

9 января 1708 г. П.А. Толстой получил из Москвы пакет с тремя документами: копией письма гетмана Мазепы, отправленного им в Москву в ноябре прошлого года, сопроводительным письмом канцлера Г.И. Головкина с выражением недовольства службой посла и царским указом[64]. В Москве считали, что предоставляемая П.А. Толстым информация не отражает истинного положения дел в Стамбуле и что заверения посла о невозможности вхождения Османской империи в антирусский альянс и развязывание военных действий в ближайшее время ни на чем не основаны. Итак, в начале 1708 г. российское правительство располагало двумя взаимоисключающими оценками ситуации в Стамбуле. Одна исходила от П.А. Толстого, неизменно извещавшего Петра I и канцлера

Г.И. Головкина о том, что султанское правительство не только не готовится к войне, но и не помышляет о ней. Другая оценка исходила от Мазепы и от других российских дипломатов в западноевропейских странах. По их представлениям, османы активно готовились к войне и если не зимой, то весной 1708 г. обязательно должны были напасть на Россию.

В ситуации, когда османское правительство твердо придерживалось миролюбивой политики в отношениях с Московским государством, западноевропейские дипломаты располагали единственно реальной возможностью развязать военный конфликт – использовать геополитические интересы Крымского ханства. Каплан-Гирею I, активно включившемуся в дипломатическую игру посланников Франции, Швеции и Польши для того, чтобы избежать обвинения в явном нарушении султанского указа о добрососедских отношениях с Россией, категорически необходимо было спровоцировать российское правительство на превентивные военные действия. Причем инцидент должен был произойти на территории Кабарды, статус которой не был определен русско-турецким договором 1700 г.

Первым и единственным дипломатическим успехом крымцев на этом поприще, несомненно, является организация в феврале 1708 г. нападения на Терский город кумыков, чеченцев и ногайцев под руководством башкирского хана Мурада Кучукова, пробившегося на Северный Кавказ по призыву крымского хана Каплан-Гирея I (1707–1709)[65].

О личности Кучукова известно немногое. По происхождению он был чингизид из Каракалпакии. В донесении Астраханского воеводы П.М. Апраксина Петру I от 20 марта 1708 г. сообщается: «В прошлом 1707 году уфимский башкирец, который назвал себя салтаном, был в Цареграде и в Крыму о башкирской измене и, прибежав с Кубани, явился в горских народах, которые близ Терека, называются чеченцы, мичкизы, аксайцы; и те народы прельстя, называя себя прямым башкирским салтаном и проклятова их закона басурманского святым, учинился над ними владельцем…»[66]

Практические действия Кучукова не заставили себя долго ждать. За короткое время крестьянские массы различных народов «Идареевой Кабарды» объединились для вооруженной борьбы против своих сюзеренов – Идаровичей, а также стоявшей за их спиной российской администрации в лице воеводской власти гор. Терки. Основное ядро восставших крестьян составляли око-

чане, мичкизы, аксайцы, кумыки, казаки-раскольники с Кубани, тавлинцы, ногайцы, татары и т.д. Кучукову удалось собрать отряд численностью около 1600 человек. Интересно заметить, что в лагерь повстанцев стекались даже кочевые племена вместе с их баями, мурзами, султанами и другими владельцами, недовольные действиями терского воеводы.

Известно, что два знатных терских окочанина и кабардинец Лузан – дворянин кабардинского князя Адиль-Гирея Черкасского, которые ездили из городка Терки в Чечню для продажи рыбы, изменили своему господину и бежали в лагерь Кучукова. Они подробно ознакомили восставших с расположением военно-административных властей города Терки, обстановкой внутри крепости и ее обороноспособностью. Именно они убедили восставших «идти войною на город Терки», поскольку «де город весь обвалился» и солдат в нем в настоящее время «малое число», а «которые ратные люди были, и те взяты на службу и стрелять из ружья некому, а которые и есть люди, и те худы…»[67]

12 февраля 1708 г. восставшие подошли к Теркам, расположились в окрестных садах, выбрав для себя здесь удобную позицию. Впереди восставших во главе с Муратом Кучуковым шли дворянин Лузан и два чеченца, показывая путь к крепости. Горцам удалось проникнуть в город, состоявший из деревянных строений и укреплений. Разгорелось сражение между восставшими и военными гарнизоном. «Терский воевода Р. Вельяминов, – пишет С.М. Соловьев, – после долгого сопротивления должен был уйти в верхний город»[68]. Первое сражение с российскими войсками закончилось победой восставших. Ими был взят посад, нижний город, сожжено много строений и укреплений терской администрации, захвачены 7 медных и 3 чугунные пушки[69]. Р. Вельяминов в спешном порядке укрепил крепость, для чего перебросил сюда пушки и подкрепления. Поэтому повстанцы, несмотря на их частые атаки, в дальнейшем не смогли овладеть крепостью. Среди участников восстания возникли разногласия. Одни предлагали единым порывом полностью разгромить войска терского воеводы, другие предлагали окружить крепость со всех сторон и ждать, пока не иссякнут хлебные припасы, которых, по сведениям Лузана, оставалось в крепости «не более 600 мешков, да и те гнилые»[70]. Кучуков склонился к предложению первых. Было решено не ждать добровольной сдачи

крепости, а напротив, на следующий день «учинить над городом со всех сторон приступ крепкий…»[71]

Р. Вельяминову удалось своевременно оповестить российские власти о сложившейся ситуации. Астраханский воевода П.М. Апраксин срочно послал несколько военных отрядов на помощь осажденным: морем – отряд в 1200 солдат во главе с полковником, наемное войско из «татар-юртовских» – 250 человек, из «астраханских же мурз и татар» – 400 человек. Калмыцкий хан Аюка прислал своего внука с трехтысячным отрядом калмыков[72]. В общем, против восставших горцев Астраханским воеводой было выделено войско численностью около 5000 человек.

Один из документов того периода повествует о том, как на протяжении февраля 1708 г. происходят частые и небольшие стычки между горцами и войсками терского воеводы. Но еще до прихода астраханских войск 26 февраля разразилось крупное сражение у крепости Терки и в ее окрестностях. Это произошло, видимо, до того, как П.М. Апраксин успел уведомить Петра I письмом от 20 марта 1708 г. о посылке им в Терки военной помощи[73]. Подробности этого сражения документы не сообщают. Известно только, что нападавшие были разбиты и рассеяны[74], а их предводитель Мурат Кучуков, «раненый, был взят в плен»[75] и отправлен на допрос в Казань. «Неприятелей под Терком побили, – сообщает российский источник, – и того злодея, самого владетеля их салтана, взяли, ранен легкою раною, жив и ныне в наших руках; а как того злодея взяли, тотчас неприятели от Терка отошли[76]. В случае же успеха Кучуков «намерен был... идти в Башкирцы»[77], а, по свидетельству английского посла в России Ч. Витворта, повстанцы намеревались «захватить Астрахань и затем соединиться с казаками»[78]. Руководитель восстания Мурат Кучуков вскоре был казнен, а против чеченцев, кумыков и ногайцев были спровоцированы набеги донских казаков и кабардинских князей.

Непосредственно после разгрома терского восстания 1708 г. Каплан-Гирей обратил свои взоры на Кабарду. Поводом для вторжения крымцев в Центральное Предкавказье послужил эпизод из противоречивой истории взаимоотношений Крымского ханства и Кабарды. Весной 1707 г. кубанский калга Менгли-Гирей получил указ Каплан-Гирея I: собрать с кабардинских князей ясак, добиться выдачи скрывшихся в их владениях бесланеевцев, убивших в

1699 г. кубанского сераскера Шахбаз-Гирея, и попытаться уговорить князей переселиться на Кубань. К концу лета 1707 г. Менгли-Гирею путем различных ухищрений удалось собрать с Кабарды ясак. Однако в начале осени 1707 г. скрытое недовольство населения поведением татар переросло в открытое неповиновение. Практически весь отряд сейменов был уничтожен, Менгли-Гирею чудом удалось бежать.

Как только в Бахчисарае стали известны подробности случившегося в Кабарде, Каплан-Гирей I отправил в Стамбул посла, который уведомил султана о судьбе миссии Менгли-Гирея и передал просьбу хана – санкционировать военные действия против кабардинских князей. П.А. Толстой, внимательно следивший за развитием интриги, в письме, отправленном в Москву в феврале 1708 г., сообщал: «Порта дала свое согласие, и султан послал хану в подарок дорогой кафтан и саблю», предписал ему собрать 30 или 40 тысяч татар и самому возглавить поход, «чтобы оных черкес разорить и жилища их пожечь»[79]. Кроме того, султан приказал бейлербею Кафы Муртазу-паше присоединиться к войскам хана[80]. Поход Каплан-Гирея I вызвал большую тревогу в российском посольстве в Стамбуле. Между османской знатью ходили слухи, что он являлся только предлогом для того, чтобы придвинуть турецкие войска к российским границам, а настоящая цель похода – отвоевание областей, населенных мусульманами (Астрахани, Уфимского уезда и Казани).

Необходимо отметить, что в преддверии кампании «мурзы крымские отклоняли хана от похода»[81]. Военный потенциал кабардинского войска к началу XVIII в., в силу значительного распространения огнестрельного оружия, заметно возрос, в то время как видовое разнообразие вооружения крымско-татарского войска не претерпело существенных изменений. На это и указывала крымская знать, «совершенно резонно выставляя на вид неуменье татар владеть огнестрельным оружием»[82]. Но Каплан-Гирей I не внял доводам своих приближенных.

В течение февраля–марта 1708 г. Каплан-Гирей I собрал многочисленное войско для предстоящей кампании. Османский историк Рашид, говоря о численности и составе войска хана, называет свыше 35 000 человек. Основу его составляли вооруженные силы, собранные по ханскому указу с «кубанской стороны», – 26 000 ногайских татар. В походе приняла участие и часть темиргоевских

князей, которые привели с собой 5000 всадников. Военный отряд, прибывший в Прикубанье вместе с Каплан-Гиреем морским путем – через Керченский пролив, – включал в себя личную охрану хана – около 1500 сейменов и 3000 сипахов под командованием бейлербея Кафы Муртазы-паши[83].

В преддверии крымского нашествия верховный князь Кабарды Кургоко Атажукин (1693–1710) сумел организовать оборонительный союз, объединивший вооруженные силы кабардинских княжеств. Военный потенциал кабардинцев к началу 1708 г. составлял приблизительно 12–15 тыс. воинов[84]. Реальная опасность полного покорения страны требовала от верховного князя поиска военно-политической поддержки среди соседних народов.

Выявленный нами источник – письмо Саратовского коменданта Н.П. Беклемишева к кабардинским князьям от 1711 г. – указывает на то, что в начале весны 1708 г. из Кабарды к Калмыцкому хану Аюке прибыли посланники. Цель их визита заключалась в том, чтобы «Аюка-хан послал… своих воинских людей на Кубань для воинского происку над кубанцы[85]. Хан вынужден был ответить отказом, поскольку «без указу великого государя людей своих войною на Кубань послать» не может, к тому же «у великого государя с турским салтаном и крымским ханом учинен… мир»[86]. Однако о предложении кабардинских посланников Калмыцкий хан известил российские власти и в ожидании правительственного указа «для подлинного… ведения» оставил у себя из них Губека Куденета[87]. Присланный вскоре ответ категорически исключал любую форму военной поддержки. Подобный прием ожидал кабардинских посланников у донских, астраханских и гребенских казаков. В письме кабардинских князей Петру I, датируемом ранее 30 сентября 1712 г., о судьбе дипломатических миссий кабардинцев к российским властям накануне вторжения крымцев в Кабарду говорилось следующее: «Посылали от себя посланцов с письмами и з жалобою, что крымцы на нас нападают… и от вашей страны нас отбивают. И те посланцы наши… к вашему царскому величеству недопускиваны и поворачиваны з дороги назад в нашу сторону»[88]. В этих условиях Кабарда фактически оказалась в международной изоляции.

К середине весны 1708 г. П.А. Толстой благодаря аргументированной критике противоречивых сведений и слухов, поданных в Посольский приказ гетманом Мазепой, выявил провокацию и раз-

рушил план дипломатической игры внешнеполитических ведомств Польши и Швеции. Правительству Петра I удалось своевременно обнаружить подлинную причину вторжения крымских войск в Центральное Предкавказье и принять надлежащие меры. Позиция невмешательства в крымско-кабардинский конфликт позволила Московскому государству обезопасить свои южные границы в самый опасный период Северной войны – 1708–1709 гг. После выхода Польши из Северного союза и заключения Альтранштедского мира, предопределившего решение шведского короля Карла XII двинуть свои войска против Петра I, русской армии предстояло без поддержки союзников вести войну с лучшей европейской армией. Кроме того, важные внутриполитические обстоятельства – Булавинское восстание 1707–1708 гг. и башкирский мятеж 1705–1711 гг. – требовали от правительства значительных усилий по их локализации и подавлению. Поддерживать в подобной ситуации Кабарду в ее борьбе с Крымом значило неоправданно обострять ситуацию на южных границах, что, в конечном счете, неизбежно должно было привести к сокращению сил, мобилизованных против Карла XII.

К середине лета 1708 г. османо-крымское войско достигло Кабарды и расположилось лагерем вблизи истока реки Малка[89]. Кургоко Атажукин вступил в переговоры с Каплан-Гиреем I. Современник этих событий, османский историк конца XVII – начала XVIII в. Фындыклылы Мехмед Халифе в своем обстоятельном сочинении «История Селяхдара» так описывает ход переговоров: «Когда крымские ханы назначались, то у черкесских беков было принято набирать 300 человек ясыря и отдавать новому хану под именем подарка. Крымский же хан Каплан-Герай не удовольствовался этим количеством ясыря, настаивая на своем слове: «Меньше трех тысяч я не беру». Тогда черкесские эмиры посоветовались и говорят: «Хотя и такое количество ясыря отдавать водилось у нас в обычае; но только ведь до сих пор в 15–20 лет один хан был сменяем; теперь же каждый год новый хан[90] – чьих же детей мы будем отдавать? Особливо теперь: большинство народа черкесского освящена благодатью ислама; в каждой деревне, в каждом селе строятся соборные и приходские мечети и школы; исправно совершается пятикратная молитва и идет обучение юношества; дозволено ли в священном законе полонить целое полище народа му-

хаммеданского, подобно воюющим гяурам, и отсылать к вашему присутствию? Есть ли соизволение Божие на такое притеснение? Пожалуйста, уж извините; а иначе никак не возможно»[91]. Сражение было неизбежно.

Решающая битва произошла в начале сентября 1708 г. вблизи горы Канжал. Согласно данным И.-Г. Гербера (1728), «черкесы собрались в одно место, к которому между горами дорога узка и тесна, и чтоб татаров туда к себе обманом привести, отправилось от них 12 человек, которые пришли к татарскому войску и назвались беглецами. И обязались крымские войска, хоть и через узкую, однако же безопасную дорогу в самые черкесы привести, чему крымцы и поверили и через вышеописанную дорогу без помешательства проехали. А по приближении оного крымского войска черкесы все собрались и около той же дороги за горами в закрытии держались. А как татары оную дорогу прошли и палатки свои в той долине ставить начали, то черкесы из гор с каменьями, к тому приготовленными, дорогу завалили, на татаров внезапно напали»[92]. Материалы «Описания кабардинского народа» (1748) подтверждают и дополняют эти сведения. «Кабардинцы, загнав свой скот в горы, сами долгое время сидели в осаде в Баксане»[93]. Тогда Каплан-Гирей I, осознав «что со степной стороны достать их невозможно»[94], пошел на хитрость и «тайно послал большую часть войск своих в горы, чтобы кабардинцев и оттуда утеснить»[95]. Однако кабардинцы, «о том уведав», устроили засады во «все тесные проходы» и, пропустив «через некоторые крымцов и кубанцов, «камением те проходы заметали»[96]. Крымские войска были окружены, а затем, с наступлением ночи, неожиданно атакованы[97]. В результате боя было уничтожено 30 000 крымцев[98]. Князь Татархан Бекмурзович сообщал: «Хан ушел с малыми людьми, а иные без бою с гор убивались. Солтана взяли в плен и многих их мурз и простых крымцев, четыре тысячи коней и панцырей множество, 14 пушек, 5 бомб, много пищалей и всю их пороховую взяли. И шатры, которые у них, все взяты»[99].

В конце октября 1708 г. в Стамбуле стало известно о разгроме и бегстве Каплан-Гирея I из Кабарды. П.А. Толстому удалось узнать подробности событий осени 1708 г. Согласно сведениям, собранным послом, от ханского войска уцелело около 5000 человек, из

отряда Муртазы-паши, располагавшего «четырьмя тысячами турок конных… возвратилось в Керчь всего человек с тридцать»[100]. Каплан-Гирей I не рискнул вернуться в Бахчисарай и остался у ногайских мурз в Прикубанье. Через своих сторонников в среде крымской знати он попытался объяснить Порте победу кабардинских князей российской помощью и тем, что с кабардинцами якобы были калмыки и астраханские казаки. Благодаря сведениям, своевременно полученным из Крыма от греческого купца Севастопуло, П.А. Толстой сумел предупредить замыслы хана и не допустить осложнения российско-османских отношений[101].

Разгром крымцев вызвал большой общественно-политический резонанс в Юго-Восточной Европе. Молдавский господарь Михайло Раковица извещал российского канцлера Г.И. Головина: «Хан какой срам, урон и напасть восприял от черкесов, есть дело сие достойное слышанию, если напредь сего от кого иного о сем слыхали истинно, что уж пострадал так, чего или никогда или от веку не видал Крым, так что из старшины крымской и из ширинбеев очень немного спаслось, также и из яман сайдаков первый мурза и з другими убиты. Насилу хан жив ушел, а шатры его, и что было с ним привезено, все досталось в руки черкесам. Сим крымцам погибель и напасть случилась оттого, что неприятели на них в ночи внезапно и нечаянно ударили»[102]. По словам Фындыклылы: «Никогда не слыхано было такого их избиения»[103].

Ахмед III сместил Каплан-Гирея I, назначив в ноябре 1708 г. на его место Девлет-Гирея II. Поскольку назначение последнего угрожало делу сохранения мира с Османской империей, российский посол попытался предринять контрмеры. Но на этот раз ему пришлось удовольствоваться заверениями рейс-эфенди и муфтия, что хан будет отправлен в Крым со строгим наказом не повторять старых ошибок. Так как это назначение могло быть интерпретировано в западноевропейских дипломатических кругах как явный показатель шведско-османского сближения, П.А. Толстой в письмах к канцлеру Г.И. Головкину и российскому посланнику в Австрии И.Х. Урбиху усиленно подчеркивал кабардино-татарские противоречия внутри Крымского ханства[104].

По-видимому, разгром многочисленного крымского войска кабардинцами осенью 1708 г. навел Петра I на мысль о возможности использования крымско-кабардинской конфронтации в случае

войны с Османской империей. Об этом свидетельствует письмо, отправленное царем 15 февраля 1709 г. Азовскому губернатору И.А. Толстому, в котором Петр I указывал: «Понеже от турков хотя и еще не совершенно, однако ж некоторое начинает быть помышление к войне, того ради вам надлежит не своим лицом, но чрез верных или из донских казаков или через кого иного обослатца к черкесом, которыя ныне воюют с крымцы, похотят ли они с нами заодно быть. А сие для того, ежели б, отчего боже сохрани, турки или татары что зачали с нами, тогда б уже и нам оных явно принять к себе, что надлежит заранее основать, однако ж, зело тайно и не от своего лица»[105].

Губернатор неукоснительно выполнил царское повеление. С соблюдением необходимых предосторожностей весной 1709 г. И.А. Толстой отправляет в Кабарду своего посланника. Предложения, переданные Кургоко Атажукину российским представителем, превосходили уровень полномочий верховного князя. Решение, которое от него ожидали в Азове, не могло быть принято без санкции сословно-представительного учреждения всей Кабарды – хасы. На ее организацию необходимо было время, что, в свою очередь, приостановило ход переговоров. Вскоре И.А. Толстой принял у себя кабардинского посланника, вручившего губернатору письмо, адресованное Петру I, текст которого, к сожалению, не сохранился. Посланник передал принципиальное согласие кабардинских князей на вхождение Кабарды в антикрымский альянс в случае русско-турецкой войны, о чем губернатор известил Петра I.

Новую напряженность в российско-османских отношениях, возникшую в середине апреля 1709 г., вызвала измена гетмана Мазепы. В связи с этим Г.И. Головкин писал П.А. Толстому 10 декабря 1708 г.: «Мазепа изменил… Того б ради ваша милость сие предостерегли и трудился, дабы Порту до зачинания войны не допустить (тако ж бы и татарам изволение на то давали), не жалея никаких иждивений, хотя б превеликие оные были»[106]. Но гораздо сильнее, чем всевозможные «иждивения» и «дачи», раздаваемые российским послом, повлияла на османов победа русских под Лесной (28 сентября 1708 г.). Известие об этой победе поступило к П.А. Толстому вскоре после получения в Стамбуле известия об измене Мазепы, и он широко оповестил об успехе русских войск как османские правящие круги, так и иностранных дипломатов и просто лиц, близких посольству[107], чем в значительной степени по-

колебал тот неожиданный для России эффект, который произвела в Стамбуле измена Мазепы. 3 января 1709 г. П.А. Толстой сообщал своему правительству: «Свиделся с крайним министром сего двора, утвердил бесподозрительное содержание покоя. И уже отныне в приходящую весну может быть ваше величество быть бессумнителен как от самих турок, так и от татар»[108]. О том же Толстой писал Г.И. Головкину: «Весьма спокойно и смирно и никакая противность ни в какую сторону является и везир ко мне ныне уже показуется ласков»[109].

Мазепа предложил Девлет-Гирею II ввести войска «в казацкую землю». Хан известил османское правительство о предложении гетмана, на что последовал указ, категорически запрещавший хану вступать в контакты с Мазепой. Судя по сообщению молдавского господаря М. Раковицы российскому правительству от 20 апреля 1709 г.: «Порта не позволила хану крымскому прислать неприятелям помочь» и, наоборот, приказала, чтоб всяких дел, «касающихся к нарушению мира, с кем сотворены остерегаться и соблюдать»[110].

То, что ни Порта, ни Крымское ханство не выступили в начале 1709 г. в поддержку шведов, имело большое значение для хода Северной войны. Как справедливо отмечал Л.Г. Бескровный, Карлу XII нужны были крупные тактические успехи, которые подтолкнули бы османов и крымцев к выступлению против России[111].

Занятие русскими войсками Бутурлина, а затем разгром Запорожской Сечи (14 мая 1709 г.) перерезало пути, по которым могло произойти соединение находившихся на Украине шведских войск с крымско-татарскими в случае выступления последних на помощь шведам. Известие об этом и переданное П.А. Толстым османскому правительству сообщение о том, что шведский король будто бы «явную склонность к миру имеет», способствовали упрочению выжидательной позиции Порты. В конце мая – первых числах июня 1709 г. до столицы Османской империи дошли слухи, распространяемые греческими купцами и комендантами пограничных крепостей, о том, что русский царь во главе армады военноморских кораблей прибыл в Азов. Для предотвращения опасных слухов и демонстрации мирных намерений правительство Петра I прибегло к решительным мерам: в Азов был приглашен представитель османского правительства в Крыму Кападжи-паша, в присутствии

которого в июне 1709 г. были сожжены десятки кораблей Азовского флота. Кроме того, в Стамбул были посланы богатые подарки и деньги. Непосредственно перед Полтавским сражением (7 июня 1709 г.) валашский господарь Бракован сообщал, что османы не делают никаких серьезных приготовлений к войне и что великий везир оказывает П.А. Толстому «великие почитания».

Все это позволило Петру I в период Полтавского сражения обнажить от войск почти все пути, ведущие к Перекопу, Бендерам и Очакову[112]. Российская внешняя политика, направленная на то, чтобы избегать каких-либо осложнений с Портой, лишила Швецию возможного союзника, что, несомненно, явилось большой победой петровской дипломатии. Полтавская баталия опосредованно повлияла на обострение российско-османских отношений[113]. В Стамбуле, как и всюду в Западной Европе, не только увидели в России силу, с которой следует считаться, но стали опасаться ее чрезмерного усиления. С августа 1709 г. в донесениях П.А. Толстого появились сведения об интенсивной подготовке османского правительства к войне. Все же и на этот раз П.А. Толстому удалось переломить ситуацию: 3 января 1710 г. султан возобновил Константинопольский договор 1700 г. Письмо, отправленное 7 января 1710 г. в Москву, свидетельствует об уверенности посла в невозможности в ближайшее время разрыва мирных отношений с Россией.

В условиях назревавшей войны с Османской империей и Крымским ханством правительство Петра I в конце лета 1710 г. приступило к организации антикрымского альянса. 5 сентября 1710 г. был заключен российско-калмыцкий договор «О подданстве хана Аюки со всеми тайшами и с людьми его Российскому государству»[114], подписанный от имени царя Казанским и Астраханским губернатором боярином П.М. Апраксиным и от Калмыкии ханом Аюкой, тайшами Чеметом, Четером и Дондук-Омбо.

В основном договор был посвящен военному союзу, объединению усилий обеих сторон на обеспечение безопасности городов Казанской губернии, Поволжья, Дона, а также и Калмыцкого ханства, упрочению установившейся дружбы и «названного братства». Вместе с тем он кардинально отличался от шертных записей не только по структуре (текст имеет заголовок и разделен на шесть статей, есть подписи и печати губернатора и хана), но и конкретностью и направленностью содержания, иными формами обращения

друг к другу договаривающихся сторон. Впервые в этом документе на государственном уровне признавалось, что Аюка является влиятельным ханом «над многими степными ордами»[115], имелись в виду ногайские, едисанские, ембулукские и малибашские мурзы.

В договоре от имени царя были признаны заслуги хана Аюки в защите южных границ России, отмечена его верная служба государю. Петр I, выразив удовлетворение службой калмыков, значительно увеличил жалование хану Аюке и его тайшам, выделил пороху и свинца, обещал и впредь оберегать Калмыкию от внешних врагов. Содержание первой статьи и ответ хана Аюки, «что он великому государю служить обещался до смерти своей, во всякой верности», свидетельствовал об упрочении отношений России с Калмыцким ханством, закрепляли особый статус Калмыкии как государства, хотя и вассального типа, в составе России. Особое значение придавалось калмыцкой коннице на Азово-Кубанском направлении, в борьбе с крымскими татарами. В целях приближения калмыков к театру будущих военных действий Аюка обещал прислать «к Дону против Манацкого городка, который недалеко от Черкасского, калмык с двумя тайшами с Чеметем Батырем, да Чеметем Мункотемировым сыном, кочевать 10 000 человек»[116]. Именно этот отряд в последующем, в январе 1711 г., стал главным сдерживающим фактором выступления кубанских татар на помощь крымским татарам.

В то же время взаимоотношения с пророссийской группировкой кабардинских князей правительство Петра I ведет секретно, и в такой форме, чтобы даже в случае огласки не дать возможности Порте интерпретировать их как явное нарушение условий Константинопольского договора 1700 г. Еще в начале лета 1709 г. в соответствии с царским указом И.А. Толстой направляет в Кабарду своего представителя. О том, как именно проходили переговоры, недвусмысленно свидетельствует письмо кабардинских князей от 1711 г.: «И как тот ваш посол к нам доехал, и в то число собрали мы горских черкес и иных, которые под овладением нашим, и от вашего величества посланной лист прочли. И они о том благодарили»[117]. Как видим, ни о каком правовом оформлении переговоров не может быть и речи. Фактически перед нами приглашение, широко практикуемое в отношениях с северокавказскими владетелями в XVI–XVII вв., «послужить царю». Кроме того, серьезные внутриполитические изменения в Кабарде, вызванные смертью в январе

1710 г. Кургоки Атажукина и выбором на хасе верховным князем Хатокшоко Мисостова (1710–1721), союзника крымского хана Девлет-Гирея II, серьезно осложнили переговорный процесс. Позиции пророссийской группировки кабардинских князей, особенно Джамбулатовичей, серьезно осложнились. В письме, отправленном весной 1710 г. Петру I, кабардинский князь Татархан Бекмурзин извещал царя о том, что «у нас с крымцами идет война великая»[118], и просил о незамедлительной военной помощи.

Начиная с лета 1710 г. российско-османские отношения резко ухудшаются. Сказались непрерывные внушения Девлет-Гирея о «русской опасности» для Крыма, подкрепленные появившимися в Европе слухами об «Ориентальном цесарстве». Немалую роль сыграли и взятки для османских чиновников, переданные личными представителями Карла XII в Стамбуле Нейгебауэром и Понятовским. В сентябре 1710 г. Девлет-Гирей прибыл в Стамбул. На заседании дивана хан запугивал султана тем, что будто бы Петр I, значительно усилившийся благодаря победе над шведами, выдвигает претензии на османские земли, что российские войска укрепляются в районе Каменец-Подольска. В своем последнем письме, отправленном в конце 1710 г., П.А. Толстой успел уведомить свое правительство о том, что султан принял решение «войну с нами начать ныне через татар, а весною всеми турецкими силами»[119]. 9 ноября 1710 г. был оглашен султанский фирман о начале войны с Россией.

По мнению английского посла в Стамбуле Р. Саттона, в принятии окончательного решения о начале войны определяющую роль сыграла именно агитация Девлет-Гирея. Как писал Саттон, «война с Россией целиком является делом татарского хана»[120]. Австрийский посол при дворе Ахмеда III И.М. фон Тальман также неоднократно извещал свое правительство о решающей роли в разрыве российско-османских отношений шведов, французов и поляков из числа сторонников С. Лещинского и Крымского хана Девлет-Гирея II[121].

Перспектива войны на два фронта подтолкнула Петра I на решительные дипломатические действия: через дипломатов Англии и Голландии Швеции был предложен взаимовыгодный мирный договор, а султану – восстановление мира[122]. Однако ни то, ни другое предложение не встретило поддержки. Разработанный русским дипломатическим и торговым агентом С. Рагузинским стратегический план военных действий включал в себя операции на широком

фронте от Балкан до Кубани[123]. Он исходил из господствовавшей после Полтавы в российских дипломатических и военных кругах переоценки собственных сил и явной недооценки сил Порты, а особенно Крыма. Борьбе против Крымского ханства отводилась явно второстепенная роль (впервые в истории русско-турецких конфликтов). Для проведения отвлекающих действий против татар планировалось выделить не более 20 000 казаков под командованием гетмана Украины И.С. Скоропадского и генерала Д.И. Бутурлина. На подвластную Крыму Кубань предполагалось отправить около 7000 солдат казанского губернатора П.М. Апраксина[124]. Однако уже первые события 1711 г. показали пагубность такой недооценки.

Петр I решил взять инициативу в свои руки и выдвинуть войска к южной границе. В манифесте от 22 февраля 1711 г. царь «повелел войскам своим главным отовсюду к турским границам итить, куда и сам особою своею вскоре прибыть изволит»[125]. Первоочередная задача, стоящая перед российским командованием, состояла в концентрации войск на двух флангах предстоящего театра военных действий: Приднестровье на западе и в Приазовье на востоке. Основная группа войск под командой Шереметева прямо из Прибалтики, через Польшу, ранней весной 1711 г. была отправлена к границам Молдавии и Валахии – вассальных княжеств Османской империи. Позднее к армии Шереметева присоединился Петр I с супругой. Отсутствие у русского командования четкого плана наступления и невозможность оперативного управления военными действиями в Приазовье неизбежно привели Петра I к мысли о необходимости предоставления командующему войсками в Азовской губернии самого широкого круга полномочий.

Османское правительство главные силы турецкой армии направило навстречу российским войскам, посчитав район Приазовья – Прикубанья важным, но второстепенным. Главная задача, поставленная турецким командованием перед войсками, направленными в Приазовье, заключалась в захвате Азова и Таганрога. Выполнение ее возлагалось на вооруженные силы Крымского ханства, для поддержки которых 8 апреля 1711 г. была направлена флотилия в составе 22 галер, 27 галиотов и около 300 мелких судов. Кроме того, в Бахчисарае рассчитывали на помощь сторонников С. Лещинского и казаков Ф. Орлика, с которыми у Девлет-Гирея II имелись соот-

ветствующие договоренности[126]. Вместе с тем правительство Ахмеда III фактически не предприняло серьезных мер для усиления обороноспособности Крымского полуострова и безопасности Черноморских проливов, о чем свидетельствует анонимная записка османского чиновника[127].

Петр I возложил оборону Приазовья на губернатора – адмирала Ф.М. Апраксина. В его распоряжение поступили расположенные и присланные из Москвы полки, донское войско и калмыцкие отряды, посланные для защиты ханом Аюкой. Военные действия в Приазовье начались уже в начале зимы 1711 г. 15 января капитан-командор И. Бекман доносил Ф.М. Апраксину о наступлении кубанцев и необходимости принять меры к охране кораблей, находящихся в Азове.

В конце января П.М. Апраксин отправил царю письмо, в котором испрашивал инструкций царя на случай, если «…черкесы прикочуют к Азову, принимать ли, и где им быть, и какою милостию их обнадеживать?», на что последовал ответ: «Принимать и обнадеживать, как возможно»[128]. Поскольку в начале 1711 г. российское правительство ожидало ответа султана на предложение о восстановлении мира, адмирал спрашивал, какие меры предпринимать в ответ на набеги «крымцов и кубанцов» к «Азову, Троицкому, Черкасскому?» Петр I повелел: «Учинить начала, с помощию божиею, снатным походом… и потом позволить всем, а до того удержать»[129].

В начале зимы 1711 г. по царскому указу «для воинского совету» к калмыцкому хану Аюке был направлен Саратовский комендант Н.П. Беклемишев. В ответ на предписание Петра I «выйти в поход на Кубань и Крым», хан попросил коменданта уведомить кабардинских князей о начале русско-турецкой войны, что было исполнено. 2 февраля 1711 г. Н.П. Беклемишев отправил письмо «Атягозуку-мурзе да Исламу-мурзе и другим мурзам». В нем он извещал кабардинских князей о том, что «ныне великий государь указал на турак и на крымцов идти его царского величества господину адмиралу и ковалеру Федору Матвеевичу Апраксину со многими полками»[130]. Сообщая кабардинцам что, «Аюке-хану, имянным его, великого государя, указом повелено со всею ордою быть готову на ево, великого государя, службу на кубанцов и на крымцов», комендант предлагал князьям, что как только «по ука-

зу великого государя Аюки – хана калмыки посланы будут на ево, великого государя, службу на кубанцов, и вы, соединяся с ними, войною на кубанцов подите безо всякого сомнения неотложно»[131]. Царский указ хану Аюке послать «от себя на Кубань и в Крым воинских своих людей»[132] последовал 28 февраля. В феврале 1711 г. кабардинские князья прислали Петру I письмо, в котором уверяли царя в готовности выполнить договоренности 1709 г.[133] Уведомив о том, что они знают о начале русско-турецкой войны, князья просили: «впредки какой будет… договор и мирное постановление, и в то число и нас, раб своих, не позабутьте, чтоб крымский хан нам впредь никакой обиды и шкоды не чинил»[134].

2 марта комендант Беклемишев прибыл в Москву. Он известил российское правительство о результатах переговоров с калмыцким ханом Аюкой: «Хан приказывал с ним словесно донесть, что он, хан, калмык своих на кубанцев и на крымцов пошлет. И кубанцы-де против моих войск не устоят, а и в Крыме-де смятение немалое будет, а крымцам-де охранять кубанцов невозможно, через Дон не перепустят. А через моря у них есть перевоз ис Крыму на Кубань, только труден, естьли-де спутных (попутных – *Дж.Р.*) ветров не будет, на гребле и в десять дней не перегребут… А как-де уведают (кубанцы – *Дж.Р.*) о походе калмыцком и кабардинских на Кубань, чают, что битца не будут. Да Аюка же хан говорил о козаках, которые бежали с Некрасовым, что их много пропало от голоду. Нынешнею-де осенью пришли из тех казаков в Кабарду с лишком со ста человек и ныне живут в Кабарде»[135].

Весной 1711 г. с целью уточнить план предстоящей кампании в Прикубанье П.М. Апраксин обратился с письмом к Петру I. Царю предлагалось выбрать направление главного удара: «на Кубань» или «на Крым»?[136] Ответ Петра I гласил: «Как возможно трудиться на кубанцов итить и их разорить или покорить…»[137] Кроме того, губернатор просил царя определить направление удара и для вооруженных сил союзников России – кабардинских князей: «К кабардинцам посылать и подымать их на кубанцов, ил на Крым, а жилищи кабардинские близ Кубани, а к Крыму чрез проливу моря Азовского?»[138] Однако здесь царь затруднялся с ответом и предлагал П.М. Апраксину решить самому – «Подумать, куда удобнее»[139].

Для координации военных действий кабардинских князей с русской армией в Приазовье в начале весны 1711 г. в русском ко-

мандовании было принято решение направить в Кабарду офицера гвардии, князя А.Б. Черкасского. 5 марта 1711 г. Черкасский направил Петру I донесение, где просил царских указаний по следующим вопросам: «1. Когда прибуду на границу гребенских казаков, тогда мне от себя посылать ли ко владелцом, чтоб виделись со мною в том месте, или прямо к ним ехать самому?»; «2. По прибытии моем ко владелцам, что со оными будет у меня чинитца, и о том ведения до кого писать?»; «3. Особливые владелцы, которые граничат с черкесы, а похотят служить, призывать ли оных для умножения войска? И по склонности, ежели востребуют каких подарков, надобно послать сукон и протчего, как прежде к ним посылали, и что обещать и коликом числом?»; «4. В проезде в пути для пустых мест и степей, чтоб даны были проважатые и подводы без задаржания, и о том надлежит указ губернатору казанскому»; «5. Как оные владелцы по призыву в указанные места пойдут, мне обще ли с ними ехать, или какова указу ожидать?»[140]

На что Петр I отвечал так: по-первому вопросу, «Ехать к Оюке и оттоль ссылатца, а буде удобно и самому ехать», по-второму – «Писать ко мне через Азов, а к Москве чрез Петра Матвеевича», по-третьему – «Взять с собою, что возможно, а в протчем обещать и писать к Москве к Сенату, которые будут присылать», почетвертому – «О сем оному словесно приказано», и, наконец, попятому – «Лучше быть при них и о всем писать»[141]. Под текстом документа приписка следующего содержания: «…марта 6-го дня по требованию… князя Черкасского, велено с ним отпустить из Сибирского приказу мяхкой рухляти на 1000 рублей»[142].

5 марта 1711 г. Петр I отправил Калмыцкому хану Аюке «Грамоту», в которой уведомлял хана о достигнутых между российским правительством и кабардинскими князьями соглашениях. «…Известно нам…что князь и владельцы черкесские и кабардинские и весь народ тот желают под нашу высокодержавную руку поддатись и тем себя из под ига турского и хана крымского свободити, понеже крымцы им неприятели и частые брани между ними случаются, и что… постановили они служить нам… а с крымцами воевати. И хотят о том от нас… помочи. И мы… указали их в подданство к себе приняти. И в нашей… грамоте повелели к ним, чтоб они ныне показали свою службу и верность против салтана турского и хана, за что обнадежили их милостию нашей и вспоможением»[143]. Далее

царь сообщал хану о том, что для «лутчаго… о всем о том… извещения» он послал к кабардинским князьям «сродника их князя Александра Черкасского, который в службе нашей обретается»[144]. В конце письма Петр I указывал Аюке: «И как он, князь Александр, к тебе приедет, и тебе б… велеть его проводить безопасным путем в тое орду, и послать от себя к ним, кабардинским владельцом, кого пристойно, и склонить их, дабы они к нам… в подданство поддались, за что получат милость нашу. И обнадежить их, что когда он с тамошним народом пойдут на Крым или на Кубань воевати, тогда ты… им в том вспомогать и обще над теми неприятели нашими воински промыслы чинить будешь…»[145]

В конце весны 1711 г. Черкасский достиг владений хана Аюки, откуда 22 мая отправил Петру I донесение, в котором излагал результаты достигнутых договоренностей по организации калмыцко-кабардинского антикрымского альянса. В беседе с ханом выяснилось, что «зимним временем» к нему прибыли «посланцы от владелцов черкесских» и «требовали войска калмытского»[146]. На что хан ответил: «без воли… царского величества того учинить не смею»[147].

Не теряя времени, князь решил известить кабардинских князей о своем прибытии и послал в Кабарду своего представителя. Вскоре в ставку хана прибыли кабардинские «посланцы», изустно передавшие Черкасскому, что «владелцы черкесские… желают вашему царскому величеству служить, только к себе просят в помочь войска калмытского и несколко русских, сообщась вместе, чинить промысл военной над неприятелем в. ц. в., а имянно, на Кубань»[148]. Черкасский передал посланцам, что «калмыки будут вам помогать, а об русских писать буду до в. ц. в.»[149]. На военном совете с ханом было решено отправить к кабардинцам часть калмыцкой конницы под командованием сына хана «Чапдержапа», а другую направить в Азов к Ф.М. Апраксину.

Однако П.М Апраксин приказал «ждать себя до приезду своего из Казани в Царицын, и в то время умедлилось»[150]. В конечном свете князю пришлось поехать «к черкесом» «хотя и без калмык по нужде, а удобнее бы с калмыками»[151]. В конце письма Черкасский заверял царя в том, что будет «старатся, чтоб оные черкесы показали вам службу» и просил удовлетворить просьбу кабардинцев – выделить российские войска: «...ежели воля ваша, царского величества, соизволит хотя малое число для славы взять драгунов из Астрахани, а в Астрахани полк драгунский в гварнизоне»[152].

В начале июня 1711 г. Черкасский прибыл в Терки, откуда отправил в Кабарду письмо, текст которого был подготовлен в Посольском приказе в апреле 1711 г. Письмо, по словам Черкасского, являлось ответом на послания к нему кабардинских князей, общее содержание которых – просьба о принятии в российское подданство.

Князь предлагал кабардинцам, «усмотря благовременно… случай, когда салтан турской с его царским величеством мир неправедно и без всякой данной ему причины нарушил и войну всчал» продемонстрировать «свою службу»[153]. Для чего необходимо, «собрав войска свои, идти на Крым или на Кубань и на иные татарские места и чинить над ними поиск. А царское величество, усмотря ту вашу к нему службу и верность, немедленно укажет вам вспомогать донским и еицким и гребенским казаком и калмыком»[154]. Кроме того, Черкасский сообщал кабардинским князьям, что царь уполномочил его передать «обещание… царского величества» – «когда вас ис под турецкого ига свободных учинит и вы в его царском величестве подданстве будете», полностью освободить кабардинцев от налогов и выплачивать «повсягодное» жалованье, как получал, к примеру, «Аюка хан калмыцкой с тайшами своими»[155].

28 июня 1711 г. Черкасский достиг Большой Кабарды. На хасе, созванной по случаю прибытия царского посланника, в присутствии верховного князя Кабарды Хатокшоко Мисостова, он зачитал грамоту Петра I «Татархану князю черкесскому, и братьем ево, и протчим владельцам, и всему народу тому»[156], текст которой был идентичен содержанию письма, посланного А.Б. Черкасским в Кабарду из Терского города.

О реакции кабардинских князей на царские предложения мы можем судить по выявленному нами источнику, письму Черкасского Петру I от 30 июня 1711 г. «Грамоту вашу, – писал князь, – которая дана мне в Москве ис концелярии Посолской ко владелцом черкесским…объявил и всему тому народу, которым надлежит о том ведать»[157]. Выслушав царского посланника, кабардинские князья, посовещавшись, объявили о том, что «рады вашему величеству служить верно»[158]. Однако кабардинцы указали на то, что «немноголюдни черкесы перед кубанцами, одне не можем с кубаном управитца, понеже кубанцов в собрании много; ежели будет войско вашего царского величества к Кубани, чтоб, соединясь обще над неприятелем чинить промысл»[159]. Черкасский заверил кабар-

динцев, что «войско русское и калмытское будет, не замедлев, к Кубани», но нужно, «чтобы вы были готовы совсем»[160]. Кабардинские князья готовы были присягнуть, что и было совершено: «И они мне присягу учинили по своей вере, что готовы, ежели будет войско к Кубани, и им, соединясь, итти на неприятеля и готовитца со всем на лошади сесть и вечно вашему царскому величеству служить»[161].

Досадуя на нерасторопность П.М. Апраксина, Черкасский указывал Петру I опасность такой ситуации, ввиду того, что крымской хан «прислал… от себя двух персон знатных к черкесским владелцом со многим обещанием, чтоб быть черкесом при стане их. Однако ж, за помощию божиею, свое намерение не совершали, и высланы не честью»[162].

По поручению кабардинских князей Черкасский передал Петру I условия, на которых они были согласны служить русскому царю: «Говорили мне черкесские владелцы, чтоб ваше царское величество не оставил черкесов, ежели будут трактаты с турком к миру, в тех трактатах не забыть и черкес, как ваших слуг верных. Второе, чтоб их наделять погодно жалованием, как написано к ним в грамоте вашего царского величества, как предком их было жалованье прежде, и им то учинить погодно жалованье. Третье, не позывать бы их в другие далние краи в службу, а при тех странах ради служить вам верно. Четвертое, ежели неприятель наступит на них, чтоб их в разорение не дать и оборонить от неприятеля»[163]. Князь заверил кабардинцев в том, что «царское величество прозьбу вашу милостиво приемлет», однако они поверили только тогда, когда он «им присягу учинил»[164].

В заключение князь информировал царя о том, что «и другим владелцом, которые обретаются близ черкес, посылал призвать в службу к трем народам: кумыком, мичкисом, чеченцом. И оные отповедствовали мне чрез посланцов своих, чтоб им дать жалованье, сколко персон выедут на службу. Ежели вам то угодно, прикажите дачи на них прислать, удобно здешнего края народом червонные ефимки, камки, бельи мехи. И о том писал к Москве к Сенату, по указу вашему, как мне в пунктах доносителных написано»[165].

Между тем 8–10 июля основные силы русской армии на Пруте оказались в катастрофическом положении, окруженные троекратно превосходящими османо-крымскими войсками[166]. Русскому ко-

мандованию пришлось вступить в переговоры, и 12 июля 1711 г. вице-канцлер П.П. Шафиров, генерал-майор М.Б. Шереметев и великий везирь Балтаджи Мегмет-паша заключили мирный договор, ратифицированный Петром I в тот же день, а султаном Ахметом III в конце июля 1711 г.

Прутский мирный договор обеспечивал выполнение внешнеполитических задач султанского правительства: укрепление позиций проосманских сил в Речи Посполитой и левобережной Украине, ликвидацию российских укреплений в Причерноморье, и, главное, возвращение Приазовья. Оттоманская Порта с приобретением Приазовья, важного военно-политического плацдарма в регионе, получала потенциальную возможность форсировать реализацию экспансионистских планов в отношении кавказских провинций Сефевидского Ирана, что, в свою очередь, категорически требовало мобилизации вооруженных сил Крымского ханства и, соответственно, достижения военно-стратегического простора на Центральном Предкавказье.

Интересы Крымского ханства не были в полной мере учтены османами при подписании договора. Девлет-Гирей II (декабрь 1708 – март 1713) серьезно опасался российского военного и политического проникновения на территорию так называемого «Дикого поля», находившегося в Северном Причерноморье в непосредственной близости от Крыма. Как утверждает В.Е. Возгрин, «Девлет-Гирей понимал, что этот мирный договор хотя и запрещает продвижение русских на юг, но тем не менее он есть лишь временная отсрочка такого продвижения»[167]. Безусловно, для периода Северной войны такого рода интерпретация петровской политики была, в целом, нехарактерна, но общий анализ российской внешней политики с конца XVII в. позволял сделать вероятный вывод о том, что после решения Балтийской проблемы следующей задачей, которую будет решать Россия, станет проблема Крыма и выхода к Черному морю. Это не вполне видели османы, но зато вполне четко представлял непосредственный сосед России Девлет-Гирей II.

Благодаря дипломатическому искусству П.П. Шафирова, сыгравшего на личной неприязни великого везиря и Крымского хана, требования крымцев о «повсягодной» выдаче дани и претензии на часть левобережной Украины были «обещаны… на словах», но в

текст договора «Мегмет-паша за ссорою с ханом не внес по своей злобе»[168]. Тем не менее возвращение Приазовья резко усиливало геополитическое влияние Крыма на горцев Центрального Кавказа. Осуществление Гиреями геостратегических интересов империи на данной территории ограничивалось в тактическом воплощении, с одной стороны, сформированной петровской дипломатией пророссийской группировкой кабардинских княжеств, а с другой – требованиями татарских мурз, для которых набеги на народы и племена Центрального Кавказа составляли значительную часть доходов, что, соответственно, крайне ограничивало политическое решение вопроса.

Прутский договор кардинально изменил устоявшуюся после Константинопольского трактата 1700 г. расстановку сил на кавказском геополитическом пространстве. Южный вектор российской геополитики, будучи отброшен к границам конца XVII в., утратил стратегическую инициативу и динамизм, что опосредованно сказалось на практике международных отношений с народами Северного Кавказа. Правительство Петра I было поставлено перед необходимостью отказаться от достигнутых ранее договоренностей с горскими владетелями[169].

Но в контексте главной задачи, которую тогда решала Россия, – сокрушения Швеции, русско-турецкий договор 1711 г., по мнению самого Петра I, являлся относительно небольшой ценой. В пространном письме к сенаторам он так подытоживал результаты Прутской компании: «Сие дело хотя и не без печали, что лишиться тех мест, где столько труда и убытков положено, однако ж, чаю, сим лишением другой стороне (войне со Швецией – *Дж.Р.*) великое укрепление, которая несравнительною прибылью нам есть»[170]. К тому же, как явно видно из переписки царя, Петр I рассчитывал на скорейшее завершение Северной войны. В этом случае, Россия могла потребовать от правительства султана Ахмеда III пересмотра условий Прутского мира.

Выполняя пункт первый договора: «Азов с принадлежащими ко оному крепостями отдать паки во владение салтанову величеству… Новопостроенные же городы Тоганрог, Каменный Затон и на устье Самары новый город»[171] разорить, Петр I в указе азовскому губернатору Ф.М. Апраксину от 12 июля предписывал: «Городы Азов и протчие с их землями, которыя от вышереченной области взяты в прошлой войне, отдать, а новопостроенные разорить,

что повелеваем вам учинить, по силе учиненного трактата…»[172] В тот же день Петр I направил именные указы командующим российскими войсками Д.М. Голицыну, И.И. Бутурлину, К.-Э. Ренне и гетману И.И. Скоропадскому, в которых последним предлагалось немедленное отступление[173].

По-видимому, уверенность в скорейшем завершении шведской войны опосредованно повлияла на принятие Петром I решения воспользоваться ситуацией и оттянуть исполнение условий Прутского мира, что в конечном счете избавило бы его от необходимости передать османам Азов и разрушить Таганрог. Так, в письме к Апраксину царь, известив губернатора о том, что шведская война «…с помощью божиею зело изрядно идет и ко окончанию есть добрая надежда…», указал «…гораздо аккуратно» выполнять договоренности относительно «срытия» российских укреплений.

Основываясь на недоработке некоторых пунктов Прутского договора, в частности, пункта 4, оговаривавшего, без указания сроков, обстоятельства переезда Карла XII из Бендер в Швецию: «Короля свейского…свободно и безопасно до его земель пропустить»[174], Петр I обусловил передачу Азова и разрушение Таганрога обязательством османов выслать шведского короля из своих владений. Уже 15 июля 1711 г. царь велел Апраксину «ранее октября последних или ноября первых чисел оного (разрушения крепостей, – *Дж.Р.*) не окончать».

3 августа 1711 г. Петр I предписывал Ф.М. Апраксину: «Азова не отдавайте и Таганрога не разоряйте, пока я отпишу, ибо турки ныне хотят, чтоб короля шведцкого проводить чрез Польшу в пятитысячном числе турков и таким же числом татар; а ежели не захотят чрез Польшу, то проведут его в Царьград. Хотя и не чаем, чтоб турки паки зачали войну, получа так прибыточный себе мир, однако же мню, что так они хотят учинить, дабы в Польше король шведцкой паки возмутил и остался в войне с нами, а они в покое безопасном... И для того, ежель пойдет на Царьград, а Шафиров будет писать, что он и оттоль отпущен, то исполняй по его письму; буде же иным путем, а именно чрез Польшу или Немецкую землю, то хотя и он будет писать, то, не списавшись со мною, не совершай отдачею Азова»[175]. 5 августа 1711 г. Ф.М. Апраксин отвечал царю, что подготовка к сдаче Азова потребует значительного времени[176]. В последующее время царь в переписке с губернатором продолжал

связывать передачу Азова с высылкой Карла XII. Однако, принимая во внимание ухудшение для России международной обстановки в Западной Европе, где вопреки ожиданиям российских дипломатов близилась к концу война за Испанское наследство (1701–1714), царь указал: «Таганрог разорить»[177].

Тем временем действия антикрымского альянса в Прикубанье достигли своей кульминации. Как известно, весной 1711 г. Казанскому и Астраханскому губернатору, генералу П.М. Апраксину поручалось, опираясь на вооруженные силы калмыцкого хана Аюки и кабардинского ополчения под номинальным командованием офицера гвардии А.Б. Черкасского, обеспечить безопасность российских рубежей в Нижнем Поволжье и Приазовье. Достижение этой цели, по единогласному мнению участников альянса, было осуществимо в случае нанесения превентивного удара по Кубанской Орде.

9 августа 1711 г. кабардинское войско численностью примерно 8000 человек под командованием верховного князя Хатокшоко Мисостова достигло Прикубанья и, ожидая подхода российских войск и калмыков, встало лагерем «близ Кубани у р. Кумы в двух днях переезда (до границ Кубанской Орды. – *Дж.Р.*) и в одном скорой езды». Подход российско-калмыцких войск затягивался, беспокойство кабардинских князей росло. 17 августа А.Б. Черкасский отправил Азовскому губернатору Ф.М. Апраксину письмо, где сообщал что, «черкесские (кабардинские. – *Дж.Р.*) владельцы безмерно докучают ему по неизвестности о ходе русских на Кубань, не верят, что он сбудется… и намерены с владельцами близ Кубани напасть на абазинцев, бесленеевцев, башилбайцев и родных им нагаев»[178].

В конце августа российские войска под командованием Апраксина в составе 8897 человек пехоты и кавалерии и калмыцкая конница, численностью 20 474 всадника, достигли владений кубанских мурз. Доступные нам архивные материалы ничего не говорят о том, почему Апраксин, не уведомив кабардинцев, 26 августа совершил нападение на кубанцев. В трехдневном бою российско-калмыцкие войска одержали «страшную победу над закубанцами, бывшими под управлением турецких вождей»[179]. Ставка нур-этдина Бахти-Гирея – Копыл, была разорена. В победной реляции Апраксин сообщал, что были побиты 11 460 татар, а 21 000 – взяты

в плен. Кубанцев преследовали вдоль по течению Кубани на протяжении 100 верст, более 6000 татар утонуло в реке.

Отступая, часть кубанских мурз натолкнулись на кабардинское войско. Согласно донесению А.Б. Черкасского Ф.М. Апраксину от 13 сентября 1711 г., «августа 30-го числа у горских черкес с кубанцами, которыми командровал мырадын-салтан, был бой, на котором оных кубанцов черкесы побили триста пятьдесят девять да в полон взяли сорок человек, а других потопили в реке Кубану; и сам де салтан ушол с немногими людьми, также и лошадей взято многое число»[180]. В начале сентября кабардинские князья направили к П.М. Апраксину нескольких посланников с сообщением об одержанной победе и предложением выслать к ним на помощь 2–3 тыс. казаков, дабы «разорить вконец кубанцев». Однако все просьбы кабардинцев оказались безответными.

5 сентября войска Апраксина, стоявшие на реке Чал (Чан), были атакованы отрядами Бахты-Гирея, насчитывавшими 7000 татар, 4000 казаков-некрасовцев и несколько тысяч черкес, приведенных западноадыгскими князьями. Сражение завершилось разгромом нападавших. Потеряв 1090 человек, они отступили. Вскоре генерал получил донесение о подписании Прутского договора и указ вернуться в Азов. На обратном пути российские войска встретили возвращавшихся из набега на Саратовский и Пензенский уезды отряд мурзы Чан-Араслана и разбили их, освободив 2000 русских пленных[181]. Всего же, по данным послужного списка П.М. Апраксина, в ходе кубанского похода было убито более 5000 человек и взято в плен более 22 000 человек, а также захвачены стада верблюдов, лошадей и овец, исчисляемые десятками тысяч голов[182].

Осенью 1711 г. по приказу П.М. Апраксина на левый берег Терека были переселены терские гребенские казаки, которые образовали несколько укрепленных городков – станицы Червленную, Шадринскую, Новогладковскую, Старогладковскую[183]. Основанием этих городков было положено начало образованию «терской кордонной линии», сыгравшей в последующей истории Северного Кавказа заметную роль.

Апраксин так и не встретился с кабардинским войском, чем «крайне огорчил» его руководителей. Не дождавшись российской помощи, кабардинские князья напали на абазин, вынудив их владетелей признать сюзеренитет Кабарды. Примечательно, что в из-

вестном труде Ш.Б. Ногмова, написанном преимущественно на основе адыгских фольклорных источников, есть прямое указание на то, что верховный князь «Хатажуко Мисостов… покорил абазинцев и карачаевцев»[184]. Дальнейшее наступление на кубанцев пришлось прекратить в связи с известием о нападении на Кабарду Тарковского шамхала и части дагестанских владетелей.

В конце сентября 1711 г. Сенат был проинформирован о результатах военного похода на Кубанскую Орду П.М. Апраксина. В скором времени в начале октября в Москву прибыли посланные А.Б. Черкасским в начале осени кабардинские уздени Салтан-Алей Абашев, Темир Окортов и Азармас Оков. Они привезли письмо Черкасского к азовскому губернатору Ф.М. Апраксину от 13 сентября 1711 г. с сообщением об одержанной над кубанцами победе. Сенаторы, встревоженные опасными последствиями военных столкновений, произошедших после подписания мирного договора, приняли решение отправить кабардинцев к Петру I. 10 октября, в соответствии с указом Сената Посольскому приказу, представители Кабарды были направлены в гор. Кроссен, где тогда находился царь[185]. В конце ноября 1711 г. состоялась встреча узденей с Петром I, на которой кабардинские послы сообщили о победе кабардинского ополчения над кубанскими татарами. Царь благосклонно воспринял новость и щедро одарил узденей, приказав выдать «Султан-Алею Абишеву да Азармасу Окову денег по сту рублев, по два касека камок, по 5 пар соболей по 7 рублей пара, да третьему таварыщу их Темирю Окорту денег 50 рублев, 2 пары соболей по 5 рублей пара, косяк камки»[186].

В случае если бы правительство Ахмеда III воспользовалось фактом нападения на Кубанскую Орду со стороны российских войск, калмыков и кабардинского ополчения, существовала реальная опасность усиления дипломатического давления на Россию, вплоть до разрыва османами Прутского договора. К тому же, согласно донесению П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева канцлеру Головкину от 4 августа 1711 г., положение великого везиря осложнялось тем обстоятельством, что Карл XII направил Ахмеду III грамоту, в которой «на него (везиря. – *Дж.Р.*) з жалобою писал, что он, имея наше войско в своих руках, дал нам себя обмануть, зделал мир, не призвав его в совет и не включа в оной ево»[187], Девлет-Гирей II также

неоднократно высказывал протест по поводу «поведения великого везиря». В конце августа крымский хан поднял вопрос о подкупе Мегмета-паши. Шведский король укрепил подозрения, отправив султану чертеж расположения русских и турецких войск на берегу Прута, наглядно показывая, что если бы везирь захотел, то вполне мог взять в плен всю русскую армию[188]. Опасения российского двора не остались незамеченными секретарем английского посольства Л. Вейсбродом, известившим свое правительство о данном инциденте[189]. Впрочем, опасения российского правительства оказались напрасными, османов мало заботила судьба кубанских татар.

Во второй половине октября 1711 г. в Азов к губернатору Ф.М. Апраксину прибыло многочисленное посольство, представлявшее военно-оборонительный союз кабардинских княжеств. Целью дипломатической миссии кабардинских посланников, насколько мы можем судить по доступным нам источникам, являлась пролонгация заключенных в 1709–1711 гг. российско-кабардинских договоров. Разворачивавшиеся на глазах кабардинцев события – эвакуация людских и материальных ресурсов из Приазовья, ликвидация крепостей, осада Азова 10-тысячным корпусом крымско-татарских войск в конце октября – недвусмысленно свидетельствовали об итогах военной компании 1711 г. Надо полагать, что кабардинцы надеялись получить исчерпывающие объяснения по поводу происходящего, выяснить причины поведения П.М. Апраксина, проигнорировавшего все просьбы об оказании помощи для совместного нападения на кубанцев, и, главное, рассчитывали на проявления реальной заинтересованности российского правительства в обеспечении безопасности своего союзника по антикрымской коалиции.

Претензии кабардинских князей к губернатору П.М. Апраксину, частично безосновательные, обострившие переговорный процесс, во многом объяснялись опасениями кабардинцев по поводу того, что вина за неудачный, с их точки зрения, военный поход на Кубанскую Орду будет возложена на кабардинских князей и, вероятно, будет истолкована царским правительством как нарушение присяги и срыв договоренностей 1709–1711 гг.

В ходе переговоров Ф.М. Апраксин, учитывая обострение российско-османских отношений, был вынужден уклониться от обсуждения не имеющего политического решения в рамках Прутского договора статуса Кабарды и, соответственно, от предостав-

ления российским правительством гарантий, способных привести к развязыванию новой войны. Впрочем, даже в ситуации, когда народам Центрального Предкавказья фактически было предложено самим позаботиться о будущем своей страны, кабардинские посланники подтвердили присягу на верность российскому царю. Со своей стороны, губернатор в дипломатичной форме пообещал послам, что они всегда будут находиться в подданстве у русских царей и ни в коем случае не перейдут под власть султанского правительства.

Несомненно, что Ф.М. Апраксин, принимая во внимание состояние российско-османских отношений, не мог не осведомиться о военном потенциале Кабарды. Когда он напрямую спросил об этом, один из представителей кабардинской делегации, Али-мурза Алеев, ответил, что кабардинские и союзные с ними западноадыгские князья в состоянии выставить «конницы, оружейных, кроме черных работных людей, тысяч с пятнадцать; а в нужный случай с работными людьми их соберется тысяч с тридцать или больше; и те-де работные их люди к войне заобычны ж и всегда будут в готовности»[190].

Результаты переговоров, как только они были озвучены на сословно-представительном собрании Кабарды – хасе, привели к поляризации общественно-политических сил. Союз оказался на грани распада. Одна группировка кабардинских князей (Мисостовы и Атажукины), во главе с верховным князем, исходя из позиции России, высказывалась за необходимость скорейшего прекращения тяжелой для населения страны войны и поиск путей к нормализации взаимоотношений с Крымским ханством. Другая (Джамбулатовичи) в лице офицера гвардии, князя А.Б. Черкасского, ссылаясь на принятую кабардинцами присягу на верность царю, выступала за дальнейшее укрепление русско-кабардинских связей и недопустимость каких-либо уступок хану Девлет-Гирею II, т.е. фактически предлагала продолжать жесткую военно-политическую конфронтацию с Крымом. Хаса поддержала А.Б. Черкасского. Но было бы ошибкой видеть в принятом князьями консолидированном решении проявление всеобщей внешнеполитической ориентации, тем более, что итоги переговоров с Ф.М. Апраксиным должны были рассеять все иллюзии насчет российской военно-политической

поддержки. Превалирующую роль здесь сыграли внутриполитические противоречия. Ситуация, когда доводы Хатокшоко Мисостова, несмотря на свою аргументированность, были оставлены собранием без должного внимания, во всей полноте продемонстрировала ограниченность политического влияния верховного князя.

Благодаря деятельности верховного князя Кургоко Атажукина (1693–1710) нарастание дезинтегрирующих тенденций в политической системе Кабарды, в условиях сложной внешнеполитической обстановки в 1708–1710 гг., на короткий период было приостановлено. Однако усиление центральных органов власти нарушало присущий взаимоотношениям кабардинских княжеских уделов в XVI–XVIII вв. принцип равновесия сил, не допускавший возвышения одних князей над другими. Политическая элита Кабарды оказалась не в состоянии преодолеть свои узкоклассовые интересы и поддержать миротворческие процессы, ведущие к укреплению авторитета верховного князя.

Тем временем в мае 1712 г. Петр I получил письмо от П.П. Шафирова, датируемое тем же числом прошлого месяца, содержавшее сведения об условиях заключенного 5 апреля в Стамбуле русско-турецкого договора о перемирии. Константинопольский договор 1712 г. требовал от российского правительства, кроме выполнения некоторых пунктов Прутского договора, в частности о Польше, значительных территориальных уступок Крымскому ханству на Украине, а также отказа от укрепления пограничной линии между Азовом и Черкасским. Особо оговаривались обстоятельства переезда Карла XII в Швецию. Условия договора вызвали крайнее неудовольствие Девлет-Гирея II тем обстоятельством, что обязательства российской стороны о выплате крымским ханам ежегодной дани вновь не были зафиксированы. Впрочем, вице-канцлер считал, если царь «благоволит… обещать ему (крымскому хану. – *Дж.Р.*) приказать какую погодную дачу, то, чаю, чтоб он склонился к вашего величества стране»[191]. Перемирие было заключено сроком на 25 лет.

Согласно заверениям Шафирова, решающую роль в подписании договора сыграли «английский и голландский послы… английский посол день и ночь трудился и письмами и словами склонял турок к сохранению мира… голландский посол ездил несколько раз инкогнито к везирю, уговаривал его наедине и склонял к на-

шей пользе…» Судя по донесению английского посла в России Ч. Витворта своему правительству, утро 9 мая в Кронштоте «прошло в большой радости, с крепости и судов стреляли пушки»[192].

Принимая во внимание вероятность войны с Османской империей, петровская дипломатия прилагала усилия для укрепления позиций лояльных к России северокавказских владетелей. Вместе с тем российское правительство не уделяло достаточного внимания развитию дипломатических отношений с полиэтничными кабардинскими удельными княжествами в рамках созданного кабардинскими князьями в 1708 г. антикрымского военно-оборонительного союза.

Перманентное с конца 1707 г. военное противостояние с могущественным вассалом Османской империи – Крымским ханством обеспечивало союзу относительную внутриполитическую стабильность, а вхождение накануне Русско-турецкой войны 1710–1711 гг. в антикрымскую коалицию многократно усиливало его военно-политическое влияние на кавказские народы. Однако правительство Петра I проигнорировало геополитический потенциал единой Кабарды, предпочтя эфемерным выгодам от союза с влиятельным, но крайне неустойчивым политическим образованием твердые основы устоявшихся союзных отношений с пророссийской группировкой кабардинских князей.

Константинопольский договор 1712 г. вынудил российское правительство скорректировать дипломатические отношения с кабардинскими князьями. В середине мая Петр I отправил А.Б. Черкасскому указ, доставленный адресату в начале июня 1712 г. Царь предлагал объявить представителям пророссийской группировки кабардинских князей «великого государя милость» – военно-политическую поддержку и выплату «на всякий год» жалованья[193].

Черкасский безотлагательно выполнил царское повеление. Князья были обнадежены помощью России. В середине июня многочисленное кабардинское посольство, во главе с А.Б. Черкасским, выехало за царским жалованьем. В состав посольства входили первостепенные уздени «Большой Кабарды владельцов Атаг-Жуки, да Рослан-бека, да Татархана князей Черкасских… Батырь-Мурза Выков с товарищи 17 человек»[194].

Посольство достигло Москвы в конце августа, но поскольку царь находился за границей, Посольский приказ вынес решение

о том, что кабардинцы останутся в Москве, а письмо князей Хатачика Арслан-бека и Татархана-бека к Петру I доставят курьерской почтой. В конце сентября 1712 г. царь получил письмо. Оно, в сущности, заключало в себе просьбу об оказании Кабарде военно-дипломатической поддержки: «Ныне просим у вас, великого государя, милости, буде крымцы или кубанские татары, также и иные недруги наши станут нам какие озлобления и обиды чинить или на нас войною учнут приходить, чтоб здесь в стороне Аюка-хан с калмыками своими и терские казаки нам в такое время всякое вспоможение чинили»[195]. Вместе с тем князья оставляли за собой право в случае, если «от вас, великого государя, помощи нам не будет», возобновить крымско-кабардинский переговорный процесс, поскольку «Крымская Орда сильнее нас и войска у них премного»[196]. В силу объективных причин правительство Петра I не смогло оперативно рассмотреть прошения кабардинцев, пребывание посольства в Москве затягивалось.

В конце сентября 1712 г. в Москву к А.Б. Черкасскому прибыл гонец из Кабарды, сообщивший на приеме в Посольском приказе о том, что Девлет-Гирей II направил послов в Дагестан «ко владельцу Андреевской деревни Салтан Мамуту, другому – Алдыгирею, тарковскому владельцу, чтоб оные владельцы и других тамошних владельцов пригласили бы и были б единомышленно воли крымского хана… и дана им от хана немалая дача, и впредь обещают давать повсягодно»[197]. Дагестанские владетели, по словам гонца, приняли предложение хана об оказании военно-дипломатического давления на кабардинских князей: «Уже ныне показали свое дело, нам в противности приносят для крымцов; приходил близ нас с войском своим султан Мамут, владелец андреевской… И возмущал наш народ и некоторых от нас поколебал»[198].

В случае если царское правительство не предпримет решительных мер по пресечению крымско-дагестанских контактов, позиции пророссийской группировки, согласно заверениям кабардинских князей, как внутри Кабарды, так и в целом на Северном Кавказе окажутся крайне ослабленными: «Если скоро сего не изволите перервать, чаем, вырастет недоброе; могут они нас осилить со обоих стран. И мочи нашей не будет против них, коли нас приведут под власть свою»[199].

Петр I был своевременно извещен об осложнении военно-политической обстановки на Центральном Предкавказье, но, учитывая обострение русско-турецких отношений, был вынужден отклонить просьбы кабардинцев о предоставлении военной помощи. Тем не менее Посольский приказ получил царское предписание о выдаче кабардинским князьям обещанного жалованья: «Владельцам черкесским 3-м персонам (выплатить. – *Дж.Р.*) обще… на 3000 рублев… мехов и… сукон. Денег – 2000 рублев». Кроме того, членам посольства «дать 1000 рублев»[200].

С сентября 1712 г. российский посол в Стамбуле неоднократно предупреждал свое правительство о неизбежности новой русско-турецкой войны, в случае если российские войска немедленно не будут выведены из Речи Посполитой[201]. И действительно, 3 ноября 1712 г. султан в третий раз объявил войну России, весь штат посольства был брошен в подземелье Семибашенного замка. Однако правительство Петра I проявило твердость и вопреки ожиданиям султанского двора не предприняло превентивных мер для разрешения конфликта[202]. В то же время османское правительство было проинформировано о том, что С. Лещинский заключил перемирие с северными союзниками, что исключало возможность привлечения в антироссийский союз польских вооруженных сил. В этой ситуации правительство Ахмеда III ввиду бесперспективности военно-дипломатического давления на Россию постановило возобновить переговорный процесс.

В начале марта 1713 г. крымский хан, решив воспользоваться обострением российско-османских отношений, бросил 30-тысячный отряд крымско-кубанской конницы на Украину, дошедший до Василькова, Триполья и Киева. Российское командование, соблюдая условия Прутского и Константинопольского договоров, согласно которым земли Правобережной Украины выводились из сферы российского влияния, не воспрепятствовало угону в рабство 15 000 украинцев[203]. 23 марта 1713 г. Девлет-Гирей II был низложен и сослан на остров Родос. Новый хан Каплан-Гирей I (апрель 1713 – декабрь 1716) принял активное участие в переговорах в Адрианополе, в категоричной форме потребовав от вицеканцлера возобновления ежегодной дани в 40 000 левков (18 000 руб.)[204].

В ходе мирных переговоров П.П. Шафиров согласился обещать подарки хану, но не регулярно, «по трактату», а по «милости» царя,

ссылаясь на отсутствие записей об этом в русско-турецких мирных договорах 1711–1712 гг., и, соответственно, «самодержавного монарха трибутарем» сделать невозможно[205]. 8 мая 1713 г. посол вынужден был обещать Крымскому хану единовременную выплату в размере годовой дани – 40 000 левков, но благодаря крупным взяткам представителям османского правительства (около 120 000 левков) пункт о дани крымским ханам не был вписан в текст договора[206]. «Сей пункт, – сообщал Шафиров канцлеру, – нам бедственнее всех прочих был, ибо, конечно, на том стояли турки, дабы мы позволили на тое дачю ханскую, уличая нас, что мы на словах то обещали на Пруте… И привел хан на то везиря, что он нам за то угрожал многократно смертию и клялся при наших переводчиках, пред муфтием и пред ним, ханом, и рейс-эфендием великими клятвами и своим законом, что он нас велит убить за то яко аманатов, ежели мы того не зделаем, говоря, что мы в том персонами своими обязались, чтоб все то исполнено было, что на Пруте обещано… Но мы им отказывали, предлагая, что указу царского величества о том не имеем»[207].

Однако, как стало известно Шафирову, в то же время османы советовали Каплан-Гирею I «не претендовать того, что в прошлые времена антецессоры его получали от царского величества»[208]. Тем не менее, хану удалось добиться письменной фиксации своей претензии. Согласно X статье договора о 25-летнем перемирии, заключенном 13 июня 1713 г. в Адрианополе, решение вопроса относилось на будущее, до получения русскими послами царских инструкций[209].

Принимая во внимание международную «конъюнктуру», Петр I оценивал Адрианопольский договор как удовлетворительный, кроме 10-го пункта о «дачах» крымскому хану, поскольку «оным оставлена дыра сим псам в огород христиан влесть»[210]. Время подтвердило опасения царя. Уже 15 июня, сразу после одобрения султаном условий договора, рейс-эфенди предложил вице-канцлеру удовольствовать крымского хана, обещая за это превратить 25-летнее перемирие в вечный мир[211]. Не имея другой возможности уклониться от удовлетворения османо-крымских претензий, Шафиров предлагал лишить его посольских полномочий[212]. Царь принял предложение вице-канцлера, и в Стамбул с ратификационными грамотами и бога-

тыми подарками султанскому двору был направлен Д.А. Бестужев-Рюмин.

Состояние российско-османских отношений опосредованно сказалось на принятии правительством Петра I решения продлить пребывание кабардинского посольства в Москве. Только лишь 30 июня, по получении царского указа и предписания канцлера, Посольский приказ вынес решение об отпуске кабардинцев[213]. При отъезде послам была вручена грамота Петра I к кабардинским владельцам[214] от 16 мая 1713 г. В ней, в частности, царь благодарил князей за «храбрые действия… на Кубани» и сообщал, что «за те ваши… службы послали ныне к вам нашего, великого государя, жалованья»[215]. Перспективы российско-кабардинского военно-политического сотрудничества царь представлял так – если «вы и впредь по своей к нам усердности всякие услуги показывать будете, того ради мы и впредь вас в милости нашей и награждении жалованья оставить не изволим, в чем будьте благонадежны»[216]. На ходатайство о возвращении беглых крепостных крестьян царь отвечал, что казанскому губернатору послан указ «справиться и обстоятельно нас уведомить, сколь давно они пришли и сколько их человек; а по получении такой ведомости» будет принято окончательное решение по данному вопросу[217].

В конце августа 1713 г. к Черкасскому приехал посол Девлетмурза[218], передавший адресованное ему письмо от пророссийской группировки кабардинских князей. Письмо извещало о том, что в начале лета 1713 г. в Кабарду прибыло посольство, направленное ханом Каплан-Гиреем I.

Крымцы ознакомили лояльных к России князей с грамотой султана Ахмеда III, в которой говорилось следующее: «Кабардинские владельцы, князи черкеския, чего ради вы московскому государю войску пристав, наших подданных, кубанских жителей разорили и войска их разбили; если бы не вы, и мы бы [в] разорении не были, для чего вы на своего государя и на веру руку поднели. Ныне вы придите и принесите повинную, и отпустится ваша прегрешения, и не разоритеся до конца, и во всякой будете милости. А буде того не учините, и в нашей воле не будите, князей ваших и узденей ни едина до вас не спасется»[219]. Кабардинцы, ожидая скорого прибытия своего посольства из Москвы и рассчитывая на российскую

помощь, отказались подчиниться, мотивируя это тем, что они «издавна у русских царей в подданстве»[220].

Каплан-Гирей I, памятуя события 1708 г. в Кабарде, стоившие ему ханского престола, постарался сделать все возможное, дабы не допустить их повторения. Архивные материалы, находящиеся в нашем распоряжении, не позволяют прояснить вопрос о том, каким именно образом ему удалось добиться распада военно-оборонительного союза кабардинских удельных княжеств. По-видимому, хан вовлек в переговорный процесс верховного князя Хатокшоко Мисостова и поддерживавших его князей. Одновременно с этим крымско-кубанские войска совершили нападения на владения пророссийской группировки кабардинских князей: «Собрав великие войска, дважды на нас приходили, и мы, сколько могли, от них боронились»[221].

Завершалось письмо требованием довести до сведения Петра I просьбу князей об оказании немедленной военно-дипломатической помощи: «Просим… государя… быть к нам в обещании своем и не дать нас на поругание неприятелю»[222], указывая на то, что «ежели нам помощи не будет… без меры нам будет трудно», и тогда «как бы нам не погрешить против обещания нашего[223] . Примечательно, что в постигших их бедствиях кабардинцы обвиняли лично Черкасского: «Коли бы ты не привел на такое дело и не обещался бы по своей вере, что великий государь нас не оставит, мы бы дерзости никакой не чинили и нам бы лехко было; судит тебя бог, кто сотворил небо и землю, нас с тобою»[224]. Черкасский сумел передать письмо в Посольский приказ только в конце ноября 1713 г.

В течение сентября–октября 1713 г. в российско-османских отношениях продолжала сохраняться напряженность. Великий везирь Али-паша неоднократно угрожал Бестужеву-Рюмину «начатием войны… ежели они не вступят ныне в трактат о определении десятого пункта», но, встретив твердое сопротивление, османское правительство уже 22 октября 1713 г. вынесло решение отдать ратификацию султана российским послам, считая, что «де за крымский запрос войну весть противно закону их»[225].

Адрианопольский трактат, завершивший череду русско-турецких войн 1710–1713 гг., был выгоден как для Османской империи, так и для Крымского ханства. Геополитические притязания

ханства на Кабарду были закреплены в статье IX договора: «Ежели народ Калмыцкой, показав неприятельство, учинит убытки и впредь народу Крымскому, принадлежащему блистательной Порте, а также и народу Ногайскому и Черкаскому, принадлежащему Крыму; и между оными Калмыками не имеет обретаться никто из Россиян, ниже подданной Российской; равенственно и Крымцы, тако ж и народы Татарские, под отговоркою Калмыцкою, не имеют чинить убытку ко вреду Россиян и землям им; а ежели учинятся какие вреды и убытки между обеими сторонами: надлежит наказывать и накрепко удерживать тех злых людей, и должно возвращать со обеих сторон вещи и скот похищенныя»[226]. На это, в частности, указывал известный австрийский ориенталист Й. фон Хамер-Пургшталь, который писал, что по условиям Адрианопольского договора «черкесы, куда входили кабардинцы как племя, были признаны зависимыми от крымских ханов, как и ногайцы»[227]. Правительство Петра I было вынуждено игнорировать укрепление проосманских и прокрымских сил в этом регионе Кавказа.

Примечания

[1] *Бгажноков Б.Х.* Этика Ж. Казаноко и духовная атмосфера Кабарды в XVIII столетии // Жабаги Казаноко (300 лет): Материалы региональной научной конференции (30–31 октября 1985 года). Нальчик, 1987. С. 34; *Он же.* О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и ее асимметрия) // Исторический вестник ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2005. Вып. 2. С. 72; *Кажаров В.Х.* У истоков общественной мысли кабардинцев // Исторический вестник ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2006. Вып. 1. С. 321–324.

[2] *Интериано Дж.* Быт и страна зихов, именуемых адыгами // Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков: Сборник материалов / Издание подготовил В.М. Аталиков. С. 31, 32.

[3] *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967. С. 127.

[4] *Ногмов Ш.* История адыгейского народа. Нальчик, 1947. С. 119; *Бгажноков Б.Х.* Этика Ж. Казаноко… С. 34; *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина. Нальчик, 1993. С. 30.

[5] *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина. С. 81.

[6] Там же.

[7] Там же. С. 80, 81.

[8] Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2 томах. (Далее. – КРО). М., 1957. Т. 2. С. 194–196; *Гарданов В.К.* Общественный строй… С. 78; *Он же.* К вопросу об экономическом развитии Кабарды в XVIII в. // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1965. С. 82, 83; *Кажаров В.Х.*

Адыгская вотчина. Нальчик, 1993. С. 64; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М., 1973. С. 95; *Нагоев А.Х.* Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего Средневековья (XV–XVII вв.). Нальчик, 1981. С. 55; *Налоева Е.Дж.* К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды первой половины XVIII в. // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1972. Вып. 6. С. 73.

[9] *Гарданов В.К.* Общественный строй… С. 112.

[10] *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV веках // Исторический вестник ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2007. Т. 5. С. 368–447.

[11] *Вернадский Г.* К истории колонизации Азовского побережья: азовские дела по сношениям с Крымом и Кубанью (1698–1701 гг.), хранящиеся в архиве Таврической губернской архивной комиссии // Известия Таврической учёной архивной комиссии. 1920 г. № 57. С. 249–296.

[12] *Boulding Kenneth*. Conflict and Defens. N.Y., 1962. P. 227–276; *Collins Randall.* Long-Term Social Change and the territorial Power of States // Resarch in Social Movements, Conflicts and Chandg. 1978. P. 1–34; *Kennedy Paul*. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. N. Y., 1987; *Luttwak Edward*. The Grand Strategy of the Roman Empir: From the First Century A. D. to the Third. Baltimore, 1976; *Stinchcomb Arthur L*. Agricultural Enterprise and Rutal Class Relations // American Journal of Sociology. 1961. P. 218–230.

[13] *Morgenthau Hans J*. Politics among Nations. N.Y., 1948; Ciplin Robert. War and Chandg in World Politics. N.Y., 1981.

[14] *McNeill William H.* The Rise of the west: A History of the Human Community. Chicago, 1963.

[15] Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. С. 61.

[16] Там же. С. 160.

[17] *Бгажноков Б.Х.* О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и ее асимметрия) // Исторический вестник ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик 2005. Т. 2. С. 72; более подробно см.: *Кокиев Г.А*. Малокабардинские поселения в XVI–XVIII вв. на Северном Кавказе. // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева: Сборник статей и документов. Нальчик, 2005. С. 536–563; *Бгажноков Б.Х., Рахаев Дж.Я.* Падение Идарии // История многовекового содружества: к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик, 2007. С. 82–91.

[18] Рашид. I. 256 г.

[19] Тарихи Мухаммед-Герай, 81 v.

[20] *Сейид Мухаммед Риза*. Ас-себъу-с-сейяр фи акбари мулюки татар, или Семь планет в известиях о царях татарских. Казань, 1832; Тарихи Мухаммед-Герай; Мехмед Рашид «История».

[21] Тарихи Мухаммед-Герай, 82 г.

[22] Мехмед Рашид. I. 256 г.

[23] Тарихи Мухаммед-Герай, 88 г.

[24] *Сейид Мухаммед Риза*. Семь планет, 264–265; Краткая история, 101 г.

[25] *Сейид Мухаммед Риза*. Семь планет, 268–269; Краткая история, 102 г.

[26] *Сейид Мухаммед Риза*. Семь планет, 271–273; Краткая история, 103 г.

[27] *Кажаров В.Х.* К вопросу о территории… С. 18.

[28] Адиль-Гирей Касбулатович Черкасский, сын кабардинского князя Касбулата Муцаловича Черкасского.

[29] РГАДА, ф. 115, Кабардинские, черкесские и другие дела, 1707 г., д. б./№, л. 3 об. – 4. «В 1700 году приезжал к Москве с Терка Алдигирей мурза Черкасской, а с ним узденей ево 35 человек, а великого государя жалованья ему, мурзе, и узденям ево, за приезд поденной корм и питье, и платья, и за дрова, и за свечи дано против ево ж вышеписанной дачи. А поденной корм и питье давно с приезду да отпуску». Из справочной памяти Приказа Казанского дворца в Посольский приказ о службе кабардинского князя Алди-Гирея Канбулатовича Черкасского и выданном ему жаловании.

[30] *Потто В.А*. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб. 1885. С. 102.

[31] Инструкция графу Петру Андреевичу Толстому при отправлении полномочным послом к Порте Оттоманской в 1702 г. // Отечественные записки. 1822, № 25, 26, 29, 30.

[32] Там же.

[33] Лехно, Давид бен-Элиэзер, видный талмудист, известный крымчакский просветитель. С конца XVII в. и до своей смерти (1735) возглавлял общину Карасубазара. Прозвище Лехно (לחנו или לבנו – Ляхно), означающее по-татарски поляк, указывает на происхождение его предков из Польши. Из произведений Лехно до нас дошли: 1) «מחזוד מנהג בפא», «Махзор минхаг Каффа» – «Предисловие к Каффинской Хазании», молитвеннику крымских евреев, написанному Лехно в 1725–1728 гг.; 2) «מפד משבן דוד», «Мишкан Давид» – «Обитель Давида», лексикографическое сочинение, посвященное грамматике древнееврейского языка; 3) «דבד שפתים», «Де-бар Сефасаим» – «Устное повествование», хроника Крымского ханства. «Дебар Сефасаим» представляет собой рукопись в 80 страниц на древнееврейском языке, в которой излагается история Крымского ханства с 1681-го по 1731 г. Впервые, в 1850 г., на русский язык перевел и опубликовал пять глав хроники (9, 10, 13, 17 и 23) Й. Финкель . В 1882 г. А. Гаркави перевел четыре новых главы (3, 5, 11, 25) и перепечатал с исправлениями главы, переведенные Финкелем . На этом закончилось издание Лехно в переводе на русский язык. Текст хроники разделен на введение, содержащее краткую историю ханства в предшествующий период – «от Урус-хана» до «воцарения в третий раз Каплан-Гирей-Хана в 1143 г. гиджры», и, 53 небольшие главы. Источниковая ценность произведения Лехно определяется тем, что он преимущественно пользовался данными, полученными непосредственно «от военных людей, возвращающихся с войны, и от ученых, знающих прошлое». О том, что в основе повествования Лехно лежат записанные им рассказы лиц из ближайшего окружения ханов свидетельствует то обстоятельство, что автор подробно знакомит читателя с внутриполитической борьбой крымско-татарской аристократии в годы правления Каплан-Гирея I, Кара-Девлет-Гирея и, особенно, Саадат-Гирея III. Кроме того, им привлекались и нарративные материалы: хроника Ганновера Jawen mezuloh, «История крымских царей», «Исторические заметки о событиях в Крыму в 1683–1688 гг.» Якова с. Мордухая и т.д. Со слов очевидцев описаны Лехно походы крымских войск. В этом отношении бесспорно большую ценность имеют следующие рассказы: об участии татар в войнах с Россией: об окончании Русско-турецкой войны 1686–1699 гг. (гл. 5, 9–11); о российско-крымских отношениях в первые годы царствования Петра I (гл. 17–20). Любопытно повествование хрониста о Северной войне (гл. 13 и 23); но куда большую ценность имеет его рассказ о пребывании Карла XII в Бендерах (после Полтавского поражения), о дипломатической переписке и осложнениях, возникших по этому поводу (гл. 26). Весьма много места уделено в хронике опи-

санию османо-австрийских войн тех лет (особенно гл. 31, 32 и др.); войн с Персией (особенно гл. 34, 42, 43 и др.). Ценность первоисточника имеют и те главы, в которых описываются походы крымских татар против Черкесии и Кабарды (гл. 22, 36 и др.). Подробнее см.: *Рахаев Дж.Я.* «Дебар Сефаса-им» Давида Лехно как источник по крымско-кабардинским отношениям начала XVIII в. (в печати).

[34] «Дебар сафафаим» // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. Одесса, 1850. Ч. 2, 3. С. 699.

[35] Там же.

[36] Там же.

[37] Там же. С. 700.

[38] Там же. С. 701.

[39] РГАДА, ф. 89, Сношения России с Турцией, д. 3, л. 3 об., 4.

[40] «Дебар сафафаим» // Записки… С. 702.

[41] *Сейид Мухаммед Риза*. Ас-себъу-с-сейяр фи акбари мулюки татар, или Семь планет в известиях о царях татарских. Казань, 1832. С. 293; *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в. СПб., 1887. С. 704. Ферран, сопровождавший калгу Газы-Гирея в походе на Кабарду, несколько иначе описывает эти события: «Мы выступили с 40 000 человек и после двадцатидневного пути через ногайские страны достигли Черкесии… Не стану описывать здесь сей войны и скажу только, что султан-калга победил и взял в плен своего брата» // *Ферран.* Путешествие из Крыма в Черкесию через земли ногайских татар в 1709 г., докт. Феррана. Пер. П. ХЦНВ // Русский вестник, 1842. Т. 6. № 4. Отд. 2. С. 41–56.

[42] Подробнее см.: *Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю*. Россия и Турция (проблемы формирования границ). М., 1999.

[43] РГАДА, ф. 89, Сношения России с Турцией, 1703, д. 2, л. 184 об. – 265; д. 3, л. 235–349 об.

[44] Там же. 1703, д. 3, л. 201.

[45] Там же.

[46] Цит. по: *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. В 2 т. Т. 1. М., 2005.

[47] РГАДА, ф. 89, Сношения России с Турцией, 1703, д. 2, л. 184 об.–265; д. 3, л. 201.

[48] Там же. 1704, д. 3, л. 289–292, 294–295. Письмо Хрисанфа П.А. Толстому от 2 июля 1704 г.; письмо Згура стольнику (Кантакузину) без даты. Записи статейного списка от 5–7 июля 1704 г.

[49] Там же. 1704, д. 3, л. 327, 329.

[50] Подробнее см.: *Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю.* Россия и Турция (проблемы формирования границ). М., 1999.

[51] В российских архивных источниках первой четверти XVIII в. Дивея именуют также Довеем.

[52] Подробнее см.: *Рахаев Дж.Я.* Терское восстание 1705 года // Материалы I Форума молодых ученых Юга России и I Всероссийской конференции молодых ученых «Наука и устойчивое развитие». Нальчик, 2007.

[53] РГАДА, ф. 115, Кабардинские, черкесские и другие дела, 1707, д. б. /№, л. 11 об., 12. Отпуск.

[54] *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1893 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 14.

[55] *Бгажноков Б.Х.* О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и ее асимметрия) // Исторический вестник ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2005. Т. 2. С. 73.

[56] *Кажаров В.Х.* К вопросу о территории… С. 20.
[57] *Lemezciez-Quelquejay Ch.* Les Kalmuks de la Volga entre l'Empire Russe et l'Empire Ottoman sous le regne de Pierre le Grand (d'apzzes les documents des archives ottomanes) // Cahiers des monde russe et sovietiquc. Paris, 1966. P. 69.
[58] РГАДА, ф. 89, Сношения России с Турцией, 1707, д. 2, л. 50.
[59] Там же.
[60] Там же.
[61] РГАДА, ф. 89, Сношения России с Турцией. 1707, д. 3, л. 106. Запись статейного списка от 29 марта 1707 г. Вопреки султанскому повелению в 1707 г. Эштек-Каип-Султан совершил нападение на поселения терских казаков // *Караулов М.А.* Терское казачество. М., 2007. С. 113.
[62] Подробнее см.: *Veinstein G.* Les tatars de Crimee et la seconde election de Stanislav Lezczynski // Cahiers du monde russe et sovetique, 1970. Vol. 11. № 1. P. 24–92.
[63] Цит. по: *Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1994.
[64] РГАДА, ф. 89, Сношения России с Турцией, 1708, д. 2, л. 13–16. Письмо Петра I П.А. Толстому от 9 декабря 1707 г. Копия письма Мазепы от 3 ноября 1707 г.
[65] РГАДА, ф. 89, Сношения России с Турцией, 1708, д. 2, л. 278.
[66] РГАДА, ф. 9, Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. 7, л. 148, 151; Письма и бумаги императора Петра Великого. Вып. 2. М.–Л., 1946. Т. 7. С. 750–751; Материалы по истории Башкирской АССР. М.–Л., 1936. Т. 1. С. 242: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1993. С. 167. Т. 15, 16. Книга 18.
[67] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 1. М.–Л., 1936. С. 242.
[68] *Соловьев С.М.* История России... М., 1993. С. 167. Т. 15, 16. Книга 18.
[69] Там же.
[70] Там же. С. 243.
[71] Там же.
[72] Там же.
[73] Там же. С. 232.
[74] *Максимов К.Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.) М., 2002. С. 106.
[75] *Соловьев С.М.* История России... М., 1993. С. 167. Т. 15, 16. Книга 18.
[76] Там же.
[77] Материалы по истории Башкирской АССР. М.–Л., 1936. Т. 1. С. 242.
[78] Сборник Императорского Русского исторического общества. 1885. Т. 50. С. 12.
[79] РГАДА, ф. 89, Сношения России с Турцией, 1708, д. 2, л. 278.
[80] Там же. Л. 137.
[81] *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 14.
[82] Там же.
[83] *Hamer J.* Geshichte des Osmanischen Reiches. Bd. VII. Pest. 1831. S. 131; *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 14–15. А. де ла Мотрэ (1711) оценивает количество войск Каплан-Гирея I в 100 000 человек // *Мотрэ А. де ла.* Путешествие по Европе, Азии и Африке // Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков: Сборник материалов. Издание подготовил В.М. Аталиков. С. 108–140. Цифра, безусловно, завышенная.
[84] Мы не располагаем архивными источниками по данному вопросу. Наиболее близкий к событиям 1708 г. документ, содержащий сведения о численности кабардинского войска, – донесения Азовского губернатора Ф.М. Апраксина (1711).

В них, в частности, сообщалось о том, что в ходе состоявшихся переговоров один из представителей кабардинской делегации Али-мурза Алеев военный потенциал Кабарды оценивал так: «Князей-де их и мурз, и узденей, и черкес, которые всегда готовы к войне, конницы, оружейных, кроме черных работных людей, *тысяч с пятнадцать*, а в нужный случай с работными людьми их соберется *тысяч с тридцать или больше*; и те-де работные их люди к войне заобычны ж и всегда будут в готовности (курсив наш. – *Дж.Р.*)». (*Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991. С. 42). Согласно «Расспросным речам в Посольском приказе кабардинского посла Султан-Али Абашева» (1718) «Черкасских и кабардинских войск выходит в поле *до 10 тысяч* (курсив наш. – *Дж.Р.*)» (РГАДА, ф. 115, Кабардинские, черкесские и другие дела, 1718 г., д. 1, л. 28). Примечательно, что в «Протоколе рас-спроса кабардинского посла Магомета Атажукина в Коллегии иностранных дел о Большой и Малой Кабарде» (1732), мы находим сведения, совпадающие с оценкой Абашева. Так, на вопрос «Сколько военных людей может собратца как в Большой, так и в Малой Кабарде порознь от каждой?» Атажукин отвечал: «*В Большой Кабарде* военных людей собирается *10 000 человек,* половина конных, другая пехоты… *А в Малой Кабарде* конного войска *с 700 человек конных*, а сколько пехоты, того он, Магомет-бек не знает (курсив наш. – *Дж.Р.*)» (АВПРИ, ф. 115, Кабардинские дела, 1731–1732, д. 2, л. 133 об.).

[85] РГАДА, ф. 119, Калмыцкие дела, оп. 1, 1711, д. 3, л. 5 об., 6.

[86] Там же.

[87] Там же.

[88] Там же. Ф. 115, Кабардинские, черкесские и другие дела, 1712, д. 1, л. 20 об.

[89] По мнению Дж.Н. Кокова, это место впоследствии получило название Канжал, что означает «ханская» или «кровавая дорога» // *Коков Дж.Н.* Адыгская (Черкесская) топонимия. Нальчик, 1974. С. 210.

[90] Замечание кабардинских князей было вполне резонно. После Бахчисарайского мирного договора (1681), последнего военно-дипломатического успеха Крыма, в ханстве стал углубляться кризис социально-политической системы, наглядно проявившийся в череде ханских инвеститур. В частности, с Бахчисарайского мира по 1708 г. Крымское ханство возглавляли: Мюрад-Гирей (1678–1683); Хаджи-Гирей II (октябрь 1683 – июнь 1684); Селим-Герей I (1684–1691); Сафа-Гирей (декабрь 1691 – октябрь 1692); Селим-Герей I (1692–1699); Девлет-Гирей II (1699–1703); Газы–Гирей III (1704–1707) и, наконец, Каплан-Гирей I (1707–1708).

[91] Цит. по: *Смирнов В.Д*. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. В 2 т. М. 2005. Т. 2. С.15; *Findiklili Mehmet.* Sildar tarihi. Istambul, B.1–2. 1928; *Findiklili Mehmet*. Nusret name. B. 1–3. Istambul, 1962–1964.

[92] *Гербер И.-Г*. Описание повестовую сторону Каспийского моря между устей реки Волги и Куре лежащим провинциями, уездами и народами, как оные в 1728 г. состояли // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы. Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958 С. 67, 68.

[93] Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2 тома. М., 1957 Т. 2. С. 153.

[94] Там же.

[95] Там же.

[96] Там же.

[97] РГАДА, ф. 9, Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. 7, л. 1321–1323 об.

[98] Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2 тома. М., 1957 Т. 2. С. 153.

[99] АСПб.ИИ РАН, ф. 83, карт. 14, д. 247, л. 1, 1 об.

[100] РГАДА, ф. 89, Сношения России с Турцией, 1708 г., д. 2, л. 419 об, 437.
[101] Там же. 1708 г., д. 2, л. 434, 356, 437.
[102] Опубликовано // Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII вв. М., 1970. Т. 3. С. 298, 299; Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века: Исследования и материалы. Нальчик, 2008. С. 341.
[103] Цит. по: *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. В 2 т. Т. 2. М. 2005. С.15;
[104] РГАДА, ф. 89, Сношения России с Турцией, 1708, д. 2, л. 434, 436. Письмо П.А. Толстого Урбиху от 22 ноября 1708 г.; письмо П.А. Толстого Г.И. Головкину от 22 ноября 1708 г.
[105] Письмо Петра I Азовскому губернатору И.А. Толстому. 15 февраля 1709 г. // Письма и бумаги императора Петра Великого. М.–Л., 1956. Т. 10 (январь – декабрь 1709 г.). Вып. 1. С. 89.
[106] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 8. Ч. 2. С. 878.
[107] РГАДА, ф. 89, Сношения России с Турцией, 1708, д. 2, л. 459.
[108] Письма и бумаги императора Петра Великого.Т. 9. Вып. 2. С. 692.
[109] Там же. С. 771.
[110] Цит. по: *Мышлаевский А.З.* Россия и Турция перед Прутским походом // Военный сборник. 1901. № 1, 2. С. 14.
[111] *Бескровный Л.Г.* Полтавская победа // Вопросы истории. 1959. № 12. С. 53.
[112] *Мышлаевский А.З.* Россия и Турция перед Прутским походом // Военный сборник. 1901. № 1, 2. С. 15.
[113] *Маркевич А.И.* О значении Полтавской победы в развитии российско-крымских отношений // Известия Таврической учёной архивной комиссии. 1910. № 44. С. 93–96.
[114] Полное собраниезаконов Российской империи. Т. IV. № 2291. С. 547–550.
[115] Там же. С. 550.
[116] ПСЗ. Т. IV. № 2291. С. 548.
[117] РГАДА, ф. 9, Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. 14, л. 164, 164 об.
[118] АСПб.ИИ РАН, ф. 83, карт. 14, д. 247, л. 1, 1 об.
[119] РГАДА, ф. 89, 1710 г., д. 5, л. 1–5.
[120] *Sutton Robert.* The despatches of sir Robert Sutton, ambassador in Constatinople (1710–1714). Ed. by the Royl Historical Society by A.N. Kurat. L., 1951. P. 28 // Sutton – Dartmuth 20 nov. 1710.
[121] Турция накануне и после Полтавской битвы. М. 1977. С. 68–83; См. также: *Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971; *Она же.* Османская империя и Россия в свете их геополитического разграничения // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 38.
[122] РГАДА, ф. 9, Кабинет Петра Великого, отд. I, кн. 10, т. 2, л. 461–464. Список. Грамота Петра I турецкому султану Ахмеду III (1710 год, октября 18).
[123] Там же. Отд. II, кн. 14, л. 201–202 об. 1710 г. Декабря (конец). «Мнение» Саввы Рагузинского. «Доношу мое мнение. Если бог вышний показует добрые знаки к нашей войне христианской и народы почали вооружаться против турков, доведется нам зело трудитися с такими помошниками согласитеся и почать на неприятеля наступать, дабы они, слышав, бодрилися и болше вооружалися. *Первое наше наступление доведется показать на Кубань из Азова с калмыками и донскими казаками, чтоб силы анатольские туды поход свой восприяли и диверсию учинили. 2. Показатися близ Крыму с неколикими силами черкасских козаков и других, а в Крым не вступать и промыслу не чинить. Токмо тех татар в их кочевании удержать…* (курсив наш. – *Дж.Р.*)»

[124] Там же. Отд. II, кн. 14, л. 204–206.
[125] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11. Часть 1. С. 75.
[126] Переписка и другие бумаги шведского короля Карла XII, польского Станислава Лещинского, татарского хана, турецкого султана, генерального писаря Ф. Орлика, и киевского воеводы, Иосифа Потоцкого, на латинском и польском языках. Чтение в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1847. № 1. С. 36–49.
[127] «Если на Крымском полуострове произойдут несчастные события и возникнут обстоятельства, требующие отражения неприятеля, то необходимо сосредоточить внимание на подготовке к укреплению Крыма. Следует починить и обновить указанные крепости, в каждой из них иметь достаточное войско, построить арсенал, разместить при них галеоны и галеры, снабженные скорострельными пушками, и несколько отдельных подвижных больших и малых судов султанского флота. Если бы все морское побережье… повсеместно укрепить таким образом, то нет сомнения в том, что, если бы неприятельские войска осмелились, они – с помощью всевышнего и чудотворного пророка – были бы разбиты, а Стамбульский пролив оставался бы вне опасности от неприятеля» // *Зденка Весела*. Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. // Восточные источники по истории народов юго-восточной и центральной Европы. Т. 2. М., 1969.
[128] Резолюции на «пункты» Ф.М. Апраксина. 31 января // Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. 11. Выпуск 1. (январь – 12 июля 1711 года). С. 48.
[129] Там же. С. 49.
[130] РГАДА, ф. 119, Калмыцкие дела, оп. 1, 1711, д. 3, л. 5 об., 6.
[131] Там же.
[132] Грамота калмыцкому хану Аюке. Февраля 28 // Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11. Выпуск 1. С. 94, 95.
[133] РГАДА, ф. 9, Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. 14, л. 164.
[134] Там же. Л. 164 об.
[135] Там же. Л. 731а – 734 об. Доношение Аюки хана калмыцкого с присланным в Москву афицером, з Беклемишевым, марта 2-го 1711-го.
[136] Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. 11. Вып. 1. С. 128–130.
[137] Там же.
[138] Там же.
[139] Там же.
[140] РГАДА, ф. 9, Кабинет Петра Великого, отд. I, кн. 18, ч. 2, л. 22–23. Копия.
[141] Там же.
[142] Там же. Л. 23
[143] Там же. Ф. 119, Калмыцкие дела, оп. 1, 1711, д. 1, л. 9, 9 об.
[144] Там же.
[145] Там же.
[146] Там же. Ф. 9, Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. 13, л. 1027–1028 об.
[147] Там же.
[148] Там же.
[149] Там же.
[150] Там же.
[151] Там же.
[152] Там же.

[153] Там же.
[154] Там же.
[155] Там же. Ф. 115, Кабардинские, черкесские и другие дела, 1711, д. 1, л. 2–3.
[156] Там же. Л. 1.
[157] Там же. Ф. 9, Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. 13, л. 1022–1023 об.
[158] Там же.
[159] Там же.
[160] Там же.
[161] Там же.
[162] Там же.
[163] Там же.
[164] Там же.
[165] Там же.
[166] Подробнее см.: *Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971; *Kurat A.N.* Prut Seferi ve baris i 1123–1711. 2 vol. Ankara, 1951–1953; *Kurat A.N.* Der Prutfeldzug und der Prutfrieden von 1711 // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. Wiesbaden 1962. B. 10. H. 1. S. 13–66; *Kurat A.N.* Letters of Poniatovsky on the Prut campaign 1711 // Slavonik and East Europian review. L., V. 26. № 66. P. 239–258. *Lemezciez-Quelquejay Ch*. La compagne de Pierre le Grand sur le Prut d'apres les documents des Archives Ottomanes // Chaiers du monde russe et sovietique. P., 1966. V. 7. № 2. P. 221–233.
[167] *Возгрин В.Е*. Дипломатические связи Швеции и Крыма накануне и после Полтавы // Скандинавский сб. Таллин, 1985. Вып. 29. С. 75.
[168] РГАДА, ф. 89, Сношения России с Турцией, оп. 1, 1713, д. 7, л. 319.
[169] *Рахаев Дж.Я*. Центральное Предкавказье в русско-турецких отношениях в 1700–1711 гг. // Исторический вестник ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2005. С. 247, 248.
[170] Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1964. Т. 11. Вып. 2. С. 16.
[171] Прутский мирный договор. // Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. 11. Вып. 1. С. 323.
[172] РГАДА, ф. 9, Кабинет Петра Великого, отд. I, кн. 30, л. 72. Черновик собственноручный.
[173] Там же. Ф. 89, Сношения России с Турцией, оп. 1, 1711, д. 9, л. 1–2. Копия.
[174] Прутский мирный договор // Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. 11. Вып. 1. С. 323.
[175] Цит. по: *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. XII. С. 402–403.
[176] РГАДА, ф. 9, Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. 13, л. 1–2. Подлинник.
[177] Там же. Отд. I. Кн. 30. Л. 64–65.
[178] Цит. по: Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ставрополь, 1967. С. 270.
[179] Там же.
[180] РГАДА, ф. 115, Кабардинские, черкесские и другие дела, оп. 1, 1711, д. 3, л. 2, 2 об.
[181] В.А. Потто так описывает это сражение: «На обратном пути домой Апраксин узнал, что двадцать татарских мурз со своими войсками, под общим начальством Чан-Араслана, идут из Саратовского и Пензенского уездов, где грабили и разоряли русские села. Апраксин отрядил против них калмыцкого хана, который отбил весь русский полон и нанес татарам такое поражение, что из трех тысяч всадников остались в живых только один мурза и два простых татарина. Страшное поражение татар подняло на ноги все Закубанье. Семь тысяч кубанцев и черкесов,

под начальством Нурадин-султана, кинулись в погоню за Апраксиным и настигли его пятого сентября на реке Чаны. Закипела ужасная сеча, татары снова были разбиты. Калмыки преследовали их за Кубань и возвратились с несметными стадами – до полумиллиона голов. Петр приказал отдать им эту добычу за верную службу» // *Потто В.А.* Кавказская война (в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях). СПб., Т. 1. 1899.

[182] *Возгрин В.Е.* Историческая судьба крымских татар. Симферополь, 2003. С. 111–134.

[183] *Попко И.* Терские казаки со стародавних времен. СПб. 1880. С. 97.

[184] *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1994. С. 150.

[185] Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2 т. М., 1957 С. 6–7.

[186] РГАДА, ф. 115, Кабардинские, черкесские и другие дела, 1711, д. 3, л. 12.

[187] Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1964. Т. 11. Вып. 2. С. 375, 376.

[188] Там же. С. 453.

[189] В донесении статс-секретарю С. Джону английский посол в Москве Л. Вейсброд сообщал подробности вторжения П.М. Апраксина в землю кубанских татар: «Не знаю, как турки отнеслись к этому делу, но здесь получен список убитых и захваченной добычи: русские и калмыки убили двенадцать тысяч кубанских татар, кроме потопленных в реке Кубани, захватили в плен семь сот мужчин и 21 400 женщин и детей, угнали две тысячи верблюдов, сорок тысяч лошадей, сто тысяч голов рогатого скота и 250 тысяч овец. В той же стороне живет другой народ – горные черкесы; и они перебили множество кубанских татар, захватили у них в плен 367 человек и угнали значительное количество рогатого скота…» Донесение Л. Вейсброда статс-секретарю С. Джону. 1711 г. Ноября 3 // Сборник Императорского Русского исторического общества. Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе. СПб., 1888. Т. 61. С. 74, 75.

[190] Цит. по: *Кудашев В*. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 42.

[191] Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1977. Т. 12. Вып. 1. С. 501.

[192] Донесение Ч. Витворта статс-секретарю С. Джону. 1712 г. Мая 23. // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1888. Т. 61. С. 195.

[193] Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2 т. М., 1957 Т. 2. С. 9, 10.

[194] Там же. С. 7.

[195] Там же. С. 10.

[196] Там же.

[197] Там же. С. 11.

[198] Там же.

[199] Там же.

[200] Там же. С. 11, 12.

[201] РГАДА, ф. 89, Сношения России с Турцией, оп. 1, 1712, д. 7, л. 33, 33 об.

[202] Тем не менее, принимая во внимание сложную обстановку на южной границе, Петр I 14 декабря 1712 года указал Сенату: «Вчерашнего дни получили мы ведомость, что турки паки мир разорвали, того ради не ослабевайте о приуготовлениях оборонительно против оных…» // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.1873. Т. 11. С. 252, 253.

[203] Там же. Ф. 89, Сношения России с Турцией, оп. 1, 1713, д. 7, л. 239.

[204] Там же. Л. 222, 258–259, 319.
[205] Там же. Л. 217 об., 226 об., 319 об.
[206] Там же. Ф. 9, Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. 18, л. 561, 579 об; Там же. Ф. 89, оп. 1, 1713, д. 7, л. 221 об. «Записка» П.П. Шафирова от 8 мая 1713 г.
[207] Там же. Ф. 89, Сношения России с Турцией, оп. 3, 1713 г., д. 29, л. 51–58 об.
[208] Там же. Оп. 1, 1713, д. 7, л. 269, 269 об.
[209] Российскую редакцию статьи см.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. V. № 2687. С. 42; Перевод турецкой редакции статьи: «О деле хана крымского, понеже ныне намерение царя московского не ведаем, то иным временем о том трактовать будем с согласия обоих сторон». (РГАДА, ф. 89, Сношения России с Турцией, оп. 1, 1713, д. 14, л. 1–14).
[210] РГАДА, ф. 89, Сношения России с Турцией, оп. 1, 1713, д. 14, л. 14.
[211] Там же. Д. 7, л. 286 об.
[212] Там же. Ф. 89, Сношения России с Турцией, оп. 1, 1713, д. 7, л. 295.
[213] Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2 т. М., 1957 Т. 2. С. 12, 13.
[214] Там же. С. 12.
[215] Там же.
[216] Там же.
[217] Там же.
[218] РГАДА, ф. 115, Кабардинские, черкесские и другие дела, 1713, дела без №, л. 1.
[219] Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2 т. М., 1957 Т. 2. С. 13
[220] Там же.
[221] Там же.
[222] Там же. С. 14
[223] Там же.
[224] Там же.
[225] РГАДА, ф. 89, Сношения России с Турцией, оп. 1, 1713, д. 7, л. 490, 491, см. также: там же. Д. 6, л. 518–530.
[226] Полное собрание законов Российской империи. Т. V. 1713–1719. СПб. 1830. С. 42.
[227] *Hamer J.* Geshichte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft. Wien, 1856. S. 57.

Т. Х. Алоев
(Нальчик)

БАКСАНСКАЯ БИТВА (У КРЫМСКИХ СТЕН) 26–28 АПРЕЛЯ 1729 ГОДА: ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ УСПЕШНОГО ОТРАЖЕНИЯ КАБАРДОЙ КРЫМСКОЙ АГРЕССИИ

В течение XVII – по первую треть XVIII в. кабардинские войска выиграли ряд значительных сражений, где в качестве противника выступали русские, калмыцкие, кумыкские и крымские силы. С конца XVII в. практически все военные акции кабардинцев были направлены на нейтрализацию попыток Крымского ханства изменить характер установившихся до этого взаимоотношений с Кабардой. В ходе ожесточенных и продолжительных кабардино-крымских кампаний первой трети XVIII в. имели место более пяти крупных битв, и ни в одной из них объединенные войска Большой Кабарды не потерпели поражения.

Не стало исключением и сражение с крымскими войсками весной 1729 г. под командованием султанов Бахты-Гирея и Мурат (Имеат)-Гирея.

Мы уже касались данного вопроса в одной из работ[1]. Однако в ней он был затронут в контексте предпосылок, обусловивших последнюю крупную победу кабардинских войск над крымцами в битве при Череште (Жэрыщты). Более того, тогда мы еще не имели возможности установить такие важные с исторической точки зрения характеристики этого события, как дата и место сражения.

В этом плане можно говорить о том, что представления о битве 1729 г. теперь имеют более определенные очертания. В самом деле, при наличии несоизмеримо исчерпывающих данных о некоторых других «баталиях» данного периода приходится констатировать недостаточно удовлетворительную исследованность вышеупомя-

нутых характеристик. Там, где есть достоверные сведения о географических координатах боевых действий, отсутствует точная датировка (Канжальская битва – первая половина сентября 1708 г., битва при Череште – начало октября 1731 г.), или же наоборот, при наличии точных данных о дате (сражение на Кубани, 30 августа 1711 г.) имеется лишь приблизительное представление о месте сражения.

Как бы то ни было, важно подчеркнуть, что очередной успех кабардинского оружия не был случайным. Предпосылки для него складывались в предшествующий период.

К исходу первой четверти XVIII в. политическая элита Большой Кабарды, в основном, преодолела тяжелейший пятилетний кризис и раскол в своих рядах. Достигнуто это было благодаря эмиграции княжеского рода Кайтукиных в Крымское ханство, осуществленной, по всей видимости, в самом конце 1725-го или в течение 1726 г.[2] В свою очередь выселение клана Кайтукиных было вызвано его полной изоляцией со стороны остальных трех княжеских родов и дворянства собственного удела. Не вдаваясь в причины этого обстоятельства (т.к. в задачи настоящей статьи не входит их выявление), отметим только, что раскол в коалиции Кайтукиных и Бекмурзиных и присоединение последних к «баксанцам» означал, кроме всего прочего, прекращение противоборства княжеских группировок Большой Кабарды в формате «Баксанская – Кашкатауская партии».

Такой итог политического кризиса первой половины 1720-х гг. означал формирование в начале второй четверти XVIII в. новой «консолидационной парадигмы» в Большой Кабарде. Иными словами, в это время здесь произошло устойчивое сплочение всех княжеских уделов (без правителей одного из них – Кайтукиных). В пользу этого говорят как косвенные сведения[3], так и вполне очевидные факты. К последним относится то обстоятельство, что в конце 20-х – начале 30-х гг. XVIII в. сторонние наблюдатели (в частности российские) признавали прочность и легитимность власти пщышхуэ Ислама Мисостова[4] и соответственно политической коалиции, которую он возглавлял. Это было очевидно и для Бахчисарая. На наш взгляд, именно осознание наличия мощных консолидационных тенденций во внутрикабардинском политическом процессе сыграло решающую роль в приостановке крымского натиска на

Кабарду. В этом плане замечательно высказывание самих кабардинцев по этому поводу: «…когда де они (кабардинцы. – *Т.А.*) все соединятся, тогда крымцы им ничего не зделают…»[5]. Это заявление позднее было подтверждено весьма информированным в кабардинских делах советником В. Бакуниным. В своем «Описании кабардинского народа…» он, резюмируя результаты длительного кабардино-крымского противостояния, утверждал: «…крымские и кубанские силы в Баксане и в Кашкатове повредить (кабардинцам. – *Т.А.*) были не в состоянии, разве продолжительною своею под Кабардою бытностию могут их не допустить в полях хлеб сеять и скот из гор выгонять. Но такое замедление и самим крымцом и кубанцом не дешево быть может»[6].

В сложившихся обстоятельствах весьма весомыми были и субъективные факторы. Так, Бахты-Гирей Дели-султан, один из самых рьяных сторонников военного подчинения Кабарды в крымской элите, вскоре после 1725 г. попал в опалу к хану. Он бежал в Калмыцкое ханство и находился там порядка двух лет. Определенная зависимость между приостановкой агрессии Крыма в отношении Кабарды и отсутствием одного татарского султана (коих в Крыму было немало) будет понятна, если указать на то, что Бахты-Гирей являлся, пожалуй, наиболее успешным и беспокойным военачальником Крымского ханства в этот период. К тому же, в отличие от других крымских султанов, он, как родственник А. Кайтукина, имел больше оснований, чтобы рискнуть выступить против объединенных сил Кабарды.

Во всяком случае, согласно утверждению Магомета Атажукина (Мисостова), высказанному им в марте 1732 г., после примирения Бахты-Гирея «…с ханом крымским, чему года 3 или 4», т.е. около 1728 г., началась подготовка к очередному вторжению в Кабарду. Видимо, вскоре после схода снега и появления подножного корма, весной следующего года, крымские войска выступили в поход. Во главе армии стояли Бахты-Гирей султан и кубанский сераскер Мурат-Гирей, которых сопровождал А. Кайтукин. Формально именно он являлся основным инициатором похода, который, согласно имеющимся сведениям, сделал это «…для взятья их, кабардинских владельцов, и перевезения со всем их владением в Крым»[7].

В отличие от предыдущего периода, теперь А. Кайтукин выступал в роли татарской марионетки, не имевшей реального влияния не только в масштабах всей Кабарды, но и в своем уделе. В противном случае сокрушительное поражение крымских войск в результате решительного сражения было бы просто невозможно. Источники недвусмысленно указывают, что инициированное Бахчисараем мероприятие было весьма масштабным. Очевидец событий М. Мисостов сообщал о том, что «Араслан-бек з Бахты-Гирей салтаном и сераскер-салтаном, со многими крымскими войсками приходил…»[8] Касаясь состава вторгнувшихся в Кабарду сил, он говорил о том, что они состоят из «крымского и кубанского войска».

Ранее нам приходилось указывать, что кабардинцы довольно адекватно судили о численности противостоявших им войск в те или иные периоды. Они, имея весьма солидный опыт противодействия крупным крымским силам (более 30 тыс. в 1708-м, 15 тыс. в 1711-м, 40 тыс. в 1720 гг.), могли отличить «многочисленные» войска от небольших отрядов. Ведь, к примеру, в июне 1720 или же в марте 1721 г., когда на подступах к центру Кабарды стояли немногочисленные передовые отряды крымцев (соответственно 7 и 8 тыс. человек), точная информация о численности татар выяснялась весьма оперативно[9]. В пользу значительности задействованных в 1729 г. Бахчисараем сил говорят данные Клапрота, указывавшего, что крымцы тогда «вступили в Кабарду с мощной армией»[10]. Современное состояние источников не позволяет определить, насколько мощной она была. Однако о диапазоне, в котором варьировалась численность крымских войск, можно судить по установившейся практике делить походы на три вида: «большой (сефери) совершался под водительством хана, в нем участвовало до 100 тыс. человек, и приносил он, как правило, около 5 тыс. пленников. В среднемасштабном походе (чапуле) 50 тыс. всадников возглавлялись одним из беев; ясырей при этом бывало около 3 тыс. Небольшие же набеги (бешбаш, т.е. «пять голов») во главе с мурзой приносили скромную четверть тысячи рабов»[11].

Следует подчеркнуть, что именно сообщение Клапрота, основанное на обнаруженной им летописи крымских государей, написанной на ногайско-татарском языке, существенно проясняет обстоятельства и точную дату битвы. Достоверность выдержки

из данного сочинения не вызывает сомнений, однако при описании предшествующих сражению событий автор допускает явные ошибки. Так, совершенно справедливо указывая на то, что с приближением противника (что произошло не позднее последней декады апреля) кабардинцы «бежали в горы и закрепились в узких ущельях за каменными стенами, которые все еще называются Крымскими», Клапрот дополняет свой текст фантастическими картинами, обрисованными некоторыми европейскими авторами относительно событий, связанных с Канжальской битвой. Так, он пишет: «Они (кабардинцы. – *Т.А.*) вновь пообещали платить дань татарам, привели к ним в дар большое число девушек, а в день заключения мира обильно снабдили их спиртными напитками. Ночью, когда пьяные татары скоро уснули, черкесы внезапно напали на их лагерь, изрубили на куски их двух командиров и погнали всю армию прочь»[12].

Излишне говорить о том, что автор здесь не сумел критически осмыслить имевшиеся в его распоряжении источники. Не в последнюю очередь это было вызвано тем, что он посетил страну в наиболее трагичный период ее истории – в 1807–1808 гг. На фоне опустошенной российскими военными экспедициями и чумой, лежащей в руинах Кабарды нетрудно было поверить, что она устояла перед натиском такой мощной державы, как Крымское ханство благодаря лишь указанному выше экстраординарному событию. По-видимому, свою роль сыграла и экзотичность данного сюжета. Конечно же, Клапрот мог и не знать, что подобное злоключение за 22 года до описываемых событий приключилось с калгой Менгли-Гиреем, который направил войска в Кабарду теперь уже в качестве хана. Однако трудно себе представить, чтобы этого не знали братья последнего – Бахты-Гирей и Мурат-Гирей. Даже если бы печальный для крымцев опыт 1707 г. и не имел бы места, понятно, что ни один военачальник не допустил бы всеобщего пьянства (а значит, деморализации) в войсках, находящихся в походе, тем более на виду противника, который обладал рядом преимуществ (моральным превосходством, консолидированностью общества, опытом успешного противодействия в различных географических условиях).

Утверждение о приведении в стан крымцев «большого числа девушек» также следует признать несостоятельным. Во-первых,

по словам Клапрота, получается, что кабардинцы ложно пообещали платить дань татарам и в то же самое время привели девушек, получение которых, как известно, являлось конечной целью чуть-ли не всех крымских походов в Кабарду. Необходимо также учитывать, что достававшиеся крымцам пленные в большинстве случаев сразу же продавались сопровождавшим их армянским и еврейским купцам. Поэтому попадавшая в руки татар добыча не могла выступать фактором деморализации войск. К тому же, очевидно, что для лишения войск способности к сопротивлению необходимо было доставить в их расположение столько тысяч девушек, что эта картина представляется просто фантастической.

Согласно тексту Клапрота, следствием указанной деморализации стало успешное проникновение черкесов в лагерь крымцев и уничтожение «их двух командиров», после чего, как уже цитировалось, «погнали всю армию прочь». Однако реальная последовательность событий (которая имела обратный порядок), представленная участником событий, демонстрирует полную несостоятельность версии о «побитии» кабардинцами беспомощных «пьяных» татар со своими военачальниками, после чего якобы и началось изгнание врага.

В 1732 г. относительно данного вопроса М. Мисостов, в частности, сообщал: «…и по прибытии к ним на Большую Кабарду оное крымское войско имели с ними, Большей Кабарды владельцы, бой по два дни, и напоследи оное крымское войско от них кабардинцев, разбито. И как, отступя от них пошли прочь, тогда они, кабардинцы, за ними в погоню гоняли и оного Дели-Салтана с сераскер-султаном саблями до смерти изрубили»[13].

Как видим, данное сообщение недвусмысленно указывает, во-первых, что никакой деморализации (по крайней мере под воздействием алкоголя и «большого числа девушек») в рядах крымских войск не наблюдалось. Иначе невозможно себе представить, чтобы в течение двух дней кабардинцы воевали с беспомощными татарами. Во-вторых, что очень важно подчеркнуть, кабардинская победа не стала следствием гибели крымских военачальников и соответственно нарушения управления войсками, а наоборот, их гибель стала возможной благодаря разгрому противника и последовавшего за этим преследования.

На данном этапе преждевременно говорить о том, что затронутый вопрос решен полностью. Тем не менее о некоторых аспектах кабардино-крымского военного конфликта весной 1729 г. уже сейчас можно говорить вполне определенно. Прежде всего нужно отметить, что приготовившиеся к отпору агрессии кабардинцы избрали основным оборонительным рубежом (как и в 1708 г.) Крымские стены в ущелье р. Баксан. О том, что эти сооружения были весьма внушительными, свидетельствует тот факт, что спустя более полувека после данных событий они весьма четко выделялись на фоне окружающего рельефа. Так, в 1785 г. премьер-майор А. Ураков в своем описании Кабарды указывал: «Речка Бру, блис которой была сделана каменная асада (видимо укрепление), веденная от горы до реки Баксана. Ручей именуемый Каноко, Ущелье называемое Женхотово, где сделана была кабардинцами ради воспрепятствования от бывших крымских военных действий осада, веденная от гор до реки Баксана»[14].

По всей видимости, 26–27 апреля 1729 г. татары начали штурм Крымских стен. К этому времени кабардинцы обладали успешным опытом выдерживания осад, как это было летом–осенью 1708 г. в данном районе или же осенью 1720 г. в Черекском укреплении. Особо примечательно эффективное удерживание позиций в последнем случае, когда в предельно осложненных условиях присоединения к 40-тыс. крымской армии вооруженных сил Баксанской партии князь А. Кайтукин сумел организовать оборону ограниченного участка территории посредством сравнительно небольшого контингента войск, а затем осуществил успешное контрнаступление, завершившееся разгромом противника. Более того, он и в последующие несколько лет успешно удерживал «Черекский городок».

Можно предположить, что данный опыт сыграл в некотором смысле роковую роль не только для него, но прежде всего для его покровителей, которых он, безусловно, консультировал. С одной стороны, те лица, которые теперь возглавляли Кабарду, всего за несколько лет перед этим довольно вяло сопротивлялись при осаде Пшикова весной 1725 г. При этом следует отметить, что, находясь в чрезвычайно тяжелом положении, «баксанцы» сумели удержать ставку кабардинских князей и заключить мир с Бахты-Гиреем[15].

С другой стороны, осаждавшие вполне резонно могли предположить, что объединенные силы кабардинцев, опиравшиеся не на деревянную крепость, как это было на Череке, а на каменные стены, за которыми находилось все Баксанское ущелье, обеспечивавшее свободу маневра и доступа в другие районы Кабарды, а также возможность беспрепятственного снабжения, попытаются отсидеться за Крымскими стенами.

Однако тот факт, что сражение продолжалось только два дня, позволяет предположить, что вслед за первым штурмом стен последовало неожиданное общее контрнаступление кабардинских войск. Такое стремительное изменение картины сражения и переход кабардинцев к решительным наступательным действиям был обусловлен целым рядом факторов. Прежде всего следует указать, что князья стремились избежать главного вреда, который обычно наносился крымскими нашествиями – расстройства хозяйственной деятельности страны. На опыте прошедших лет они убедились, что нахождение на осадном положении неминуемо приведет к значительным потерям в поголовье лошадей и скота, разведение которых являлось одной из главных отраслей экономики. Так, в 1722 г. А. Кайтукин писал Петру I, что, «сидя во осаде, зело обнищали, и ни скота ни лошадей не имеем»[16]. Несколько позднее это подтвердил сын Асланбека – Аслануко: «…в Кашкатов выгнаны были… Салиг-Гирей салтаном и, года з два будучи тамо в асаде, как лошади так и весь скот наш поморили»[17]. Им вторил И. Мисостов, который после блокирования «баксанцев» весной 1725 г. был принужден признать, что «сидя в осаде, де была великая нужда, отчего лошеди и протчеи скот померли и в хлебе стало умаление…»[18] Нельзя забывать и о том, что долгая осада помешала бы посевным работам, что неминуемо обрекло бы страну на голод. С учетом этих обстоятельств, по-видимому, и было принято решение о контрнаступлении.

Теперь кабардинские правители не имели оснований жаловаться на свое «малолюдство», как они делали это осенью 1720 г. («кашкатауцы») и весной 1725 г. («баксанцы»)[19]. Кабардинский социум был един в стремлении сохранить свою независимость. Как уже указывалось, в таком случае крымцы были бессильны перед консолидированной Кабардой[20]. В сложившейся ситуации нельзя

сбрасывать со счетов и идеологический фактор; бои развернулись в политическом центре Большой Кабарды. Под угрозой оказались «ставка кабардинских князей – Пшиков» и княжеское кладбище на р. Гунделен.

При этом следует отметить, что, скорее всего, первый же штурм был весьма интенсивным и опасным. Вероятно, тогда обороняющиеся с трудом удержали свои позиции. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что вскоре после данного сражения (спустя два года) кабардинцы, высоко оценивавшие оборонительный потенциал указанного района, признавали необходимость его дополнительного усиления. Так, посол М. Мисостов в марте 1732 г. сообщал, что «…для обороны от неприятелей Большая Кабарда весьма крепче (Малой Кабарды. – *Т.А.*), понеже по обеим сторонам реки Баксана, по берегам, превысокия каменныя горы, на которых и жилища свои они имеют по обеим сторонам реки Баксана… А на те горы проезжих дорог на каждом берегу по одной, которыми по нужде в одну телегу проехать возможно; и никаким бы образом их неприятели достать не могли, ежели б у них пушки были. И того ради они, владельцы, о 20 пушках просят»[21].

Согласно вышеприведенному источнику, разгром крымцев состоялся уже на второй день битвы. Вскоре началось отступление крымцев, и в результате преследования татар кабардинцам удалось ликвидировать командующих войсками противника. «В год 1141-й (1729 г. н.э. – *Т.А.*) Бахти-Герей султан и его брат Мурад-Герей Султан стали мучениками среди черкесов в Кабарде в 28-й день священного Рамадана (28 апреля. – *Т.А.*), а Менгли-Герей султан возвратился в Крым», – написано в летописи крымских государей[22].

Здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что крымские войска выступили в поход в священный для мусульман месяц, в который вести наступательную войну против единоверцев не поощрялось.

Длительность сражения, продолжавшегося два дня подряд, кроме всего прочего, говорит об особом упорстве, проявленном враждующими сторонами в ходе битвы. Обычно такие длительные «баталии» были возможны тогда, когда стороны концентрировали значительные ресурсы, обеспечивавшие постепенный ввод в бой свежих сил. Большая Кабарда обладала такими возможностями

только при условии тотальной мобилизации населения. В отличие от Канжальской победы, кабардинские войска разгромили крымскую армию не в результате молниеносной ночной атаки (хотя и тогда эта битва являлась лишь венцом военной кампании 1708 г.), деморализовавшей ее, а в ходе упорного, вязкого сражения, потребовавшего привлечения всей военной мощи страны. По замечанию генерал-фельдмаршала В.В. Долгорукова, кабардинцы тогда «сами собою немалою отвагою и трудом освободилися (от военной угрозы. – *Т.А.*)»[23].

Примечательно, что в ходе апрельского сражения под Крымскими стенами кабардинцы впервые с 1644 г., когда страна отразила калмыцкое вторжение, сумели не просто одержать победу, но и уничтожить вражеских военачальников. Именно тогда проявивший до этого недюжинные способности политического деятеля пщышхуэ Ислам Мисостов впервые продемонстрировал качества умелого военачальника, что он подтвердил спустя два года на переправе Череште (Жэрыщты). Кстати сказать, в отличие от той битвы, в которой самое активное участие на стороне Большой Кабарды принимали малокабардинские отряды и крупный контингент ногайской конницы, в ходе сражения под Крымскими стенами потомки Кази Пшеапшокова обошлись собственными силами.

При всем этом следует признать, что победа кабардинских войск под Крымскими стенами 26–28 апреля 1729 г. не обеспечила прекращения крымских походов в страну, более того, она не позволила вернуть часть абазин под суверенитет Кабарды.

Тем не менее, на наш взгляд, указанные выше факты достаточно четко показывают значимость данного события в истории Кабарды. Неудивительно, что сами кабардинские князья во главе с И. Мисостовым осознавали это обстоятельство. Фактически значение этой победы они поставили в один ряд с Канжальской битвой 1708 г. В августе 1731 г., незадолго до начала очередной кабардино-крымской военной кампании, они писали: «…и на владение наше Каплан-Гирей хан со многочисленным войском своим для завоевания владения нашего приходил, но божиим изволением войско его разбито и безчисленно много побито…, а потом спустя еще несколько времяни ис Крыму сераскер султан з Бахти-Гирей салтаном с войском приходил, и паки от нас они разбиты; и се-

раскер салтан з Бахты-Гирей салтаном до смерти убиты»[24]. Даже спустя несколько десятилетий бахчисарайские правители не могли отрицать значительности понесенного ханством поражения. Так, в 1765 г. крымский хан признавался: «…имели с вами, кабардинцами, двоекратное сражение, в таком случае вы, кабардинцы, сыскав себе в том доброй успех, и посланное войско наше разбили, и двух ханских детей убили до смерти…»[25]

Следует подчеркнуть, что подобный результат противостояния Крымскому ханству был возможен лишь при полной мобилизации всех ресурсов, находившихся под властью потомков Кази Пшеапшокова. В стране же, где правит анархия, произвол и феодальные междоусобицы, обеспечить ее было бы невозможно. Итак, в ходе кампании 1729 г. Большая Кабарда, уступая Крымскому ханству в военном потенциале, решительно превзошла его в военной мощи. «А военная мощь и есть сила, фактор, который решают ход и исход войны»[26].

Примечания

[1] *Алоев Т.Х.* Битва при Чершете (Жэрыщты ?): военно-политические предпосылки и исторические условия успешного отражения Кабардой крымской агрессии в 1729–1731 гг. // Архивы и общество. Вып. 2. Нальчик, 2007. С. 65–67.

[2] К выводу о том, что Асланбек Кайтукин покинул пределы Кабарды именно в указанный период, подводят следующие обстоятельства: а) находившийся в 1732 г. в Санкт-Петербурге кабардинский посол Магомет Атажукин (Мисостов) сообщал, что «Араслан-бек (Кайтукин. – *Т.А.*) ушел в Крым з братом своим меньшим да с сыном тому 7 лет…» – Кабардино-русские отношения: Сборник документов и материалов в 2 томах. М., 1957. Т. 2. С. 60. (Далее: КРО); б) к тому же имеются сведения, что еще в сентябре 1725 г. Асланбек Кайтукин чувствовал себя в Кабарде вполне уверенно (Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 1, д. 8, л. 84.)

[3] Архив Внешней политики Российской империи, ф. 115. Кабардинские дела, оп. 115/1, 1727 г., д. 1, л. 1–9. (Далее: АВПРИ).

[4] КРО. Т. 2. С. 40.

[5] АВПРИ, ф. 115, Кабардинские дела, оп. 115/1, 1725 г., д. 2, л. 5.

[6] КРО. Т. 2. С. 161.

[7] Там же. С. 63.

[8] Там же. С. 61.

[9] *Алоев Т.Х.* Указ. соч. С. 75.

[10] *Клапрот Г.-Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807-м и 1808 годах. Перевод с английского К.А. Мальбахова. Нальчик, 2008. С. 44.

[11] *Возгрин В.Е.* Исторические судьбы крымских татар. М., 1992. С. 162.

[12] *Клапрот Г.- Ю.* Указ. соч. С. 44, 45.

[13] КРО. Т. 2. С. 63.

[14] Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX в. Сост. Х.М. Думанов. Нальчик, 1992. С. 18.
[15] АВПРИ, ф. 115, Кабардинские дела, оп. 115/1, 1725 г., д. 2, л. 3.
[16] КРО. Т. 2. С. 33.
[17] Там же. С. 130.
[18] АВПРИ, ф. 115, Кабардинские дела, оп. 115/1, 1725 г., д. 2, л. 4.
[19] КРО. Т. 2. С. 29; АВПРИ, ф. 115, Кабардинские дела, оп. 1, 1725 г., д. 2, л. 4.
[20] АВПРИ, ф. 115, Кабардинские дела, оп. 115/1, 1725 г., д. 2, л. 5.
[21] КРО. Т. 2. С. 61.
[22] *Клапрот Г.-Ю.* Указ. соч. С. 44.
[23] КРО. Т. 2. С. 40.
[24] Там же. С. 45, 46.
[25] АВПРИ, ф. 115, Кабардинские дела, оп. 115/1, 1762–1778 г., д. 8, л. 151.
[26] *Шаваев А.Х.* Военная мощь государства. М., 1983. С. 223.

Р. С. Карданова (Кошукоева)
(Нальчик)

ИНСТИТУТ АБРЕЧЕСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КАБАРДЫ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Изгнание из общества преступников (Verbannung, или Exil) являлось неотъемлемым элементом правовой культуры многих народов мира. В общем виде оно представляло собой исключение на время или навсегда отдельных лиц или групп из какого-либо общества[1]. М.О. Косвен считал, что изгнание из общества преступника, нередко со всей семьей, представляет собой «распространенную карательную меру... Ставя такого преступника вне защиты, вне своего мира, группа изгоняет его из своей среды, тем самым предоставляет обиженной стороне настичь лично обидчика и отомстить ему»[2]. Изгнание происходило путем «прямого (депортация) или косвенного (бойкот, объявление вне закона) принуждения»[3].

Абреки на Северном Кавказе занимали особое положение. Это была социальная группа, которая противопоставлялась остальному обществу. Сюда главным образом включались те, кто по ряду причин (кровная месть, поиск славы и добычи и т.д.) добровольно оставлял родные места, и отчасти те, кого сородичи изгоняли из общества. Для первой категории пребывание в абреках носило скорее формальный, временный характер (хотя возвращение к прежнему образу жизни, как правило, в силу определенных причин представлялось весьма затруднительным). Для второй – статус абрека был пожизненным[4].

Согласно определению В.И. Абаева: «Абрек – беглец, совершивший какой-либо проступок»[5]. В словаре В. Даля термин «абрек» толкуется как «отчаянный горец, давший срочный обет

или зарок не щадить головы своей и драться неистово; также беглец, приставший для грабежа к первой шайке»[6]. По С.А. Токареву, абрек – это «человек, изгнанный из рода по тем или иным причинам и находившийся как бы вне закона»[7]. Ф.И. Леонтович называл абреков изгоями, вышедшими из родовой зависимости и лишившимися покровительства своей общины, своего рода. «Абреком, – пишет автор, – делался преимущественно убийца, от которого отказывался род – не платил за него цену крови и вообще не брал убийцу под свою защиту. Абрек мог быть безнаказанно убит, взят в рабство и прочее – трактовался, словом, как бесправный чужеродец, не имеющий за собой никаких человеческих прав вне своего рода»[8]. Этимология этого слова относится к персидскому «aparak (н.-перс. avara) – бродяга, грабитель»[9].

Институт абречества на протяжении длительного времени занимал важное место в традиционной институциональной системе кабардинцев. Какими изменчивыми ни были бы его формы в разное время, абреками всегда называли людей, объявленных обществом или властью «вне закона». Слово «абрек» приобретало разные оттенки в зависимости от социальной среды и времени существования: а) изгнанный родом, «изгой»; б) в XVI–XVIII вв. князья и знатные уорки, изгнанные за пределы Кабарды в результате междоусобиц; в) во время Кавказской войны переосмысленный термин, ставший синонимом всякого «немирного горца»[10].

У кабардинцев институт абречества начал складываться в период раненного Средневековья, появившись первоначально в форме изгнания преступника из общества как высшей меры наказания за совершенное противоправное деяние. Существовало несколько разновидностей изгнания. Во-первых, изгнание могло быть временным или постоянным. Во-вторых: а) виновного изгоняли за пределы селения; б) за пределы удельного княжества; в) за пределы Кабарды. В-третьих, изгнание можно дифференцировать по кругу лиц: в одних случаях оно носило индивидуальный характер и было направлено против преступника; в других – коллективному изгнанию могла подвергнуться вся его семья. Средства существования изгнанники получали от наездниче ских и грабительских походов, что, в принципе, способствовало появлению института «абречества».

Зачастую само общество отказывалось от уплаты цены крови за своего сородича и делегировало право наказания преступника потерпевшей стороне. Тогда убийце оставалось «только бежать из общины *в абреки* и скитаться бездомным, пока он не будет убит мстителями или не найдет средства помириться и заплатить за кровь (курсив наш. – *Р.К.*)»[11]. Нередко преступник, не дожидаясь ответных действий со стороны общины, самовольно покидал свое место жительства. «Такого не искали и не спрашивали, что с ним. «Он – убийца», и этим все сказано»[12].

В народной памяти кабардинцев обычай, когда человек после совершения какого-либо преступления во избежание кровной мести покидал свое место жительства в поисках покровительства у влиятельных людей в других обществах, был закреплен под названием *щтапIэ кIуэжащ*[13] (букв. – уйти в незнакомое место от испуга).

О том, что термин «абрек» у кабардинцев применялся для обозначения изгоев общества еще задолго до начала русского влияния, свидетельствуют некоторые топонимические данные. Так, согласно легенде о восстании Машуко, дорога в районе Пятигорья, которую он использовал для тайного передвижения к местам своего укрывательства и на которой был предательски убит, называется *Абрек Чекео*, *Абрэдж лъагъуэ* (т.е. тропинка беглецов)[14].

В 20–50-е гг. XVIII в. общественно-политическая ситуация в Кабарде способствовала появлению нового вида «абречества». В этот сложный период зародился институт княжеских изгнаний. А в архивных документах XVIII в. князья, изгнанные из Кабарды, встречаются под названием «абреги».

Появлению этого института предшествовало разделение в начале 20-х гг. XVIII в. Большой Кабарды на два враждебных лагеря. Князья Асланбек Кайтукин, Татархан и Батоко Бекмурзины образовали Кашхатаускую партию. В противоположную (Баксанскую) партию вошли верховный князь Кабарды (пшыщхуэ) Атажуко Мисостов, князья Ислам Мисостов и Бамат Кургокин[15].

В.Х. Кажаров, анализируя специфику внутриполитических отношений в Кабарде в 20–50 гг. XVIII в., отмечает, что упадок «всех сторон деятельности общекабардинской хасы сопровождался теперь также и максимальным ослаблением власти верховного

князя, ставшей к этому времени номинальной. Нарушается принцип пожизненного избрания пщышхуэ, которого могла *изгнать коалиция удельных князей* (курсив наш. – *Р.К.*)…»[16] Автор считает, что «достаточно было примирения одного из них (княжеских родов Большой Кабарды. – *Р.К.*) с двумя другими, относящимися к другой партии (и наоборот), чтобы изгнать из Кабарды главу четвертого рода»[17].

В начале 20-х гг. XVIII в. Асланбек Кайтукин «в междоусобной борьбе с владельцами родов Атажукина и Мисостова обратился за помощью к кубанскому султану Бахты-Гирею, присягнув ему и отдав в жены свою дочь»[18]. Политическая обстановка, сложившаяся в Кабарде к 1724 г., показывала, что А. Кайтукин «в период обострения военно-политического противостояния с Мисостовыми и Атажукиными стремительно терял своих союзников»[19]. В 1724 г. представители рода Бекмурзиных примкнули к Баксанской партии (Атажукиным и Мисостовым), в результате чего стало возможным изгнание Асланбека Кайтукина, возглавлявшего Кашкатаускую партию[20].

Сложившаяся после изгнания А. Кайтукина модель «политической интеграции удельных княжеств в виде союза Атажукиных, Мисостовых и Бекмурзиных обеспечила Кабарде довольно длительную полосу внутренней консолидации и стабильности»[21]. Однако он не терял надежды вернуть утраченный статус. Позднее князья и знатные уорки Баксанской партии жаловались российским чиновникам, что «великие шкоды (в Кабарде. – *Р.К.*) учинили Арсланбек и родня его»[22]. Весной 1729 г. крымские войска, возглавляемые «сераскером Имеат-Гиреем, его братом Бахты-Гиреем и Арсланбеком Кайтукиным, вторглись в Кабарду, но после двухдневных боев потерпели сокрушительное поражение»[23]. В одном из таких сражений был убит и сам Бахты-Гирей[24].

После смерти верховного князя Кабарды (пщышхуэ) Ислама Мисостова в 1732 г. его место занял Татархан Бекмурзин. В этом же году было оформлено примирение изгнанного А. Кайтукина с князьями Баксанской партии. А. Кайтукин вернулся в Кабарду примерно в конце мая 1732 г.[25] С этого времени он вновь стал фигурировать в документах в качестве полноправного субъекта политических отношений. Эта картина дополняется тем, что в пе-

риод Русско-турецкой войны (1735–1739) А. Кайтукин присягнул на верность России[26]. После смерти в 1737 г. пщышхуэ Татархана Бекмурзина титул старшего князя перешел к А. Кайтукину[27].

История с изгнанием князей из Кабарды повторилась в 1737 г., после того как Бекмурзины объявили себя сторонниками крымского хана. В письме вице-канцлеру Остерману от кабардинских князей родов Кайтукиных, Атажукиных и Мисостовых (июнь 1737 г.) указывалось, что вернувшийся Арсланбек Кайтукин был признан «за старшего и главнейшего бека. А *Бекмурзины дети*, поссорившись с нами (Кайтукиными, Атажукиными и Мисостовыми. – *Р.К.*), *ушли в Крым* (курсив наш. – *Р.К.*)…»[28]. Это письмо подписали Магомет Кургокин, Касай Атажукин, его брат Магомед Атажукин (Сидаков), Кара-Мурза Алеев, Ният-шах Кургокин и др.[29] В другом документе того периода читаем, что «Росланбек и Магомет Коргокин и протчия, между себя договорясь, помирились на том, что Бекмурзиных детей Татархана, Касима и Батука *выгнали* в кумыки и в татары, а по них оставших их подданных разделили по себе и присягами между себя утвердились (курсив наш. – *Р.К.*)»[30]. Примечательно, что помимо изгнания Бекмурзины подверглись еще и «разграблению» имущества.

Союз между тремя княжескими уделами и предоставление А. Кай-тукину «старшинства над всеми владельцами»[31] были оформлены на общем собрании князей и дворян (хасэ. – *Р.К.*) и скреплены присягой. Однако спустя два года уже «отработанный механизм расправы с неугодной княжеской фамилией был вновь приведен в действие, и А. Кайтукин снова оказался в изгнании»[32].

Позже А. Кайтукин вновь пытался вернуть утраченное положение в Кабарде, а вместе с тем и свои владения на р. Баксане. В качестве одного из методов достижения этих целей он использовал посредничество российских чиновников при проведении переговоров с Баксанской княжеской коалицией. Для этого специальным указом императрицы Елизаветы I от 11 июня 1744 г. в Кабарду был направлен царицынский комендант Петр Кольцов. В рапорте от 29 августа 1744 г. он отмечал, что А. Кайтукин просил его о помощи по двум пунктам: «Первое, чтобы старшинство мимо его не отдано было баксанским владельцам; второе, позволено ему вернуть владения на Баксане…»[33] Однако владельцы Баксанской

партии «о дозволении ему старшинства немного отказались, стали спорить, понеже они летами их старше, а по обычаям, кто летами старше, тот старшинство и первенство имеет, а прочего его желания не приемлют»[34]. Они «согласны были формально признать его «старшим владельцем», фактически сводя это старшинство на нет, отказываясь возвратить ему земли, захваченные у него во время междоусобиц»[35]. Однако политическая позиция князей Баксанской партии оказалась неизменной, а неоднократные обращения А. Кайтукина и Б. Бекмурзина к Елизавете I[36] не принесли им ожидаемых результатов. А. Кайтукин умер в 1746 г.[37]

Спустя год после смерти А. Кайтукина Б. Бекмурзин вернулся в Кабарду. Считается, что его возвращение спровоцировало новую волну междоусобных конфликтов[38].

В этом же году верховный князь (пщышхуэ) Большой Кабарды Баток Бекмурзин и князь Джамбулат Кайтукин заключили союз и изгнали Касая Атажукина[39]. Примечательно, что его изгнанию предшествовал судебный процесс. В объяснении Магомета Кургокина капитану И. Барковскому отмечается, что «только как я, Кургокин сын Мухаммедбек… с владельцами Месоусовыми на суд вышел, и между нами было много слов, а напоследок они не повиновались суду и, по своей вине убоясь, в вашу сторону убежали»[40].

После изгнания Касая Атажукина его крепостные были распределены между кашкатаускими князьями, принявшими сторону Баксанской коалиции[41]. Касай с родственниками «как члены партии, преданной России, были приняты под покровительство в Кизляр»[42].

Народное собрание (хаса) по урегулированию этого конфликта состоялось 3 декабря 1748 г. Князья Баток Бекмурзин, Бамат Кургокин, Джембулат Кайтукин и тлекотлеши Тамбиевы и Куденетовы, собравшись «все, пришли и просили владельцев: как они, владельцы, выгнали владельцев же Месоусовых из домов, то их узденей всех разграбили и брали с них ясырь, холопей и скот и прочие пожитки… что в обычаях кабардинских никогда не было»[43]. В переговорах принимали участие и князья Малой Кабарды Кази Минболатов, Канчоко Джиляхстанов и др.[44] На заседаниях этой партии тлекотлеши просили князей возвратить захваченное имущество и уплатить компенсацию за нанесенное «бесчестие». На что со сто-

роны князей не последовало никакого ответа, ввергая в негодование все кабардинское дворянство. Через некоторое время дворяне повторили свои претензии. Касай Атажукин в письме российским чиновникам от 25 декабря 1748 г. рассказывал об этом событии следующее: «коцы, или главные уздени, ото всех владельцев отошли и, собравшись, просили де владельцев своих, чтобы оне, владельцы, их, коцов, или главных узденей, содержали б по древним обычаям кабардинским, и какие они, владельцы, им, узденям, показывали обиды., оставя прежние обычаи, оного б им не чинить и прежнюю б честь им, коцам, отдать… точно де владельцы того исполнить не хотят, и он, Касай, чрез то уповает свое благополучие сыскать, что коцы с владельцами не согласны»[45]. Однако Анзоровым, у которых нашел убежище Касай Атажукин, не удалось достичь примирения враждующих сторон. 31 декабря 1748 г. по обоюдному согласию Касая Атажукина с Анзоровыми было решено, что «абреги» должны покинуть владения своих «покровителей». Причем последние согласились на это, опасаясь вооруженной расправы со стороны княжеского союза Б. Кургокина, Б. Бекмурзина и др. Это был вопиющий случай нарушения древних обычаев кабардинцев, который вызвал возмущение среди дворянской элиты и воспринимался как акт игнорирования их законных прав со стороны своих сюзеренов[46].

В конце 40-х гг. XVIII в. верховный князь Большой Кабарды Баток Бекмурзин оказался под угрозой изоляции вследствие союза Магомета Кургокина и Джамбулата Кайтукина. Опасаясь такой перспективы, пщышхуэ объявил через кизлярского дворянина Андрея Брагунского, что «…нынешним летом возьмут они (Бекмурзины. – *Р.К.*) его, Касая, с партиею к себе в Кабарду»[47]. Но в 1749 г. Атажукины и Кайтукины, заключив политический союз с Касаем, все же добились изгнания Батока Бекмурзина[48].

После изгнания из Кабарды Баток Бекмурзин в отличие от Касая Атажукина «покровительства российской стороны не удостоился»[49]. В 1750 г. Баток Бекмурзин возвратился и, объединившись с Кайтукиными при нейтралитете К. Атажукина, приступил к разорению владений Бамата Кургокина[50].

В.Х. Кажаров, комментируя эти события, писал: «Изгнание князя представляло собой политическую акцию со стороны побе-

дившей коалиции князей. Но положение князя-«абрега» мало чем напоминало положение бездомного бродяги: он находил убежище у знатных дворян, устанавливал дипломатические отношения с Россией или Крымом, заключал союз с владетелями различных областей Кавказа – одним словом, вел сложную политическую игру, пока не добивался возвращения в Кабарду и восстановления нарушенного здесь баланса сил»[51].

Таким образом, в 20–50-е гг. XVIII в. институт изгнания князей качественно отличался от традиционного кабардинского абречества. Во-первых, влиятельный кабардинский князь на определенное время вынужден был покинуть пределы Большой Кабарды. Во-вторых, изгнание не влекло утраты политических и социально-экономических привилегий, угрозы физического истребления и других неблагоприятных последствий. В-третьих, князья-«абреги» искали посредничества у третьей стороны, будь то иностранные силы или кабардинские тлекотлеши. И, в-четвертых, политическая элита Кабарды ясно осознавала неизбежность возвращения изгнанников на родину.

В конце XVIII – первой половине XIX в. под воздействием эндогенных и экзогенных факторов кабардинское абречество стало приобретать несколько иные формы. Как отмечалось, с началом Кавказской войны термин «абрек» стал синонимом всякого «немирного» горца[52]. Ф.Ф. Торнау писал, что «абречничество распространялось за Кубанью в то время, когда бежавшие кабардинцы, озлобленные покорением их земли, дали обет: пока живы – мстить русским. Скоро из разных мест молодые люди стали уходить к неприятелю, провозглашая себя абреками»[53].

Существенное влияние на трансформацию института абречества кабардинцев на первых этапах Кавказской войны оказывало введение билетной системы. Строительство Кавказской линии в 1777–1778 гг. и вооруженные столкновения кабардинских отрядов с царскими войсками способствовали установлению пропускного режима, согласно которому «въезд в Линию по причине дерзновений кабардинских не иначе им позволяется, как по билетам российского правительства за ручательством старшего владельца, Татарханова данным»[54]. А в 1793 г. «с учреждением родовых судов

и расправ было *воспрещено кабардинцам отлучаться за границы России без дозволения главного воинского начальника в крае* (курсив наш. – *Р.К.*)…»[55].

С этого времени начался новый этап в истории развития кабардинского абречества. Теперь кабардинцы, несанкционированно пресекавшие административные границы Кабарды, стали называться «абреками». Право объявления абреками теперь находилось в исключительной компетенции имперских судебных учреждений. Первые судебные процессы над беглецами к «непокорным» горцам состоялись в 1794 г. Например, по распоряжению коменданта Моздокской крепости было решено передать бежавшего за Кубань кабардинского «мурзу И., пойманного для произведения над ним законного суждения»[56]. «Абреком» был также официально признан малокабардинский князь Албаксид Мударов во время своего пребывания на территории Чечни[57]. Примечательно, что само общество не признавало таких людей «изгоями» или преступниками.

На рубеже XVIII–XIX вв. одной из причин миграций населения на Северном Кавказе стало национально-освободительное движение кабардинцев. По словам Т.Х. Алоева, переселение в 1799 г. за Кубань лидера шариатского движения – князя Адильгирея Атажукина – ознаменовало начало миграции части кабардинцев в Закубанье[58]. Автор отметил, что заданность западного направления переселенческих процессов кабардинцев обуславливалась их этнической и культурной общностью с населением Западной Черкесии[59]. По данным, относящимся к 1802 г., селение, основанное А.-Г. Атажукиным, находилось «за Кубанью, при речке Малый Зеленчук, весьма в крепком месте, в коем партия его содержала до 200 кабардинцев и других народов и ежедневно умножалась разбойниками»[60].

А.П. Берже связывает основную причину массовых переселений кабардинцев за Кубань с мятежом 1804 г.[61] После чего одним из инициаторов миграции стал князь Росламбек Мисостов, который увел «с собою кабардинских узденей и черного народа 275 семей»[62]. По сведениям В.И. Венюкова, в это время общая численность кабардинцев в Закубанье составляла около «6500 душ обоего пола»[63].

Большинство из них воспринимались не иначе как борцами за независимость. Е.П. Ковалевский писал, что «независимо от со-

словных преимуществ пользуются у черкесов большим уважением… *удалые храбрецы, гаджериты, известные у нас под именем абреков, которые обрекли себя на все опасности, сопряженные с заклятой местью русским…* (курсив наш. – *Р.К.*)»[64].

В первой половине XIX в. вынужденные переселенцы стали называться *хаджеретами*. За Кубанью «хеджереты[65] – то же, что за Тереком абреки (кабардинцы, эмигрировавшие в Чечню. – *Р.К.*). Хеджерет (от арабского «хеджра» – бегство) значит: беглец, переселенец. Это чуждое название горцы благосклонно приняли и водворили в свой язык в честь хеджры, или бегства, основателя ислама из Мекки в Медину»[66]. Массовые переселения кабардинцев в Закубанье первой четверти XIX в. стали причиной появления названия «Хажиретова Кабарда» (*Хъэжырэт Къэбэрдей*)[67]. Н.Г. Волкова писала, что «и сейчас (т.е. на рубеже 60–70-х гг. XX в. – *Р.К.*) черкес, разговаривая с кабардинцем, назовет себя хьэжрэт («абрек», «отступник». – *авт.*), показав тем самым, что он потомок адыга, ушедшего из Кабарды»[68].

На новых территориях «беглые» кабардинцы приобретали особый статус. На них распространялись все права и социальные гарантии принимающей стороны. Известное решение народного собрания абадзехов в 1841 г. устанавливало, что, «если хаджерет (беглый, бывший раньше «мирным») явится на нашу землю, его особа священна; тот, кто силой и хитростью отнимет у хаджерета что-нибудь, заплатит штраф, налагаемый нами за всякое воровство»[69].

В начале 20-х гг. XIX в. набеги абреков на Кабарду отличались своей масштабностью и наносили ощутимый ущерб местным жителям. Незадолго до учреждения Кабардинского временного суда, а именно 19 января 1822 г., «Большой Кабарды разбойник Едыг Арасланбеков с подданными ему 200 узденями угнали с кутана Малой Кабарды, принадлежащего узденю прапорщику Елбуздуки Астемирову и братьям его…, относящий от их жительства в 40 верстах на речке Яманкуле лошадей – 177, рогатого скота – 460, баранов – 1900 и взяли в плен одного человека»[70].

В истории насчитывается немало примеров жестоких расправ над поселениями хаджеретов. Одним из таковых является истребление в 1825 г. аула князя Али Карамурзина на р. Лабе. Российские генералы перед этой экспедицией ставили цель «захватить

беглые кабардинские аулы князя Али Карамурзина, богатейшего и влиятельнейшего из кабардинских владетелей, дерзко расположившего свои аулы около плоскости недалеко от русских станиц как вечную для них угрозу»[71]. «Отряд под командованием Ф. Бековича-Черкасского… на рассвете весеннего утра напал на мирно спавшее село и истребил всех, кто мог оказать сопротивление, включая и самого владельца. Жители были частью перебиты, частью – уведены в плен…»[72]. Вся острота этой трагедии нашла отражение в народной песне «Лабэдэсхэм я гъыбзэ», которую особо подчеркивают такие слова, как: «*къуажэкIэмкIэ сыкъэплъыхыжмэ, сабий хъэдэр фи псыхьэлъахуэщ*» (вниз по селению <на реку> посмотришь: детские трупы по реке плывут)[73]. П. Зубов приводит следующие данные: «Полковник князь Бекович-Черкасский приказал сжечь селение… Истребленное селение состояло почти из трехсот домов… Из достоверных сведений известно, что владелец селения, бывший одним из знатнейших кабардинских князей, умер от ран; значительнейших узденей погибло восемнадцать, а менее важных – более пятидесяти человек»[74].

О другой карательной экспедиции генерал Ермолов писал 28 мая 1826 г. следующее: «…В то же время отправил я подполковника Петрова с 500 казаков и 100 человек чеченской конницы для наказания некоторых карабулакских селений, которые совокупно с чеченцами и, принимая к себе беглецов кабардинских, не переставали делать разбои в границах наших»[75]. Действительно, во время похода царских войск в 1826 г. в Чечню под командованием генерала Ермолова в числе других было сожжено сел. Доун-Мартан, в котором «укрывались всегда кабардинские абреки…»[76].

Следует отметить, что в период Кавказской войны абречество с точки зрения российских законов стало рассматриваться как уголовное преступление. С окончательной утратой суверенитета Кабарды ее жители, самовольно переселившиеся за Кубань или в Чечню, подлежали суду по российскому уголовному законодательству. В 1822 г. военным командованием на Кавказе были разработаны и обнародованы основные принципы объявления «вне закона» всех кабардинцев, которые своими действиями (побеги за Линию, участие в наездах и т.п.) выражали нежелание «мириться» с новым режимом. Согласно пункту «г» ст. 16 «Наставления

временному кабардинскому суду» рассмотрение дел о побегах за пределы Линии «со злым намерением» было отнесено к юрисдикции военного законодательства Российской империи[77]. Для обозначения этой категории преступников в судопроизводстве Кабарды в 20–50 гг. XIX в. часто применялась условная формулировка «бежать в абреки»[78].

Зачастую для объявления того или иного жителя Кабарды «вне закона» достаточно было всего лишь наличия самого факта побега за пределы Линии. Так, например, 2 июля 1847 г. в Кабардинский временный суд поступило предписание начальника Центра Кавказской линии Хлюпина, где отмечается, что «бежавших к непокорным чеченцам в минувшем мае лиц узденя Магомета Хостова, Магомета и Асланбека Беруговых, Якуба Карданова, Али Хацукова и Лика Гудокова, которые до настоящего времени не вернулись, предписываю оному суду *объявить их абреками, лишить всех прав состояния в Кабарде, и если они где-либо здесь явятся на воровство и злодеяние, то кабардинцы обязаны их немедленно арестовать или же уничтожить оружием* (курсив наш. – *Р.К.*)»[79]. В данном случае состав преступления определялся самим фактом бегства к непокорным горцам. Остальные же квалифицирующие признаки автоматически переводились в разряд второстепенных.

В этот период у кабардинцев абреками становились преимущественно представители привилегированных сословий. Например, согласно «списка кабардинцам, бежавшим в Чечню» (лето 1846 г.) таковыми были объявлены: прапорщик И. Анзоров; уорки: Д. Тохов, У. Тохов, Б. Кудобердоков, З. Кудаев, И. Настажев; Кайтукинской фамилии: У. Маноков, И. Тлегуров, Ж. Альборов, Б. Сохов, М. Тлегуров и др.[80] Как правило, в оппозицию переходила та часть кабардинских дворян, которая, потеряв большинство своих социально-политических привилегий в Кабарде, еще пыталась сохранить их на территориях «непокоренных» народов.

Объявление «абреками» кабардинцев влекло за собой тяжкие последствия. Имущество абреков, остававшееся в Кабарде после их «побегов», зачастую становилось средством возмещения ущерба по нерешенным судебным тяжбам[81].

Статус «абрека» лишал его носителя всех прав на территории Кабарды, подконтрольной России. Архивные материалы по судо-

производству середины XIX в. содержат многочисленные сведения, в соответствии с которыми подвластные «беглых» кабардинцев получали свободу. Необходимо отметить, что такая практика имперской власти преследовала двоякую цель. С одной стороны, значительно повышался коэффициент полезного действия борьбы с политическими преступлениями. С другой – она служила эффективным средством укрепления созданной в Кабарде административной и судебной системы, ориентируя освобожденных таким способом крестьян на поддержку интересов Российской империи в данном субрегионе.

Во второй четверти XIX в. к абрекам стали применяться разные виды наказаний, предусмотренные уголовным законодательством Российской империи. С этого времени, помимо «лишения всех прав состояния», некоторые санкции распространялись и на близких родственников этой группы политических преступников[82].

По делу о побеге вольноотпущенника А. Темербекова (1844) князь Голицын рапортовал высшему начальству следующее: «Будущее спокойствие Кабарды требует примера строгого, и потому я решаюсь просить покорнейше разрешения Вашего Превосходительства на препровождение в Россию на Дон всего семейства преступного Абдула Темербекова, на уничтожение до основания места его жилища. Имение, по уплате из него за холопа и украденную лошадь у Абукова и оцененных им в 250 руб. серебром, продаться может с аукционного торга»[83]. Через некоторое время А. Темербеков был задержан и заключен под стражу. Члены Кабардинского временного суда приговорили его к наказанию «шпицрутенами через тысячу человек четыре раза с отсылкой в каторжную работу»[84]. Уличенный в хищничестве и «неблагонамеренном поведении», житель Большой Кабарды М. Тавкешев по решению Кабардинского временного суда был отправлен в арестантские роты сроком на восемь лет[85]. Бежавшие в Чечню и пойманные на «хищничестве в Кабарде» крепостные крестьяне, принадлежавшие дворянам Астемировым, М. Муссов и А. Мызаев были осуждены Временным судом и отправлены в арестантские роты на пожизненный срок[86].

В.Х. Кажаров в одной из своих работ ссылается на случай, когда «абреком» оказался аульный владелец. Он пишет, что «сверх принятых мер наказания его аул расселяется по разным населен-

ным пунктам Кабарды»[87]. В качестве примера он описывает случаи расселения аулов Магомет-Мирзы Анзорова и Магомета Куденетова[88].

При вынесении приговоров не учитывалась сословная принадлежность абреков. Например, С.Н. Бейтуганов в своей работе описывает случай, когда генерал-майор князь Горчаков 13 апреля 1826 г. предписал Швецову наказать «кабардинского узденя Али Мамхегова и крестьянина Бичоова за злодеяния шпицрутенами каждого через тысячу по пять раз и сослать в Сибирь»[89]. Однако в ответе Швецова Горчакову отмечалось, что оба преступника скончались во время исполнения телесных наказаний[90].

Помимо прочего, в этот период преступным считалось также укрывательство абреков в кабардинских аулах под предлогом соблюдения обычая гостеприимства. Так, например, начальник Центра Кавказской линии полковник Хлюпин в 1846 г. в одной из многочисленных инструкций, данных им Кабардинскому временному суду, высказывал следующее мнение: «По прокламации генерала Ермолова и вышедшим затем предписаниям высшего начальства виновные кабардинцы в *передержательстве абреков* (курсив наш. – *Р.К.*), в связи с ними и вообще неблагонамеренными людьми, приезжающими в Кабарду тайно из Чечни и из других непокоренных мест, которые постыдным поведением своим мешают, тревожат спокойствие кабардинского народа, должны подвергнуться строгому наказанию: ссылкою в Сибирь в арестантские роты, лишением всего имущества и удалением семейства их в Россию…»[91]. Военные власти требовали от кабардинцев не только не давать убежище абрекам, но и оказывать им всяческое сопротивление. Более того, «непреследование» абреков и даже «несообщение» о месте их пребывания с позиции законодательства Российской империи также считались преступлениями. Иногда по этой категории дел ответственность налагалась на жителей того или иного аула по принципу круговой поруки[92].

В предписании начальника Центра Кавказской линии Кабардинскому временному суду от 15 марта 1851 г. отмечалось: «Отношением от 20 января за № 121 майор Занаревский по поручению моему предложил суду объявить подполковнику Батырбеку Тамбиеву, Жансоху Агоеву и другим поручителям за узденя Гобе-

чикова, который давал *пищу абрекам, увозившим мальчиков* из Лескенского аула, чтоб означенные неисправные поручители вывезли бы непременно этих мальчиков в течение одного месяца. Это оста-лось до сих пор неисполненным, хотя срок уже давно прошел. А поскольку предписываю суду строго подтвердить выше упомянутым поручителям, что если они в продолжение двух недель не предоставят означенных мальчиков в Нальчик, то будет взыскан с них штраф (курсив наш. – *Р.К.*)»[93].

В середине XIX в. в борьбе с абречеством имперские чиновники активно использовали самые разнообразные методы. В данном случае речь идет о принудительном переселении пособников внутри Кабарды. Так, например, в 1850 г. несколько жителей аула Али-Мирзы Анзорова по распоряжению начальника Центра Кавказской линии за «связи с абреками» были переселены на р. Аргудан ниже аула Кожакова[94].

Иногда для обвинения кабардинцев в укрывательстве абреков достаточно было даже косвенных доказательств. Как, например, для принятия решения об определении меры наказания узденю Кудаеву за укрывательство абреков в 1852 г. следователям полевого аудиториата показался достаточным факт обнаружения следов лошадиных копыт у его дома[95]. Причем в данном случае имперские сыщики напрочь проигнорировали показания старейшин аула Кудаева, свидетельствовавших об обратном. Более того, как мы полагаем, наказание за мнимое укрывательство абреков в данном случае было весьма несоразмерным приписываемому преступлению. Так, было решено лишить Яхья Кудаева «прав, присвоенных узде-ню, отправить его в арестантские роты инженерного ведомства во внутреннее отделение крепости на пять лет, и если в течение этого времени поведение его будет одобрено начальством, то возвратить его на прежнее жительство, осеквестрованное возвратить наследникам»[96].

В середине 40-х гг. XIX в. активизация процессов, способствовавших распространению абречества в Кабарде, была связана с движением Шамиля. В это время кабардинское абречество приобрело широкие масштабы и отличалось впечатляющей массовостью[97]. Более детально институт абречества в Кабарде на фоне движения Шамиля описан в работе С.Н. Бейтуганова[98]. Для нас

важно отметить, что сложившаяся ситуация способствовала выработке властью определенного комплекса мер превентивного характера. В поле зрения имперских чиновников мог попасть любой кабардинец, который «продает все свое имущество» и «ведет себя подозрительно»[99].

Примечательно, что законодательство Российской империи того времени предусматривало «прощение» раскаявшихся абреков. Обязательным условием принятия в отношении таковых людей положительных решений было приведение к присяге «на верноподданство Государю Императору» и предоставление поручителей, как это было наглядно продемонстрировано в деле «возвращения абрека Джамбота Сасикова»[100]. Хотя добровольно возвратившиеся в Кабарду абреки подвергались лишь частичной реабилитации. Так, в отношении Лампежева было решено, что он, «возвратившись в Кабарду, получил прощение начальством только в преступной измене, а не в краже чужой собственности»[101].

Таким образом, институт абречества у кабардинцев в период Кавказской войны подвергся значительной трансформации. С одной стороны, архаические элементы этого института проявлялись очень редко, с другой – «новое» абречество стало квалифицироваться российскими властями как уголовное преступление. Кабардинцы становились «абреками» прежде всего по отношению к царскому правительству, которое и поставило их «вне закона». Другими словами, абреками они становились не по нормам кабардинского обычного права, а по законам Российской империи. Само же общество не изгоняло их, и поэтому на первых порах не могло относиться к ним как к преступникам, лишенным всех прав. Перестав выполнять одну из своих социальных функций, абречество все в большей степени превращалось в исключительно деструктивную силу, ослабляющую взаимосвязанные с ним традиционные институты общественной саморегуляции.

Примечания

[1] Цит. по: Социально-экономические отношения и соционормативная культура: Свод этнографических понятий и терминов. М., 1986. С. 59.

[2] *Косвен М.О.* Преступление и наказание в догосударственном обществе. М.-Л., 1925. С. 49,50.

[3] Социально-экономические отношения… 59.
[4] Цит. по: *Ботяков Ю.М.* К вопросу о статусе абреков на Северном Кавказе // Лавровские (среднеазиато-кавказские) чтения. 1998–1999 гг. Спб., 2001. С. 63.
[5] *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т. 1. С. 25–26; см. так же: *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгейского (черкесского) языка. Т. 1. М., 1997. С. 56.
[6] *Даль В.* Толковый словарь. Спб., 1880. Т. 1.
[7] *Токарев С.А.* Этнография народов СССР. Москва, 1958. С. 255.
[8] *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Восточного и Северного Кавказа. Одесса, 1882. С. 359,360.
[9] Этимологический словарь русского языка. М., 1963. Т. 1. Ч. 1. С. 17; цит. по: *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии Нагорного Дагестана. М., 2002. С. 27.
[10] Адыгские песни времен Кавказской войны (под ред. А.М. Гутова, В.Х. Кажарова, Н.Г. Шериевой). Нальчик, 2005. С. 416.
[11] *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, Т. 21. 1910. С. 120
[12] Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 13, пасп. № 13.
[13] Там же, оп. 1, ед. хр. 2, пасп. № 24.
[14] *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа. Нальчик, 1994. С. 114.
[15] АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1720 г., оп. 115/1, д. 1, л. 94 – Цит. по: *Алоев Т.Х.* К вопросу о международно-правовом статусе Кабарды в начале XVIII в. // Исторический вестник. Вып.1. Нальчик, 2005.
[16] *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. С. 13.
[17] *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса. Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. Нальчик, 1992. С. 29.
[18] *Вилинбахов В.Н.* Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1977. С. 138; *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.). Нальчик, 2001. С. 283; *Смирнов Н.А*. Политика России на Кавказе в XVI–XIX в. М., 1958. С. 69.
[19] История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Нальчик, 2007. С. 126.
[20] Цит. по: *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса… С. 29.
[21] *Фидарова Р.З.* Противоборство феодальных группировок и его влияние на упадок самостоятельности Кабарды (1720–1757) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. Спец. выпуск – Актуальные проблемы исторических исследований. Ростов-на-Дону, 2007. С. 8.
[22] Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 8, т. 2, л. 83–84.
[23] История многовекового содружества… С. 126; *Кумыков Т.Х.* Совместная борьба русского и кабардинского народов против иностранных захватчиков в XVI–XVIII в. // Ученые записки КНИИ. Нальчик, 1955. Вып. 10. С. 19; об этом: *Трахо Р.* Черкесы. Нальчик, 1992. С. 32.
[24] Цит. по: *Кокиев Г.А.* Краткий исторический очерк Кабарды // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева: Сборник статей и документов. Нальчик, 2005. С. 421.
[25] КРО. Т. 2. С. 72.
[26] Цит. по: История многовекового содружества… С. 131.

[27] История многовекового содружества… С. 131; КРО. Т. 2. С. 91, 92; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 430; *Кокиев Г.А.* К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов в XVIII в. // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева Сборник статей и документов. Нальчик, 2005. С. 68.
[28] КРО. Т. 2. С. 91.
[29] Цит. по: *Мальбахов Б.К.* Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722–1825). Нальчик, 1998. С. 25.
[30] КРО. Т. 2. С. 90.
[31] КРО. Т. 2. С. 154.
[32] Цит. по: *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса… С. 29.
[33] АВПРИ, ф. 115, кабардинские дела, 1744 г., д. 4, л. 13 об.; Цит. по: *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса… С. 29.
[34] Там же.
[35] *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса… С. 29.
[36] КРО. Т. 2. С. 126, 127; 134,135.
[37] *Карданов Ч.Э.* Путь к России. Кабардинские князья в истории отношений Кабарды с Российским государством в XVI – начале XIX века. Нальчик, 2001. С. 287.
[38] *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 1. С. 262; Цит. по: *Мальбахов Б.К.* Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722–1825). Нальчик, 1998. С. 41.
[39] Цит. по: *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса… С. 30; *Он же*. Традиционные общественные институты… С. 223.
[40] АВПРИ, ф. 115, кабардинские дела, 1747 г., д. 6, л. 47. Цит. по: *Налоева Е.Дж.* Государственно-политический строй Кабарды в первой половине XVIII в. Нальчик, 1973. С. 102–107.
[41] Там же.
[42] *Грабовский Н.Ф.* Присоединение Кабарды к России и борьба ея за независимость // ССКГ. Вып. IX. Тифлис, 1876. С. 121; *Тхамоков Н.Х.* Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII в. Нальчик, 1961. С. 189; Налоева Е.Дж. К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды в первой половине XVIII века // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1972. Т. 11. С. 77,78; *Якубова И.И.* Северный Кавказ в русско-турецких отношениях (40–70-е гг. XVIII в.). Нальчик, 1993. С. 25.
[43] АВПРИ, ф. 115, кабардинские дела, оп. 1, 1748 г., д. 5, л. 56 об.
[44] Цит. по: *Мальбахов Б.К.* Кабарда в период… С. 43.
[45] АВПРИ, ф. 115, кабардинские дела, оп. 1, 1749 г., д. 6, л. 40 об.
[46] В авторской интерпретации цит. по: *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов в конце XVIII – первая половина XIX в. М, 1967. С. 192,193.
[47] КРО. Т. 2. С. 158.
[48] Из документальной истории Кабардино-русских отношений (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Нальчик, 2000. С. 8.
[49] *Бутков П.Г.* Материалы… С. 67.
[50] Цит. по: *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса… С. 30.
[51] *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты… С. 337,338.
[52] Там же. С. 337.
[53] Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999. С. 183.

[54] *Грабовский Н.Ф.* Присоединение Кабарды к России и борьба ея за независимость: исторический очерк // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 161.
[55] Там же. С. 177.
[56] РГВИА, ф. 13454, оп. 1, д. 30, л. 27.
[57] Из документальной истории... С. 217.
[58] *Алоев Т.Х.* «Беглые» кабардинцы: формирование в Закубанье массива кабардинского населения и его участие в Кавказской войне в 1799–1829 гг. Дис. к.и.н. Майкоп, 2006. С. 99.
[59] Там же.
[60] *Бутков П.Г.* Материалы… С. 278.
[61] *Берже А.П.* Краткий обзор горских племен на Кавказе. Нальчик, 1992. С. 22.
[62] Из документальной истории... С. 160
[63] *Венюков В.И.* Очерк пространства между Кубанью и Белой // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. Нальчик, 2004. С. 184.
[64] *Ковалевский Е.П.* Очерки этнографии Кавказа // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX в. Нальчик, 2004. С. 235.
[65] Так в тексте. – *Р.К.*
[66] *Потто В.А.* Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 2. С. 342.
[67] Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999. С. 400.
[68] *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 64.
[69] *Дьячков-Тарасов А.А.* Абадзехи // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX в. Нальчик, 2004. С. 630.
[70] ЦГА КБР, ф. И-40, оп. 1, ед. хр. 1, т. 1, л. 106 об.; Цит. по: *Бейтуганов С.Н.* Кабарда и Ермолов. Нальчик, 1993. С. 65.
[71] *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Спб., 1888. С. 37.
[72] Адыгские песни времен Кавказской войны… С. 105.
[73] Там же. С. 99, 104.
[74] *Зубов П.* Подвиги русских воинов в странах Кавказских, с 1800-го по 1834 год. Спб., 1836. Т. 2. Ч. 3. С. 209.
[75] АКАК. Тифлис, 1875. Т. 4. Ч. 1. С. 474.
[76] Записки Алексея Петровича Ермолова. Ч. II. 1816–1827. М., 1868. С. 184.
[77] Из документальной истории кабардино-русских отношений (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Нальчик, 2000. С. 355.
[78] ЦГА КБР, ф. И-24, оп. 1, ед. хр. 78, л. 26 об.
[79] Там же. Ед. хр. 45, л. 35,35 об.
[80] Там же. л. 4 об.
[81] ЦГА КБР, ф. И-23, оп. 1, ед. хр.7, л. 1
[82] ЦГА КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 359, л. 7 об.
[83] Там же. Л. 8 об.
[84] Там же. Л. 37.
[85] ЦГА КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 628, л. 26,26 об.
[86] Там же. Ед. хр. 898, л. 5
[87] *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 1994. С. 345.
[88] Там же.

[89] *Бейтуганов С.Н.* Кабарда: история и фамилии. Нальчик, 2007. С. 101.
[90] Там же.
[91] ЦГА КБР, ф. И-23, оп. 1, ед. хр.45, л. 10.
[92] Там же, ед. хр. 148, л. 131–134 об.
[93] Там же, д. 157, л. 242,242 об.
[94] Там же, л. 207.
[95] Там же, ед. хр. 166. л. 1.
[96] Там же. Л. 7.
[97] Там же. Ф. И-23, оп. 1, ед. хр.45. лл. 11,11 об.
[98] *Бейтуганов С.Н.* Кабарда: история и фамилии. Нальчик, 2007. С. 102–113.
[99] ЦГА КБР. ф. И-23, оп. 1, ед. хр. 52. л. 1.
[100] Там же. Ф. И-23, оп. 1, ед. хр.45. л. 30.
[101] Там же. Ф. И-24, оп. 1, ед. хр. 42, л. 1.

Е. И. Кобахидзе
(Владикавказ)

ТРАДИЦИОННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА У ОСЕТИН И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ХОДЕ РОССИЙСКИХ СУДЕБНО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ КОНЦА XVIII – 50-х ГОДОВ XIX ВЕКА

Становление и развитие российского государственно-административного аппарата на Северном Кавказе отвечало в целом идее укрепления централизованной власти в империи, однако в каждом из регионов края этот процесс отличался своей спецификой. Включение северокавказской окраины в экономическое и политико-правовое общегосударственное пространство настоятельно требовало прежде всего унификации местного управления, приведения его организационных форм в соответствие с теми, что действовали в центральных российских губерниях. Нельзя утверждать, что это была простая задача. Аморфность, институциональная неопределенность традиционного самоуправления, неформальный характер деятельности патриархальных властных структур, их полифункциональность создавали у российских администраторов впечатление того, что горцы не только не имели прежде «никакого порядка», но и «не разумеют необходимости власти»[1].

Между тем уже ко времени присоединения к России у народов Северного Кавказа сложилась самобытная политическая культура со своей системой самоуправления, в которой реализовывались основные функции общественной власти – исполнительная, нормотворческая и судебная, проводниками которых являлись патриархальные институты самоуправления, образовывавшие сложную иерархию общественной власти. Ее специфика заключалось прежде всего в неодинаковой степени структуризации и автономизации различных аспектов и категорий власти на разных уровнях общественной системы.

Основной хозяйственно-территориальной общественной структурой в Осетии являлась соседская (сельская) община, которая, как и всякий другой социальный организм, предполагала наличие системы руководящих и контролирующих органов своей жизнедеятельности, что делало ее самоуправляемой единицей социума. Дореформенная осетинская сельская община являлась также и самостоятельным юридическим лицом, «члены которого сообща владеют или всей недвижимой собственностью, переделяемой между дворами в определенные сроки, или же только той частью ее, которая служит пастбищем для скота»[2].

Сельская община была достаточно сложным социальным организмом, который составляли кровно-родственные и территориально-соседские объединения, различавшиеся как по количеству членов, так и по отношению к собственности. Вместе с тем множественность структурных форм социальной организации у осетин, сложность семейно-родственной и территориально-соседской иерархии, при которой каждый уровень обозначался собственной номинацией, наряду с вариативностью конкретных прав собственности на основные средства производства обусловили известную хозяйственно-экономическую самодостаточность каждой структурной единицы социума, которая питала иерархическое сознание, опиравшееся на принадлежность к семье, фамилии, территории. Сдерживая разнонаправленные партикулярные интересы независимых хозяйственно-экономических групп единого социума, общественная власть преодолевала его фрагментарность, консолидируя отдельные социальные единицы в некую целостность и выполняя таким образом роль стабилизатора общественных отношений.

Наиболее адекватным инструментом обеспечения разнообразных функций общественной власти, направленных на поддержание социального равновесия, являлось обычное право.

Касаясь теоретических аспектов изучения обычно-правовых систем, следует отметить, что сама проблема становления и развития правовых установлений в обществе, места обычного права в системе источников права и его роли в регулировании всех сторон жизнедеятельности общества является одной из наименее разработанных в современной теории права[3]. Большинство современных исследователей приходит к выводу о том, что долгое время господ-

ствовавший взгляд на обычное право как архаический пережиток прошлого, характеризующий ранние ступени социального развития, оказывается несостоятельным.

Исследователи обычного права выделяют такие его признаки, как *повторяемость, спонтанность, обязательность*[4], причем обязательности исполнения правового обычая отводится едва ли не ведущая роль. Повторное индивидуальное санкционирование, которое осуществляется судом или государственными институтами, обусловливает такую характеристику правового обычая, как обязательность; спонтанность же обычного права основывается на прецедентах, возникающих в общественной практике. Другими признаками обычного права рассматриваются *публичность* и *примитивность судопроизводства*[5]. Принцип коллективной ответственности, когда за тот или иной проступок одного члена группы ответственность за него ложится на всю группу (как правило, семейно-родственный коллектив), в свою очередь, обусловливает *коллективный характер* обычного права. Перечисленные признаки обычного права наряду с такими, как *неформализованность* (*некодифицированность*), при которой трансляция обычно-правовых норм из поколения в поколение происходит в устной форме, составляют отличительные качественные характеристики традиционной юридической системы.

Регулятором правоотношений в горских обществах Северного Кавказа выступали адаты, сфера функционирования которых была чрезвычайно широка: от внутрисемейных отношений до сословно-статусных. Будучи ведущим инструментом все более усложняющейся со временем социальной самоорганизации горских обществ, адаты обеспечивали необходимый для нормального функционирования общности социальный контроль, выступая в то же время основным средством социализации индивида, накопления и передачи социального опыта последующим поколениям[6]. Конкретные социально-экономические реалии, сложившиеся в горских обществах к началу XIX в., находили прямое отражение в их обычном праве, чем объясняются различия, выделяемые исследователями в обычно-правовых системах народов Северного Кавказа[7].

Источниками возникновения адатов становились санкционированные общиной нормы, ставшие традицией, и правовые инно-

вации, появляющиеся в судебной практике. Как правило, источниками адатов у кавказских народов служили решения медиаторских судов. В тех случаях, когда медиаторы затруднялись в вынесении приговора (т.е. когда в общественной практике не находилось соответствующей случаю аналогии), обращались за заключением к уважаемым старшим. Решение, принятое подобным образом, легитимировалось в рамках третейского разбирательства и становилось источником новой правовой нормы, закреплявшейся впоследствии в общественной практике как обычай. «Суд посредников, не находя в адате установлений на новые случаи, должен произносить решения еще небывалые, хотя и применяющиеся к общему духу адата. Для решений подобного рода обыкновенно приглашаются люди, сведущие в народных обычаях, и старики, которые могли сохранить в своей памяти какие-нибудь случаи, похожие на разбираемый. Постановленное таким образом решение называется маслагатом. Маслагат, повторенный потом в других подобных же случаях, присоединяется к общей массе народных обычаев и окончательно обращается в адат»[8].

Другим важным источником возникновения адатов становились постановления сельских сходов, которые разбирали дела, не решаемые существующими адатами. «Кроме мирового разбирательства, вырабатывающего в форме судебного “маслагата” основные начала адатного права горцев, последнее образуется также вне судебной практики, именно в форме маслагатов вечевых, на мирских сходках, исстари являвшихся рядом с третейством главными органами обычного права народа»[9].

Несмотря на различия, адаты во всех северокавказских обществах выполняли ряд общих *функций*: во-первых, распределение материальных и духовных ресурсов в соответствии с конкретными социальными отношениями, во-вторых, закрепление социально-экономических отношений с помощью специальных общественных институтов (судов).

Материалы, собранные М.М. Ковалевским в ходе его научных экспедиций по Северному Кавказу, дали ему основание для выводов относительно глубокой архаичности обычно-правовых норм кавказских горцев. Коллективизм, свойственный всем ранним обществам в сфере производства-потребления, обусловил и коллек-

тивный характер обычного права, эволюция которого связывалась ученым с развитием общественно-политических отношений; по мере развития отношений частной собственности шли процессы индивидуализации самого права. По мнению М.М. Ковалевского, обычно-правовые системы базировались на отношениях собственности и имели таким образом материальную основу.

Записи адатов осетин (*æгъдау*), сделанные российскими офицерами в 30–40-х и в конце 50–60-х гг. XIX в., фиксируют сложную систему правоотношений (межсословных, межстатусных, межличностных), сложившихся в осетинской сельской общине и регулируемых соответственно гражданскому статусу субъекта права. Несмотря на неодинаковые темпы социально-экономического развития разных осетинских обществ (Дигорского, Тагаурского, Куртатинского, Алагирского), все они были объединены в едином правовом поле, и в основе единства лежала довольно слабая степень социально-правовой дифференциации в каждом из них. Однако в этих общих границах существовали и свои особенности, сформировавшиеся под действием как собственно экономических факторов (отношение к основным средствам производства, доминирующая форма собственности, характер процесса производства-потребления и пр.), так и в результате разной степени консервации архаических традиционных норм, отразившихся в практике обозначения социального статуса индивида, который не всегда прямо соотносился с его положением в сословной иерархии[10].

Обычное право осетин распадалось на гражданское и уголовное. Вместе с тем исследователи обычно-правовых систем народов Северного Кавказа подчеркивают неразделенность гражданско-правовой и уголовно-правовой ответственности, подразумевавшей единую систему наказаний, в рамках которой за уголовные преступления часто налагалась мера взыскания, соответствующая чисто имущественной ответственности, а за гражданские правонарушения нередко следовала уголовно-правовая санкция. Каждая из этих отраслей права регулировала отношения как между различными сословно-статусными группами, так и между представителями одного сословия. Систему наказаний определяла сословно-статусная принадлежность как обидчика, так и потерпевшего.

Нормы права, касающиеся имущественных и некоторых личных неимущественных отношений, составляют гражданско-правовую

сферу. У осетин в рассматриваемый период этот раздел права не получил значительного развития, что обусловливалось прежде всего невысоким уровнем товарно-денежного производства с доминированием патриархальных форм хозяйствования. Специфика процессов общественного производства и потребления, основывающихся на «демократизме» и коллективизме, не способствовала обособлению таких правовых понятий, как «собственность», «владение», «договор»[11].

Одновременно коллективизм как основной принцип организации традиционного общественного быта не предполагал также и выделения отдельной личности в качестве субъекта гражданско-правовых отношений – за каждое юридически обязательное действие индивида ответственность нес весь семейно-родственный коллектив, членом которого он являлся. Таким образом, в сфере гражданско-правовых отношений доминировал принцип солидарной ответственности, налагаемой в равной степени на всех полноправных членов семейно-родственного коллектива.

Гражданско-правовые отношения у осетин во многом были обусловлены спецификой права собственности, которая заключалась в тесном переплетении права собственности вообще и права собственности на основные средства производства. Обе формы собственности образовывали сложную многоступенчатую иерархическую систему, каждый уровень которой вступал во взаимодействие с другими в конкретных случаях реализации прав собственности. Та или иная форма собственности на тот или иной вид имущества зависела от того, какая социальная единица выступала в качестве субъекта прав собственности, а также от характера самого имущества как объекта собственности. Исследователи гражданского права у осетин отмечают, что развитие частной собственности на движимое имущество у них значительно опережало развитие прав недвижимости[12].

При отсутствии в обычном праве горских народов Северного Кавказа такой формы передачи имущества, как завещание[13], на первый план в гражданско-правовой сфере выходило наследственное право, регламентирующее имущественно-правовые отношения членов семьи при разделе общего имущества, наступающего как вследствие смерти отца, так и при сегментировании большесемей-

ной общины. Наследственное право также имело свою специфику, регулируясь как адатом, так и нормами мусульманского права (в Осетии – преимущественно у социальной знати Дигории).

Общие особенности регламентации раздела имущества не исключали, однако, наличия в каждом осетинском обществе своих собственных норм, носивших сугубо частный характер. Так, например, в Дигории раздел имущества производился на различных основаниях, при этом «не только отдельные общества или племена... но даже и некоторые между ними фамилии имеют каждая свой особый обычай и основывают раздел имущества на предшествовавших случаях, сохранившихся в преданиях. Описать подробно все видоизменения обычая по разделу и наследству невозможно уже потому, что при разделе имущества главное участие принимают медиаторы, которые при решении возложенной на них задачи руководствуются собственными соображениями»[14].

Наряду с признаками глубокой архаичности осетинского обычного права можно обнаружить признаки его эволюции, отмечаемые в имущественно-правовой сфере. Нормы адата, касающиеся межсословных отношений и регламентирующие совокупность прав высших сословий по отношению к низшим, оговаривали прежде всего степень личной свободы представителей отдельных сословий. Проецируясь на имущественные отношения, выстраиваемые вдоль сословной вертикали, свобода стала выступать синонимом права. К примеру, в адатах Дигорского общества, регулирующих имущественные отношения, отразилось то переходное состояние социально-экономического развития Дигории, при котором начавшийся процесс индивидуализации права собственности у социальной элиты тесно переплетается с тенденцией на личное закрепощение экономически зависимого населения, что выразилось в ограничительном праве представителей социальной знати по отношению к остальной массе населения.

Так, фарсаглаги как представители самого многочисленного свободного сословия не имели права самостоятельно производить раздел имущества без особого на то разрешения того владельца, на чьих землях они селились: «Фарсаглеги и тумаки, выделяясь из дома для жительства особо, обязаны дать старшине одного быка и одного жирного барана»[15]. Во всех подобных случаях предусматри-

вался личный выкуп за право отселения и вступления во владение имуществом, который выплачивался лицу, обладающему свободой (т.е. правом) предоставления свободы другому лицу, иначе говоря, обладающему правом ограничения личной свободы другого члена сельской общины. В то же время ситуации раздела имущества, возникающие во владельческих семьях, разрешались в полном соответствии с адатными нормами, в любом случае охраняющими экономические интересы семейно-родственного союза.

Для нас в данном случае важна фиксация права представителей высшего сословия решать имущественные дела номинально свободных общинников, с одной стороны, и зависимость решения собственных имущественных проблем знати от норм обычного права, основанных на приоритете интересов коллектива, – с другой. Личная свобода рядовых общинников оказалась ограничена связями, право разорвать которые имеет лишь лицо, старшее и в сословном, и в статусном отношениях. Персонифицированный статусный авторитет представителя социальной знати легитимировал подобное вмешательство в рамках судейского посредничества, обычного при разделе семейного имущества, и в то же время позволял строить межсословные отношения по типу межличностных, воспринимаемых в категориях родства.

Право представителей высшего сословия решать имущественные дела номинально свободных общинников, с одной стороны, и зависимость решения имущественных проблем знати от норм обычного права – с другой, свидетельствует об амбивалентной природе подобных правоотношений: лица, принадлежащие к высшему сословию, являлись одновременно и проводниками власти обычного права (субъектами), и его объектами; «индивидуализация» права собственности касалась не отдельного индивида, а всей семейно-родственной группы.

Сфера обычно-правовых отношений, возникающих по поводу причинения ущерба (личности или имуществу) и его возмещения в догосударственных общественных структурах, составляла, условно говоря, уголовное право, однако в традиционных юридических системах народов региона не существовало четко сформулированного понятия преступного деяния и его составов. В соответствии с обычно-правовыми установлениями у северокавказских народов

преступлением считались наказуемые действия, направленные против личности или имущества и требовавшие наказания в форме возмещения ущерба[16].

Субъектами правонарушений являлись все свободные члены общества, кроме рабов, за которых отвечал их владелец. На первый план выступали объективные характеристики преступления, которое понималось как нанесение вреда, при этом такие субъективные стороны преступления, как намерение или предумышленность, обычным правом игнорировались. Соответственно, наказание в уголовном праве народов Северного Кавказа представляло собой возмещение нанесенного ущерба и зависело как от квалификации преступления, так и от социальной принадлежности пострадавшего. Органом, определяющим наказание и форму его исполнения, являлись медиаторские суды. Система наказаний, предусмотренных обычным правом за разного рода преступления, учитывала сословную принадлежность и социальный статус потерпевшего[17].

Особенностью традиционной юридической системы являлась неразделенность правовых норм, регулирующих санкции за совершенные правонарушения в сфере гражданско-правовых и уголовно-правовых отношений, о чем свидетельствует единая для всех видов преступлений система наказаний, базовым компонентом которой являлись композиционные выплаты. Если причинение ущерба вело к нарушению социальной справедливости, влекущему за собой нарушение баланса имущественно-правовых статусов свободных членов общества, то система композиций предназначалась для восстановления социального баланса, возвращая обществу status quo. Основным видом наказания являлись имущественные платежи; такие виды наказания, как заключение в тюрьму или телесные наказания, у кавказских народов не практиковались. Размер композиций определялся характером преступления, с одной стороны, и сословной принадлежностью пострадавшего – с другой. У осетин также бытовала развитая система композиций, однако далеко не все преступления могли погашаться выкупом, что привело к значительному развитию института кровной мести[18].

При отсутствии четко выраженной денежной системы композиционные выплаты осуществлялись преимущественно натурой, и в качестве уплаты принимались оружие, лошади, крупный и мелкий рогатый скот, а также рабы.

Социальная дифференциация закреплялась различными отраслями обычного права. Так, адаты предусматривали повышенную уголовную ответственность при посягательстве на личность или имущество представителей высших сословий[19]; нормы семейно-брачного права запрещали неравные браки между представителями различных социальных номинаций[20] и пр.

Выступая основным инструментом конституирования традиционной повседневности, обычное право было «условно» формализовано, сама же повседневность (в контексте обычного права) – типологизирована, разбита на множество ситуативных рядов – типических ситуаций, опосредованных обычно-правовыми нормами, в которых отражались типообразующие элементы ситуаций. Являясь механизмом кодирования, обычное право давало таким образом ключ (код) к прочитыванию и соответствующему разрешению каждой конкретной ситуации. Однако довольно низкий уровень социально-экономической и политической интеграции отдельных осетинских обществ вместе с высокой степенью самодостаточности отдельных структурных единиц традиционного социума исключала возможность унификации кодов, что вело к множественности подходов к разрешению аналогичных правовых казусов.

Все это наряду с неразделенностью ответственности за гражданские и уголовные правонарушения, отсутствием понятия индивидуальной вины и практикой назначения штрафа как единого вида наказания свидетельствовало о глубокой архаичности обычно-правовой системы у осетин, которая сложилась в условиях доминирования коллективных интересов общности как некой хозяйственной целостности (семейной общины, патронимической группы, фамилии, сельской общины) и отвечала прежде всего объективной необходимости поддержания равновесия в процессе общественного производства-потребления.

Органом, определяющим наказание и форму его исполнения, являлись медиаторские суды, в ведении которых находились преступления против личности и имущественные преступления. Судебная практика у осетин реализовывалась в четко обозначенных институциональных рамках третейского (посреднического) суда (*тæрхон*), предназначенного для урегулирования взаимоотношений между отдельными индивидами в сфере частных имуществен-

ных интересов. Дела, непосредственно затрагивавшие экономические интересы всего коллектива как целостного хозяйственного организма, рассматривались *ныхасом* (народным собранием). Выполняя нормотворческие функции общественной власти наряду с народным собранием, посреднический суд был, по существу, «творцом» «частного (гражданского) права, возникающего на основе фактически сложившейся экономической зависимости одних от других, или в результате борьбы более или менее равных сил за обладание каким-нибудь объектом собственности, органом, осуществляющим это право»[21]. «Адатом разбираются дела воровские. Этот суд имеет также место в наследственном праве, при разделе имения и при отношениях родителей к детям и мужей к женам…»[22] Именно суд посредников, а не общинное собрание или институт старейшин, являлся «органом, разрешающим в этом случае конфликты и вместе с тем творящим и осуществляющим право…»[23]

Институт традиционного посреднического суда у осетин достаточно полно изучен и описан в историографии как дореволюционного, так и советского периодов[24]. К суду осетины прибегали в тех случаях, когда тяжущиеся стороны, отказываясь от принадлежащего им права самосуда и разрешения спора силой, представляли разные фамилии, поскольку споры между родственниками улаживались старейшинами, а внутрисемейные разногласия разрешались главой семьи.

Осетинский суд не имел постоянного характера, а назначался в каждом отдельном случае разбирательства по взаимному соглашению спорящих сторон. Медиаторами (т.е. членами третейского суда – *тæрхоны лæгтæ*) избирались наиболее почетные и уважаемые старшие, происходившие из известных фамилий и имевшие право именоваться *уæздæттæ* (благородными), непременно сведущие в обычном праве[25].

Число судей было нечетным (кратно трем), причем ответчик мог выбирать на одного медиатора больше, чем истец, обиженный – на одного больше, чем обидчик. В тех же случаях, когда возникали затруднения с четким определением того, кто обиженный и кто обидчик, обе стороны высылали равное число судей[26]. Каждая сторона имела право отвода избранных судей и назначения нового суда при несогласии с уже вынесенным решением.

При переходе на более высокие уровни социальной организации роль посреднического суда возрастала. Высшими в иерархии посреднических судов были суды в Дагоме (у северных осетин) и в Уазаге (у южных)[27]. Не будучи апелляционными инстанциями, эти суды имели все же столь непререкаемый авторитет у населения, что решения их имели окончательный характер.

Основным принципом, на котором строилась вся деятельность посреднического суда, являлся принцип «объективной ответственности»[28]: необходимость в третейском суде возникала лишь тогда, когда совершенное правонарушение влекло за собой объективные последствия. Соответственно, заключение посредников основывалось на вещественных доказательствах содеянного. В том случае, если «объективных» доказательств для вынесения решения оказывалось недостаточно, прибегали к показаниям, которые давали *комдзог* (*комдзæуæг*) – «доказчик», и *æвдисæн* – свидетель, представляющий косвенные улики.

«Доказчик» являлся тем свидетелем, который на суде был в состоянии указать субъект правонарушения и раскрыть последовательность преступных действий. «Доказчик» получал вознаграждение от потерпевшего, если удавалось найти преступника. В противном случае на «доказчика» также распространялся принцип коллективной ответственности, соответственно которому вина ложилась на всю родственную группу: в таком случае «доказчик» удовлетворял потерпевшего как виновная сторона. По существу, в деятельности «доказчика» на суде проявлялись зачатки прокурорских функций. При убедительных показаниях «доказчика» и свидетеля суд определял меру взыскания. Следует, однако, отметить, что такие средства судебных доказательств, как показания свидетелей, не были характерны для древнего осетинского судопроизводства, а появились в позднее время под влиянием государственно-бюрократического порядка ведения судебного процесса. М.М. Ковалевский объясняет отсутствие свидетельских показаний в традиционном судопроизводстве тем, что, будучи включенным в широкий круг кровнородственных связей, свидетель, даже если он имел неоспоримые доказательства совершенного преступления, подвергал себя и всех своих кровных родственников угрозе мести со стороны родственников того, против кого он свидетельствовал на суде[29].

Чтобы придать приговору обязательную силу, нередко прибегали либо к поручительству родственников, либо к предварительной присяге. Поручительство являлось важным и необходимым элементом традиционного судопроизводства, который обеспечивал гарантии исполнения обязательств, превентивно налагаемых на обе стороны – «обидчика в том, что он действительно будет платить то, что уже определено судом, а обиженного в том, что он будет доволен определенною пенею и больше ничего требовать не будет, коль скоро получит от обидчика то, что судом определено…»[30] Каждая сторона самостоятельно назначала поручителей (*фидар*) для противоположной стороны, при этом обидчик обязан был заплатить поручителям обеих сторон плату (*фидауæггаг*); ее размер определялся важностью рассматриваемого дела. Клятва, принимаемая поручителями при свидетелях во исполнение взятых на себя обязательств, заставляла родственников выполнять решения суда[31]. Тем не менее, несмотря на всю важность данного процедурного элемента традиционного судопроизводства, предварительная присяга все же не имела обязательной силы и, по сути, представляла собой «пустой образ», за нарушение которого «между горцами не существует по адату никакого наказания»[32].

При отсутствии таких форм судебных доказательств, как свидетельские показания, письменные документы и собственное признание обвиняемого, их место и функции в судопроизводстве заняли судебный поединок и испытание обвиняемого (трансформированная практика архаических ордалий), которые рассматривались судом как доказательство судебной достоверности.

В исключительных случаях, когда ни истец, ни ответчик не имели больше средств для доказательства своей правоты перед лицом медиаторов, назначалась очистительная присяга (*ард*). К присяге прибегали и тогда, когда показания «доказчика» и свидетеля казались неубедительными для суда; требовались дополнительные подтверждающие факторы (т.е. доказательная сила приводимых аргументов была недостаточной); обвиняемый привлекался к суду по подозрению. Присягать обязана была та сторона, которую судьи считали правой, поэтому присяга служила не только способом достижения истины, но и средством защиты для ответчика. Если для ответчика присяга являлась средством оправдания, то для «доказ-

чика» и свидетелей она служила доказательством справедливости собственных показаний, т.е. неоспоримым судебным доказательством. Важность присяги как судебного доказательства подчеркивалась тем обстоятельством, что она приносилась публично, в торжественной обстановке у святилища – *дзуара*[33].

До установления российской администрации ответчик присягал один; со временем в важных делах (например кровных) широко использовалась практика соприсяжничества, в которой актуализировались кровнородственные связи – ответчик принимал присягу вместе с родственниками (2–3 и более), выбранными потерпевшей стороной. Подобная практика со временем распространилась и на «доказчика»; свидетели присягали без соприсяжников.

Решения суда основывались на обычном праве, и в тех случаях, когда предшествующая общественная практика не давала аналогий, возникал прецедент, которому стремились придать циклический характер, рассматривая его в виде частного случая традиционной нормы. Будучи, по сути, общественной договоренностью, маслагат, таким образом, исполнял функции систематизации, одновременно расширяя сферу применения типизированной юридической нормы конкретными частными обстоятельствами.

Деятельность посреднического суда у осетин отличал выраженный *демократизм*, основанный на выборности медиаторов самими тяжущимися сторонами из числа всего взрослого мужского населения, что дало основание М.М. Ковалевскому считать посредничество «*всесословной* повинностью» (курсив наш. – *Е.К.*) . *Неформализованный характер* традиционного судопроизводства[35], проявлявшийся внешне как в «бесформенности обвинения, так и в бесформенности тех процессуальных действий, из которых слагается судебное действие»[36], являлся еще одним его качественным признаком.

Будучи окончательным и обязательным к исполнению, приговор носил все же *факультативный* характер[37], поскольку решение, вынесенное третейскими судьями, было ни чем иным, как соглашением сторон, к которому относились так же, как и к другим договорам, требующим обеспечения. Этим обстоятельством объясняются функции поручительства родственников во исполнение приговора или соприсяжничества. В силу этих же обстоятельств

существовала и возможность *пересмотра решения* посредников[38] и назначения нового разбирательства в случае несогласия с заключением состоявшегося суда.

Не менее важным признаком осетинского посреднического суда было особое значение *присяги*, «погашающей» уголовные и гражданские юридические действия[39], к которой прибегали в тех случаях, когда у тяжущихся сторон бывали исчерпаны все средства для доказательства своей правоты.

Однако механизмы деятельности посреднического суда обеспечивали не столько достижение истины, сколько разрешение конфликта путем замещения действительных разногласий их моделью[40] и достижение консенсуса путем делегирования судейских полномочий посредникам, чье решение легитимировалось их возрастным и статусным авторитетом. Поэтому социальная функция института посреднического суда, бывшего проводником власти обычного права в сфере частных взаимоотношений, заключалась главным образом в поддержании баланса в имущественно-правовых статусах членов общины. Будучи защитником гражданских прав общинников[41], посреднический суд принимал решения, имевшие примирительный характер и направленные на сохранение мирных отношений внутри самой общины[42].

* * *

Исходя из стратегических политических задач на Кавказе, российское правительство уже первые свои шаги в административном освоении края связало со сферой судопроизводства, которая ранее других сфер жизнедеятельности горских обществ подверглась стандартизации и унификации в соответствии с общероссийскими установлениями, оказавшись тем основным каналом, по которому проникновение государственно-административных методов управления в общественный быт горцев шло наиболее интенсивно. Деятельность кавказского руководства коснулась в первую очередь низовых управленческих структур в горских обществах Центрального Кавказа и отразилась главным образом на организации судебно-процессуальной деятельности, в которой получила распространение практика использования общероссийских законо-

положений, что в значительной мере ограничило функциональные полномочия традиционных посреднических судов.

Первым официальным государственным учреждением, в котором апробировались законы Российской империи применительно к населению преимущественно предгорных территорий Северного Кавказа, стал открытый в 1793 г. Верхний пограничный суд в Моздоке[43], который предназначался для рассмотрения уголовных дел «всех вообще азиатцев, под зависимостью военного губернатора в сей (Кавказской – *Е.К.*) губернии обитающих» и стал высшей апелляционной инстанцией для кабардинских родовых судов, где производство дел велось по «их обрядам». Введение российского законодательства для «азиатцев» мотивировалось тем, «дабы чрез сей предмет колико можно приблизить их к познанию и повиновению правам российским…»[44]

Однако уже это судебное учреждение наглядно продемонстрировало принципиальную несовместимость российского судопроизводства с традиционной юридической практикой северокавказских народов, поскольку изъятие из подсудности посреднического суда дел «кровомщения» и причисление их к разряду уголовных, каковыми они представлялись в соответствии с российским законодательством, не только предусматривало иную систему наказаний, несвойственную обычно-правовым механизмам регулирования подобных конфликтов, но и отнимало у суда одну из важнейших его функций защитника гражданских прав общинников.

Достаточно красноречиво об этом свидетельствует, например, дело от 17 июня 1797 г. об убийстве моздокского жителя «новокрещеного осетинца Матвея Андреева» «Тагаурского уезда деревни Ламардон осетинцем Киличем Диоевым», переданное в Верхний пограничный суд моздокским комендантом полковником Тогановым[45]. Суд определил меру наказания: «75 ударов, на лбу и щеках поставить и сослать в вечную ссылку в Нерчинские заводы»[46], а саму «экзекуцию над оным Киличем Диоевым» постановил устроить «на месте преступления в городе Моздоке на улице подле дома осетинца Николая Христофорова, дабы всяк из живущих здесь в Моздоке разного звания из азиатских народов определенное нападение видеть мог, и чрез то поудержать из них некоторых от подобных преступлений или и других злодеяний, имели в сердцах своих страх…»[47]

Разделение сферы судебной деятельности на гражданскую и уголовную и соответствующее использование в судопроизводстве традиционной и государственной моделей применялось и в горных областях, где судейские функции в случае уголовного разбирательства возлагались на начальников военных гарнизонов – «кордонных начальников»[48]. Однако недостаточная осведомленность российских администраторов об особенностях общественного строя местных народов и их обычном праве существенно ограничивала возможности контроля и управления, в связи с чем главнокомандующим на Кавказе генералом А.П. Ермоловым, учредившим «Временный суд» в Кабарде (1822), было предписано собрать подробные сведения об обычном праве кабардинцев[49].

Однако вскоре и дела гражданского характера, решение которых до сих пор оставалось исключительной прерогативой традиционных институтов, также перешли в ведение государственных инстанций. Именно на таких основаниях начал действовать созданный в 1828 г. Владикавказский инородный суд, предназначенный для разбора дел осетинских и ингушских обществ. Как предполагалось, он должен был функционировать на основе единых для всех судебных учреждений Северного Кавказа правил, в разрешении же гражданских дел необходимо было исходить из установлений адата[50].

Работа Владикавказского инородного суда должна была осуществляться постоянным судейским составом, сформированным из «почтеннейших владельцев» и старшин горских обществ, избранных сроком на один год. В отдельных случаях разбирательства допускалось и участие «народных депутатов» – представителей низших сословий, обладавших, впрочем, лишь правом совещательного голоса. Председательствовать в суде назначался владикавказский комендант. Реорганизация в 1831 г. Владикавказского инородного суда в окружной привела к передаче в его ведение также уголовных дел[51], при разборе которых, как и гражданских, указано было руководствоваться правилами, изложенными в «Учреждении о губерниях» 1775–1780 гг. Этот шаг, наряду с назначаемостью судей и должностным оформлением судейских полномочий, радикально изменил и характер самого судопроизводства, предназначенного для разбора дел осетин и ингушей.

Однако опыт с поспешным переводом судебно-процессуальной деятельности, осуществляемой в горской среде, на общероссийскую законодательную базу оказался крайне неудачным, показав, насколько неадаптированной к местным условиям была система общегосударственных законоположений. Кроме того, принципы, на которых выстраивалась деятельность нового судебно-административного учреждения, не могли обеспечить ему популярность среди населения, даже несмотря на присутствие «народных депутатов». В результате Владикавказский окружной суд образца 1831 г. превратился в государственный судебно-административный институт и стал централизованной судебной инстанцией для осетин и ингушей, в которой все этапы судебного производства были приведены в соответствие с российскими судебно-процессуальными порядками. Именно это обстоятельство и предопределило провал предпринятого правительством мероприятия по утверждению у горцев «прочного... гражданского образования»[52], в результате чего высшая кавказская администрация уже через пять лет после введения Владикавказского окружного суда была вынуждена отказаться не только от этого учреждения, но и от самой идеи перевода местного судопроизводства на общероссийскую законодательную базу в рамках официального судебно-административного института. Российское законодательство применительно к горцам было отменено, а судопроизводство вновь стало вершиться в самих обществах в соответствии с обычно-правовыми нормами под надзором помощников приставов.

Уже в этот начальный период становления административного аппарата на Центральном Кавказе прокурорский надзор нередко сливался с управлением местными народами[53]. Российским чиновникам приходилось иметь дело с решениями низших инстанций, принятых на основе адатов, мало или вовсе незнакомым представителям российской администрации. Это обстоятельство весьма затрудняло проверку соответствия принятого решения действительно существовавшему адатному положению – для этой цели нужно было обращаться либо к лояльным местным жителям, сведущим в обычном праве, либо привлекать особых переводчиков. Некоторую помощь оказывали древние сборники адатов, имевшиеся на Северо-Восточном Кавказе (в Дагестане), состав-

ленные в течение XI–XII и XVI вв. местными правителями или кадиями. После учреждения Моздокского Верхнего Пограничного суда появились книги «древних обрядов», пересмотренные «народным условием после чумы» 1807 г., в которых были зафиксированы нормы обычного права и шариата у кабардинцев и балкарцев, используемые в качестве руководства для местных судов. «Прокламации» 1822 г., объявленные А.П. Ермоловым «всему кабардинскому народу», стали источником «дополнительного обряда», внесшего существенные изменения как в прежнюю практику судопроизводства, так и в правоотношения различных сословий Кабарды и Балкарии. Одновременно «дополнительным обрядом» устанавливались границы компетенции адата, шариата и российского законодательства[54].

Позднее всего была произведена первая кодификация осетинских адатов. Эта работа стала одним из направлений более широкой деятельности по изучению быта различных кавказских народов, инициированной министром финансов Канкриным. Начавшись в 1827 г., сбор сведений завершился изданием в 1836 г. «Обозрения Российских владений за Кавказом»[55], отдельный раздел в котором представило «описание юридических обычаев осетин», живущих за Кавказским хребтом, сделанное А. Яновским. Основное внимание составитель уделил уголовному праву, судопроизводству, наследственному праву и семейно-брачным отношениям.

Внутриполитические условия в регионе, связанные с развертывавшимся движением под руководством Шамиля, представляли серьезную угрозу «русскому делу» на всем Северном Кавказе. Реальная задача укрепления административных позиций империи требовала совершенствования системы управления, что в свою очередь обусловило острую необходимость более основательного ознакомления с обычно-правовой основой жизнедеятельности горских обществ. «Предначертанный Г. И. план общего усмирения кавказских племен основан на той главной мысли, что оно возможно только посредством постепенного овладения всеми или большею частью способов, какие теперь имеют горцы к своему существованию, дабы стеснив их чрез то в общественном и частном их быте до возможной степени, вынудить их к безусловной покорности воле правительства», – такова была позиция государя[56].

Провозглашенная императором стратегия выдвинула на повестку дня очередной социальный заказ – как можно полнее и ближе познакомиться как с обычно-правовой нормативной системой организации жизнедеятельности всех народностей, населявших Северный Кавказ, так и с основными положениями шариата, использовавшегося у большинства из них наряду с адатом. Вот почему командование Кавказской военной линии в начале 40-х гг. XIX в. приступило к сбору и записи адатов кавказских горцев по единой и довольно широкой программе, автором которой стал подполковник Бибиков – генерал-адъютант Е.А. Головина, заведующий канцелярией по управлению мирными горцами. В своих докладах на имя главноуправляющего на Кавказе Бибиков аргументировал необходимость близкого ознакомления с обычным правом горцев преждевременностью и даже опасностью введения «между горцами русского узаконения», поскольку эти меры вооружили против российской власти местную социальную элиту[57]. В декабре 1842 г. проект программы по сбору сведений об обычном праве северокавказских народов получил одобрение командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории ген.-лейт. Гурко, и по его предписанию от 29 марта 1843 г. эта работа началась.

Двенадцать пунктов утвержденной программы по сбору сведений об адатах охватывали различные сферы действия обычного права и традиционного судопроизводства горцев, но особо интересовали правительство сословная структура каждого из горских обществ и правоотношения между различными сословиями. Несмотря на обширность, программа все же отличалась неполнотой: в ней никак не затрагивались такие важные аспекты, как социальная организация и самоуправление в горских обществах, сфера их политических взаимоотношений, формы землевладения и землепользования, вопросы вещного и обязательственного права и т.п. На практике при сборе данных об обычно-правовых установлениях нередки бывали случаи отступлений от программного перечня пунктов, чем объясняются различия в структуре подготовленных вскоре сборников адатов.

Основой для записей адатов послужили опросы «почетнейших стариков всех племен», а также сведения, предоставляемые Кабардинским временным судом. Сбор и кодификация норм обычного

права, а заодно и перевод книг шариата поручались местным уроженцам, состоявшим в офицерском звании в российской армии: на правом фланге – полковнику Хан-Гирею, подполковнику Мамад-Гирею Педисову, султанам ген.-майору Азамат-Гирею, майору Казы-Гирею и князю Мамад-Гирею Лоову; в центре Линии (в т.ч. и в Малой Кабарде) – штабс-ротмистру Арслан-Гирею, майору Шарданову и штабс-капитану Шоре Бекмурзину; в обществах ведомства Владикавказского коменданта – поручику Магомету Дударову и прапорщику Есенову; на левом фланге – штабс-ротмистру князю Хасаю Уцмиеву, штабс-капитану Давлет-Мурзе Шихалееву, капитану Касиме Курумову и кадиям – поручикам Юсупу Клычеву и Мустафе-Магома Казиеву[58]. Общее руководство деятельностью по сбору и записи обычно-правовых норм должны были осуществлять начальники управлений.

Результатом этой работы явились первые систематизированные сборники адатов, давшие богатейший материал по социальным отношениям у некоторых народов Северного Кавказа. Наиболее удачным считался свод адатов «кабардинцев и прилегающих к ним племен (малкарцев и дигорцев)», составленный под руководством начальника Центра Кавказкой линии ген.-майора князя Голицына (1844), поскольку именно этот свод наилучшим образом отвечал целям и задачам правительственной программы по систематизации и кодификации норм обычного права. Наряду с другими свое место в этом сборнике занял раздел «Древние обряды Дигорского общества (осетин)». Сборник адатов «кавказских горцев Владикавказского округа» 1844 г., составленный капитаном Норденстренгом, включал в себя материалы по обычному праву осетин и чеченцев, но существенным недостатком свода стала неразделенность их адатов, что уже в то время затрудняло специальное изучение обычаев каждого из этих народов.

Большую ценность представлял сборник 1845 г., подготовленный при непосредственном участии бывшего судьи Екатеринодарского окружного суда войскового старшины Кучерова, работавшего на Северо-Западном Кавказе. Значимость этого первого опыта обстоятельного изучения адатов причерноморских адыгов обусловлена прежде всего тем, что большая часть населения края переселилась в Турцию на заключительном этапе Кавказкой войны, и

сборник Кучерова остался чуть ли не единственным исследованием организации социальной жизни целого ряда западно-адыгских народов.

Сборник 1843 г., составленный под руководством начальника левого фланга Кавказской линии ген.-майора Фрейтага, вышел далеко за пределы предложенной программы. Записи адатов чеченцев и кумыков дополнены в нем, «для большей полноты и ясности предмета»[59], комментариями самого составителя об истории управления у этих народов и тех изменениях, которые произошли в их общественной жизни под влиянием идей мюридизма и административной деятельности Шамиля. Однако, несмотря на обстоятельность проведенного исследования, сборник Фрейтага мало отвечал исключительно практическим соображениям кавказского руководства и тем потребностям организации административного управления в регионе, ради которых и была предпринята работа по изучению быта кавказских горцев, будучи по сути «объяснительной запиской к сборнику адатов»[60]. Эти же замечания, впрочем, справедливы и для сборника Кучерова.

Общий свод адатов Северного Кавказа, собранных в течение 1843–1845 гг., был подготовлен в 1847 г. по поручению горного управления капитаном генштаба Ольшевским, который использовал для этой цели не только имевшиеся в его распоряжении предыдущие сборники, но и собственные наблюдения и сведения, полученные из расспросов местных жителей, особенно значимые относительно обычного права горцев правого фланга Кавказской линии, откуда прежде не поступало никаких данных. Отмечая в целом несомненный вклад Ольшевского в пополнение имеющихся материалов относительно обычно-правовых систем северокавказских народов, Ф.И. Леонтович в комментариях к своему известному труду «Адаты кавказских горцев» довольно критически оценивает его сборник, поскольку сам свод «далеко не обнимает всего материала, на основании которого он составлен», и «вообще отличается обобщением детальных правил, встречающихся в сборниках адатов отдельных местностей, что не всегда ведет к верному изображению сущности адата»[61]. Сочтя недостатки свода Ольшевского значительными, кавказское начальство не приняло его в качестве «руководства» в горском управлении, однако использовало

программу самого Ольшевского по сбору дополнительных сведений о размере калыма и штрафов за различные преступления. Эту работу выполнила специально созданная «для разбора народных дел» комиссия, учрежденная во Владикавказе по распоряжению начальника округа[62]. В результате появилось еще три сборника (1849), детализирующих ряд положений обычного права у кавказских горцев.

Составленные в течение 40-х гг. XIX в. сборники адатов нашли практическое применение как руководство к принятию судебных решений в деятельности народных судов, учрежденных в 1847 г. и появившихся в каждом из приставств Владикавказского военного округа[63]. Но верховная прерогатива вынесения окончательного судебного решения уже официально отошла к ведению российской администрации в лице приставов и их помощников на местах. Дела, казавшиеся местным администраторам наиболее выдающимися, передавались коменданту Владикавказа[64]. Такое положение сохранялось вплоть до конца 50-х гг., когда на Северном Кавказе была упразднена система приставств и введено окружное управление, под которое в границах Военно-Осетинского округа подпадала и Осетия.

Однако, несмотря на масштабность проделанной работы по сбору и кодификации обычного права горцев, она не могла удовлетворять ни назревшим потребностям реформирования всей системы управления Северным Кавказом, ставшим очевидными после окончательного «замирения» региона, ни общим тенденциям социально-экономического развития российского общества, стоящего на пороге значительных преобразований.

Неполнота имеющихся сведений о правах и обязанностях различных социальных категорий северокавказских обществ вновь заставила вернуться к сбору и записи их обычно-правовых норм в период подготовки крестьянской и земельной реформы на Северном Кавказе в первой половине 60-х гг. XIX в. Другим мотивом, по которому представлялось необходимым снова обратиться к подобной деятельности, явились судебно-административные реформы, к проведению которых в горных областях Северного Кавказа правительство приступило после окончания Кавказской войны. Свою роль сыграло также и то, что глубокие познания в обычном пра-

ве горцев дали бы правительству стратегические преимущества в политико-идеологическом противостоянии с мусульманским духовенством, всегда представлявшим серьезную помеху в деле «умиротворения» края. Сборники адатов конца 50-х – начала 60-х гг. предназначались уже в качестве официального руководства для горских судов при разбирательстве дел по адату и шариату.

Кавказская администрация широко использовала накопившийся опыт систематизации народных правовых обычаев. В конце 50-х – начале 60-х гг. появились своды адатов народов, проживающих в Терской и Дагестанской областях; в их числе – два сборника Военно-Осетинского округа (1859, 1865–1866) и три сборника Нагорного (1864), Ингушского (1864–1865) и Кумыкского (1865) округов. Представленные в них сведения собирались под руководством окружных начальников на основе единой программы, основное место в которой отводилось уголовному праву и процессуальным действиям, применяемым в традиционном судопроизводстве. Материалами к сводам послужили «бывшие уже в суде примеры», показания депутатов окружных судов и «сведущих по сему стариков»[65]. Собирая данные об обычном праве горцев, составители сборников отмечали сложность своей работы, обусловленную сущностными особенностями традиционной юридической системы: множественностью и ситуативной изменчивостью адатных норм, их устной трансляцией и т.п.[66] Уже в конце 60-х гг. сборники адатов служили основанием для разбора дел в народных судах и на народных собраниях в самих обществах в соответствующих случаях судебного разбирательства.

Систематизируя и кодифицируя обычно-правовые установления кавказских горцев в 40–60-х гг. XIX в., российские власти имели в виду постепенно приспособить нормы обычного права к законам Российской империи, действуя при этом вполне в духе регионализма. С другой стороны, взаимная адаптация различных по социальной природе нормативных систем грозила затянуться, а вполне объективный временной фактор, вмешивавшийся в правительственные планы по «окончательному покорению» Кавказа, становился очевидной помехой в стремлении к скорейшему «обрусению» края.

Особо показательным примером такого форсированного «приспособления» служит инициатива начальника Военно-Осетинского

округа полковника Муссы Кундухова по отмене «вредных» народных обычаев и замене их новыми, осуществленная «с общего народного согласия» на «общем величайшем народном сборе»[67]. Затеяв столь ответственное мероприятие, Кундухов ссылался на несоответствие прежних адатов «духу настоящего времени», определяя их «обременительными и разоряющими домашнее благосостояние»[68]. Новые правила, введенные Кундуховым, облекались в форму правового обычая и легитимировались решением народного собрания по образу маслагатного соглашения. Однако чтобы придать нововведениям документальный характер и законодательную силу, потребовались подписи народных представителей, утверждение начальства и объявленная санкция за неисполнение в виде довольно крупного денежного штрафа в 100 руб. серебром. «Народное постановление» закреплялось соответствующим циркуляром самого начальника округа; контроль же за исполнением «народного решения» возлагался на «старшин», обязанных докладывать своему начальству обо всех случаях нарушения нового порядка[69].

Новые постановления касались в основном уголовно-правовой сферы применения адатов. Так, строго воспрещалось кровомщение, проводилось различие между непредумышленным убийством (в т.ч. убийством по неосторожности) и преднамеренным убийством. В первом случае после предварительного «законного» разбирательства виновный должен был понести наказание в соответствии с российским законодательством, во втором – мера наказания определялась народным судом (медиаторами). Таким образом, разграничивались гражданско-правовая и уголовно-правовая ответственность, которую в обоих случаях в соответствии с обычным правом определяла единая система наказаний. Коррективы, вносившиеся в судебно-процессуальные действия, существенным образом меняли не только сам порядок традиционного судопроизводства, но и социальные функции посреднического суда. Отменялся принцип объективной ответственности, как объявлялась «бессмысленной» и очистительная присяга – в случае процессуальной необходимости она заменялась присягой, «установленной религией и утвержденной законом правительства»[70]. Были пересмотрены также и некоторые частные аспекты гражданско-правовых отношений, касающихся левирата, брачного выкупа, наследственного права, поминальных расходов.

Практика изменения адатных норм вообще характерна для обычного права народов Северного Кавказа, одним из источников которого являются решения народных собраний. Но в этом случае правовая новация вплетается в существующую нормативную систему и приобретает обязательный характер в силу нормотворческой функции общественной власти, реализуемой ее основным институтом – народным собранием. Контроль же за соблюдением нового правового обычая ложился на старших членов семейно-родственных коллективов, авторитет которых становился гарантом его исполнения; санкция за нарушение правового обычая определялась медиаторами. Однако волевое администрирование государственных чиновников искусственно изымало нормотворческий аспект из важнейших властно-управленческих прерогатив традиционной власти, урезая полномочия народного собрания и выводя функции контроля за пределы семейно-родственного союза и территориальной общины в целом.

Конец 50-х гг. ознаменовался конкретными шагами правительства, направленными на унификацию и формализацию судопроизводства у народов, населявших Левое крыло Кавказской линии. Административно-территориальные преобразования 1858 г., произведенные А.И. Барятинским на Кавказской линии в целях упорядочения структуры военно-народного управления[71], повлекли за собой и реорганизацию судебно-административной системы, направленную главным образом на унификацию судопроизводства и расширение исполнительных прерогатив окружных начальников[72]. Вместо народных судов, действовавших прежде в каждом из подведомственных Владикавказскому коменданту приставств, учреждался окружной народный суд; помощникам окружного начальника по участкам предоставлялось право судебного разбирательства и вынесения окончательного решения по поводу «лишь немногосложных словесных жалоб». Произведенное участковым помощником словесное разбирательство требовалось зафиксировать в специальном журнале для введения «единообразного во всех участковых управлениях» образа действий[73]. Апелляционной инстанцией в этих случаях являлся начальник округа.

В результате реорганизации судопроизводства обычно-правовая основа судебной процедуры формально сохранялась, но качествен-

но видоизменялась в соответствии с интересами администрации: так, при вынесении приговоров за проступки, требующие «по народному обычаю» наложения штрафов (переводившихся заодно в денежные суммы – до 15 руб. серебром), признавалось необходимым присутствие трех старшин, обладавших, однако, только совещательным голосом. Словесная жалоба, которую удовлетворяла большая сумма штрафа, разбиралась уже в окружном народном суде в соответствии с распоряжениями окружного начальства[74].

Стандартизация управления в различных областях региона требовала и соответствующих изменений в судебно-процессуальной сфере. Они положили начало дальнейшей последовательно направленной деятельности правительства на всемерную формализацию и бюрократизацию местного судопроизводства[75].

Примечания

[1] Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории завоевания осетин русским царизмом / Сост. В.С. Гальцев. Орджоникидзе, 1942. Т. 2. С. 271.
[2] *Ковалевский М.М.* Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в Российской политике XVIII – начала XX века: Архивные материалы и научные исследования / Сост. П.А. Кузьминов. В 2 т. Нальчик, 2006. Т. 1. С. 150.
[3] См., напр.: *Свечникова Л.Г.* Обычай в правовой системе народов Северного Кавказа. Ставрополь, 2003. С. 180.
[4] *Рулан Н.* Юридическая антропология. М., 2000. С. 58, 59.
[5] *Свечникова Л.Г.* Указ. соч. С. 212.
[6] Там же. С. 214.
[7] *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Нальчик, 1990; *Думанов Х.М., Думанова-Крымшокалова Ф.Х.* Право и судебные органы адыгов // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. 4. С. 111–141; *Муратова Е.Г.* Судебная система в трансформирующихся обществах (на примере Балкарии XIX в.) // Право в зеркале жизни: Исследования по юридической антропологии / Отв. ред. Н.И. Новикова. М., 2006. С. 199–214; *Свечникова Л.Г.* Указ. соч.
[8] *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. В 2 т. Одесса, 1882–1883. Вып. 1. С. 7.
[9] Там же. С. 11.
[10] См. подробнее: *Бзаров Р.С.* Три осетинских общества в середине XIX в. Орджоникидзе, 1988.
[11] *Маргиев В.И.* История государства и права Осетии. Майкоп, 1997. С. 161.
[12] Там же. С. 163.
[13] *Ковалевский М.М.* Современный обычай и древний закон: Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. В 2 т. М., 1886. Т. 1. С. 323.
[14] *Леонтович Ф.И.* Указ. соч. Вып. 2. С. 72.
[15] Там же. С. 33.

[16] Цит. по: *Свечникова Л.Г.* Указ. соч. С. 191.
[17] *Леонтович Ф.И.* Указ. соч. Вып. 2. С. 263–268.
[18] *Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX – XX в). М., 1983. С. 95.
[19] *Леонтович Ф.И.* Указ. соч. Вып. 2. С. 264.
[20] *Смирнова Я.С.* Указ. соч. С. 46.
[21] *Ванеев З.Н.* Индивидуализм и коллективизм в родовом быту осетин // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ, 1926. Вып. 2. С. 36.
[22] *Леонтович Ф.И.* Указ. соч. Вып. 2. С. 257, 258.
[23] *Ванеев З.Н.* Указ. соч. С. 36.
[24] *Ковалевский М.М.* Указ. соч. Т. 2; *Лиахвели Г.* Древнее судопроизводство у осетин // Юридическое обозрение. 1885. № 197; *его же*. Древний осетинский суд // Там же. 1886. № 292; *Мансуров Н.С.* Обычный суд у осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали, 1982. Кн. 2. С. 122–137; *Ладыженский А.М.* Очерки социальной эмбриологии: Внутриродовое и междуродовое право кавказских горцев // Научная мысль Кавказа. Северо-Кавказский науч. центр высш. школы. 1997. № 2. С. 80–89; *Бабич И.Л.* Правовой монизм в Северной Осетии: История и современность // Исследования по прикладной и неотложной этнологии Института этнологии и антропологии РАН. М., 2000. № 133.
[25] *Ковалевский М.М.* Указ. соч. Т. 2. С. 218, 222; *Мансуров Н.С.* Указ. соч. С. 124.
[26] *Леонтович Ф.И.* Указ. соч. Вып. 2. С. 22.
[27] *Ковалевский М.М.* Указ. соч. Т. 2. С. 218.
[28] *Ладыженский А.М.* Указ. соч. С. 85.
[29] *Ковалевский М.М.* Указ. соч. Т. 2. С. 226, 227.
[30] *Леонтович Ф.И.* Указ. соч. Вып. 2. С. 21.
[31] Там же.
[32] Там же. С. 235.
[33] *Шанаев Дж.* Присяга по обычному праву осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып. 7. Отд. 1. С. 1–20.
[34] *Ковалевский М.М.* Указ. соч. Т. 2. С. 222.
[35] Там же. С. 218, 219, 385.
[36] Там же. С. 385.
[37] Там же. С. 191, 216, 395–396.
[38] Там же. С. 410.
[39] *Шанаев Дж.Т.* Присяга по обычному праву осетин // Проблемы этнографии осетин. Владикавказ, 1992.
[40] *Дмитриев В.А.* Способы преодоления насилия в традиционном обществе горских народов Северного Кавказа // Адат. Кавказский культурный круг: Традиции и современность. М. – Тбилиси, 2003. С. 35.
[41] *Ладыженский А.М.* Указ. соч. С. 85.
[42] *Мансуров Н.С.* Указ. соч. С. 131.
[43] *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год. В 3 частях. СПб., 1869. Ч. 2. С. 265.
[44] АКАК. Т. 1. С. 743.
[45] ЦГА РСО–А, ф. 244, оп. 1, д. 595, л. 37–44.
[46] Там же. Л. 43.
[47] Там же. Л. 43, 43 об.
[48] АКАК. Т. 1. С. 748.

[49] *Гарданов В.К.* Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII – начале XIX вв. // Советская этнография. 1960. № 5. С. 18.
[50] См. подробнее: *Блиева З.М.* Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX века. Владикавказ, 1992. С. 84, 85.
[51] АКАК. Т. 7. С. 373, 374.
[52] Там же. Т. 8. С. 831.
[53] *Зозуля И.В.* История развития судебной системы на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века: Автореф. дисс. к. и. н. Ставрополь, 1999. С. 18.
[54] *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. В 2 т. Одесса, 1882–1883. Вып. 1. С. 257–264.
[55] Обозрение Российских владений за Кавказом. СПб., 1836.
[56] АКАК. Т. 9. С. 244.
[57] *Леонтович Ф.И.* Указ. соч. Вып. 1. С. 87–92.
[58] Там же. С. 93.
[59] Там же. С. 57.
[60] Там же. С. 58.
[61] Там же. С. 64.
[62] Там же. С. 109.
[63] Материалы по истории осетинского народа. С. 313.
[64] *Лавров Д.* Заметки об Осетии и осетинах // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1883. Т. 3. С. 292.
[65] *Леонтович Ф.И.* Указ. соч. Вып. 1. С. 70.
[66] Там же. С. 68.
[67] Там же. Вып. 2. С. 55.
[68] Там же. С. 56.
[69] Там же. С. 61, 62.
[70] Там же. С. 58.
[71] АКАК. Т. 12. С. 1287–1290, 1277.
[72] Материалы по истории осетинского народа. С. 237, 238.
[73] Там же. С. 237; Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований, ф. 5, оп. 1, д. 1, л. 11–12.
[74] Материалы по истории осетинского народа. С. 238.
[75] Там же. С. 313.

А. Х. Абазов
(Нальчик)

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ КАБАРДИНЦЕВ

В настоящее время юридическая антропология кабардинцев находится на стадии становления. Она еще не получила должного осмысления как система научных знаний, несмотря на то что многие институты правовой культуры этого народа исследовались в рамках общеэтнологической[1] и историко-юридической[2] проблематики.

Важным условием обособления юридической антропологии кабардинцев как самостоятельной науки является формирование ее понятийного аппарата. Однако процесс установления смысла и содержания определенных терминов в данном случае осложнен рядом факторов. Во-первых, их приходится реконструировать по данным, репрезентативным на середину XIX – начало XX в., т.е. на то время, когда большинство традиционных правовых институтов кабардинцев подвергалось трансформации под влиянием законов Российской империи и норм шариата. Во-вторых, некоторые представленные в настоящем исследовании понятия появились именно под воздействием указанных процессов. Хотя это нисколько не снижает степени их значимости в истории права кабардинцев. В-третьих, требуется постоянное уточнение смысла терминов, внесение новых признаков в их содержание, учет исторического контекста функционирования каждого из них и т.п. Поэтому правильное решение этих и некоторых других проблем станет основой для формирования терминосистемы юридической антропологии кабардинцев.

Серьезный вклад в развитие этнографического терминоведения у адыгов внес Х.М. Думанов. В опубликованном им в 2006 г.

словаре[3] содержится авторская трактовка терминов, связанных с производственно-бытовыми и семейно-брачными отношениями, обрядами поминально-погребального цикла и т.п. Также на страницах этого издания Х.М. Думанов попытался дать характеристику и некоторым правовым институтам кабардинцев. Однако в некоторых случаях их толкование ограничивалось простым заимствованием определений из словарей кабардино-черкесского языка, что, в свою очередь, затрудняет установление их научно-этнографической значимости. А большая их часть осталась за пределами поля исследования этого автора.

В своей работе мы опирались на комплекс источников, среди которых превалируют документы по судоустройству и судопроизводству в Кабарде середины XIX – начала XX в. Нами были использованы документы Кабардинского временного суда, Кабардинского окружного народного суда, Нальчикского горского словесного суда. Важное место в формировании источниковой базы исследования заняли извлеченные нами из фондов архива Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН (г. Нальчик) полевые материалы, собранные Г.Х. Мамбетовым, С.Х. Мафедзевым, Х.М. Думановым, В.Х. Кажаровым и др. в ходе многочисленных этнографических экспедиций в 70–80-е гг. XX в.

При рассмотрении данной темы мы сочли целесообразным рассказать о специфике функционирования некоторых юридических институтов кабардинцев в тот или иной хронологический отрезок. Это позволит дать им более подробную характеристику. Мы не ставили перед собой задачу провести этимологический анализ толкуемых терминов, установить степень влияния российского права и шариата на их появление и развитие и т.п. Все это может быть предметом специальных исследований.

Термины в статье расположены в алфавитном порядке.

* * *

Адыгэ хабзэ – у кабардинцев морально-правовой свод правил и норм поведения, регулировавших различные сферы их жизнедеятельности. Изучением основных аспектов функционирования адыгэ хабзэ занимались разные исследователи[4].

Юридическая часть адыгэ хабзэ и обычное право являются тождественными понятиями. Юридическую часть адыгэ хабзэ составляли: «пщы хабзэ» – княжеское право, «уэркъ хабзэ» – дворянское право, «лъхукъуэлI хабзэ» – крестьянское право. До разрушения удельной системы в княжеских фамилиях действовали свои обычаи, регулировавшие их отношения с другими аналогичными образованиями и внутри таковых. В преданиях сохранились выражения: «ХъэтIохъущыкъуей хабзэ», «Мысостей хабзэ», «Джылахъстэней хабзэ» (Атажукинское право, Мисостовское право, Гиляхстановское право)[5] и др.

В конце XVIII – первой половине XIX в. под влиянием политики Российской империи происходит разрушение традиционной вассально-иерархической структуры, проникновение в общественную жизнь кабардинцев законодательства Российской империи и утверждение норм шариата. Эти процессы значительно ограничили юридическую силу адыгэ хабзэ. Был взят курс на максимальное приспособление кабардинских адатов к русскому законодательству. Судебно-административные преобразования царских властей завершили к этому времени формирование в Кабарде полиюридизма.

В этом контексте произошли изменения в межсословных отношениях, которые нарушили прежнюю упорядоченность традиционной системы правосудия Кабарды. Например, многие институты обычного права (кровная месть, система композиций, барантование, изгнание из общества, перевод преступника в низшую категорию по сословной лестнице, продажа в рабство и т.п.) в это время подверглись существенной трансформации и перестали существовать в традиционной форме.

Говоря о влиянии шариата на адыгэ хабзэ, можно обнаружить ряд примеров, когда во второй четверти XIX в. один и тот же случай разбирался по нормам, относящимся к обеим системам права[6]. Иногда при определении «цены крови» (лъы уасэ) в рамках одного разбирательства синхронно использовались и нормы кабардинского обычного права, и законы шариата. Например, по делу «об убийстве узденя Шогенова вольным кабардинцем В.», решенному в Кабардинском окружном народном суде, было «*сделано шариатское разбирательство, на котором на основании обрядов* по

обоюдному согласию обеих сторон [решено], чтобы В. за убийство узденя Шогенова наследникам уплатил согласно обрядам кабардинским 800 рублей серебром (курсив наш. – *А.А.*)»[7].

Случалось также, что источником судопроизводства по некоторым делам в Кабарде в XIX в. выступали нормы обычного права соседних народов. Члены Кабардинского временного суда в 1858 г. по делу «об убийстве кабардинцем дигорца» определили: «...на Хатуха Ж. за кровь Х. обратить взыскание *по обряду самих дигорцев*, простирающееся на сумму семьсот рублей серебром (курсив наш. – *А.А.*)»[8].

Полиюридическое судопроизводство способствовало разрушению монолитности традиционного правосознания кабардинцев. Это, в свою очередь, являлось наглядным выражением кризисных процессов, охвативших в середине XIX в. все сферы жизнедеятельности кабардинского общества.

ГъэфIэж – компенсация нанесенного кому-либо материального или морального ущерба, которую выплачивает виновный пострадавшему[9]. В основном гъэфIэж платили за то, что раненый соглашался примириться с ранившим[10]. При рассмотрении дела в суде гъэфIэж не включался в общую сумму иска, потому что в отличие, скажем, от *тезыр Iэзапщ!э* гъэфIэж не являлся обязательным и его размер не был строго определенным.

Гъуо – (букв. крикун) глашатай, специально назначавшийся или избиравшийся из числа жителей кабардинских сел и аулов человек для устного оповещения населения о всякого рода общественных делах, постановлениях и распоряжениях властей. Глашатаев избирали на сельском сходе[11]. Информатор М.Д. Цримов сообщал, что «крикуны имелись в каждом селе. В обязанность крикунов входило оповещение населения о важных общественных делах. Они объезжали все селение вдоль и поперек и выкрикивали те слова, которые хотел донести до общественности. В некоторых селениях крикун не объезжал село, а становился на какой-нибудь возвышенности и кричал»[12]. Другой информатор М.М. Каздохов рассказывал, что у них в селе «было два крикуна. Один – в верхней, другой в нижней части села. Если умер кто-то в верхней части села, то верхний крикун сообщал, забегая на лошади на каждую улицу: «Умер такой-то человек, сегодня похороны, приходите к (называл фамилию. – *А.А.*)»[13]. Х.М. Думанов среди этой категории

специально выделял *хьэдрыхэ гъуо*, т.е. глашатаев, оповещавших о смерти кого-либо[14].

Должность гъуо была оплачиваемой (см.: *гъуопщIэ*)[15]. Кроме этого, они получали «подарки», принимая участие в традиционных обрядах и массовых мероприятиях. Например, во время *фызышэ*[16] ему давали *къэптал*[17], кувшин *махъсымэ*[18], иногда – вареную курицу[19]. Угощение для глашатая (*гъуо Iыхьэ*) являлось обязательной статьей расходов для родственников жениха при организации свадебных мероприятий во второй половине XIX в.

Любое высмеивание деятельности гъуо влекло за собой взыскание штрафа, получателем которого являлся сам потерпевший.

В рамках юридической антропологии кабардинцев научный интерес представляет исследование роли и места глашатаев в системе исполнения наказаний за преступления, особенно в XIX – начале XX в. В этой сфере обязанность гъуо заключалась в оповещении жителей аула о решениях, исходящих от российских чиновников либо от князей и уорков. Также глашатаи сообщали жителям того или иного аула о возложенных на них штрафах и других наказаниях, которые предлагалось исполнить добровольно[20].

Члены Кабардинского временного суда в своей деятельности часто прибегали к услугам глашатаев. Такие же методы неоднократно использовал и начальник Центра Кавказской линии[21]. Примечательно, что в 20–60-е гг. XIX в. институт гъуо не подвергся сколько-нибудь ощутимой трансформации.

Роль гъуо в общественной жизни Кабарды стала увеличиваться после отмены здесь крепостного права (1867). С этого времени в одном населенном пункте могли быть избраны несколько глашатаев. Это было связано с укрупнением аулов и реорганизацией их системы управления. В большинстве случаев количество гъуо в одном ауле равнялось числу кварталов (джамаатов), а иногда – числу мечетей. Например, житель сел. Аргудан Ц.Т. Текужев (1892 г.р.) сообщал, что перед началом Первой мировой войны в его селе было 9 глашатаев, т.к. «их число равнялось количеству мечетей»[22].

ГъуопщIэ – плата, получаемая глашатаем за выполнение своих обязанностей[23].

ДыгъуакIуэ (хъунщIакIуэ) – (букв. вор, похититель, грабитель) мелкий вор. Воровали в пределах Кабарды (Кабардинского

округа), нередко в своем селении. В обществе их не уважали. В большинстве случаев при раскрытии кражи к ним применялись позорящие наказания. Иногда за совершенное правонарушение их выселяли из аула[24].

ДыгъуэгъуакIуэшхуэ (техакIуэ) – (букв. большой вор) специальный термин, применявшийся у кабардинцев для обозначения категории воров, действовавших за пределами Кабарды (Кабардинского округа). Как криминальное явление представляло собой подобие одной из форм групповой организованной преступности. Объединения (шайки, банды) формировались из жителей разных селений Кабарды. В обществе их опасались, зная, что «они не потерпят донос и предательство»[25]. Среди них выделялись «знатные» воры[26].

Егъэзыгъэ IэзапщIэ (тезыр IэзапщIэ) – мера наказания преступников за нанесение ран и телесных повреждений, представляющая собой компенсацию в пользу потерпевшего или его родственников суммы, которая была ими потрачена в процессе излечения.

Во второй четверти XIX в. «плата за ранение» трансформировалась в институт *тезыр IэзапщIэ*. Он получил столь широкое применение в системе правосудия Кабарды, что потерпевшие заблаговременно определяли сумму иска с учетом предстоящих расходов на лечение, как, например, в деле «о поранении узденя Х. Халишхова узденем Г. Захоховым»[27]. Аналогично – за нанесение телесных повреждений узденю О. Шереметову в 1838 г. члены Кабардинского временного суда постановили, что виновному за это следует «по кабардинскому обряду уплатить им 150 рублей серебром на лечение ран»[28]. В 1853 г. уорк И. Арипшев жаловался в суд, что бывший его работник вольный кабардинец Мет, в прошлом «холоп» Куденетова, в результате ссоры ранил его вилами в левую руку. В ходе судебного разбирательства правонарушитель признал свою вину и изъявил желание компенсировать потерпевшему его расходы на лечение. После чего судьи определили, чтобы «Мет уплатил Арипшеву сто пятьдесят рублей серебром»[29]. В деле «о нанесении раны вольноотпущеннику Таубикову узденем Захоховым» Кабардинский окружной суд определил уплатить потерпевшему 30 рублей серебром на излечение руки[30]. В деле о нанесении побоев табунщику Ш. было определено взыскать с преступников на его изле-

чение 50 рублей серебром. Эта сумма была разделена на равные части между 4 участниками избиения[31]. Примечательно, что каждый из них обязан был уплатить свою часть штрафа независимо от платежеспособности остальных.

Нормы адата регламентировали и порядок компенсации в результате потери трудоспособности раненым. Тогда в тезыр ІэзапщІэ включалась и сумма, которую пострадавший мог бы заработать в период излечения[32]. Другими словами, в сумму иска входила и «упущенная выгода» раненого. Интересный для нашего исследования случай произошел в Кабарде в конце 50-х гг. XIX в. «Холоп» Магомеда Ш. выстрелом из ружья ранил в ногу «холопа» поручика А. Фыцу. После чего потерпевший был не в состоянии выполнять свои обязанности, а его хозяину пришлось нанять другого работника. Это дело было решено в Окружном народном суде по нормам кабардинского обычного права. При назначении наказания в расчет брались все расходы потерпевшего, куда вошли затраты на лечение раны, плата врачу и новому работнику. В итоге сумма компенсации за ранение составляла 115 рублей серебром[33].

Как правило, лекаря нанимал сам раненый либо его родственники. Плата за услуги лекаря вносилась за счет средств потерпевшей стороны. Однако в ходе судебного разбирательства эта сумма также включалась в итоговый тезыр ІэзапщІэ[34].

ЖыІэкІуэ – человек, проводивший переговоры о примирении кровников[35]. Несмотря на трансформацию, которой подвергся институт кровной мести в конце XVIII – первой половине XIX в., примирение кровников в большинстве случаев носило строго регламентированный характер. Кровная вражда между родами сохранялась, и в любой момент могло произойти ответное убийство. Поэтому при переговорах жыІэкІуэ устанавливали для враждующих сторон некоторые ограничения, которые оформлялись в письменном виде. Например, они определяли, кому из представителей сторон следует ходить по какой улице населенного пункта, кому при случайных встречах необходимо уступать дорогу[36] и т.п.

ЗэтхьэІуэгъу – соприсяжники, т.е. присяжные свидетели (см.: *тхьырыІуэ щыхьэт*), которые принимали участие в одном и том же судебном процессе[37].

ЗэкІуж Іэнэ – т.е. примирительное угощение, застолье, организованное в знак примирения кровников[38]. В нормах «Полного

собрания кабардинских древних обрядов» (1844) закреплено, что, если князь или уздень ударит первостепенного узденя, помимо уплаты довольно-таки крупного штрафа виновный «созывает большое количество людей, варит бузу и угощает народ…»[39].

Обычно в этих случаях готовили 20 кабардинских столиков с традиционными блюдами из туши одного барана и бузой. Во время застолья родственники виновного преподносили родственникам потерпевшего «подарки»[40].

Во второй четверти XIX в. обязанность организовать *зэкIуж Iэнэ* возлагалась на родственников виновного по решению суда[41]. Например, по делу «о ранении Шокира Бухурова узденем Ц.» судьи определили: «...за оскорбление Бухурова по шариатскому разбирательству подлежал телесному наказанию, но как Ц., не принося об этом жалобу начальству, самопроизвольно решился ранить его, то это вменить в наказание и сверх того взыскать из имения Ц. одну лошадь по указанию Ш. Мамхегова и Б. Кудашева и оную отдать Бухурову, при этом *должно быть сделано по обычаю народное угощение* (курсив наш. – *А.А.*) в доме Ц. для прекращения всякой вражды…»[42]. Или как в деле «по обвинению Юсупа К. в убийстве К.» – «Если обнаружится (т.е. показания подтвердятся клятвой двух свидетелей. – *А.А.*), то в таком случае удовлетворить К. на сумму 500 рублей серебром, одну лошадь и *на угощение* (курсив наш. – *А.А.*)»[43].

ЗэкIужыбжьэ – тост в честь примирения[44].

ЗэкIужыпщIэ – «подарок» от виновного или его родственников пострадавшему в честь примирения[45].

Къуажэ суд – так кабардинцы в последней трети XIX – начале XX в. называли сельские суды. Согласно указу «О сельском суде» от 1869 г. в каждом населенном пункте Кабардинского округа были учреждены *сельские (аульные) суды*[46]. В состав сельских судов входили три выборных судьи, один кандидат в судьи (*суд къуэдзэ*) и один сельский эфенди. По «Правилам о выборах сельских судей» кандидаты на эту должность должны были хорошо знать народные «обычаи и иметь авторитет в своей общине» (*лIы губзыгъэ*). Срок полномочий сельского судьи равнялся 3 годам с возможностью последующего переизбрания. Выборы проходи на сельском сходе. Сельский старшина не являлся членом сельского суда, однако су-

дьи находились в его подчинении[47]. Члены сельского суда обладали равными правами, в этом учреждении не предусматривалась должность председательствующего[48]. Иногда для разъяснения некоторых положений шариата и для проведения присяги на заседания сельского суда приглашали сельского эфендия. Также он принимал участие в судебном процессе в качестве делопроизводителя[49].

Круг вопросов, входящих в компетенцию сельских судов, был очерчен следующим образом: 1) принятие решений об удалении из селения так называемых «порочных» жителей; 2) право назначения опекунов; 3) рассмотрение имущественных споров, сумма иска по которым не превышает 30 рублей; 4) разбирательство по делам об оскорблениях и драках без применения оружия и сподручных средств; 5) принятие решений о взыскании долгов; 6) дела о кражах имущества на сумму до 10 рублей либо кражах, совершенных впервые[50]. В сельских судах не подлежали разбирательству дела, одной из сторон в которых выступали князья, знатные уорки, сельские старшины и эфендии[51]. Дела с их участием рассматривались в Нальчикском горском словесном суде.

Къуажэдэху[52] – (букв. изгнание из населенного пункта человека, совершившего преступление[53]) изгнание из аула. Вид наказания за преступления у кабардинцев, производный от изгнания из общества.

Переселение преступника на другое место жительства часто применялось судьями во второй четверти XIX в. Например, по делу «об убийстве штабс-ротмистра Анзора Тохтамышева» было решено: «Кабардинцев К-ых в устранении кровной мести с узденями Тохтамышевыми *переселить в аул* Бековича-Черкасского (курсив наш. – *А.А.*)»[54]. В деле «о кровной мести, возникшей в семье Кунижевых» согласно «народного обычая» определено: «Примирить их (враждующие стороны. – *А.А.*), и для прекращения между ними дальнейших неудовольствий корнету К., как младшему, выселиться с братьями с теперешнего места жительства из аула К. в другой»[55]. Таким образом, в это время выселение преступника из аула по решению суда зачастую применялось как мера превентивного характера, т.е. для предотвращения возможной кровной мести.

В последней трети XIX – начале XX в. къуажэдэху назначался по решению сельского схода и сельского суда. В большинстве слу-

чаев выселение из аула применялось в отношении мелких воров[56]. С укрупнением аулов в 60-х гг. XIX в. преступников иногда изгоняли за пределы аульных кварталов (*жэмхьата*)[57].

Однако вора, изгнанного из селения в конце XIX – начале XX в., могли принять на прежнее место жительства по решению сельского схода в том случае, если он прекращал свою преступную деятельность[58].

КъуажэкъехуэкI – (букв. гонять кого-либо по селу) мера наказания за преступления в обычном праве кабардинцев. Применялась за кражу имущества. Выражалась в том, что преступника водили по селу с украденным имуществом или имитирующем украденное. В начале XX в. на преступника, укравшего корову у односельчанина, надевали шкуру коровы и водили по селению; виновного в краже баранов водили с куском баранины во рту[59]; укравшего мед – с сапеткой[60] и т.п. Иногда виновного заставляли публично признаваться в содеянном[61]. Эта мера наказания назначалась по решению сельского суда или сельского старшины[62]. Как правило, сход организовывали на окраине села, где правонарушителю оглашали обвинение и решение схода о применении к нему къуажэкъехуэкI. Почти всегда этот обряд сопровождался порицанием, «руганием» преступника со стороны жителей аула (*нэлат ехын*[63]). Иногда вождение вора по селу сопровождалось выстрелами из огнестрельного оружия[64]. По нормам социальной морали кабардинцев считалось, что применить к провинившемуся более позорного наказания, чем это, было сложно.

Лъагъуэ дакъэ – следы копыт украденных животных, приведшие сыщиков к конкретному населенному пункту[65]. Этими сыщиками (по сути следопытами) выступали избиравшиеся из числа жителей того или иного селения люди, на которых возлагалась обязанность разыска похищенных животных по следам их копыт. Они идентифицировали следы с помощью специальных палочек. Этими палочками они измеряли размеры копыт лошадей воров, а также размеры следов похищенных животных. Считалось, что абсолютно одинаковых следов не бывает[66].

ЛIы губзыгъэ – (букв. умный мужчина) уважаемые, авторитетные жители того или иного аула, которые хорошо знали народные обычаи и традиции. Из их числа в 1869–1917 гг. избирались сельские судьи и кандидаты в сельские судьи[67].

Лъэужьырыпшынэ – процедура возмещения ущерба от кражи людьми, занесенными в «списки порочных»[68], составляемые в каждом населенном пункте Кабарды в последней трети XIX – начале XX в. Применялась в тех случаях, когда следопыты, определив населенный пункт, где обрывались следы украденного скота, не могли установить личность вора, а общество отказывалось его выдать. В таких случаях все «порочные» сельчане подвергались штрафованию. Сумма штрафа распределялась между ними в равных долях.

Лъы уасэ – (адыг. «плата за кровь») материальная компенсация (композиция), которую убийца или его родственники выплачивали семье потерпевшего.

Размер «платы за кровь» в обычном праве кабардинцев зависел от сословной принадлежности потерпевшего. Лъы уасэ не уплачивалось, если убийство совершено между родственниками или представителями одной фамилии[69]. К таким преступникам, как правило, применялись другие виды наказаний (*тезыр тыралъхьэрт*), например, объявляли бойкот, приговаривали к выполнению обязательных работ в доме потерпевшего[70] и т.п. Информаторы сообщали, что лъы уасэ помогали уплачивать не только кровные родственники преступника, но и соприсяжники (*зэтхьэрыIуэгъу*), принимавшие участие в урегулировании конфликта[71].

«Плата за кровь» представителей высшей аристократии у адыгов составляла весьма значительную сумму[72]. В сборниках кабардинских адатов не содержится правила, устанавливающего размер «платы за кровь» кабардинского князя[73]. А нормы, определяющие цену крови князя в размере 100 сха (голов), по словам В.Х. Кажарова, «кабардинцы принимали в расчет только во взаимоотношениях с другими адыгскими субэтносами»[74]. Хотя некоторые адаты содержали положения, что «в случае убийства князя беслан-уорком или уорком-шаотлугуса, убийца и ближайшие взрослые его родственники мужского пола лишались жизни, а остальное семейство отдавалось в рабство наследникам убитого пши, дом же и имущество убийцы подвергались разграблению. В случае же убийства князя тлеколешем или дыженыго – они должны были присуждаться, по обычаю, к уплате только за кровь, «которая, конечно, весьма значительной суммы»[75].

Отсутствие в обычном праве кабардинцев норм, устанавливающих размер лъы уасэ за убийство князей, вызывало некоторые трудности при разрешении этой категории конфликтов во второй четверти XIX – начале XX в. Медиаторы, ссылаясь на отсутствие «в обрядах взыскания за убийство князей»[76], вынуждены были искать новые варианты решения возникавших на этой почве судебных разбирательств. Например, в деле Кабардинского временного суда «об убийстве П-ым князя Атажуко Казиева» записано, что «собранные владельцы аулов и почетные старики, узденья и их вольные показали, что за подобные преступления взыскания они не помнят. Но во всяком случае семейства убивцев не должны оставаться в кабардинском обществе»[77].

При изучении института «лъы уасэ» особый инстерес представляют случаи, когда князья сами выступали субъектами преступлений. Здесь следует оговориться, что по нормам обычного права не все деяния, совершенные представителями высшей феодальной аристократии, считались преступлениями и влекли за собой назначение наказаний. Е.Н. Кушева отмечала, что «убийство князем в ссоре своего узденя вело к примирению. Князь был обязан взять к себе малолетнего сына или брата убитого, воспитать его до совершеннолетия, а затем отправить домой, одарив лошадью с конским прибором, шашкой и ружьем»[78]. Тяжкие последствия влекли за собой совершенные князьями «преступления» против «Родины и народа», за что они «лишались княжеского звания и изгонялись из пределов Кабарды»[79]. Следует подчеркнуть, что и понимание преступлений против «Родины и народа» в разное время было неодинаковым.

С окончательным включением Кабарды в состав Российской империи при назначении наказаний за преступления нередко учитывалось социальное положение преступника. Иногда во второй четверти XIX в. в отношении кабардинских князей назначались формальные наказания за совершенные ими убийства, несмотря на то что их статус в это время был значительно нивелирован. Например, в 1842 г. князь Б.-М. Докшукин убил узденя Ш., за что по законам Российской империи должен был подвергнуться аресту и ссылке. Однако старейшины и начальник Центра Кавказской линии ходатайствовали у командующего войсками Кавказской

линии и Черномории об освобождении князя от наказания, обязуясь «взять его на поруки». Командующий войсками в своем ответе писал: «Лица, обвиняемые и обвиненные в смертоубийстве и тому подобных тяжких преступлениях по сим постановлениям не должны быть освобождаемы на поручительство, но в уважение ходатайства вашего Его Превосходительство согласен на сию меру с тем, однако, что если Бек-Мурза Докшукин по получении свободы сбежит или сделается абреком, то ответственность за сего падет на Вас и на поручителей за Докшукина»[80].

«Плата за кровь» тлекотлеша и дыженого была ниже княжеской кровной платы, но значительно выше, чем других дворян[81]. Норма кабардинского обычного права устанавливала, что за убийство тлекотлеша или дыженого преступник должен был отдать три семьи крестьян, каждая количеством не менее девяти человек, два из которых оставались в семье убитого, а одного забирал его хозяин[82]. Виновные в таком преступлении со своими родственниками искали покровительства кого-нибудь из кабардинских князей или бежали из Кабарды в поисках защиты влиятельного человека из другого народа, а затем при его содействии устраивали примирение[83].

В 20–60-е гг. XIX в. в делах, решаемых на основе кабардинского обычного права, композиция при уплате «за кровь» беслануорков и уорков-шаотлугусов определялась примерно одинаковой устоявшейся суммой. В начале XIX в. Ибрагим Б. убил беслануорка К., после чего в составе группы одноаульцев переселился за Кубань. Спустя несколько десятилетий, в 40-е гг. XIX в. «сын убитого Лют К. еще с Магометом Куденетовым отправились за Кубань и получили с убийцы за кровь 300 рублей серебром и служанку»[84]. Согласно источникам, в этот период стоимость служанки (рабыни, унаутки) варьировалась в пределах 200–300 рублей. Поэтому «плата за кровь» беслан-уорка в этом случае составила примерно 500–600 рублей серебром. В 1858 г. Кабардинский окружной народный суд в деле «по обвинению Ш. в убийстве сына узденя Кадухова» определил взыскать с убийцы в пользу родственников потерпевшего имущество на сумму 500 рублей серебром и одну лошадь[85]. «За кровь» убитого абреками Ю. Хафицова его двоюродный брат М. Хафицов в своем исковом заявлении просил судей «удовлетворить его» 500 рублями[86].

По обычаям, «в случаях убийства пшикеу и бейголей кровомщение, как бы за своего родственника, брал сам князь, у которого состоял на службе убитый, причем большая часть кровной платы поступала в пользу мстившего князя»[87]. Эта норма утратила свое правовое значение в 20–60-е гг. XIX в., когда социальный статус этой сословной группы подвергся существенной трансформации под воздействием политики Российской империи.

Во второй четверти XIX в. «кровная плата» за вольноотпущенника устанавливалась в зависимости от социального статуса ее получателя. Например, княгиня Наурузова потребовала взыскать «плату за кровь» вольноотпущенника 1000 рублей серебром, с чем убийца согласился в ходе разбирательства[88]. А З. Хамуков в «удовлетворение за кровь» убитого брата (вольного кабардинца) получил с узденя О. 100 рублей серебром[89].

Этот принцип сохранялся и в случаях установления «платы за кровь» крепостных крестьян. В конце 50-х гг. XIX в. за убийство крепостной крестьянки в пользу ее владельца узденя Х. Нуриева было взыскано с убийцы «холопа» Хотлека 140 рублей[90]. В 1847 г. за убийство своего «холопа» княгиня Наурузова потребовала с убийцы компенсацию в размере 300 рублей серебром[91]. В 1859 г. «за кровь» «холопа», принадлежавшего князю Б.-М. Касаеву, была получена компенсация в размере 400 рублей серебром[92].

В этот же период при определении размера лъы уасэ за крепостных крестьян иногда учитывался их возраст. Проще говоря, «плата за их кровь» равнялась стоимости, за которую они могли быть предположительно проданы, а, в свою очередь, эта цена зависела от возраста. Например, в конце 50-х гг. XIX в. «холоп» узденя Лямпежева смертельно ранил двенадцатилетнего мальчика Уважуко, принадлежавшего князю Б.-М. Касаеву. Разбирая это дело, эфенди Х. Шогенов определил: «...т.к. Лямпежев сам сделал сознание, что мальчик Касаева помер от раны, нанесенной кинжалом, переданным Уважуко Нахаго; чтобы господин его Кирандука Лямпежев уплатил Касаеву по оценке, что стоит убитый мальчик. *По обычаю двенадцатилетний возраст входит в полную цену*, а как смерть мальчика Уважуко случилась от неумышленной раны, потому на удовлетворение князя Касаева с Лямпежева взыскать 150 рублей серебром (курсив наш. – *А.А.*)»[93].

Убийство унаута считалось равнозначным нанесению вреда имуществу его владельца[94].

Следует отметить, что факт уплаты цены крови не всегда свидетельствовал о прекращении кровной вражды. В начале XX в. случалось, что родственники убитого, получив материальную компенсацию, самовольно расправлялись с убийцей[95]. При этом лъы уасэ подлежало обязательному возвращению.

В конце XIX – начале XX в. размер лъы уасэ варьировался от 500 до 1000 рублей, что эквивалентно 100–200 пудам пшеницы (часто используемым в качестве лъы уасэ)[96]. А учет сословной принадлежности преступника или потерпевшего уже не являлся обязательным условием определения его размера.

Лъыуасэныкъуэ – (букв. половина «цены крови») «плата за кровь», которая назначалась при неумышленных (случайных) убийствах. Как правило, люди при неумышленных убийствах говорили: «*Къэмыхъун хуейуэ къэхъуащ*», т.е. «случилось неожиданно».

В Кабарде в практике духовных судов (мехкеме, 1807–1822) имело место разграничение убийств на умышленные и неумышленные. Мехкеме «сохранило «цену крови» в случае неумышленного убийства, но она не зависела от общественного положения лиц, вовлеченных в судебное разбирательство по этому поводу»[97]. Следует отметить, что этот принцип определения лъы уасэ применялся и в судебных разбирательствах разного уровня вплоть до революции 1917 г. В основном для определения лъыуасэныкъуэ во второй половине XIX – начале XX в. назначались медиаторские разбирательства[98].

ЛъыщIэж – кровная месть. Обычай кровной мести налагал на членов рода, в первую очередь на ближайших родственников пострадавшего, обязанность отомстить за убийство или нанесение ран и увечий самому преступнику или его родственникам[99]. Исполнение обычая кровной мести не было привилегией кого-либо. Обязанность кровомщения в равной степени возлагалась на каждого взрослого мужчину – члена семьи потерпевшего[100]. Помимо родственников обязанность мстить за убийство возлагалась и на людей, объединенных узами искусственного родства. Например, воспитанник (*къан*) обязан был мстить за аталыка и наоборот[101]. Неотмстившие покрывались позором, их выгоняли из общины.

Месть не знала срока давности[102]. Если случалось, что в фамилии не находилось человека, способного отомстить за убийство сородича, потерпевшая сторона за определенную плату нанимала мстителей[103].

У кабардинцев кровная месть не могла быть обращена против человека, стоящего выше в феодальной иерархии. Она действовала по отношению к нижестоящим лицам и по горизонтали между представителями одной социальной группы[104].

Обычай кровной мести подвергся значительным ограничениям в связи с учреждением в Кабарде административных и судебных органов России в 1793-м, а затем в 1822 гг. На официальном уровне убийство на почве кровной вражды было запрещено и уже преследовалось по российским законам.

Несмотря на запрещение отвечать «убийством на убийство», в середине XIX в. в кабардинской этнической среде часто возникала кровная месть, особенно между представителями знатных родов[105].

ЛъыщIэжыпщIэ къан – (букв. за кровь воспитанный) старейший обычай адыгов, связанный с урегулированием кровной мести и примирением кровников. Его смысл заключался в том, что убийца захватывал у ближайшего родственника убитого малолетнего мальчика, принимая на себя обязанность воспитать его до совершеннолетнего возраста. После чего воспитатель возвращал воспитанника в родную семью, обеспечив его полным воинским снаряжением и подарками для родственников. По его возвращении в родной дом обряд примирения считался исполненным, и кровная вражда прекращалась.

Считалось, что в конце XVIII в. кража ребенка выступала едва ли не единственным способом «избежать кровной мести с родственниками убитого»[106].

У адыгов этот способ урегулирования кровной мести применялся только представителями привилегированных сословий. Например, согласно данным И.Ф. Дубровина, Джамбулат Болотоков после убийства им хатукайского князя Керкенокова для примирения «взял на воспитание его сына»[107]. В крестьянской среде эти обряды не функционировали[108].

Мэндэтыр (мэндэт, хеящIэ) – медиаторский (посреднический) суд у кабардинцев во второй половине XIX – начале XX в.

Деятельность медиаторских судов не носила постоянного характера. Заседания назначались по мере поступления жалоб или просьб о производстве разбирательств. Заявителями традиционно могли быть как потерпевший и его близкие родственники, так и любое заинтересованное лицо.

Состав этого суда также не был постоянным. Для каждого отдельного разбирательства, как правило, из числа авторитетных жителей аула назначались по нескольку медиаторов (судей). Кандидатом в медиаторы становились сельчане независимо от их сословной принадлежности. Случалось, что в качестве посредников при разрешении споров выступал аульный эфенди. Иногда медиаторами выбирали членов сельского суда[109].

Суд посредников, как правило, принимал к рассмотрению дела о возмещении ущерба за воровство и причинение телесных повреждений. Были случаи, когда медиаторами назначалась материальная компенсация при разрешении дел об убийствах («цена крови»).

В большинстве случаев разбирательства в медиаторских судах проходили тайно. Стороны не извещались о времени и месте заседания. Обычно разбирательство продолжалось в течение одного дня. После чего решения суда посредников подлежали обнародованию[110]. По словам Н.Ф. Грабовского, решения медиаторских судов до окончательного присоединения Кабарды к России считались безапелляционными и окончательными. Тогда как в третей четверти XIX в. недовольные решением посреднического суда участники процесса подавали жалобы и повторные иски в официальные суды[111].

Нэлат ехын – (букв. проклясть кого-либо) форма общественного порицания нарушителей адатов у кабардинцев. Применялась за кражу имущества. Не требовала специального санкционирования со стороны сельского старшины, судей или участников сельского схода. Чаще всего являлась дополнительным и необязательным видом наказания при *къуажэкъехуэкI* (вождении вора по селу)[112].

Нэлат фоч – мера наказания за нарушение адатов у кабардинцев. Представляла собой стрельбу из ружья у дома провинившегося, что означало проклятие его и его семьи со стороны односельчан. В основном применялась к женщинам, нарушившим нормы

половой морали. Информатор И. Хочетлов из сел. Терекское Терского района рассказывал, что «в позорное ружье стреляли, когда женщина ошибалась и забеременнила. Это ружье наносило позор на род такой женщины. Позорное ружье обладало такой силой, что женщина, которая родила ребенка, душила его»[113]. Предполагаемый хронологический отрезок существования: конец XIX – начало XX в.

Пу нэлат ирахырт – (букв. выражать возмущение, отвращение) форма общественного порицания нарушителей адатов у кабардинцев.

Суд къуэдзэ – (букв. помощник, заместитель судьи) так у кабардинцев в пореформенный период называли кандидатов на должность сельских судей[114].

СудыщIэ (хеящIэ) – судья.

Судышхуэ – (букв. большой суд) так кабардинцы называли Нальчикский горский словесный суд[115].

В 1870 г. вместо Кабардинского окружного народного суда был создан Нальчикский горский словесный суд. Председателем этого суда являлся начальник округа.

Горский словесный суд состоял из двух отделений: одно для кабардинцев, другое – для балкарцев. В состав кабардинского отделения входило 12 человек: по пять депутатов и кандидатов в судьи, а также два кадия. Балкарское отделение состояло из двух депутатов, двух кандидатов в судьи и одного кадия, всего – 5 человек. В начале XX в. кабардинское и балкарское отделения Горского словесного суда были объединены, и его состав сократился до 7 человек: три из них от кабардинцев, два – от балкарцев и два кадия (соответственно – кабардинца и балкарца)[116]. Основным нормативным документом, регулировавшим процедуру выборов судей, являлась инструкция «О порядке избрания депутатов, кадия и кандидатов для заседания в горских словесных судах Кубанской и Терской областей».

Члены суда избирались сроком на три года на Съезде доверенных сельских обществ Кабарды и пяти горских обществ[117]. Судебные заседания в Горском словесном суде были публичными.

Согласно ст. 25 «Временных правил для горских словесных судов Кубанской и Терской областей», в компетенцию этих судов входили уголовные, гражданские, религиозные и опекунские дела.

Гражданские дела могли быть рассмотрены только по исковой жалобе, а уголовные – как по исковой, так и без нее, например по рапорту сельского старшины.

В ст. 8 «Временных правил...» перечислены уголовные преступления, входившие в компетенцию горских словесных судов Кубанской и Терской областей: 1) убийство, нанесение ран и увечий в ссоре или драке, «начавшейся без умышленного намерения»; 2) случайное убийство, нанесение ран и увечий и смерти; 3) совершение кражи со взломом со стоимостью похищенного не более 300 руб. и совершенных в первый или второй раз; 4) похищение женщин; 5) «дела по предупреждению и прекращению на основании местных обычаев вражды и кровомщения, могущих возникнуть вследствие необнаружения виновного в убийстве»[118].

Сха (баш) – (букв. голова) у адыгов мера исчисления фактической стоимости ущерба, нанесенного преступлением. Система исчисления фактической стоимости нанесенного ущерба до сих пор еще не стала предметом специального изучения, однако занимала важное место в трудах многих авторов разных поколений[119].

В конце XVIII – первой половине XIX в. у западных адыгов, и, в определенной степени, и у кабардинцев не существовало собственной денежной системы, а различного рода компенсации и штрафы за преступления и проступки взимались в натуральном виде, т.е. лошадьми, скотом, одеждой и зачастую крепостными крестьянами и рабами. За основу единицы исчисления стоимости ущерба была взята так называемая «голова». В. Кучеров писал, что «эта «голова» – технический термин, который сами же горцы не могут перевести на русский язык»[120]. У адыгов для ее обозначения применялся термин сха, что в буквальном переводе и означает голова. Сха считалась основной мерой стоимости или определения вознаграждения за уголовные преступления, а также при уплате калыма[121]. Г.В. Новицкий, описывая характер и размеры материальных компенсаций, вместо адыгского сха употреблял тюркский аналог *баш*[122].

Л.Я. Люлье отмечал, что «ценности сха нельзя определить точным образом. Хорошая кольчуга, шлем, налокотники, большой котел из меди и т.п. вещи стоят не больше 60 быков, но не меньше 60 баранов, что составляет вообще одну сха. Но по сану лица, за ко-

торого платится пеня, размеры этой стоимости бывают различны: в уплате за князя (пши) сха исчисляется 60–80 быков, за дворянина (уорк) считается еще меньше, смотря по санливости рода, и доходит наконец до 8 быков в уплате за простолюдина (тфокотля)»[123].

Наиболее подробная дифференциация системы исчисления пени за преступления содержится в документе, составленном В. Кучеровым в 1845 г., где, помимо прочего, сха делятся на «сухие» и «мокрые». «Из мокрых голов люди[124] и лучшие лошади всегда относятся к первостепенным головам (которые еще назывались «уоркесха». – *А.А.*), подразделяя их уже по достоинству и качествам: рогатый скот вообще и лошади низшего разбора относятся к средним, а овцы к низшим головам, с подразделением всего же по достоинствам и количествам. Из сухих голов оружие вообще и конская сбруя относятся к первостепенным головам с подразделением оных по достоинству и доброте; все же другие вещи домашнего их изделия относятся – лучшие к средним, а худшие к низшим головам, тоже с подразделением оных по достоинству и доброте»[125].

Сха была не единственной мерой исчисления ущерба, подлежащего уплате. В первой половине XIX в. в обычном праве адыгов все еще продолжали существовать такие традиционные единицы исчисления, как *цю* и *тоон*. Л.Я. Люлье в своей работе описал указанные категории следующим образом: «Цю – значит бык. Плата эта принимается натурою, также предметами домашнего хозяйства и т.п. вещами. Тоон значит штука или отрезок пряжи, достаточной на платье: мужское или женское»[126].

ТхьэрыIуэ щыхьэт – букв. свидетель под присягой. В качестве тхьэрыIуэ щыхьэт назначались односельчане подсудимого или жители соседних селений, известные своей честностью. Считалось, что тхьэрыIуэ щыхьэт мог быть человек, выполнявший все религиозные обряды (ураза, намаз и т.п.)[127]. Ими не могли стать люди, рожденные от незаконных браков[128]. Их услугами пользовались, когда потерпевший не соглашался с показаниями обвиняемого. Функция тхьэрыIуэ щыхьэт в судебном разбирательстве заключалась в принятии присяги о невиновности подсудимого. Перед присягой тхьэрыIуэ щыхьэт обязан был изучить обстоятельства дела.

Для этого родственники подозреваемого клялись в его невиновности в присутствии присяжного свидетеля[129].

Если тхьэрыIуэ щыхъэт был убежден в невиновности подозреваемого, то соглашался принимать присягу. В XIX в. присягали на Коране. После этого судьи или медиаторы в отношении подозреваемого выносили оправдательный приговор. В случае отказа тхьэрыIуэ щыхьэт принимать присягу подозреваемый признавался виновным в совершении преступления, приговаривался к уплате штрафа либо какому-нибудь другому наказанию[130].

Уэчыл – (букв. защитник) человек, принимавший участие в судебном разбирательстве на правах адвоката. Участие уэчыл в судебных разбирательствах в Кабарде во второй половине XIX – начале XX в. не являлось обязательным условием процесса отправления правосудия. Уэчыл был независимым наемным участником судебного процесса. Как правило, его нанимал сам подсудимый или его родственники. По соглашению с наемщиком уэчыл за участие в судебном заседании получал определенное вознаграждение[131].

Унажэ – (букв. влететь в дом к кому-либо с бранью, руганью) в контексте нашего исследования представляет собой акт насилия, выражавшийся в нападении родственников убитого с целью кровной мести на домовладение родственников убийцы в то время, как сам преступник находился в изгнании либо в бегах. Родственники убийцы говорили: «*Унажэ бжэгъу и Іыхьэщ*»[132] – «Тому, кто ломится с кулаками, доля – кол по голове»[133]. За убийство в таком столкновении кровная месть не наступала.

Односельчане могли вмешаться в унажэ с целью остановить кровопролитие. При этом если кого-то из них убивали, то, согласно адатам, за их кровь взималась двойная плата. В случаях причинения ран и телесных повреждений преступник должен был работать в доме раненого до его выздоровления, либо предоставить вместо себя работника[134].

Унэимыхьэ-хьэдэимых – форма бойкота, объявляемого членам фамилии, отклонявшей предложения медиаторов о примирении с кровниками. Унэимыхьэ-хьэдэимых выражался, например, в том, что сельчанам запрещалось посещать увеселительные или траурные мероприятия, организуемые представителями бойкотированной фамилии. Также бойкот выражался в форме угрозы, что в слу-

чае отклонения предложения о перемирии их не будут предавать обряду погребения[135] и т.п.

Уоркесха – т.н. первостепенная голова, мера исчисления фактической стоимости нанесенного преступлением ущерба у адыгов. Применялась при определении размера компенсации за преступления, совершенные против князей и знатных уорков. В состав уоркесха входили крепостные крестьяне, рабы и лучшие лошади.

Хабзэншэ – букв. нарушитель адатов[136]. Распространенным видом наказаний в обычном праве кабардинцев был перевод преступника в низшую сословную группу. Как и у других адыгских народов, у кабардинцев если виновный в совершении преступления оказывался неплатежеспособным, то он терял свободу и становился крепостным[137].

Это понятие часто использовалось многими авторами при изучении социальной истории Кабарды дореволюционного периода[138]. Причем исследователи акцентировали внимание на том, что перевод преступника в низшую сословную группу как вид наказания за преступления применялся только в отношении лаганаутов[139].

Исследуя место хабзэншэ в сословной иерархии кабардинского общества, следует отметить, что в этом контексте перевод лица в низшую сословную группу в упрощенном понимании сводился к порабощению. В этом смысле хабзэншэ являлись «холопы, лишенные некоторого права в том именно, что могут быть разлучены посредством продажи по воле своего господина как со своими родителями, так и со своими детьми»[140]. А. Кешоков писал, что категорию хабзэншэ составляют «преимущественно девушки-*унаутки*, лишенные всех прав и личной собственности за нарушение этикета двора или оскорбление князя (курсив наш. – *А.А.*)»[141]. Информатор П.Ц. Альботов (1897 г.р.) сообщал, что на некоторых унаутов «говорили, что они – хабзэншэ»[142].

Кабардинский временный суд в своей практике часто использовал эту меру воздействия на правонарушителей для предупреждения и урегулирования межсословных конфликтов. Также решения о «продаже в рабство» принимались за совершение неоднократных преступлений, неспособность преступника к исправлению и за неповиновение крепостных крестьян своим владельцам. Крепостным крестьянам объявлялось, что «ежели они по сим не бу-

дут повиноваться своему владельцу, то будут лишены холопских прав»[143]. Например, в 1862 г., разбирая обстоятельства ранения узденя К. его «холопом» Дзырою, участники сельского схода в присутствии князя Атажуко Атажукина и депутата от «черного народа» Шугана Жилясова приняли решение, что в случае неповиновения владельцу крепостные «должны лишиться холопских прав и проданы, а дочери их должны поступить в служанки (унаутки. – *А.А.*)»[144]. Спустя некоторое время Кабардинский окружной народный суд утвердил постановление сельского схода, предоставив потерпевшим К-ым право «продать холопей своих безобрядными внутри Кабарды»[145].

В отношении женщин такой вид наказаний часто применялся за нарушение ими супружеской верности или неповиновение мужу. В адатах кабардинцев было зафиксировано, что «если холопка не слушается мужа своего и ведет жизнь распутно, тогда объявляют о сим родным ея, которые имеют право возвратить калым, за нее полученный, а ее взять обратно; если же они этого не пожелают, то *обращают ее в унаут и продают* (курсив наш. – *А.А.*) и сверх калыма вырученную сумму делят пополам между родными ея и господином»[146]. Эта норма применялась и в практике Кабардинского временного суда. Например, в журнальном постановлении по делу о порабощении «вольной кабардинки Н. узденем К.» было определено: «Послать родственника ее Казыра с крикуном Атажукинской фамилии Тату для увещания ее и объявления, что если она не исправится, то лишится прав холопки и будет обращена в унаут, то есть горничные»[147].

ХашапщIэ – вознаграждение, которое получал тайный свидетель (*хашэ*) за свои услуги.

Хашэ – тайный свидетель (доказчик, доносчик, предатель). Роль хашэ в системе правосудия Кабарды стала возрастать с конца XIX в. Хашэ – человек, которому были известны подробности того или иного преступления, личность преступника и т.п. Хашэ сами не принимали участие в судебном процессе. Показания оглашали в суде их свидетели (см.: *хашэ щыхьэт*).

Хашэ могли быть жителями других селений. Они не пользовались уважением в народе, их презирали. На эту тему у кабардинцев существовали поговорки: «*АдыгэлI хашэркъым*»[148] (букв. Адыг-

ский мужчина не станет предателем); «*Уэркъ хашэ и хабзэкъым*» (букв. Выдавать тайну не в обычае дворянина)[149]. За свои услуги хашэ получал вознаграждение (см.: *хашапщIэ*), которое потерпевшие включали в сумму иска[150].

Хашэ щыхьэт – свидетели тайного доказчика (предателя). Хашэ щыхъэт принимали участие в судебном процессе для оглашения показаний хашэ, которые стали известны им в ходе тайной встречи с ним в присутствии потерпевшего. Как правило, в судебном разбирательстве достаточным было участие не менее 2 хашэ щыхъэт.

Хьэрэм ящIырт – форма общественного порицания нарушителей адатов у кабардинцев.

Хэхэс – (букв. иногородний, пришелец[151]) так называли как переселенцев из других населенных пунктов, так и представителей других народов, проживавших на территории того или иного кабардинского села.

Причины их переселения могли быть различны, но для нашего исследования интерес представляют те хэхэс, которые покидали прежнее место жительства, совершив преступление, скрываясь от кровной мести либо будучи изгнанными и т.п. В пореформенный период хэхэс должны были получить разрешение на поселение у сельского старшины того или иного населенного пункта. Среди сельчан хэхэс не пользовались уважением. Например, при спорах им всегда напоминали об их статусе. При конфликтах хэхэс подвергались большим преследованиям со стороны общества, нежели коренные жители. За убийства они приговаривались к уплате большей суммы, чем простые сельчане[152].

Хэхэс, скрывавшиеся от кровной мести, жили очень бедно[153]. Их не приглашали на сельские сходы[154]. Они не имели права на получение земельного участка, поэтому им приходилось арендовать землю или работать по найму.

Однако хэхэс или их потомки могли стать полноправными членами общества лишь за особые заслуги либо за продолжительное проживание в одном месте «без замечаний»[155].

Хьэнэпий (ханапий) – независимый член медиаторского суда[156].

Чауэ (чауэ хуэщIын) – вид телесных наказаний за преступления в судопроизводстве Кабарды. Применялся по решению имперских судов в виде ударов палками, прутьями, розгами, шпицрутенами.

Телесные наказания в виде 100 ударов розгами были закреплены еще в 1807 г. в нормах «Народного условия…». В 1822 г. они перекочевали в «Наставление Временному суду» генерала Ермолова, где этот вид наказания предусматривался за проступки, не представляющие «особой важности» (п. 17). К числу таких нарушений относились, например, оскорбления князей и узденей их подвластными, превышающие меру домашнего исправления[157]. Однако эта мера наказания не получила широкого распространения в Кабарде.

Шэрихьэт суд – (букв. шариатский суд) так кабардинцы в последней трети XIX – начале XX в. называли сельские, аульные суды (*къуажэ суд*), если они при разбирательствах руководствовались нормами мусульманского права (*шариата*).

ШыкIэкъешэкI – старинный обычай у кабардинцев, форма наказания за нарушение адатов. Выражалась в том, что виновного сажали на лошадь или осла лицом к хвосту и водили по аулу[158]. Применялась к лжесвидетелям, лжеприсяжникам, клятвопреступникам. Норма «Полного собрания…» устанавливала, что «лжесвидетелей сажают лицом к хвосту на лошадь и водят по многолюдной улице, называя его анафемою»[159].

ЩIопщакIуэ – комплекс обычаев у кабардинцев, применявшихся при организации увеселительных и развлекательных мероприятий в доме раненого или тяжело больного человека.

ЩIопщакIуэ продолжался в течение 3–4, иногда 7–8 дней. Об организации щIопщакIуэ заранее не объявляли. Сельчане посещали мероприятие по собственной инициативе. В большинстве случаев на щIопщакIуэ приглашали гармонистку. Иногда молодежь приносила с собой продукты питания, т.к. семья потерпевшего не всегда была в состоянии угостить всех участников мероприятия[160].

Форма организации и порядок щIопщакIуэ регламентировались обычаями. Мероприятием руководил хан (*хъан*). У него были помощники (*бегуэл*). Во время щIопщакIуэ устраивали различные шуточные или состязательные игры (*масташэ, цыпхакIу*[161]). Наиболее распространенной была следующая игра: присутствовавшие рассаживались по кругу и поочередно бросали в центр альчик. Если альчик приземлялся выпуклой стороной вверх, то бросавший подвергался «штрафу». Его сажали на низенький стул и били

ремнем по спине столько раз, сколько определял для него хъан. На протяжении вечера эта процедура повторялась несколько раз. Тем самым присутствовавшие не позволяли больному уснуть, опасаясь, что во время сна он мог случайно повредить свои раны, сломать гипс[162] и т.п.

Яущий – форма общественного порицания нарушителей адатов у кабардинцев. В основном применялась в отношении женщин, обвиненных в аморальном поведении. Выражалась в том, что почетные жители селения, собравшись у сельского правления или мечети, прилюдно «ругали» провинившуюся[163].

Подводя итоги настоящего исследования, следует еще раз подчеркнуть, что категории юридической антропологии кабардинцев, независимо от обстоятельств их появления, имели собственные условные обозначения, и они очень тонко отражали сущность и особенности функционирования того или иного института.

Примечания

[1] *Гарданов В.К.* Обычное право как источник изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII – начале XIX века // Советская этнография. 1960. № 5; *Кумыков Т.Х.* Из истории судебных учреждений в Кабардино-Балкарии (конец XVIII–XIX вв.) // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1963. Вып. 19. С. 90–102; *Гарданов В.К.* Система композиций в обычном праве адыгов (черкесов) в конце XVIII – первой половине XIX века. Москва, 1964; *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов в XVIII – первой половине XIX века. Москва, 1967; *Думанов Х.М.* Обычное право в трудах адыгских деятелей XIX века // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX века: Материалы конференции 28–29 марта 1974 года. Нальчик, 1976; *Бгажноков Б.Х.* Адыгский этикет. Нальчик, 1978; *Думанов Х.М.* Якуб Шарданов. Из истории изучения обычного права кабардинцев. Нальчик, 1988; *Думанов Х.М., Кушхов Р.С.* К вопросу о судопроизводстве и судоустройстве в Кабарде во второй половине XIX – начале XX века // Культура и быт адыгов. Вып. IV. Нальчик, 1986. С. 41–51; *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 1994; *Бгажноков Б.Х., Думанов Х.М.* О термине «адыгэ хабзэ» // Народы Северного Кавказа: вопросы истории и историографии: Материалы конференции к 70-летию Т.Х. Кумыкова. Нальчик, 1998. С. 58–61; *Бабич И.Л.* Из истории правовой политики России на Северном Кавказе (XVIII–XIX вв.) // Политика и право, 2002. № 11. С. 124–137; *Бабич И.Л.* Судебная реформа и обычное право в адыгской общине // Этнографическое обозрение, 1999. № 2. С. 17–30; *Думанов Х.М., Думанова-Крымшокалова Ф.Х.* Право и судебные органы // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. IV. С. 111–142;

[2] *Думанов Х.М., Кетов Ю.М.* Адыгэ хабзэ и суд Кабарде во второй половине XVIII – XIX веках. Нальчик, 2000; *Катанчиев Т.М.* Адыгэ хабзэ как кабардинское обычное право. Нальчик, 2001; *Мисроков З.Х.* Адат и шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. М., 2002; *Маремкулов А.Н.* Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв.: историко-правовой аспект. Ростов-на-Дону, 2005.

[3] *Думэн Хь.М.* Адыгэхэм я дауэдапщэхэр этнографие терминхэм я псалъалъэ кIэщI. Налшык, 2006.

[4] *Калмыков И.Х.* Черкесы: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1974. С. 183; *Бгажноков Б.Х.* Адыгский этикет. Нальчик, 1978; *Бгажноков Б.Х.* Образ жизни феодальной знати // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1981. С. 78–104; *Бгажноков Б.Х., Думанов Х.М.* О термине «адыгэ хабзэ» // Народы Северного Кавказа: вопросы истории и историографии: Материалы конференции к 70-летию Т.Х. Кумыкова. Нальчик, 1998. С. 58–61; *Думанов Х.М., Кетов Ю.М.* Адыгэ хабзэ и суд в кабарде во второй половине XVIII–XIX веке. Нальчик, 2000; *Думанова Ф.Х.* Адыгэ хабзэ // Вестник ИГИ ПКБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2000. Вып. 8. С. 105–110; *Мафедзев С.Х.* Обычаи и традиции (Адыгэ хабзэ). Нальчик, 2000; *Катанчиев Т.М.* Адыгэ хабзэ как кабардинское обычное право. Нальчик, 2001; *Мирзоев А.С.* Уорк хабзэ – кодекс чести дворянства // Эльбрус, 1999. № 2. С. 225–254 и др.

[5] *Думанов Х.М., Кетов Ю.М.* Адыгэ хабзэ и суд Кабарде во второй половине XVIII–XIX веках. Нальчик, 2000. С. 28; *Думанов Х.М., Думанова-Крымшокалова Ф.Х.* Право и судебные органы адыгов // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. 4. С. 112.

[6] Материалы по обычному праву кабардинцев (первая половина XIX в.). Нальчик, 1956. С. 387.

[7] ЦГА КБР, ф. И-24, оп. 1, ед. хр. 29, л. 3.

[8] Там же, ф. И-23, оп. 1, ед. хр. 59, л. 2.

[9] *Апажев М.Л., Коков Дж.Н.* Кабардино-черкесско-русский словарь / Под. Ред. Б.Ч. Бижоева. Нальчик, 2008. С. 75.

[10] Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 14, пасп. 40.

[11] Там же, ед. хр. 10, пасп. № 7.

[12] Там же, ед. хр. 6, пасп. № 20.

[13] Там же, б/н. Материалы, собранные Х.М. Думановым в ходе этнографической экспедиции 1975 г.

[14] *Думэн Хь.М.* Адыгэхэм я дауэдапщэхэр… С. 162.

[15] Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 10, пасп. № 10.

[16] *Фызышэ* – перевоз невесты в дом жениха. – *А.А.*

[17] *Къэптал* – короткий кафтан-бешмет, разновидность мужской повседневной легкой одежды у кабардинцев. – *А.А.*

[18] *Махъсымэ* – буза, традиционный напиток кабардинцев, который приготавливали из заквашенного и прожаренного теста пшенной, а позже и кукурузной муки, в который добавляли солод. – *А.А.*

[19] Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 10, пасп. № 10.

[20] *Абазов А.Х.* Основные виды исполнения наказаний в судебной системе Кабарды в 20–60-х гг. XIX в. // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2008. Вып. 15. С. 65.

[21] ЦГА КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 521, л. 35.

[22] Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 10, пасп. № 13.
[23] Словарь кабардино-черкесского языка. Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. 1-е изд. М., 1999. С. 105.
[24] См.: Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 86, л. 6.
[25] Там же.
[26] Там же, ед. хр. 4, пасп. № 21.
[27] ЦГА КБР, ф. И-23, оп. 1, ед. хр. 227, л. 1 об.
[28] Там же, ед. хр. 20, л. 3.
[29] Там же, ф. И-24, оп. 1, ед. хр. 102, л. 1.
[30] Там же, ф. И-24, оп. 1, ед. хр. 130, л. 2 об.
[31] Там же, ед. хр. 159, л. 6.
[32] Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 14, пасп. № 40.
[33] ЦГА КБР, ф. И-24, оп. 1, ед. хр. 232, л. 1.
[34] Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 14, пасп. № 40.
[35] Там же, пасп. № 34
[36] Там же.
[37] Там же, ед. хр. 16, пасп. № 50.
[38] Там же, ед. хр. 14, пасп. № 22.
[39] *Леонтович Ф.И.* Адаты… С. 256.
[40] *Бабич И.Л.* Судебная реформа… С. 21.
[41] ЦГА КБР, ф. И-23, оп. 1, ед. хр. 132, л. 1.
[42] Там же, ф. И-24, оп. 1, ед. хр. 136, л. 9.
[43] Там же, ф. И-24, оп. 1, ед. хр. 14, л. 12.
[44] Словарь кабардино-черкесского языка. Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. 1-е изд. М., 1999. С. 211.
[45] Там же. С. 212.
[46] Цит. по: Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 198.
[47] Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 27, пасп. № 39.
[48] *Думанов Х.М., Кушхов Р.С.* К вопросу о судоустройстве и судопроизводстве в Кабарде во второй половине XIX – начале XX века // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1986. Вып. 4. С. 43.
[49] Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 27, пасп. № 26.
[50] ГАКК, ф. 660, оп. 1, ед. хр. 1; Цит. по: *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов. М., 1999. С. 102.
[51] Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 27, пасп. № 43.
[52] *Думэн Хь.М.* Адыгэхэм я дауэдапщэхэр... С. 77.
[53] *Апажев М.Л., Коков Дж.Н.* Кабардино-черкесско-русский словарь. / Под. Ред. Б.Ч. Бижоева. Нальчик, 2008. С. 211.
[54] ЦГА КБР, ф. И-24, оп. 1, ед. хр. 21, л. 36.
[55] Там же. Ед. хр. 10, л. 5.
[56] Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 86, л. 6.
[57] Там же, ед. хр. 12, пасп. 2.
[58] См.: Там же, пасп. 15.
[59] *Бабич И.Л.* Судебная реформа… С. 21.
[60] Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 5, пасп. № 3.
[61] Там же, ед. хр. 11, пасп. № 24.
[62] Там же, ед. хр. 12, пасп. № 3.
[63] Там же, пасп. № 25.

[64] Там же, пасп. № 27.
[65] Там же, пасп. № 21.
[66] Там же, ед. хр. 11, пасп. № 23.
[67] Там же, ед. хр. 27, пасп. № 39.
[68] Там же, ед. хр. 12, пасп. № 15.
[69] Там же, ед. хр. 5, пасп. № 5.
[70] Там же, ед. хр. 14, пасп. № 17.
[71] Там же, ед. хр. 16, пасп. № 50.
[72] *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк… С. 119; Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 5, ед. хр. 66, л. 12; ГАКК, ф. 348, оп. 1., ед. хр. 6, л. 11 об.; *Гарданов В.К.* Общественный строй… С. 233; *Гарданов В.К.* Система композиций в обычном праве адыгов... С. 5; *Кажаров В.Х.* Традиционные… С. 409; *Кокиев Г.А.* Краткий исторический очерк Кабарды // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Нальчик, 2005. С. 435; *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 2. С. 240; *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе / вступительная статья, подготовка текста и редакция д.и.н. Т.Х. Кумыкова. Нальчик, 1991. С. 108.
[73] Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 11, л. 93; *Бесланеев В.С.* Малая Кабарда (XVIII – начало XIX века). Нальчик, 1995. С. 97; *Гапуров Ш.А.* Северный Кавказ в политики России в начале XIX века (1801–1815 гг.). Нальчик, 2004. С. 79; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). Москва, 1988. С. 100; *Тхамоков Н.Х.* Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII веке. Нальчик, 1961. С. 139; *Шаханов Б.А.* Избранная публицистика. Нальчик, 1991. С. 98 и др.
[74] Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты… С. 409.
[75] Записка о привилегированных сословиях кабардинского округа (Масловский) // Правовые нормы… С. 207,208; Очерки сословного строя в горских обществах Терской и Кубанской областей // Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев (XIII–XIX вв.). Майкоп, 1997. С. 283–284; Привилегированные сословия кабардинского округа // ССОКГ. Тифлис, 1870. Вып. 1. С. 2; *Абрамович А.* Очерк сословного строя в горских обществах Терской и Кубанской областей // Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа 1973–1894 гг. / составители Х.М. Думанов, А.И. Мусукаев, А.А. Максидов. В 2 томах. Нальчик, 2003. Т. 2. С. 23; *Гапуров Ш.А.* Северный Кавказ… С. 79; *Гарданов В.К.* Общественный строй… С. 234,235; *Ковалевский М.М.* Закон и обычай… С. 240; *Кокиев Г.А.* Краткий исторический очерк… С. 435; *Кудашев В.Н.* Исторические сведения… С. 108.
[76] Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 6, л. 149, 150; ЦГА КБР, ф. И-23, оп. 1, ед. хр. 104.
[77] Там же.
[78] *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII в.). Москва, 1963. С. 128.
[79] Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 50, л. 19.
[80] ЦГА КБР, ф. И-16, оп. 1, ед. хр. 182, л. 31,31 об.
[81] *Абрамович А.* Очерк… С. 28; *Гугов Р.Х.* Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношение с Россией. Нальчик, 1999. С. 170; *Кумыков Т.Х.* К вопросу об общественном строе Кабарды накануне реформы 1861 г. // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1954. Вып. 9. С. 76.
[82] Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 66, л. 16; *Сабанчиева Л.Х.* Гендерный фактор традиционной культуры кабардинцев (вторая половина XVI – 60-е годы XIX века). Дис. к.и.н. Нальчик, 2003; *Она же.* Нальчик, 2005. С. 164.

[83] Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 34, л. 7.
[84] Там же, оп. 2, ед. хр. 6, л. 53.
[85] ЦГА КБР, ф. И-24, оп. 1, ед. хр. 14, лл. 11–12.
[86] Там же. Ед. хр. 197, л. 2.
[87] *Кудашев В.Н.* Исторические сведения… С. 114; *Абарамович А.* Очерк сословного строя… С. 30.
[88] Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 6, л. 191.
[89] Там же. С. 12.
[90] ЦГА КБР, ф. И-24, оп. 1, ед. хр. 52, л. 16 об.
[91] Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 6, л. 191.
[92] ЦГА КБР, ф. И-24, оп. 1, ед. хр. 182, л. 6.
[93] Там же, ед. хр. 45, л. 2.
[94] *Кумыков Т.Х.* Земельная реформа в Кабарде в 1863–1869 гг. // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1957. Вып. 13. С. 245.
[95] Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 4, пасп. № 21.
[96] Там же.
[97] *Кажаров В.Х.* Традиционные… С. 418.
[98] Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 14, пасп. № 17.
[99] *Студенецкая Е.Н.* Быт и культура кабардинского народа в XVIII–XIX вв. // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1954. Вып. 3. С. 179.
[100] Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 14 а, пасп. № 37.
[101] Там же.
[102] *Аталиков В.М.* Культура народов Кабардино-Балкарии. Нальчник, 2000. С. 41.
[103] Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 14, пасп. № 17.
[104] *Шериева Н.Г.* Понятия «лъыщIжъын» и «лъыуасэ»: к вопросу об этнолингвистическом анализе терминов // Исторический Вестник. Нальчик, 2005. Вып. 1. С. 343.
[105] Там же.
[106] Записки к карте стран, расположенных между Черным и Каспийским морями и перечислением кавказских народов и словарей их языков. Лондон, 1788 // Загадочный мир народов Кавказа: Записки из архивов Эдинбургского миссионерского общества и других источников конца XVIII – XIX веков. Нальчик, 2000. С. 47.
[107] *Дубровин Н.Ф.* Черкесы (адыгэ). Краснодар, 1927. С. 143.
[108] Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2.
[109] Там же, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 27, пасп. № 25.
[110] Там же, ед. хр. 14, пасп. № 13.
[111] *Грабовский Н.Ф.* Указ. соч. С. 19.
[112] См.: Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 12, пасп. № 27.
[113] Там же, ед. хр. 74, л. 42–43.
[114] Там же, ед. хр. 27, пасп. № 26.
[115] Там же, пасп. № 18.
[116] Цит. по: *Агишев Н.М., Бушен В.Д., Райнке Н.М.* Материалы для обозрения Горских словесных судов Кубанской области в 1911 г. // Материалы для обозрения горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912. С. 104.
[117] *Райнке Н.М.* Горские и народные суды Кавказского края // Журнал Министерства Юстиции. Спб., 1912. С. 16; цит. по: *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX в.). Нальчик, 2007. С. 105.
[118] Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей // Кубанская справочная книжка на 1891 г. Екатеринодар, 1891. С. 234.

[119] *Дубровин Н.Ф.* Черкесы… С. 144; *Леонтович Ф.И.* Адаты… С. 146; *Люлье Л.Я.* Черкесия... С. 49–50; *Новицкий Г.В.* Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе // Тифлисские ведомости, 1829. № 25; *Хан-Гирей.* Записки... С. 227; *Он же.* Бесльний Аббат... С. 239; *Гарданов В.К.* Общественный... С. 229; *Кажаров В.Х.* Традиционные... С. 404–405.
[120] *Леонтович Ф.И.* Адаты… С. 146.
[121] *Гарданов В.К.* Общественный строй… С. 228.
[122] *Новицкий Г.В.* Географическо-статистическое обозрение…
[123] *Люлье Л.Я.* Черкесия… С. 49–50.
[124] В данном случае под людьми следует понимать рабов и крепостных крестьян, которые в рассматриваемый отрезок времени служили предметом возмещения ущерба за некоторые виды преступлений и проступков. А также в качестве таковых людей могли выступать и малолетние дети, рожденные в рабстве, которые должны быть ростом не менее 5 бже, т.е. длины раскрытой кисти руки. – *А.А.*
[125] *Леонтович Ф.И.* Адаты… С. 146.
[126] *Люлье Л.Я.* Черкессия… С. 50.
[127] Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 5, пасп. № 1.
[128] Там же, ед. хр. 27, пасп. № 7.
[129] Там же, ед. хр. 2, пасп. № 12.
[130] Там же, ед. хр. 1, пасп. № 1.
[131] Там же, ед. хр. 27, пасп. № 38.
[132] Там же, ед. хр. 14, пасп. № 5.
[133] перевод: А.М. Гутов.
[134] Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 14, пасп. № 5.
[135] См.: Там же, пасп. № 17.
[136] *Хабзэншэ* – сложное кабардинское слово, состоящее из двух составляющих: хабзэ – закон, обычай, адат, и ншэ – нарушать. См.: Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 66, л. 25.
[137] *Люлье Л.Я.* Черкесия… С. 28.
[138] Архив КБИГИ, ф. 1, оп.5, ед. хр. 66, л. 25; Архив КБИГИ, инв. № 23. Докладная записка… С. 126; Архив КБИГИ, ф. 1, оп.5, ед. хр. 50. *Мамонтова А.В.* К вопросу о феодализме в Кабарде (доклад на III научной сессии). Нальчик, 1948. С. 22; Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 52. *Букалова В.М.* К вопросу о феодализме в Кабарде: Содоклад (дискуссия на III научной сессии КНИИ). С. 62; О крепостном сословии кабардинцев, называемом под общим названием «пшитль» (холопы), заимствованным из народных обычаев // Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев. Майкоп: Меоты, 1997. С. 202; *Камиссаров С.А.* Из истории освобождения зависимых сословий в Кабарде // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1947. Т. 2. С. 68; *Кешоков А.* Некоторые вопросы истории Кабарды // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1951. Вып. 1. С. 6; *Кокиев Г.А.* Классовая структура кабардинского феодального общества в середине XIX века // История Кабарды и Балкарии в трудах Г.А Кокиева. Нальчик, 2005. С. 212.
[139] О крепостном сословии… С. 202; Архив КБИГИ, инв. № 123. С. 126.
[140] О крепостном сословии… С. 202.
[141] *Кешоков А.* Некоторые вопросы истории Кабарды // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1951. Вып. 1. С.6.
[142] Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 3, пасп. № 1.
[143] Там же, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 6, л. 139.
[144] ЦГА КБР, ф. И-24, оп. 1, ед. хр. 249 а, л. 4 об.

[145] Там же.
[146] Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 6, л. 45; Народное условие, сделанное июля 10 года 1807 после прекращения в Кабарде заразы в отмену прежних обычаев // Правовые нормы… С. 59; Материалы по обычному праву кабардинцев (первая половина XIX века). Нальчик, 1956. С. 231; *Думанов Х.М.* Социальная структура… С. 112; *Мусукаев А.И., Перщиц А.И.* Народные традиции кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1992. С. 35.
[147] Материалы по обычному праву кабардинцев… С. 231.
[148] Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 12, пасп. № 11.
[149] *Тамбиев Паго*. Нальчик, 1984. С. 165; *Хан-Гирей*. Избранные произведения… С. 78; цит. по: *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев… С. 334.
[150] Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 5, пасп. № 1.
[151] Словарь кабардино-черкесского языка. Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. 1-е изд. М., 1999. С. 690.
[152] Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 20 а, пасп. № 39.
[153] Там же, пасп. № 38.+
[154] Там же, пасп. № 39.
[155] Там же, ед. хр. 20, пасп. № 36.
[156] *Думэн Хь.М.* Адыгэхэм я дауэдапщэхэр… С. 162.
[157] *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты... С. 383.
[158] *Думэн Хь.М.* Адыгэхэм я дауэдапщэхэр… С. 193.
[159] *Леонтович Ф.И.* Адаты… С. 255.
[160] Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 15, пасп. № 15.
[161] Там же, ед. хр. 20, пасп. № 31.
[162] Там же, ед. хр. 5, пасп. № 6.
[163] Там же, ед. хр. 4, пасп. № 24.

Р. Р. Нагоева
(Нальчик)

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНФОРМАЦИИ В СРЕДЕ КАБАРДИНСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 20–60-е ГОДЫ XIX ВЕКА

Изучение сословной структуры кабардинцев остается одной из актуальных проблем исторической науки о народах Северного Кавказа. Ее разработка дает возможность по-новому осветить ряд проблем социальной истории Кабарды в 20–60-е гг. XIX в. В теоретическом плане ее исследование имеет важное значение для понимания особенностей включения кабардинского этноса в политическое и этнокультурное пространство Российской империи. Однако, несмотря на то что данная проблема рассматривалась в системе традиционного феодализма[1] и в контексте реформ 60-х гг. XIX в.[2], а также в рамках кризиса традиционных институтов общественной саморегуляции кабардинцев[3], влияние политики России на трансформацию сословной структуры кабардинского крестьянства изучено недостаточно.

Прежде всего следует отметить, что социально-экономическая дифференциация среди крестьян привела к тому, что в период с 20-х по 60-е гг. XIX в. численность вольноотпущенников увеличилась в два раза и перед отменой крепостного права составляла 60–70 % от всего населения Кабарды.

Выкупившись на свободу, азаты могли называться вольными лишь с определенной долей условности. Де-юре, обладая всем комплексом личных прав, де-факто, они все же оставались в некоторой зависимости от бывших хозяев. Например, азат «обязан был жить с прежним владельцем, следовать за ним, если тот переселялся с одного места на другое, как и прежде, господин отводил ему в своем владении определенный участок земли для пахоты и

сенокосов»[4]. Причем они не имели права оставлять своих прежних владельцев и переселяться в другой аул по собственному желанию[5]. Более того, имперские чиновники подвергали штрафованию и возвращению в родной аул тех азатов, которые без разрешения аульных владельцев переселялись на другое место жительства[6].

В дореформенный период из среды кабардинского вольного крестьянства выделилась влиятельная зажиточная прослойка. Некоторые разбогатевшие вольноотпущенники, подражая своим бывшим хозяевам, приобретали крепостных и даже эксплуатировали их с большей интенсивностью, чем князья и уорки[7].

Представители этой социальной прослойки владели значительными состояниями в виде рабочего скота, крепостных крестьян, денег, предметов домашнего обихода и т.п. На фоне массового обнищания узденей, находивших возможность удовлетворения потребности в роскоши выкупными деньгами, получаемыми при освобождении крепостных, сами азаты, приобретая крепостных, постепенно укрепляли свое материальное положение[8]. Н.Ф. Грабовский писал, что «между классом вольноотпущенников встречаются довольно состоятельные люди, и вообще они живут чуть ли не лучше многих узденей»[9]. Однако, встречались случаи, когда семья из 15 человек существовала за счет труда двух «холопов»[10].

С другой стороны, из среды кабардинского крестьянства выделилась целая прослойка «вольных нищих». В это время бедными признавались те крестьяне, личное имущество которых не превышало одной пары быков[11]. В 20–60-е гг. XIX в. численность таких бедняков постоянно возрастала. В.К. Гарданов назвал этот процесс одним из «любопытнейших и характернейших явлений социально-экономической жизни дореформенной Кабарды»[12].

Этими «бедняками» были именно азаты, которые при освобождении от крепостной зависимости лишались большей части своего имущества. В.Х. Кажаров отмечает, что к этой категории общества вряд ли могли относиться оги (чагары), т.к., когда обедневший ог терял свой статус, «заботу» о нем брал на себя владелец, у которого он начинал работу в качестве дворового[13]. Такими бедняками не могли быть и лаганауты, потому что «если владелец не может или не в состоянии дать пшитлю средства к жизни или работе, опре-

деленные адатом, то крестьянин считается вправе не исполнять тех обязанностей, к коим относится нарушение обычая»[14].

В большинстве случаев в качестве выкупной платы владельцы пытались забрать все их имущество, включая «домашнюю утварь и последний кинжал»[15]. Например, уорки Аджиевы за освобождение огов Ногоевых запросили имущество на сумму 7700 рублей серебром[16]. Из показаний Куденета Ногоева, допрошенного в Кабардинском временном суде в 1846 г., видно, что его семья была «отпущена на волю» Тахиром Аджиевым в 1834 г. «с отдачею ему, Аджиеву, всего их (Ногоевых. – *Р.Н.*) имущества, овец, лошадей, скота и несколько душ обоего пола холопей, не назначая при этом никакой откупной суммы»[17].

В качестве выкупной платы в середине 20-х гг. XIX в. семья огов Тахира, Эдика и Аисы Хаймашовых передали своему владельцу князю Татархану Джанхотову «двадцать душ холопов, несколько [голов] рогатой скотины и баранов»[18]. Владельцы считали наиболее выгодным для себя отпускать на волю своих наиболее зажиточных крестьян на подобных условиях.

При характеристике статуса кабардинских азатов в 40–50-е гг. XIX в. следует учитывать, что иногда за совершение преступлений к ним применялись такие же меры наказания, как и к крепостным крестьянам. Рассматривая дело «об избиении вольноотпущенниками Хажинагоевыми своего бывшего владельца узденя Аджиева», судьи ссылались на норму кабардинского обычного права, которая устанавливала, что «если вольноотпущенник нанесет побои своему господину, то все семейство его раздроблялось»[19]. Известно, что продажа в рабство с раздроблением семейства крепостного за совершение преступлений была издавна закреплена в кабардинских адатах. Однако мы не располагаем сведениями о применении этой нормы в отношении азатов, особенно во второй четверти XIX в. Если в данном случае исключить возможность судебной ошибки, то этот случай является весьма интересным при характеристике процессов расслоения кабардинского крестьянства в изучаемое время. Хотя здесь следует отметить, что члены Кабардинского временного суда сочли невозможным применение этой меры наказания в отношении Хажинагоевых. Взамен этого зачинщик драки Ибрагим Хажинагоев был заключен на гауптвахту сроком на один

месяц, после чего подвергся телесному наказанию в виде 100 ударов розгами[20].

Согласно прокламации генерала Ермолова (1822), крепостным крестьянам, чьи владельцы несанкционированно покидали Кабарду, предоставлялась свобода. По данным Т.Х. Кумыкова, с 1822-го по 1828 гг. в Кабарде этим способом получили свободу более 3000 крепостных[21]. Для них, а также для любого, кто бежал от своих владельцев, по распоряжению генерала Ермолова вблизи крепости Нальчик был выделен земельный участок для поселения. По словам С.Н. Бейтуганова, это был «островок свободных крестьян» в Кабарде[22]. В официальных документах он получил название Вольный аул, в обиходе – Брамтэ[23].

Решение об образовании Вольного аула вблизи Нальчикской крепости обосновывалось необходимостью «ограждения силою от неблагоприятных покушений противу них (вольноаульцев. – *Р.Н.*) остального населения»[24]. Внесение в список жителей «Вольного аула производилось по приказу начальника Центра Кавказской линии и являлось формальным подтверждением того факта, что данное лицо получило свободу на основании прокламации генерала Ермолова»[25].

Следует особо отметить, что иногда получавшие таким способом свободу кабардинцы добровольно вносили за себя откупную сумму и только после этого «считали себя вполне свободными»[26]. На наш взгляд, это объясняется ничем иным, как консервативностью общественного сознания и норм обычного права.

В источниках 40-х гг. XIX в. имеются частые упоминания еще одного «вольного» аула в Кабарде. Принадлежавший князю Исмаилу Касаеву аул Боров был объявлен «вольным» на основании прокламации генерала Ермолова (1822) после «побега» его владельца (къуажэпща) за Кубань[27]. Однако в отличие от Вольного аула в ауле Борова сохранялись все традиционные принципы административного устройства. Необходимо также подчеркнуть, что в этом случае вольными были объявлены только прямые подвластные аульного владельца, эмигрировавшего за Кубань. Это наглядно демонстрируется в прошении вольного кабардинца Исмаила Гошокова исполняющему обязанность начальника Центра Голицину (от 6 июня 1843 г.), в котором истец жалуется на неповиновение принадлежавших ему «холопьев»[28].

Таким образом, на фоне социально-экономических и политических трансформаций в Кабарде перед реформами 60-х гг. XIX в. складывались благоприятные предпосылки для образования однородной крестьянской массы (*мэкъумэшыщIэ*). Хотя, с другой стороны, эти процессы ограничивались тем, что «сохранялись сословные различия и барское отношение к крестьянам, несмотря на то что многие их них были богаче своих господ»[29].

Значительным трансформациям в 20–60-е гг. XIX в. подверглось кабардинское крепостное крестьянство.

Российские чиновники в официальных документах середины XIX в. неоднократно писали о том, что представители кабардинской аристократии в силу сложившихся веками обстоятельств считали «*приобретение холопа единственным средством для обеспечения своего существования* (курсив наш. – *Р.Н.*)»[30]. Этим они во многом объясняли и наличие у кабардинцев сложной, многоступенчатой структуры крепостных отношений. Власти считали, что «понятие о возможности безбедной и спокойной жизни, только при условии владения холопами, сделалось в Кабарде не только достоянием высших сословий, но и распространялось по всей народной массе и выработало *исключительное право – право холопа владеть холопом* (курсив наш. – *Р.Н.*)»[31]. В адатах Ф.И. Леонтовича записано, что «каждому чагару (огу. – *Р.Н.*) дозволяется иметь у себя холопьев, но по народным правам он не может их продать или подарить без согласия на то господина; на других такого же состояния поменять ему не воспрещается, однако ж не иначе как с дозволения своего господина»[32]. Следует отметить, что большая часть крепостных крестьян и рабов в Кабарде в 20–60-е гг. XIX в. принадлежала незнатным уоркам и вольноотпущенникам, а не князьям, текотлешам и дыженыго[33].

Сословие крепостных крестьян в Кабарде было представлено огами и лаганаутами. Дифференциация статуса огов и лаганаутов закрепляла различия в их поземельных правах. Право пользования землей лаганаутами не было закреплено в нормах обычного права кабардинцев[34].

Оги получали «таковое наименование по собственному распоряжению владельца, за что, однако, сей последний берет с него часть из имущества; обыкновенно это бывало потому, что у вла-

дельца оказывалось много лаганаут и он затруднялся их содержать; тогда он предоставлял некоторым из них звание ог с тем, чтобы они, работая на себя, скоро богатели и не только не требовали чего-либо от господина, но и сами нередко поддерживали его в нужде»[35]. Напротив, согласно адатам кабардинцев, ог, не исполняющий «обязанностей по отношению к своему господину, мог быть обращен в лаганаут»[36].

Численность «оброчных» крестьян в Кабарде по «Спискам» 1825 г. составляла 1302 человек мужского пола. А уже в середине 60-х гг. XIX в. в Большой Кабарде их оставалось всего 15 семей[37]. В Малой Кабарде к этому времени они полностью исчезли[38].

Картину социальных трансформаций в среде кабардинского крестьянства во второй четверти XIX в. дополняют факты перевода крепостных из одной сословной группы в другую взамен освобождения родственников от крепостной зависимости. Так, например, из прошения «чагара» (ога) Алия Таашева начальнику Центра Кавказской линии генерал-майору князю Голицину от 26 апреля 1844 г. следует, что его владелец, беслан-уорк Б. Атласкиров за освобождение его сына Ахмета от крепостной зависимости требовал от его отца (Таашева) перейти в категорию лаганаутов. Такой переход значительно ухудшал положение Алия Таашева, т.к. «чагары (оги. – *Р.Н.*) представляли наиболее зажиточный и наименее закрепощенный разряд крепостного крестьянства»[39]. Известно, что по нормам кабардинского обычного права перевод ога в категорию лаганаутов осуществлялся в случаях, когда он «до того обеднеет, что будет не в состоянии господину своему платить положенной подати…» Однако адаты предусматривали и обратный переход, когда материальное положение лаганаута менялось и он приобретал достаточное имущество, позволяющее ему вновь выполнять «чагарские обязанности» и жить со своей семьей особым двором и хозяйством[40]. Наш случай интересен еще и тем, что он не попадает под рамки ни одного из приведенных правил. Более того, будучи огом и обладая значительными имуществом, Алий Таашев, перейдя в категорию лаганаутов, терял право на имущество, находившееся в его совместном пользовании с братьями. Процедура перевода А. Таашева в лаганауты и освобождения его сына от крепостной зависимости происходила при свидетелях – уорках

Б. Жамбекове, Ж. Жамбекове, Ж. Хакулове, Ш. Шибзухове и эфенди М. Хакулове[41]. В подтверждении этого А. Таашев получил акт об освобождении сына, составленный и подписанный сельским эфендием.

Основную массу кабардинского закрепощенного крестьянства в Кабарде составляли лаганауты. В 1828 г. в Большой Кабарде насчитывалось 1070 семей лаганаутов, из которых 79 принадлежало князьям[42]. Согласно кабардинским адатам, лаганаутами являлись крепостные крестьяне, живущие «во дворе своего хозяина особым двором и семейством, обязаны исполнять во всякое время всякие занятия по сельским и хозяйственным работам своего господина с таким, однако, распределением времени и средств, чтобы и себе мог приготовить для пропитания семьи все необходимое»[43].

Несмотря на существенные социальные трансформации, в середине XIX в. в Кабарде еще сохранялись различия между княжескими, уоркскими и крестьянскими лаганаутами. Иногда это приводило к конфликтам, особенно в тех случаях, когда у крепостных менялись хозяева, принадлежавшие к разным сословным группам. Например, в 1848 г. княгиня Кабахан Наурузова жаловалась в Кабардинский временный суд на неповиновение своих «холопьев». Это выражалось в отказе крепостных выполнять некоторые ее поручения, спрашивать ее позволения при выезде за пределы «линии» для продажи леса или на заработки и т.п. Кроме того, крестьяне, по словам К. Наурузовой, требовали от нее соблюдения «каких-то неизвестных ей порядков». Члены Кабардинского временного суда предположили, что эти разногласия возникли из-за того, что крепостные перешли во владение Кабахан Наурузовой незадолго до конфликта и поэтому не знали некоторых ее требований. Принимая решение по этому делу, судьи руководствовались нормой обычного права, согласно которой «*холопья всех кабардинских князей не подлежат тому обряду, которым пользуются холопья кабардинских узденей*; холопья княжеские должны исполнять все требования своего князя, но и сей последний в таком случае не обременяет [их] своими налогами (курсив наш. – *Р.Н.*)»[44]. В результате было решено «подтвердить холопам неприкосновенное повиновение княгине Наурузовой, а сей последней предложить не употреблять власть свою чрезмерно и не делать трудных на-

логов, обходиться с ними снисходительно, как и прочие в Кабарде князья»[45]. Х.М. Думанов различает лаганаутов, принадлежавших вольноотпушенникам (*лъхукъуэщауэ лэгъунэIут*) и чагарских холопов (*Iуэгу лэгъунэIут, или пщылIым и пщылI*)[46]. В этой связи следует отметить, что накануне отмены в Кабарде крепостного права (1867) практически полностью исчезла прослойка «чагарских холопов» (лаганаутов, принадлежавших огам), поскольку, как отмечалось выше, в этот период самих огов оставалось 15 семейств, а в Малой Кабарде их вообще уже не было. Во всяком случае в документах сословно-поземельной комиссии не содержится сведений о наличии у огов собственных лаганаутов[47].

Изучая процессы расслоения кабардинского крестьянства в 20–60-е гг. XIX в., необходимо охарактеризовать социальное и правовое положение категории *хабзэншэ* – «нарушителей адатов»[48]. В журнале Главного комитета по освобождению зависимых сословий у горских народов от 4 июля 1866 г. за № 1 записано, что «низшую ступень между этими соловиями также занимают унауты (рабы) с подразделением их еще на один подвид: хабзанша – лиц, обращенных в унауты из сословия крестьян»[49]. Правовое положение представителей этой категории подробно описывается в документах периода реформ 60-х гг. XIX в., где эти люди представлены как холопы, «лишенные некоторого права в том именно, что могут быть разлучены посредством продажи по воле своего господина как со своими родителями, так и со своими детьми»[50]. Г.А. Кокиев отмечал, что хабзэншэ действительно в кабардинской феодальной системе были бесправными холопами, над которыми феодал имел неограниченные права[51].

В это время право принятия решения о переводе человека, нарушившего нормы адата, в низшую социальную категорию попрежнему принадлежало его хозяину. Интересный с этой точки зрения случай произошел в Большой Кабарде в начале 20-х гг. XIX в. Крепостной крестьянин Хашир, принадлежавший уорку Хаджи-Тахиру Аджиеву, тайно (т.е. без дозволения своего хозяина) вступил в интимную связь со служанкой (унауткой) Сатаней. При этом Хашир был женат на другой женщине и являлся отцом нескольких детей. Тогда как норма кабардинского обычного права устанавливала, что «холопья не смели без позволения господина своего

иметь любовные связи со служанками, а буде кто с холопьев учинит таковой поступок, то подвергается строгому наказанию»[52]. В результате владелец принял решение, чтобы крепостной Хашир, оставив жену и детей, вместе со служанкой Сатаней перешел жить в дом хозяина в статусе «безобрядного холопа». Исключительным в данном случае является принятое Аджиевым решение, согласно которому если «служанка родит от Хашира дочерей, то в совершенный их возраст беспрекословно [Тахир Аджиев] может продать их, [отдать их] при замужестве своим дочерям, а если будут сыновья, то должны будут оставаться при отце Хашире»[53]. По мнению В.К. Гарданова, такое исключение из общих правил объясняется прежним социальным статусом «обрядового холопа», носителем которого был Хашир до совершения этого правонарушения[54].

Источники свидетельствуют о том, что Хашир оставался в доме сына Тахира Аджиева на положении унаута на протяжении более чем 20 лет. Как видим, переход Хашира в разряд домашних рабов-унаутов был весьма выгодным для Аджиевых, поскольку в этом случае его эксплуатация «совершенно не ограничивалась адатом»[55].

Следует указать, что лишение прав «обрядного» крестьянина в 20–60-е гг. XIX в. входило в юрисдикцию Кабардинского временного суда и применялось в качестве исключительной меры наказания за совершение тяжких преступлений, а также за неповиновение и непослушание своим хозяевам. Постановления суда по этой категории дел в большинстве своем сводились к следующим формулировкам: «Чтобы положить конец ослушаниям некоторых холопей, члены суда на основании народных прав, по совещанию с депутатами от черного народа, постановили: есть ли и за сим холопья будут выходить из повиновения и послушания, и будет доказано это свидетелями – лишить их прав холопьев и предоставить владельцу или его наследникам [право] продать [их] в разные руки с лишением всего состояния»[56].

Картину расслоения крестьянства и связанных с ним других социальных трансформаций дополняют процессы «вторичного закрепощения», когда обнищавшие азаты попадали в крепостную зависимость к их бывшим владельцам. Вторичное закрепощение по своим социальным функциям должно было сбалансировать

(или прекратить) увеличение численности свободных крестьян и тем самым упрочить пошатнувшиеся основы феодально-крепостнической эксплуатации[57]. По словам В.Х. Кажарова, в социально-экономической жизни дореформенной Кабарды «увеличение числа вольноотпущенников и обратная тому тенденция их вторичного закрепощения являются двумя органически взаимосвязанными процессами, возникшими в результате кризиса в ней традиционного феодализма»[58].

Наиболее ярким примером «вторичного закрепощения» является рассматривавшееся выше дело Кабардинского временного суда о закрепощении уорком Бекмурзою Созаевым сына принадлежащего ему холопа Али Таашева, получившего в свое время свободу. Напомним, что в начале 20-х гг. XIX в. в бытность оброчным крестьянином второстепенного уорка Бекмурзы Атласкирова А. Таашев перешел в разряд лаганаутов взамен внесения выкупной платы за предоставление свободы его сыну Ахмету. Спустя некоторое время, князь Кучук Джанхотов, чьим вассалом был Б. Атласкиров, лишил последнего прав на обладание семейством лаганаута Таашева и передал его на правах уорктын Б. Созаеву. Так как по нормам кабардинского обычного права владельцам не разрешалось разрозненно продавать или дарить семейства обрядных крестьян, то малолетний вольноотпущенный сын Таашева Ахмет тоже входил в состав уорктын.

Спустя 20 лет, т.е. в середине 40-х гг. XIX в., Б. Созаев начал требовать от Ахмета Таашева исполнения обязанностей лаганаута. Это, в свою очередь, вызвало недовольство в семье Таашевых, что впоследствии привело к острым конфликтам. В результате одной из ссор, закончившейся дракой с применением холодного оружия, Созаеву было нанесено несколько ножевых ранений. Члены Кабардинского временного суда, изучая обстоятельства этого дела, «приняли» сторону Созаева, мотивируя это тем, что «этот пример для всех других холопов может служить гибелью владельцев или посрамлением чести их»[59]. В результате разбирательства было принято решение, согласно которому уздень Созаев должен был отпустить «сына холопа Алия – Ахмета – с взносом ему, Созаеву, откупной суммы сто семьдесят пять рублей серебром сроком на два с половиной месяца, т.е. по 25-е число майя (1848 г. – *Р.Н.*); если же он, Таашев, к означенному сроку не выплатит, то должен

оставаться в рабстве»[60]. Таким образом, парадокс этой ситуации заключается в том, что Ахмету Таашеву дважды в своей жизни пришлось пройти процедуру освобождения, причем каждый раз это сопровождалось значительными материальными потерями для его семьи.

В большинстве случаев вторичное закрепощение в Кабарде, участившееся в 40–50-е гг. XIX в., возникало по причине материальной несостоятельности азатов, а иногда и незнатных уорков. В это время бывшие хозяева использовали каждый удобный случай для возобновления утраченных, пусть даже на законных основаниях, крепостнических отношений. В.К. Гарданов писал, что «такие дела часто рассматривались в Кабардинском временном суде, и если у крестьянина не было документов, подтверждающих его свободу, то Кабардинский временный суд признавал такого крестьянина крепостным»[61].

Этой категории дел соответствует случай, когда 27 марта 1842 г. кабардинец Магомет, житель аула Куденетова, жаловался в Кабардинский временный суд на то, что «его присваивает в холопство уздень Усман Адигеунов, тогда как ему была дана свобода»[62]. Члены Кабардинского временного суда, разбирая это дело, определили, что «кабардинец Магомет предоставил документ, удостоверяющий вольность, поэтому Адигеунов не в праве присваивать его»[63]. Однако чаще случалось, что у отпущенных на волю кабардинцев не оказывалось на руках документов, подтверждающих их свободу, либо привлечение свидетелей, способных принять по этому делу присягу, не представлялось возможным, чем и «пользовались кабардинские крепостники»[64].

Интересно разворачивались события в деле о закрепощении вольного кабардинца Огурли Ошнокова. Семья уорков Ошноковых погибла во время эпидемии чумы в Кабарде в начале XIX в. В живых осталась только Хоца Ошнокова, которая впоследствии вышла замуж за беслан-уорка Атажукиной фамилии Халишха Шагабахова. После этих событий она «отпустила на волю» единственного своего крепостного по имени Огурли с условием внесения последним выкупной платы в размере 150 рублей серебром. Получив свободу, Огурли предпринял несколько попыток создать семью. От третьего брака с девушкой из рода Танашевых, проживавшей в ауле

Коголкина, родился сын Джанхот. По истечении некоторого времени Асланбек Шагабахов, сын Хоцы, после смерти своей матери начал требовать с Огурли Ошнокова повторного внесения выкупной платы либо стать его крепостным. В результате медиаторского разбирательства по нормам шариата было принято решение о признании за Огурли Ошноковым статуса вольноотпущенника. После этого на рассмотрение медиаторов поступила другая жалоба от Асланбека Шагабахова, в которой от просил взыскать с бывшего крепостного определенной суммы за пользование семейным имуществом своей владелицы, пока она не достигла совершеннолетия. В ходе медиаторского разбирательства селький эфендий «приказал Огурлию очистить себя присягою в невиновности, или заплатить шестьдесят рублей серебром»[65]. О. Ошноков уплатил эту сумму, после чего ему был вручен акт, подтверждающий его статус вольноотпущенника.

В начале 20-х гг. XIX в. крепостной крестьянин Хажимет Асланов был подарен Кучуку Джанхотову. Согласно данным Кабардинского временного суда, К. Джанхотов назначил крестьянина Хажимета на должность княжеского табунщика и через некоторое время в благодарность за преданную службу «даровал ему с семейством вольность», что сопровождалось «актом на арабском диалекте»[66]. После смерти К. Джанхотова вольноотпущенный Хажимет Асланов остался жить в ауле наследницы его бывшего владельца Кабахан Наурузовой. Спустя некоторое время К. Наурузова предъявила претензию в адрес семьи Х. Асланова, называя всех ее членов своими крепостными. Первоначально княгиня подала иск на имя начальника Центра Кавказской линии генерал-майора Пирятинского, но «по рассмотрению дела он признал претензию княгини Наурузовой необоснователною и в иске ей отказал»[67].

В 1844 г. княгиня Наурузова обратилась с аналогичной просьбой уже к другому начальнику Центра Кавказской линии князю Голицыну. Разбирая это дело, 24 октября 1844 г. члены Кабардинского временного суда постановили, чтобы Х. Асланов «с семейством своим был вечно вольным и в назначенный срок переселился бы на жительство в аул княгини Нарузовой с тем, однако же, что если княгиня Наурузова будет делать ему (Хажимету Асланову. – *Р.Н.*) какое-либо притеснение, то он вправе переселиться от нее куда пожелает»[68].

Но К. Наурузова не оставила желание закрепостить эту семью. В 1849 г. первый их владелец Пшемахо Адыгеунов по настоянию княгини подал прошение на имя кавказского наместника. Однако в этом же году по решению Кабардинского временного суда, заверенного генерал-майором князем Эристовым, Адыгеунову в его иске было отказано[69].

В 1862 г. Кабахан Наурузова подала еще одно прошение на имя генерал-майора князя Орбелиани, суть которого заключалась в том, что, «признавая вольным Хажимета Асланова, она требовала закрепощения его жены и присвоения себе в собственность их имущества»[70]. Между тем, как явствует из ответной жалобы Х. Асланова, князья Наурузовы продолжали «делать им притеснения», которые заключались в том, что, «во-первых, Комитет по разбору личных прав туземцев, по словам княгини Наурузовой, не внес [семью Асланова] в списки вольноотпущенников, а записал холопьями Наурузовой; во-вторых, дети ее, князья Наурузовы, берут лошадей в его табуне без позволения и отдают их в подарок посторонним лицам; в-третьих, не дозволяют даже распоряжаться собственным имуществом; и, в-четвертых, должные ими ему (Асланову. – *Р.Н.*) 200 рублей серебром также не уплачивают»[71].

Результатом решения этой тяжбы, длившейся более 20 лет, является постановление Кабардинского окружного народного суда (1865), согласно которому Хажимету Асланову и членам его семьи, состоявшей из 11 человек обоего пола, определялась «вечная свобода»[72].

Ввиду своей особой специфики процессы, связанные с вторичным закрепощением, носили затяжной характер. Во-первых, между первым освобождением и повторным закрепощением иногда проходило не одно десятилетие. Во-вторых, сами судебные тяжбы могли длиться несколько лет. Так, например, из материалов дела «о неповиновении семьи Ногоевых узденям Аджиевым» видно, что семья огов, освобожденная за выкуп в 1834 г., была вторич-но закрепощена в середине 40-х гг. XIX в. В 1846 г. Кабардинский временный суд по этому делу постановил внести семье ответчика еще 1000 рублей серебром в пользу своих бывших хозяев[73].

Все это говорит о дестабилизации межсословных отношений на фоне стремительного расслоения крестьянства у кабардинцев

в дореформенный период, что, в свою очередь, являлось одним из факторов трансформации сословной структуры общества и в значительной степени ограничивало естественный процесс социальной мобильности лиц, находившихся внизу иерархической лестницы.

Итак, вторичное закрепощение вольноотпущенников их бывшими владельцами (либо их прямыми наследниками или родственниками по боковой линии) во второй четверти XIX в. было нередким явлением. Не имея документа, подтверждающего вольность («отпускную»), кабардинские азаты находились под постоянной угрозой вторичного закрепощения.

Следует отметить, что в 50–60-х гг. XIX в. при вступлении в брак некоторые крепостные крестьяне сами уплачивали за себя предусмотренный кабардинским адатом калым. Например, в 1858 г. житель аула Шогеновых крепостной крестьянин Гула Боратов «сосватал себе в замужество холопку прапорщика Айтек Кошева с уплатой калыма согласно народного обычая 160 рублей серебром, и для взятия невесты был назначен срок один месяц с тем, чтобы к этому сроку [Боратов] уплатил 100 рублей»[74]. Эти условия были в точности исполнены, и в качестве калыма Боратов предоставил 4 быков, 4 коров, 2 лошадей и 10 рублей серебром. Примечательно, что в этом случае, как и прежде, получателем калыма являлся владелец выдаваемой замуж крепостной крестьянки.

Изменения коснулись и самой бесправной части общества – унаутов, или «безобрядных» холопов. В 40–60-е гг. XIX в. в Кабарде наметилась тенденция к увеличению их численности. Данные о количественном составе домашних рабов можно почерпнуть из списков, составленных в период проведения реформы по отмене крепостного права в Кабарде. Так, в «Сводной ведомости о количестве крестьян, освобожденных от рабства в горских областях Терской области (14 марта 1867 г.)» указывается, что в Кабардинском округе было освобождено 1625 «безобрядных» женщин и 844 мужчины[75]. По словам В.Х. Кажарова, «рост численности унаутов, частично компенсируя снижение удельного веса крепостных среди других социальных групп, отражал стремление общества к стабилизации и преодолению деформационных процессов в сфере крепостничества и домашнего рабства»[76].

Как видим, количество мужчин-унаутов в 20–60-е гг. XIX в. в Кабарде было значительно меньшим, чем женщин. Это во многом

объясняется спецификой норм кабардинского обычного права, согласно которым мужчины-унауты, получившие этот статус по рождению, достигнув совершеннолетнего возраста, имели право «требовать от владельца покупки ему жены от лаганаут»[77]. Вступая в брак, они, а впоследствии и их дети, переводились в разряд лаганаутов.

Сделки по купле-продаже рабов и крепостных крестьян подлежали обязательной регистрации в специальной книге, заведенной для этого в Кабардинском временном суде. Это правило было введено начальником Центра Кавказской линии Голицыным. В специальном рапорте командующему войсками Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенанту Гурко от 26 февраля 1844 г. Голицын писал: «Я счел необходимым во всех аулах объявить, что сделки покупки и продажи, выпуск холопьев на волю, калымы, платимые за невест, одним словом, все, что может служить поводом к тяжбе, должно совершаться в Кабардинском суде и записываться в книгу, на этот предмет заведенную»[78]. Несоблюдение этого правила являлось основанием для признания сделки по покупке раба незаконной или недействительной, как, например, в случае продажи Жуовым «холопки» Пхумахи Кушхову. Из содержания журнального постановления Кабардинского временного суда по этому делу следует, что кабардинец Тату Кушхов купил у жителя аула Трамова Шаукары Жуова рабыню за 800 рублей. Одним из условий этого договора был 15-дневный испытательный срок. Если по его истечении покупатель «не заметит в рабыне каких-нибудь пороков», сделка будет считаться состоявшейся. Однако через пять дней после покупки унаутки Т. Кушхов умер, а его сын Хатакшуко обратился в Кабардинский временный суд с иском о признании сделки недействительной и с требованием о возвращении уплаченной за рабыню суммы. В справке, приобщенной судом к материалам дела, было указано, что «о продаже и покупке этой женщины не было предъявлено [сведений] в кабардинском суде, а по введенному порядку в обряде, каждый продавец и покупщик обязаны предъявить в суд [сведения] для занесения в книгу, на сей предмет заведенную»[79]. На основании чего члены Кабардинского временного суда признали эту сделку недействительной и постановили «холопку Пхумахо возвратить кабардинцу Жуову, а про-

сителю Кушхову предоставить право получить заплаченные продавцу деньги 800 рублей ассигнациями»[80].

Таким образом, социальные трансформации среди зависимых сословий в Кабарде в 20–60-х гг. XIX в. носили значительный характер, подчеркивая степень и глубину системного кризиса, охватившего все кабардинское общество в результате внешних деструктивных воздействий.

Примечания

[1] *Думанов Х.М.* Социальная структура и обычное право кабардинцев в нормах адата (первая половина XIX в.). Нальчик, 1990; *Гугов Р.Х.* Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. Нальчик, 1999. С. 174–186.

[2] *Св-е.* Крепостные в Кабарде и их освобождение // Сборник сведений о кавказских горцах (далее – ССКГ). Тифлис, 1868. Вып. 1. Отд. 8. С. 15–36; *Грабовский Н.Ф.* Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3. С. 1–28; *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991. С. 98–107; *Кокиев Г.А.* Крестьянская реформа в Кабарде в 1867 г. // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов: Сост. Г.Х. Мамбетов. Нальчик, 2005. С. 838–902; *Мужев И.Ф.* Предпосылки крестьянской реформы в Кабарде // УЗ Кабардинского педагогического института. Нальчик, 1951. Вып. 3. С. 89–114; *Кумыков Т.Х.* Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии (1800–1869 гг.). Нальчик, 1959; *Он же*. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965; *Жакомихов Т.А*. Феодальные повинности и освобождение крестьян от крепостного права в Кабарде и Балкарии в 1867 г. // УЗ КБГУ. Нальчик, 1963. Вып. 18; *Кузьминов П.А.* Аграрно-крестьянская реформа на Северном Кавказе в оценках современников // Вопросы истории историографии Северного Кавказа. Нальчик, 1989. С. 153–164; *Тамазов М.С.* Деятельность посреднических судов по освобождению зависимых сословий в Кабарде и Балкарии в конце 60-х гг. XIX в. // Вестник КБГУ. Серия Гуманитарные науки. Нальчик, 2001. Вып. 6. С. 14–16; *Кузьминов П.А*. Крестьянский вопрос в социальной политике российского правительства на Северном Кавказе в XVIII – 60-х годах XIX века // Архивы и общество. Нальчик, 2007. № 1. С. 82–88.

[3] *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII –первой половине XIX в. Нальчик, 1994.

[4] *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 153.

[5] *Думанов Х.М.* Социальная структура… С. 174.

[6] ЦГА КБР, ф. И-2, оп. 1, ед. хр. 765, л. 34.

[7] *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты… С. 194; Материалы по обычному праву кабардинцев (первая половина XIX века) / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик, 1956. С. 364.

[8] *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина. К проблеме основной социальной единицы адыгского феодального общества. Нальчик, 1993. С. 111.

[9] *Грабовский Н.Ф.* Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3. С. 13.
[10] Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 2, д. 27, л. 4.
[11] См.: ЦГА КБР, ф. И-40, оп. 1, ед. хр. 4, л. 167.
[12] Материалы по обычному праву кабардинцев… С. 374.
[13] *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина… С. 54,55.
[14] Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 12, л. 204; см. также: *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина… С. 54,55.
[15] Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 12, л. 135.
[16] Материалы по обычному праву кабардинцев… С. 397.
[17] Там же. С. 216.
[18] Там же. С. 161.
[19] Материалы по обычному праву кабардинцев… С. 315.
[20] Там же. С. 317.
[21] *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. С. 240; *Думанов Х.М.* Социальная структура… С. 164.
[22] *Бейтуганов С.Н.* Кабарда и Ермолов. Нальчик, 1993. С. 223.
[23] От барамта (баранта) – древний обычай захвата имущества другого лица в компенсацию за нанесенный от него в результате преступления ущерб.
[24] Крестьянская реформа в Кабарде: Документы по истории освобождения зависимых сословий в Кабарде в 1867 г. / собрал и составил Г.А. Кокиев. Нальчик, 1947. С. 106.
[25] Материалы по обычному праву кабардинцев… С. 353,354.
[26] Крестьянская реформа… С. 106.
[27] Цит. по: Материалы по обычному праву кабардинцев… С. 363.
[28] Там же… С. 77.
[29] *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина... С. 117.
[30] Крестьянская реформа… С. 76.
[31] Там же.
[32] *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Восточного и Северного Кавказа. Одесса, 1882. С. 63.
[33] Крестьянская реформа… С. 241.
[34] Цит. по: *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев… С. 98.
[35] Крестьянская реформа… С. 84.
[36] Там же. С. 84.
[37] ЦГИА РТ, ф. 416, оп. 3, ед. хр. 1051, л. 27; то же: Крестьянская реформа... С. 26, 85;
[38] Цит. по: *Кокиев Г.А.* Классовая структура… С. 208.
[39] Материалы по обычному праву кабардинцев… С. 368.
[40] См.: *Леонтович Ф.И.* Адаты… С. 234.
[41] Материалы по обычному праву кабардинцев… С. 87.
[42] Цит. по: *Думанов Х.М.* Социальная структура… С. 50.
[43] Крестьянская реформа… С. 83.
[44] Материалы по обычному праву кабардинцев… С. 311.
[45] Там же
[46] *Думанов Х.М.* Социальная структура… С. 151.
[47] Цит. по: *Думанов Х.М.* Социальная структура… С. 152.

[48] *Хабзэншэ* – это «сложное кабардинское слово, состоящее из «хабзэ» – обычай, адат, и «ншэ» – нарушать, а в целом – «адатонарушитель» // Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 66, л. 25.
[49] Крестьянская реформа… С. 56–57.
[50] О крепостном сословии… С. 202; Архив КБИГИ, инв. № 23. С. 126.
[51] *Кокиев Г.А.* Классовая структура кабардинского феодального общества в середине XIX века // История Кабарды и Балкарии в трудах Г.А Кокиева. Нальчик, 2005. С. 212.
[52] Материалы по обычному праву кабардинцев… С. 28.
[53] Там же. С. 29.
[54] Там же. С. 349.
[55] Там же. С. 349.
[56] Там же. С. 100.
[57] *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев… С. 196.
[58] Там же. С. 197.
[59] Материалы по обычному праву кабардинцев… С. 91.
[60] Там же. С. 93.
[61] Там же. С. 35.
[62] Там же. С. 35.
[63] Там же. С. 32.
[64] Там же. С. 351.
[65] Там же. С. 254.
[66] См.: Там же. С. 294.
[67] Там же.
[68] Там же. С. 296.
[69] Там же.
[70] Там же.
[71] Там же. С. 294.
[72] Там же. С. 298.
[73] Материалы по обычному праву кабардинцев… С. 216.
[74] ЦГА КБР, ф. И-24, оп. 1, ед. хр. 114, л. 1,1 об.
[75] *Кажаров В.Х.* Традиционные общественный институты кабардинцев… С. 197.
[76] Там же. С. 199.
[77] Крестьянская реформа… С. 88,89.
[78] Материалы по обычному праву кабардинцев… С. 419.
[79] Там же. С. 312.
[80] Там же.

М. Н. Губжоков
(Майкоп)

ХАН-ГИРЕЕМ «НЕВОСПЕТЫЕ» ГЕРОИ: К ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ АДЫГОВ XIX ВЕКА

Двухсотлетний юбилей выдающегося представителя адыгской интеллектуальной элиты и политического деятеля Хан-Гирея (1808–1842) предоставляет возможность не только оценить масштаб само́й личности, но и подвести определенные итоги и оценить нынешнее состояние хангирееведения, в определенной степени отражающее общий уровень адыгской персоналистики и ее дальнейшие перспективы.

Неординарность личности Хан-Гирея и многогранность его деятельности вызывает пристальный интерес у представителей самых разных научных направлений, поскольку в своих трудах Хан-Гирей предстает как историк, этнограф, религиовед, лингвист, писатель-беллетрист.

Наряду с Шорой Ногмовым и Адиль-Гиреем Кешевым Хан-Гирей относится к блестящей плеяде адыгской интеллигенции начала и середины XIX в., и сегодня поражающей диапазоном интересов, универсальностью дарований и масштабом свершений. Так, без учета личности и деяний Хан-Гирея невозможно писать не только, скажем, историю адыгской литературы, но и политическую историю Черкесии, поскольку пик деятельности Хан-Гирея пришелся на один из ключевых периодов Кавказской войны – 1830-е гг., когда осуществлялся выбор дальнейшей стратегии взаимоотношений западными адыгами и Российской империей.

Внешняя, событийная канва жизни Хан-Гирея – молодые годы, пребывание на российской службе, карьерный взлет, «Записки о Черкесии» и кавказская миссия, политические проекты, опала,

выход в отставку и ранняя смерть (в возрасте 34 лет) – описана достаточно подробно. Регулярно публикуются новые источники, детализирующие биографию Хан-Гирея и дополняющие список его трудов[1].

Однако, как бы парадоксально это ни звучало, сегодня мы знаем о Хан-Гирее ненамного больше, нежели полвека назад, когда его жизнь и деятельность впервые стали предметом научного осмысления.

Суть методологического тупика, в котором пребывает сегодня внешне благополучное (если судить хотя бы по числу защищенных диссертаций) хангиреееведение, была проиллюстрирована В.Х. Кажаровым на примере изучения им творческого наследия выдающегося адыгского просветителя Шоры Ногмова. В одной из своих статей, которую смело можно назвать программной для исследователей общественной мысли и интеллектуальной истории адыгов XIX века, В.Х. Кажаров отметил, что упование на количественное увеличение источников теряет всякий смысл в ситуации слабости методологической базы. Подобная порочная практика не позволяет проникнуть во внутренний мир объекта исследования, «выявить в достаточно полной мере истинные мотивы его высказываний и поступков, нашедших отражение в опубликованных трудах и материалах. Тем более затруднительно выявить те сокровенные мысли, чувства, скрытые намерения и подспудные желания, которые он по тем или иным причинам не решался высказывать. Как бы то ни было, ногмоведение (читай – и хангиреееведение тоже. – *М.Г.*) не может развиваться дальше только экстенсивным способом, полагаясь лишь на расширение источниковедческой базы. Необходимо изменить сам угол зрения на давно известные фактические данные, совершенствуя методы их интерпретации»[2].

Действительно, только выйдя за пределы «традиционных» методов социально-политической истории, можно попытаться несколько иначе интерпретировать основные биографические вехи Хан-Гирея и выявить истоки его творчества.

В становлении Хан-Гирея как знаковой, исторической фигуры свою роль сыграли факторы как объективного, так и субъективного свойства: личностные качества самóго Хан-Гирея, его сословный статус и этносоциальная среда, в которой формировался этот неординарный человек.

Хан-Гирей принадлежал к тому поколению адыгской аристократии, деятельность которого пришлась на постадрианопольский период – принципиально новый этап истории Западной Черкесии, характеризовавшийся качественно иной расстановкой как внешних, так и внутренних сил. Адыгская политическая элита, столетиями сохранявшая независимость страны не только силой оружия, но и благодаря умелому лавированию между интересами соседних держав, в новых условиях постепенно утрачивала возможности дипломатического и социального маневра. Находясь в ситуации перманентного конфликта с «демократическими» обществами Северо-Западного Кавказа и уже имея печальный опыт знакомства с российской военной машиной, владетели равнинных княжеств Западной Черкесии, оказавшись блокированными между «немирными горцами» и кордонной линией, предпочли принести присягу Николаю I.

Двусмысленность положения данной категории адыгов заключалась не только в вынужденном характере присяги – аристократия равнинных княжеств, формально признавая императора своим верховным сюзереном, на деле воспринимала свои отношения с Россией как некую форму покровительства, ревниво оберегая свои сословные привилегии.

В тщетной попытке сохранить самоуправление и отстоять свои политические, экономические и юридические прерогативы князья Западной Черкесии неоднократно на протяжении 1830–1850-х гг. порывали отношения с кордонными властями, вступая в непрочные союзы с «немирными» адыгами. Однако сложные перипетии войны вновь приводили их в стан временных союзников России, что завершалось принесением очередной присяги императору.

Имея перед глазами трагический пример поверженной Кабарды, закубанская аристократия должна была отчетливо сознавать неизбежность полной утраты независимости, а неспособность, как прежде, влиять на развитие ситуации, порождала ощущение мучительной раздвоенности и неуверенности в сегодняшнем дне.

Можно только предполагать, что испытывали представители знатнейших фамилий Западной Черкесии, сословные прерогативы которых подтачивались, с одной стороны, эгалитарными тенденциями, исходившими от «демократических» обществ и получи-

вшими обоснование в исламской проповеди всеобщего равенства и в системе шариатского права. С другой стороны, фактором, приводившим к десакрализации княжеской власти и подрывавшим ее авторитет в глазах подданных, была политика российских властей, не испытывавших ни малейшего пиетета к «благородному» сословию и регулярно демонстрировавших свое статусное превосходство, в т.ч. и в семиотическом пространстве.

В ситуации постепенного разрушения привычного мира адыгские аристократы пытались воспроизводить хотя бы внешние атрибуты суверенности – в сферах, еще подвластных им и пока не подвергшихся деформации.

Одной из основных стратегических задач российских властей была перестройка сознания адыгов, стремление добиться адекватного, по российским представлениям, восприятия политической действительности. Понимая, что характерная для традиционного общества инерционность мышления еще нескоро позволит адыгам осознать себя в роли «верноподданных Его Императорского Величества», правительство предприняло ряд действий, способных заложить некие элементы государственной лояльности в структуру идентичности адыгов. В этих целях была осуществлена вербовка адыгов в «туземные» подразделения российской армии, наиболее влиятельным представителям высшего дворянства даровались офицерские звания, а их дети направлялись на учебу в Россию.

В то же время число тех, кто усвоил новые стереотипы политического сознания, было немного – для адыгского дворянина, даже вынужденно покинувшего свою вотчину, «крайне трудно было переключиться в совершенно новый для него мир служебно-бюрократической субординации»[3], имевшей мало общего с привычной ему социальной стратификацией. Так, зачастую о своем звании прапорщиков или подпоручиков адыгские дворяне вспоминали лишь в день поездки за жалованьем.

Полный разрыв со своим окружением и добровольное принятие на себя принципиально новых социальных ролей (например запись в казаки), как правило, были обусловлены той или иной жизненной трагедией – угрозой кровной мести, судебным преследованием, бегством зависимого лица от хозяина.

Парадоксально, но у адыгов причиной и обоснованием резкой смены социального статуса, восприятия новых социальных ролей,

приобретения новой составляющей идентичности могло быть не только вышеописанное ситуативное изгойничество, маргинализация личности, но и поликультурализм.

Именно поликультурализм являлся доминирующим фактором для адыгских султанов (*хануко*), возводивших свою родословную к Гиреям – правящей династии Крымского ханства, представители которой в разное время и по разным причинам оседали в Черкесии. Будучи в культурном отношении ассимилированы адыгами, Гиреевичи тем не менее четко дистанцировались от прочих представителей местной знати, оперируя генеалогическими легендами о выезжих из Крыма предках и прочно удерживая татарскую составляющую в коллективной памяти. Хануко пользовались подчеркнутыми этикетными преимуществами даже по сравнению с князьями, но фактический статус обеспечивался не только знатностью, но и личными достоинствами, соответствием черкесскому идеалу аристократа. Примером именно такого плана являлся отец Хан-Гирея Магомет-Гирей, значительную степень влияния которого на адыгов стремились использовать османы, а впоследствии – и российское правительство[4].

Как нам кажется, именно Гиреевичи, как по самоидентификации, так и на взгляд окружающих, являвшиеся чужеродным элементом Черкесии, символизировали собой тот тип самосознания, при котором поликультурность смыкается с маргинальностью. Именно Гиреевичи, более чем кто-либо другой, были восприимчивее к разного рода инновациям. Именно у этой прослойки адыгской знати потенциальная готовность к смене ролей была заложена изначально.

И именно данной психологической особенностью хануко – изначальной множественной идентичностью – можно объяснить некоторые ключевые эпизоды жизни и деятельности Хан-Гирея, с которыми тесно увязывается генезис сюжетов и выбор основных персонажей его произведений.

Разносторонность Хан-Гирея, многослойность его самосознания была хорошо заметна современникам. Образно и удивительно точно его описал журналист и издатель Н.А. Полевой: «… потомок Одигея по происхождению, черкесский князь по роду, полковник и флигель-адъютант по званию, европеец по уму и образованию,

философ и человек по душе и сердцу…»[5] В этой фразе отражены не только сдвоенная татарско-адыгская этническая идентификация, но и другие компоненты общей идентичности: сословная, династическая, профессиональная (служебная и творческая – по которой мы, собственно, и знаем Хан-Гирея). А ведь здесь не упомянуты идентичности религиозная, субэтническая, сеньориально-владельческая и прочие, также свойственные Хан-Гирею[6].

Все эти ипостаси удивительным образом переплетались, в соответствии с конкретной ситуацией перемещаясь по воображаемой «табели о рангах» и выстраиваясь в определенную иерархию.

Так, находясь на службе в Петербурге, в кабинетах военно-политического руководства империи, Хан-Гирей ощущал себя прежде всего представителем российского истэблишмента, носившего в значительной степени надэтнический характер.

На балах и светских раутах, где он зачастую воспринимался как «украшение вечера», как карнавальная фигура, этническая составляющая его не выходила за пределы отведенной ему роли экзотического «туземного князя».

В ходе работы над «Записками», когда он погружался в мир феодальной Черкесии, адыгская часть его этничности актуализировалась, извлекая из памяти реалии адыгского быта и вступая в сложное взаимодействие с российским пластом сознания, когда возникала необходимость надлежащей интерпретации фактов в соответствии с общим настроем и заказным характером его труда.

Адыгская идентичность сказывалась в нем и тогда, когда он, похоже, искренне, надеялся спасти свой народ от предуготованной ему бойни, лучше, чем кто-либо другой, сознавая экономическое могущество и военный потенциал России. Отсюда и готовность к исполнению кавказской миссии, и разнообразные проекты, в которых он пытался найти модель наименее болезненного включения адыгов в структуру империи.

Конфликт этничности и служебного долга отражался и на литературном поприще Хан-Гирея. Искренне любя свой народ, он многократно воспевает «благословенную старину», что сродни обращению к «золотому веку» черкесской истории, эпохе независимости и доминирования адыгов на Северном Кавказе, периоду относительной социальной гармонии с ее почитанием аристокра-

тических родов и соблюдением сословных ролей и стереотипов (последнее было немаловажно для Хан-Гирея как представителя правящего класса). В то же время, по соображениям государственной лояльности, он умалчивает о российском факторе, в значительной степени ответственном за «буйные заботы», «тревоги» и «кровавые бури», медленно подтачивавшие Черкесию.

Сознательное культивирование Хан-Гиреем своей общероссийской идентичности привело к тому, что он искренне разделял те идеи, которые правительством только декларировались, но воплотиться в жизнь в условиях тогдашних кавказских реалий не имели ни малейшего шанса. Будучи очарован идеей просветительства, он надеялся на плодотворный симбиоз культур, страстно желал писать не только для русского читателя, но и «для своих», т.е. соплеменников. Его славословия в адрес императора в «Записках о Черкесии» – не просто ритуальные фразы, а свидетельство неподдельной веры в возможности монарха огромной державы привести черкесский народ «в гражданственное состояние кроткими мерами с возможным избежанием кровопролития» (напомним, что именно так именует Хан-Гирей ключевую главу своих «Записок»).

На протяжении всего периода нахождения на русской службе Хан-Гирей предпринимал отчаянные попытки обрести свое место в системе взаимоотношений адыгов и России.

Одна из таких попыток заключалась в задействовании династической составляющей своей идентичности, использовав специфический сословный статус как ресурс получения на его базе определенных политических дивидендов. Следует отметить, что крымское происхождение было актуально для Хан-Гирея на протяжении всей его жизни. Достаточно упомянуть о его женитьбе на знаковой персоне – племяннице последнего крымского хана[7], сын от которой был назван Мурат-Гиреем (как и было заведено в семьях хануко).

К 1829 г. относится до сих пор не проясненная история с письмом от бжедугских (хамышеевских) владетелей, в котором те просили признать Хан-Гирея своим единоличным правителем, поскольку, по их словам, его предки «управляли всегда делами дедов наших»[8]. Однако при проверке подлинности послания бжедугские князья отказались от своих слов, обвинив Хан-Гирея в попытке

присвоения власти[9]. Сейчас уже невозможно установить, было ли это стремлением скомпрометировать молодого хануко политической игрой бжедугских князей, не пожелавших делегировать ему роль посредника между адыгами и российским командованием, некогда заслуженно принадлежавшую отцу Хан-Гирея. Или же следует расценивать этот эпизод как первую, неудачную попытку, озвучив фамильные предания, привлечь внимание правительства к собственной персоне?

Впоследствии Хан-Гирей временно отказывается от этой идеи как бесперспективной и даже бросающей на него тень. Неслучайно, что из первоначального плана «Записок о Черкесии» выпадает глава XVII «Описание крымских ханов, живущих между черкесами» – под явно надуманным предлогом недостатка информации. И только на закате своей карьеры, находясь в годичном (с апреля 1840-го по апрель 1841 г.) отпуске по болезни, он пишет посвященный отцу очерк «Сераскир султан Мугаммед-Гирей», где вновь обращается к теме положения Гиреевичей среди адыгов. При этом основателем рода бжедугских Гиреев указан султан Ислам-Гирей, переселившийся в Черкесию еще до падения Крымского ханства и чьим потомком в пятом поколении и являлся Мугаммед-Гирей.

Значительная часть текста посвящена статусу султанов в адыгском обществе, а также описанию тех условий, на которых Ислам-Гирей «водворился» среди бжедугов-хамышеевцев. Особенный интерес вызывает четвертый пункт условий, ставящий местных князей и их потомков в подчиненное по отношению к пришлому султану и его потомкам положение «младших союзников»[10].

В связи с этим очерк «Сераскир султан Мугаммед-Гирей» можно рассматривать не только как образец художественной прозы Хан-Гирея, но и как своеобразный политический манифест, еще одну попытку обосновать свои претензии на особое место в структуре адыгской аристократии, обратившись на этот раз к беллетристике.

Показательно, что в формулярных списках за 1841–42 гг. Хан-Гирей значится происходящим «из крымских султанов»[11], в то время как в более ранних документах того же плана он проходил как выходец «из закубанских князей»[12]. Вряд ли это совпадение является случайным.

Другая попытка занять определенное место в структуре колониального управления относится исследователями к 1837 г., ког-

да в рамках создававшегося Хан-Гиреем «Проекта Положения об управлении горскими народами» им предусматривается пост «попечителя всех горских племен Кавказа» с беспрецедентными полномочиями[13], который (как явствует из контекста документа) должен был занять человек из местной среды. Однако не без участия командующего российскими войсками на Кавказской линии и в Черномории генерала А.А. Вельяминова, вероятно опасавшегося за свое положение, проект был провален[14], а идея введения поста попечителя не встретила одобрения у императора[15].

* * *

Последние годы жизни были непростыми для Хан-Гирея.

И дело было не только в крушении карьеры, первоначально столь стремительно и удачно складывавшейся для него.

Он испытывал крах надежд, которые прочно связывал с российской властью – надежд на мирный финал кавказской драмы, предполагаемый (и столь желаемый!) сценарий которого он с такой тщательностью и детализацией выписывал в своих проектах.

Пессимистические ноты, которыми завершаются биографические очерки Хан-Гирея, и эмоциональные вставки минорного плана, встречающиеся в его других трудах, демонстрируют разочарование и опустошенность автора. Он по-прежнему «не может без сожаления, без участия взирать на родные места, опустошенные уже грозой неумолимой судьбы»[16], однако важнейшие вопросы «о судьбе народа» он уже не намерен «ни угадывать, ни разрешать»[17]. Автор отмечает, что «воспоминания (о пребывании на российской службе – *М.Г.*) будут для него достаточной наградой за все, за все, а спокойствие совести послужит ему лучшим утешением в остальной жизни!», завершая этот пассаж словами: «Простите невольному движению! Не всякий может хоронить чувства, приковывать язык, не всякому дано, слава богу, искусство притворяться...»[18]. И это при жесткой самоцензуре автора!

С лета 1837 г. практически безотлучно находясь на Кавказе, Хан-Гирей воочию наблюдает ужесточение российской политики по отношению к адыгам, переход к открытой военной конфронтации. Так, в течение ряда лет с целью экономической и политической

блокады Черкесии осуществляется строительство российских крепостей в прибрежных пунктах, занимавшихся десантами с моря. В феврале–мае 1840 г. адыгами были предприняты кровопролитные атаки на эти форты. В том же 1840 г. начинается осуществление нового масштабного проекта – перенос кордонной линии в глубь Закубанья, на Лабу. Сочетавшая военное давление с казачьей колонизацией отторгнутых у коренного населения земель, эта стратегия в значительной степени предопределила перелом в войне и в дальнейшем обеспечила успех военному командованию на заключительном этапе утверждения России на Кавказе. И все эти годы на глазах у Хан-Гирея протекает кровавая деятельность командующего Кубанской линией генерала Засса, о роли которого в жизни и творчестве Хан-Гирея мы еще скажем.

Все это должно было порождать в совестливой душе Хан-Гирея обостренное чувство вины человека, причастного к трагедии своего народа, волею судьбы так близко стоявшего у кормила власти и не сумевшего направить события в иное русло. Груз моральной ответственности за происходящее, принятый на себя Хан-Гиреем, оказался для него непомерно тяжел. Российская составляющая его личности, с которой он некогда связывал столько надежд, медленно угасала, подрывая и без того неидеальное здоровье.

Как нам кажется, именно в этом, а не в мифическом «отравлении мюридистами» и следует искать причины ранней смерти Хан-Гирея.

* * *

Приняв решение об уходе с военной службы (видимо, за год-два до официальной отставки), Хан-Гирей погружается в литературное творчество, которое он «избрал целью остальной жизни своей…»[19]. В этот период им были созданы или завершены его основные литературные произведения. Бóльшая часть из них была опубликована уже после смерти автора, последовавшей в 1842 г. Однако по косвенным свидетельствам можно судить, что творческие замыслы автора не ограничивались только данными трудами.

Целый ряд произведений так и не нашел своего читателя. Так, утерянным считается «Собрание древних черкесских песен и преданий», над рукописью которого трудился Хан-Гирей. Неизвест-

но также, сколько очерков из биографической серии намеревался написать Хан-Гирей, однако относительно недавнее обнаружение фрагментов «Мугаммед-Гирея» подтверждает возможность существования и других очерков наряду с двумя ранее напечатанными («Бесльний Абат» и «Князь Пшьской Аходягоко»)[20].

Именно серийный характер жизнеописаний «замечательнейших черкесов преходящего поколения» вызывает у исследователей особый интерес, позволяет высказать некоторые предположения о вероятных кандидатах в герои последующих очерков.

Нет никакого сомнения, что главные персонажи очерков избирались Хан-Гиреем в соответствии с определенными принципами, выявив которые, мы сможем продолжить список вероятных героев.

Прежде всего, все три главных героя известных нам жизнеописаний – представители высшей знати феодальной Черкесии, масштабные политические фигуры. С каждым из них Хан-Гирей был близко знаком либо связан узами родства: Магомет-Гирей был отцом автора, Пшекуй Ахеджаков – зятем (будучи женат на родной сестре Хан-Гирея), с Бесленеем Абатом судьба надолго свела его в Петербурге.

Кроме того, все три жизнеописания укладываются в генеральную концепцию Хан-Гирея о неизбежности вхождения адыгов в состав России.

Внутренний посыл биографических очерков – неспособность традиционных элит в ситуации междоусобиц и социального конфликта преодолеть политический эгоизм и нормализовать общественные отношения к благу и процветанию народа. Единственный путь, исторически оправданный и выстраданный всеми тремя главными героями, ведет к России, способной даровать всем сословиям гражданские права и направить адыгов на путь просвещения и прогресса. Тем самым, по мнению автора, осознанное подчинение империи является не только неизбежным, но и необходимым!

Естественно, что исторические персонажи, не разделявшие эти идеи Хан-Гирея (как, например, Кзильбеч Шеретлуков), удостоиться места в его портретной галерее не могли либо упоминались в качестве статистов, на фоне которых развертывалась деятельность «идеологически выдержанных» главных героев очерков.

К числу потенциальных героев Хан-Гирея можно было бы отнести, например, Калеубата Шупако – признанного лидера на-

тухайцев конца XVIII – начала XIX в., являвшегося противником строительства турецкой крепости Анапа на адыгской земле и убежденным сторонником России, – если бы ко времени Хан-Гирея родственники Калеубата, разочарованные непоследовательностью России, не находились уже в стане «немирных», принимая британских эмиссаров и штурмуя российские крепости.

Идеальным кандидатом на помещение в галерею «знаменитейших черкесов» был старший князь Темиргоя Джембулат Болотоков, также находившийся в родстве с Хан-Гиреем, одна из сестер которого стала женой князя Шумафа Болотокова (об их бракосочетании Хан-Гирей упоминает в «Записках о Черкесии»).

Джембулат Болотоков, воплощение всех дворянских добродетелей, «последний представитель рыцарского поколения прежних черкесских князей»[21], пользовавшийся огромным авторитетом среди адыгов, в 1830 г. принес присягу российскому императору и прекратил военные акции против кордонной линии. Строго соблюдая мирные условия, он «сохранил с тех пор верность к России»[22], не давая никакого повода российскому командованию для разорения его подвластных.

Летом 1837 г. Джамбулат Болотоков был предательски убит, причем как народная молва, так и российские и иностранные авторы (Ф.А. Щербина, Е.П. Лачинова (Е. Хамар-Дабанов), Мусса Кундухов, Дж. Белл) прямо или косвенно возлагали вину за это преступление на командующего Кубанской линией генерала Засса, которому была исключительно выгодна смерть влиятельного князя впреддверии переноса кордонной линии на Лабу и ожидавшихся в силу этого столкновений с темиргоевцами.

Видимо, разделяя эту точку зрения, Хан-Гирей тем не менее вскользь, не называя имен, ограничился констатацией самого́ факта гибели Джембулата «насильственной смертью»[23]. Трудно сказать, что здесь преобладает: попытка Хан-Гирея в порыве офицерского долга спасти в глазах читателя репутацию российского командования, под эгидой которого действовали личности, подобные Зассу? Опасение возможной мести со стороны всемогущего и бесконтрольного Засса? Или чувство омерзения, нежелание даже упоминать имя этого палача?..

Примечательно, что это не единственный случай «вымарывания» Хан-Гиреем имени Засса из текста. В одном из докладов

Хан-Гирея, черновым автографом которого мы располагаем, взаимоотношения российского командования с абадзехами излагаются следующим образом: «...набеги ~~генер~~ (зачеркнуто Хан-Гиреем. – *М.Г.*) наших легких отрядов и их держат в некотором страхе»[24].

Вероятно, что по роду службы Хан-Гирею приходилось встречаться с Зассом. Во всяком случае, такая встреча была неизбежна летом 1837 г., когда Хан-Гирей в ходе кавказской миссии должен был по рекомендации генерала А.А. Вельяминова заручиться поддержкой командующих кордонными линиями[25].

Изуверская деятельность Засса и оказываемое ему на протяжении 8 лет покровительство местной кавказской администрации должны были вызвать жестокое разочарование Хан-Гирея, посеять сомнения в искренности громогласных заявлений высокопоставленных лиц о благородных целях империи и человеколюбии ее высшего руководства. Не исключено, что трагическая гибель Джембулата Болотокова, исключившая того из списка потенциальных героев Хан-Гирея, одновременно стала поворотным пунктом, в итоге приведшим его в отставку.

Широкая панорама адыгских субэтнических групп, представленная в серии, не должна была, конечно, остаться без кабардинцев[26]. Однако соответствовало ли упоминание о судьбе истерзанной Кабарды и жестоких методах ее покорения генеральной идее Хан-Гирея? Не было ли логичнее сочинителю обратиться к более ранним, не столь мрачным временам русско-кабардинских отношений, еще не отягченным агрессией империи?

Обратимся к текстам самого Хан-Гирея. В повести «Черкесские предания» он упоминает своих любимых персонажей, его «воображением созданных» – Джембулата и Лувана[27]. И если первый, скорее всего, герой вышеупомянутой повести, то не является ли второй кабардинским мудрецом и провидцем XVI в. Лиуаном Бжихатлоко?

Обоснованность подобного предположения зиждется на совпадении взглядов Хан-Гирея и предсказаний Лиуана, гласящих, что «с севера с войной придет народ, называемый «урыс», с глазами цвета неба, вздернутыми носами, волосами цвета соломы». «Между двумя адыгами будет жить русский, а адыгские и русские женщины будут одалживать друг у друга сито»[28].

Творческая фантазия Хан-Гирея позволяла описать XVI в. – эпоху легендарного провидца и одновременно начальный этап установления отношений Кабарды с Россией, акцентируя внимание на их дружественном характере. Но не только! Неизбежность вхождения адыгов в состав России, являвшаяся одним из основных лейтмотивов творчества Хан-Гирея, позволяла ему затронуть весьма значимую в адыгском сознании тему предопределения, тему черкесской судьбы.

Источники периода Кавказской войны нередко отмечают функционирование в адыгской среде многочисленных фольклорных текстов, в которых предсказываются локальные или глобальные катастрофы в случае нарушения некоего первозданного порядка вещей. Чаще всего они предсказывают гибель отдельных обществ или падение всей страны в случае, если враг преодолеет некую воображаемую преграду – войдет в заповедный лес, вырубит священную рощу, поднимется на почитаемую вершину (гору или курган), достигнет прежде неприступного убежища (например высокогорной Тубинской котловины, легендарной прародины абадзехов) и т.д. Естественно, что по мере продвижения линии фронта все эти предсказания неизбежно сбывались[29].

Предсказания Лиуана – из этого же ряда. В разных вариациях они фиксируют желаемый итог (мирное взаимодействие двух народов) без упоминания излишних подробностей достижения этого. Тем самым, образ и речения кабардинского мудреца должны были импонировать Хан-Гирею по причине их соответствия его идейным установкам. В силу чего, как можно заключить из текста «Черкесских преданий», образ Лиуана должен был сложиться в сознании Хан-Гирея или даже получить материальное воплощение к моменту завершения работы над этой повестью, т.е. в 1839 г.

Не станем злоупотреблять дальнейшим перечислением гипотетических героев Хан-Гирея. В конечном итоге выявление потенциальных персонажей его очерков – только один из многочисленных аспектов хангиреееведения. Гораздо важнее для нас было, используя методы различных наук, приблизиться к реальному образу Хан-Гирея, понять мотивацию его поступков, разобраться в истоках его трагедии. А приобщение к тайне рождения литературного образа,

сотворения сюжета – лишь один из результатов исследовательской деятельности историка. Многогранное наследие Хан-Гирея – отражение сознания человека, создававшего воображаемые миры политических проектов и художественных текстов. Из подобных миров и слагается История, какой мы ее знаем.

Примечания

[1] *Нагоев М.Б.* Ценная находка (о вновь найденной рукописи Хан-Гирея) // Актуальные вопросы Кабардино-Балкарской фольклористики и литературоведения. Нальчик, 1986. С. 170–175; *Хашхожева Р.Х.* Некоторые спорные и неизвестные страницы биографии Хан-Гирея // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 1994. Вып. 2. С. 7–40; *Жемухов С.Н.* Мировоззрение Хан-Гирея. Нальчик, 1997; *Губжоков М.Н.* Новые данные о творческом наследии Хан-Гирея (по материалам из архива АРИГИ) // Этюды по истории и культуре адыгов. Майкоп, 1998. С. 28–39; *Вершигора А.Д.* Хан-Гирей: новые документы и источники. Нальчик, 2003 и др.

[2] *Кажаров В.Х.* «История адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова и катастрофы его времени // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. 2. С. 332.

[3] *Покровский М.В.* Политика русского царизма по отношению к адыгейской феодальной знати в конце XVIII – первой половине XIX в. // История СССР. 1958. № 1. С. 150.

[4] Магомет-Гирей получил от османского правительства весьма лестное предложение «принять на себя начальствование над всеми закубанскими народами», что в реальности, видимо, означало статус полномочного представителя и проводника влияния Турции на Северо-Западном Кавказе. Однако Магомет-Гирей делает осознанный выбор в пользу другого внешнего патрона – России, переселяясь на правый берег Кубани с семьей и подвластными. В конце 1816 г. он был принят на службу в Черноморское казачье войско с чином войскового старшины (*Короленко П.П.* Горские переселенцы в Черномории // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар, 1902. Вып. 3. С. 83; *Вершигора А.Д.* Указ. соч. С. 18–27).

[5] Записки К.А. Полевого // Исторический вестник. 1887. Ноябрь. С. 330, 331. Цит. по: *Хашхожева Р.Х.* Указ. соч. С. 14.

[6] От некоторых из этих идентичностей (например, феодального сеньора) Хан-Гирей мог даже публично отказываться (во всяком случае, декларировать готовность подобного отказа). Так, праву вассалитета и покровительства, связывавшему дворян со своим сюзереном, Хан-Гирей готов предпочесть «человеколюбивые законы просвещенного государства», способные оградить «слабейшего» от «самоуправства сильного». А памятуя о том, что «дворянин-офицер не может уже быть подданным князя-офицера», он признает безусловное превалирование законов служебной субординации над традиционным правом (*Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 320, 321).

[7] *Вершигора А.Д.* Указ. соч. С. 86.

[8] РГВИА, ф. ВУА, д. 6244, л. 47, 47 об.

[9] Там же. Л. 90, 90 об.

[10] *Губжоков М.Н.* Указ. соч. С. 33.

[11] РГВИА, ф. 409, оп. 2, д. 38880, д. 38862, д. 38850.

[12] *Вершигора А.Д.* Указ. соч. С. 126.
[13] РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 2176, л. 92 об. – 94.
[14] *Жемухов С.Н.* Указ. соч. С. 22–23.
[15] РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 2176, л. 151.
[16] *Хан-Гирей.* Князь Пшьской Аходягоко // Хан-Гирей. Черкесские предания: Избранные произведения. Нальчик, 1989. С. 278.
[17] *Хан-Гирей.* Бесльний Абат // Хан-Гирей. Указ. соч. С. 247.
[18] *Хан-Гирей.* Черкесские предания // Хан-Гирей. Указ. соч. С. 109.
[19] *Хан-Гирей*. Бесльний Абат // Хан-Гирей. Указ. соч. С. 241.
[20] Следует отметить, что идея серии биографических очерков о знаменитых черкесах, в полной мере не реализованная Хан-Гиреем, была подхвачена Ибрагимом Наврузовым, деятелем адыгской культуры уже советского периода. Вероятнее всего, это произошло не без влияния трудов Хан-Гирея, фрагменты рукописей которого находились в личном архиве И. Наврузова (*Губжоков М.Н.* Архив Ибрагима Наврузова: поиски и открытия // Архивы и общество. Нальчик, 2007. № 1. С. 136–142). Естественно, что И. Наврузов руководствовался иными, нежели Хан-Гирей, мотивами, предполагая создать галерею портретов черкесского сопротивления эпохи Кавказской войны (Письмо Ибрагима Наврузова Симону Джанашиа от 16 декабря 1927 г. // С. Джанашиа. Черкесские дневники. Тбилиси, 2007. С.233). В его архиве сохранились только два очерка, посвященные Кызбечу Шеретлукову и Хаджи-Берзеку, ряд других планировался к написанию, однако их судьба неизвестна. Идея культурной преемственности будет неполной, если мы не упомянем новейшее собрание кратких биографических очерков «Кто есть кто», вошедших в коллективную работу «Адыгская (черкесская) энциклопедия» (М., 2007), заслуга завершения которой принадлежит М.А. Кумахову и В.Х. Кажарову.
[21] *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. 1900. Т. 21. С. 84.
[22] *Хан-Гирей.* Бесльний Абат // Хан-Гирей. Указ. соч. С. 227.
[23] Там же.
[24] Архив АРИГИ, фонд ценных материалов; фонд И. Наврузова.
[25] *Гордин Я.А.* Кавказ: земля и кровь: Россия в Кавказской войне XIX века. М., 2000. С. 171–172
[26] Кроме уже названных нами героев (состоявшихся и гипотетических), можно упомянуть и других действующих лиц прочих произведений Хан-Гирея – жанеевца Джембулата, хегака Канбулата, основателя одной из бжедугских княжеских фамилий Кунчука. «Закрепление» определенных очерков за представителями конкретных субэтносов, конечно, является только версией и может завести нас слишком далеко по пути предположений. Однако отсутствие кабардинцев среди главных персонажей наводит на размышления…
[27] *Хан-Гирей.* Черкесские предания // Хан-Гирей. Указ. соч. С. 119.
[28] Сказания о Жабаги Казаноко: Сборник текстов на адыгских, абазинском, карачаево-балкарском языках. Нальчик, 2001. С. 285–295; *Налоев З.М.* Из истории культуры адыгов. Нальчик, 1978. С. 190, 191.
[29] Влияние фактора разрушения сакральных ландшафтов Черкесии (посредством их физического уничтожения или осквернения присутствием завоевателей) на моральный дух адыгов и потенциал их сопротивляемости в последние годы Кавказской войны – тема, до сих пор остающаяся вне сферы внимания специалистов.

Т. Х. Алоев
(Нальчик)

ХАДЖРЕТЫ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ДИСКУРСЕ ХАН-ГИРЕЯ

...в Кабарде составились из буйной молодежи скопища под названием абреков, то есть скрывающихся в чужих племенах и жизнь свою проводящих среди опасностей; впоследствии из этих скопищ составились сильные партии, принявшие название ***хажьретов****, то есть людей, защищающих свою веру от иноверцев, и это название духовенство своими проповедями соделало священным в мнении народа.*

Хан-Гирей

Широкий спектр интересов, связанных с историей, культурой и географией расселения адыгов, обусловил подлинную энциклопедичность знаний о них, продемонстрированную Хан-Гиреем в своих работах. Именно поэтому отличавшийся самокритичностью ученый в предисловии своих знаменитых «Записок…» позволил себе говорить о совершенной ему «известности Черкесии». Отмечая это обстоятельство, выдающийся кавказовед М.О. Косвен писал о широте, разносторонности и систематичности основного труда адыгского исследователя[1]. В этом плане далеко не случайно то, что давно ставшая к моменту завершения работы над «Записками…» (1836) долговременным фактором этнополитического развития Закубанья – хаджретская Кабарда, которая обладала значительным влиянием на расстановку здесь военно-политических сил, оказалась в фокусе исследовательского внимания Хан-Гирея.

Однако, несмотря на предпринятую попытку всестороннего охвата адыгской жизни (которая в целом и оказалась успешной),

Хан-Гирей в отношении хаджретов оставил много лакун, требующих привлечения дополнительных исследовательских усилий. Оно и понятно, учитывая жизненный опыт ученого и неопределенность положения объекта изучения на фоне остальных по-литических образований современной ему Черкесии. В полной мере влияние этих факторов проявляется при изложении им причин возникновения хаджретского движения в Кабарде. Так, он отмечал: «Экспедиция, – около 1821 г. посланная в Кабарду для выселения их аулов на равнины и очищения подножья гор от скопища грабителей, производивших набеги на русские границы, чтобы там прекратить беспорядки, – ускорила падение кабардинцев, которые в это время, так сказать, распались на две части: одна из них, составляемая более беспокойными, но лучшими воинами, переселилась за р. Кубань к бесленеевцам и другим закубанским черкесам, и там живут они ныне, рассеявшись между тамошними племенами; иные из них уехали в Турцию и Египет, а другие возвращаются постепенно в Большую Кабарду»[2].

В другом случае Хан-Гирей, не указывая прямо на ликвидацию в Кабарде духовного суда как одну из причин эвакуации населения в закубанскую часть страны, косвенно признает значительное влияние данного фактора на указанный процесс. Относительно учрежденного в 1822 г. Временного Кабардинского суда автор писал: «…то это благоразумное устройство кабардинцам не понравилось потому только, что названо русским словом «суд», а не арабским «махчеме»!.. И кровью ознаменовались народные предрассудки»[3]. Такое же поверхностное видение проблемы автор демонстрирует и в примечании к событиям, связанным с восстановлением шариатского судопроизводства в Кабарде в 1807 г. Хан-Гирей пишет: «Арабское слово «*махчеме*» значит *судилище*; следовательно, важность перемены (ликвидация родовых судов и расправ и утверждение духовного правления в Кабарде. – *Т.А.*) состояла почти в одном только названии. Так благоразумие извлекает важные пользы и из предметов, невежеству недоступных! Подобные этому обстоятельства (развивавшиеся в обратном направлении. – *Т.А.*) были отчасти причиною тому, что в Кабарде составились из буйной молодежи скопища под названием абреков…»[4].

Нарочитая наивность, продемонстрированная в этих суждениях, и откровенная апология действий Петербурга, по-видимому,

проистекали из стремления автора выстроить лишенную болезненных коллизий и трагизма картину исторического взаимодействия Кабарды и России. Такое предположение находит свое подтверждение в «исторических отрывках» о кабардинцах, которые, по словам автора, являются извлечением из «сочинений некоторых писателей». Если «отрывки» Хан-Гирея в период с 1552-го по 1763 г. выстраиваются без существенных отклонений от текста С. Броневского, то, начиная с изложения обстоятельств строительства крепости Моздок, автор при описании кабардино-российских отношений то и дело прибегает к эвфемизмам. Так, С. Броневский относительно эскалации кабардино-российского противостояния после заложения крепости Моздок в 1763 г. вполне определенно отмечает: «Генерал де Медем укротил их (кабардинцев. – *Т.А.*) силою оружия»[5].

Хан-Гирей же в стремлении смягчить остроту возникших противоречий безосновательно утверждает, что Коллегия иностранных дел «употребила посредничество кочевавшего в соседстве с кабардинцами калмыцкого хана, чтобы с помощью существующей между ними связи возникшие у них неудовольствия прекратить. Хан успел согласить кабардинцев отстать от притязания на места, занимаемые Моздоком…»[6]. Оставляя без внимания события на р.Эшкакон в 1769 г. и совместное кабардино-крымское наступление на Моздокскую линию в 1774 г., Хан-Гирей утверждает, что в продолжение Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. «кабардинцы, несмотря на единоверие с турками, действовали противу них вместе с русскими…»[7].

Проявлением последовательности в выстраивании выбранной схемы можно признать следующую несоответствующую исторической действительности сентенцию о реакции кабардинцев на открытую агрессию со стороны Российской империи. Он писал: «С 1771-го по 1779 гг. распространение Кавказской линии на землях, кабардинцам принадлежащих, и утеснения, ими претерпенные, не поколебали верности их к российскому престолу»[8]. Таким образом, Хан-Гирей наряду с прочими обстоятельствами проигнорировал кровопролитную кабардино-российскую военную кампанию 1779 г.

Важный для понимания генезиса хаджретского движения вопрос о попытках введения в Кабарде родовых судов и расправ, на-

правленных на установление российского контроля в центре Кабарды, и борьба кабардинцев против этого изложены Хан-Гиреем весьма сумбурно. В.Х. Кажаров по этому поводу отмечает, что «Хан-Гиреем перепутаны все даты и обстоятельства учреждения и смены в Кабарде судебных институтов»[9].

Упорное стремление Хан-Гирея выхолостить из кабардино-российских отношений военную составляющую вынуждало его игнорировать те события и процессы, которые определяли исторический облик целых десятилетий. В этом смысле характерно, что в повествовании автора все основные вехи самого катастрофичного в истории Кабарды первого десятилетия XIX в. нашли минимальное отражение.

В очередной раз демонстрируя алогизм и недостоверность в своих рассуждениях, автор пишет: «В 1803 г. построено укрепление при Кислых водах, что лишило кабардинцев ближайшего и удобнейшего сообщения с закубанскими черкесами, равно и с своими сопоколенниками, жившими в окрестностях вершин р. Ку-бани…». Далее описывая реакцию кабардинцев на аннексию их территории в том же ключе, в котором он изложил характер отношений между Кабардой и Россией после продолжения строительства Кавказской линии от Моздока до Азова в 1777–1778 гг., Хан-Гирей утверждает, что «однако ж они не приступали к неприязненности»[10]. Стоит ли говорить, что автор упустил из виду упорное кабардино-российское противостояние 1804 г., из-за которого Н.Ф. Грабовский считал его «едва ли не самым тяжелым годом в борьбе России с Кавказом»[11]. Также обойдены вниманием военные действия 1805-го, 1807-го и 1809 гг. и свирепствовавшая в это время в блокированной части Кабарды эпидемия чумы. И лишь относительно экспедиционного отряда, действовавшего здесь в 1810 г., автор «Записок о Черкесии» без недомолвок и эвфемизмов, но в крайне лапидарных выражениях сообщил, «что генерал Булгаков… опустошил аулы кабардинцев». При этом неоправданно гипертрофированное значение придается «помощи» кабардинцев российским войскам против западных чеченцев. А она, по сути, превратилась в имитацию содействия мероприятию российского командования, где кабардинцы преследовали свои интересы[12].

Настойчивость Хан-Гирея в создании образа бесконфликтного взаимодействия Кабарды и России обусловливалась как политиче-

скими, так и психологическими причинами. Прежде всего, следует отметить, что главной задачей своих «Записок» Хан-Гирей считал обоснование «…мнения о мерах и средствах для приведения черкесского народа в гражданское состояние кроткими мерами с возможным избежанием кровопролития»[13]. В достижении своих планов бжедугский аристократ возлагал большие надежды на кабардинцев «как одного из сильнейших племен». А для этого необходимо было наполнить опыт кабардино-российских отношений максимально возможной дозой взаимной комплиментарности.

Другим важным побудительным мотивом, определившим повествовательный модус Хан-Гирея, было стремление преодолеть психологические комплексы, вызванные ощущаемой им двойной идентичностью. Об этом можно судить по содержанию «записки» российскому военному министру, подготовленной в мае 1837 г. В ней Хан-Гирей, ассоциируя себя с Россией, 30 раз использует слово «наше» – «наше Правительство», «наше начальство», «наша Граница», «наших войск» и т.д., тогда как всего лишь один раз отождествляет себя с Черкесией, назвав ее «моя родина».

Примечательно, что и ощущение Черкесии как родины у него зиждилось на устойчивом «бжедугоцентризме»(«Бжедуги – самое древнее племя черкесское»)[14]. Ошибочно полагая возможным использовать Бжедугию как западный (наряду с центральной Кабардой) канал по интегрированию страны в имперское пространство, он в своих суждениях необоснованно преувеличивает ее лояльность к России. Так, в этой же записке, касаясь черченейцев, он пишет, что здесь «князья и дворяне более или менее вообще преданы к нам (России. – *Т.А.*)», а про другое бжедугское подразделение сказано, «что касается до высшего сословия (хамышеевцев. – *Т.А.*), то оно вполне предано к нам…»[15]. О том, насколько эти суждения были справедливыми, можно судить по содержанию докладной записки начальника корпусного штаба генерал-майора Вольховского командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанту Вельяминову от 28 октября 1835 г. В ней говорится о том, «что семь якобы мирных хамышейских князей», в том числе Таркон Батуков, Жанклич Хаджимуков и уорки Джамбор Чагатлуков, Дарбак Чумуков, Ахметука Лахчиуков и Бемирза Ратуков, заключили «договор с шапсугами, по условиям которого

бжедуги обязуются сообщать шапсугам о всех политических делах России с горцами, какие только могут быть известны, равно свободно пропускать их чрез свои земли на злодеяния в пределы наши и указывать им на линии те места, где возможно будет захватить людей или скот или же кордонную стражу»[16].

Тяготение к «лоялизации» бжедугов вынуждает Хан-Гирея вкладывать в уста черченейского князя Пшекуя Аходягоко следующие слова, якобы сказанные им турецкому паше в Анапе: «...сражаюсь с врагами русских, для них убиваю и мусульман, не щажу и себя – я дал слово все это делать и не перестану делать, пока останусь под их покровительством»[17]. Приняв эти слова за факт, нельзя отрицать, что последующий характер политических взглядов князя Пшекуя был раскрыт автором неполно. И трудно допустить, что сделано это было по незнанию, так как Хан-Гирей и Пшекуй Аходягоко были близко знакомы друг с другом вплоть до смерти последнего. Его реальное отношение к России вполне ясно обрисовывается в дневнике Дж. Белла, который в ходе неоднократных встреч имел возможность убедиться в антироссийских позициях бжедугского князя. И по собственному признанию «лишь необходимость вынудила его к компромиссам с русскими, так как его край небольшой по размеру и полностью открытый», но, несмотря на это, «его прежние усилия служить своей стране уже семь раз навлекали на него бедствия русских вооруженных нападений»[18].

Учитывая политические взгляды Хан-Гирея, весьма закономерным представляется описательная лексика автора, целиком копировавшая риторику царских генералов, довольно часто оперировавших категориями «очищения» «от скопища грабителей» и т.д. При этом вполне вероятно, что молодой бжедуг был вполне искренен в своих высказываниях. Об этом можно судить исходя из того, что осведомленность Хан-Гирея о событиях, повлекших наиболее массовое переселенческое движение кабардинцев, была довольно ограниченной. Так, он не знал точных хронологических рамок рассмотренного события, указывая приблизительно, «около 1821 г.» Хотя возобновление активной фазы кабардино-российского противостояния относится к самому концу 1821 г., основные события развернулись в течение 1822 г. При этом Хан-Гирей упоминает в связи с возобновлением хаджретского движения некую «экс-

педицию», тогда как в действительности имел место ряд военных экспедиций. Впрочем, он весьма объективно оценивал степень своей компетентности. «О переменах же, случившихся в Кабарде с 1822 г. по настоящее время, то есть в продолжение 12 или 13 лет, не имея основательных сведений, почел за лучшее предложить здесь нынешнее состояние кабардинского поколения, пройдя молчанием двенадцати- или тринадцатилетия мало мне известные в этом поколении происшествия», – откровенно констатировал Хан-Гирей[19].

На этом фоне кажется странным вышеприведенное суждение Хан-Гирея о том, что введение Кабардинского временного суда отвергалось кабардинцами «потому только, что названо русским словом «суд»…» Начало функционирования Временного суда в центре Кабарды означало установление военно-оккупационного режима, который отменял шариатское судопроизводство, за установление которого кабардинцы вели долгую и упорную борьбу. Содержание прокламации от 29 августа 1822 г. изобилует рядом пунктов, позволяющих определить военно-оккупационный характер ермоловских нововведений. Так, в соответствии с пунктом 5 наставления Временному суду его работа осуществлялась «под наблюдением местного в Кабарде начальника артиллерии полковника Коцарева…»[20]. Это притом, что, как сказано в пункте 17 «наставления», полномочия суда распространялись лишь на «проступки, не заключающие особенной важности». Вне его компетенции оказалось и уголовное судопроизводство, которое осуществлялось по «законам и строгости военной»[21]. Таким образом, с введением Временного суда самостоятельность правящей элиты по управлению обществом была ликвидирована и с этого времени лишь на закубанских территориях Кабарды, куда мигрировала значительная часть кабардинцев, сохранялись традиции независимости.

В этом плане нельзя не отметить, что Хан-Гирей был предельно точен, когда «более беспокойными, но лучшими воинами» называет хаджретов. С этим были солидарны как его современники, так и более поздние авторы. Так, в 1830 г. Ф.А.Бекович-Черкасский отмечал, что «…знатнейшие Кабардинские князья и дворяне с их фамилиями и подвластными ушли за Кубань…»[22] Следует подчеркнуть, что представители кабардинской аристократии оставались «знатнейшими» ровно до тех пор, пока они демонстрировали соответствующие этому званию примеры доблести.

В начале XX в. историк кубанского казачества Ф.А. Щербина по этому поводу писал: «Часть кабардинцев под названием «беглых» занимала места и в Закубанье на запад от Эльбруса. Кабардинцы эти считали себя независимыми от России и вместе с другими черкесскими племенами вели упорную борьбу с русскими войсками и казачеством»[23].

Существенное значение в оценке научной деятельности Хан-Гирея в отношении закубанских кабардинцев имеет и то обстоятельство, что он является, пожалуй, одним из первых авторов, выявивших тот факт, что уже к первой половине 30-х гг. XIX в. хаджреты инициировали эмиграцию в Турцию и Египет. Справедливость этого вывода подтверждается выявленным Г.А. Дзидзария документом, относящимся к 1837 г. Согласно ему около 370 кабардинских и западноадыгских семей в середине 30-х гг. обосновались на Черноморском побережье Анатолии[24].

Вполне обоснованно Хан-Гирей указывает и о тенденции возвращения части хаджретов в центр Кабарды. Об этом со всей очевидностью говорят архивные источники. Так, в рапорте подполковника Родионова командующему войсками на Кавказской линии генералу Еманулю от 29 октября 1826 г. говорилось: «Уволенный по билету начальника Кабарды, господина подполковника Швецова, кабардинский князь Беслан Хамурзин вчерашнего числа вывез из-за Кубани чрез Баталпашинский карантин жену свою с подвластными обоего пола 9 и пять семейств узденей, из 30 душ обоего пола состоящих, всего же выведено им сорок душ»[25]. Возможно, тогда подобные случаи не носили устойчивого характера, однако довольно быстро они приобрели значительный масштаб. Так, согласно российским документам к 1827 г. около 500 крестьян возвратилось в центр Кабарды из-за Кубани[26]. На данном этапе сложно однозначно говорить о степени устойчивости такой тенденции, однако вполне определенно можно говорить о том, что прецеденты возвращения из закубанской Кабарды имели место и в последующем. Так, в марте 1833 г. к российским военным властям обратился «выбежавший из гор от неприязненного нам кабардинского узденя Бальчошу (Бельшуко. – *Т.А.*) Жанокова крестьянин Али Псаупов (Псаунов. – *Т.А.*) с женою, шестью сыновьями и двумя дочерьми…»[27]. В апреле 1833 г. также на Линию из-за Кубани

выбежали семь человек подвластных князя Пшимахо Бесленова, а также крестьянка уорка Ногая Захохова – Харкиз с семьей. Правда, пятеро подвластных П. Бесленову вскоре обратно бежали, не получив разрешения вернуться в центр Кабарды[28].

Указанный процесс с разной степенью интенсивности протекал еще продолжительное время. Об этом можно судить по содержанию докладной записки князя Исмаила Касаева в 1840 г. Он, в частности, писал о том, что «многие, подобно мне за Кубань ушедшие, ныне с покорностью возвратившиеся князя и узденя по приезде в Кабарду получают оставшихся как свою собственность оставшее наследство после умерших родственников…»[29]. Вполне вероятно, что динамика обратной миграции была замечена Хан-Гиреем. Если в своем основном труде он обозначает численность хаджретов точной цифрой в 12 400 человек, то в своей записке военному министру Чернышеву, подготовленной в мае 1837 г., говорится о том, что закубанских кабардинцев «примерно полагать можно до 12 тысяч душ»[30].

Следует также отметить, что содержание данного документа ясно иллюстрирует проявившееся в «Записках о Черкесии» стремление «умиротворить» кабардино-российские отношения. Учитывая, что записка на имя военного министра составлялась для практических целей в условиях предстоявшего визита Николая I на Кавказ, вполне объяснимы соображения, по которым Хан-Гирей постарался акцентировать внимание на значении и полезности «Кабардинского племени», т.е. подконтрольного российским властям населения центра Кабарды, при фактическом игнорировании вопросов связанных с хаджретской Кабардой, само существование которой сильно ослабляло выстраиваемые им схему и аргументацию.

Такое положение рельефно проявляется при перечислении и характеристике черкесских княжеских владений. Так, называя Бесленеевское княжество самым враждебным к России, автор объясняет это тремя основными факторами. Это ландшафтная недосягаемость бесленеевских аулов, соседство абадзехов и постоянное пребывание «в его аулах беглых абреков, волнующих умы народа»[31]. Нетрудно догадаться, кто были эти абреки. Однако завершение краткой характеристики этого владения словами о том, что «между Бейсленейцами и соседними с ними племенами живут рассеянные

пришедшие за Кубань Кабардинцы…» снимает всякие сомнения по этому вопросу. Более того, в повествовании признается опосредованное (через бесленеевцев) влияние закубанских кабардинцев и на махошевцев, темиргоевцев и хатукаевцев. На этом фоне непоследовательность и неполнота обозрения Хан-Гирея становятся особенно очевидными, если учесть, что описание хаджретов ограничилось одним предложением в рубрике, посвященной бесленеевцам. Во всяком случае впечатление предвзятости Хан-Гирея в отношении хаджретов усиливается, если учесть то обстоятельство, что такие небольшие владения, как Махошевское (2 тыс. человек), Хатукаевское (3 тыс. человек) или хамышеевское подразделение бжедугов (4 тыс. человек) описываются подробно, в то время как мощнейший феодальный организм закубанской Черкесии, людские ресурсы которого почти в два раза превосходили совокупный потенциал всех трех перечисленных владений (по подсчетам Хан-Гирея), упоминается лишь вскользь и вне самостоятельной рубрики. На этом недочеты «Записок» не исчерпываются; при описании черченейского владения Хан-Гирей приходит к заведомо неверному выводу о том, что это владение «значительнейшее после Кабардинского» (из контекста совершенно очевидно, что имеется в виду не хаджретская Кабарда), несмотря на то, что его численность достигала, по мнению автора, «до 7 тысяч». За год до этого он считал, что хаджретов 12 400, а бжедугов-черченейцев 6800 человек[32].

Исходя из вышеизложенного, можно говорить о том, что упорное стремление Хан-Гирея преуменьшить значимость хаджретского присутствия в Закубанье объяснялось не столько упомянутым «бжедугоцентризмом», сколько той ролью, которую он отводил в своих планах лояльным имперской администрации кабардинцам в деле «умиротворения» Черкесии. По его замыслам, «прочное устройство Кабардинцев необходимо, тем более что они, как одно из сильнейших племен, неминуемо послужат спасительным примером для прочих». По большому счету данное положение он распространял не только на проблему «склонения горских племен к присылке депутатов» во время приезда царя на Кавказ. Видимо, он полагал, что положение центра Кабарды, который, по его мнению, находился «под благодетельной зависимостью» российского правительства, являлось наиболее приемлемым образцом инкор-

порации и для остальных феодальных владений Черкесии в российскую государственную систему. При этом автор оставил без внимания вопрос о том, насколько привлекательными будут испытания, через которые вынуждена была пройти Кабарда на пути к «благодетельной зависимости» для черкесских владений Закубанья и будет ли вообще для них приемлемо добровольно оказаться «под полным влиянием местного начальства».

Последующий ход событий со всей очевидностью показал, что положение, в котором находилась оккупированная часть Кабарды, никак не прельщало западночеркесские княжества. И уже только поэтому рассуждения о полезности привлечения подконтрольных российской администрации кабардинцев к планам умиротворения остальных адыгских владений лишались всякого смысла. Реальным и вполне устойчивым влиянием в Закубанье в тот период пользовались хаджреты. Источники единодушны в этом вопросе. Так, в 1828 г. командующий Кавказской линией генерал-лейтенант Эмануель в своей прокламации укорял «закубанских жителей», что они «…должны за стыд почитать следовать их (хаджретов. – *Т.А.*) легкомысленным советам, а и того еще более – терпеть в них своих притеснителей и им повиноваться»[33]. Спустя некоторое время, в 1830 г. в совместном докладе генерал-майора Бекович-Черкасского и полковника Гасфорта указывалось, что мигрировавшие за Кубань «…кабардинцы продолжают пользоваться уважением между другими племенами…»[34]. И в последующем влияние хаджретской Кабарды в регионе было довольно значительным. В черкесском собрании на р. Пшеха в мае 1831 г., на котором было принято решение усилить борьбу против России, самое активное участие принимал кабардинский князь Тембот Бересланов[35]. Поэтому неслучайно, что побывавший в двухлетнем плену у кабардинцев во второй половине 1830-х гг. Ф.Ф. Торнау неоднократно упоминал в своих воспоминаниях о хаджретском влиянии не только на мелкие феодальные образования, но и на крупнейший в Закубанье абадзехский социум[36]. Симптоматично, что это влияние находило проявление в такой наиболее актуальной и востребованной в тот период сфере, как организация военных действий.

Таким образом, само в некоторой степени специфическое положение хаджретов в системе этносоциальных связей в Закубанье,

несомненно, обусловило стремление Хан-Гирея представить носителем политической дееспособности покоренную часть кабардинского субэтноса[37]. Соответственно, характеризовавшийся самостоятельностью и проявлявший волю к ее сохранению хаджретский социум был оттеснен на периферию внимания Хан-Гирея. При этом следует заметить, что некоторая часть хаджретов в это время характеризовалась определенной степенью лояльности, что, однако, отнюдь не противоречит положению о сохранении самостоятельности основной частью закубанских кабардинцев. Для многих же из тех, кто числился среди мирных горцев, пребывание в этом качестве носило временный характер. В документе, датируемом 1837 г., о князе Магомет-Аша Атажукине говорится, что «он покорился в сем году, требования начальства выполняет по возможности»[38]. Фактически это означало, что его лояльность была во многом условной. Однако, по-видимому, это положение его не устраивало, и вскоре Магомет-Аша вернулся в ряды открытых противников России.

Косвенно о нежелании выстраивать с российскими властями длительные отношения зависимости свидетельствует и «Список желающих следовать для встречи с императором», в котором оказались имена лишь трех закубанских кабардинских князей. Все они принадлежали наименее представленной в хаджретской Кабарде Атажукиной фамилии, и лишь один из них – Джембот (наряду с Исмаилом Касаевым и Темботом Кайтукиным, которые воздержались от участия в данном мероприятии) причислялся российским командованием к «самым уважаемым в своем народе»[39]. Второй фигурант этого документа – Магомет Атажукин – и вовсе не являлся хаджретом. Он с 1819-го по 1842 г. находился на российской службе и неоднократно участвовал в экспедициях против своих соотечественников. По всей вероятности, получение им управления над аулом, находившимся в закубанской части Кабарды объясняется протекцией командования. Примечательно, что оно же аттестовало его следующим образом: «Характера слабого, в народе особым уважением не пользовался, к пользам правительства был предан»[40]. Эта характеристика находит свое подтверждение в следующем факте: в 1837 г. в подвластном ему ауле насчитывалось 60 дворов с населением 215 человек, а к 1842 г. там оставалось

всего «30 сакель» и 55 жителей[41]. Такое резкое сокращение численности можно объяснить только последствиями эпидемии или же результатами военных действий. Ни то, ни другое в это время не коснулось упомянутого аула. Остается предположить, что подвластные М. Атажукина перешли к другим сюзеренам.

В целом, в исследовательском взгляде Хан-Гирея отражаются многие причины и наиболее заметные вехи миграции кабардинцев в первой трети XIX в. Им также выявлены некоторые сущностные параметры «нового» для закубанской Черкесии первой половины XIX в. социума. При этом вряд ли имеет смысл заострять внимание на отсутствии подлинной полноты исследовательского подхода автора. Понятно, что при неимении целостности данных о предмете рассчитывать на направленный и исчерпывающий анализ не приходилось. В тех условиях, в которых пришлось действовать Хан-Гирею, несомненно, достигнутые результаты были максимальными. Сетуя на отсутсвие детальных сведений о хаджретах, нужно понимать, что среди его информантов их практически не было. Те представители высших слоев адыгского общества, с которыми он имел возможность длительного общения, как на Кавказе, так и в России, в основном относились, по образному выражению одного из его героев, к разряду «галунных князей», т.е. приспособленцев[42].

Видимо, не в последнюю очередь по этой причине лидеры хаджретской Кабарды не стали, например, героями его блестящих биографических очерков. Хотя по влиянию на современные ему события многие из хаджретов не уступали, к примеру, бжедугскому князю Пшекую Аходягоко или же шапсугскому дворянину Беслению Абату, а по оставленному ими следу в народной памяти последних нельзя, к примеру, ставить ни в какое сравнение с хаджретскими лидерами Кучуком Аджериевым, Магомет-Аша Атажукиным и Аслангиреем Бесленовым. Данное обстоятельство трудно отнести к «кяхскому партикуляризму», учитывая устойчивый пиетет Хан-Гирея ко всему кабардинскому[43]. По-видимому, здесь наряду со стремлением проигнорировать альтернативный выбор, который был продемонстрирован хаджретами, имело место элементарное отсутствие сведущего информанта из их среды.

Последнее обстоятельство сказалось и при рассмотрении других вопросов. В частности, это касается неопределенности сужде-

ний относительно границ Кабарды в районе бассейна р. Кубань в период хаджретской миграции «около 1821 года». Маловероятно, чтобы она была детерминирована исключительно вышеупомянутым обстоятельством. Однако, не вдаваясь в детализацию причин, обусловивших такое положение, укажем на необходимость некоторого прояснения текста Хан-Гирея в местах, где допущены неточности в данном вопросе. Как указывалось в одной из вышепредставленных цитат, часть кабардинцев «…переселилась за р. Кубань *к бесленеевцам и другим закубанским черкесам, и там живут они ныне, рассеявшись между тамошними племенами* (курсив наш. – *Т.А.*)». В данном случае автор, скорее всего, принял переход р. Кубань хаджретами автоматически за переселение к бесленеевцам, что вполне объяснимо, учитывая, что он, по собственному признанию, не имел «основательных сведений» о событиях в Кабарде с 1822 г. и соответственно не мог адекватно отразить динамику переселений кабардинских мигрантов. Поэтому в конце приведенного суждения, касаясь места и характера их расселения, т.е. говоря о факте проживания «беглых» кабардинцев среди бесленеевцев и других закубанских черкесов, Хан-Гирей констатировал то положение, которое имело место ко времени завершения его основного труда в 1836 г.

Безусловно, и до этого, по крайней мере с 20-х гг. XIX в., некоторые хаджретские аулы локализовались в пределах не только Бесленея, но и Абадзехии. Однако источники показывают, что основная масса закубанских кабардинцев, несмотря на давление с востока и возможность дальнейшей миграции западнее бассейна р. Уруп, в целом, предпочитала оставаться в рамках исторических границ феодальной Кабарды вплоть до начала 1830-х гг.[44]

Исследование последующих суждений Хан-Гирея вне исторического контекста устоявшихся представлений о рубежах Кабарды чревато неадекватными интерпретациями. Учет этого обстоятельства способствует разъяснению кажущегося логического противоречия, обнаруживающегося при рассмотрении им территории, которая, по его выражению, «искони составляла собственность кабардинцев». Здесь он справедливо отметил, что территория Кабарды «граничит» «к западу – с закубанскими черкесами»[45]. «Бейсленейцы первые из черкесских племен живут на запад от

кабардинцев», – подтверждая и одновременно уточняя свою позицию, писал Хан-Гирей в рубрике, посвященной княжескому владению Каноковых[46]. При этом согласно его таблице, показывающей ареал расселения бесленеевцев, восточные рубежи этого адыгского субэтноса ограничивались бассейном р. Лабы.

В связи с этим возникает вопрос о том, что, по его мнению, в распоряжении кабардинцев находится «обширное пространство земли», простирающееся на запад лишь «до правого или восточного берега Кубани». Кажущееся противоречие устраняется при учете того обстоятельства, что Хан-Гирей в данном конкретном случае говорил не о пространственных пределах политического суверенитета Большой Кабарды, а о ландшафтно-топографической черте, отделявшей кабардинский «домен», на котором располагалось государствообразующее кабардинское население, от закубанской территории страны. И соответственно это пространство представляло собой территориальное ядро владения потомков Кази Пшеапшокова. Именно поэтому в предыдущий период правители страны неоднократно указывали, что несанкционированный переход р. Кубани иностранными войсками был недопустим, и его осуществление расценивалось как акт открытой агрессии, исключавший всякую возможность к компромиссам[47]. В этом плане закономерным представляется то обстоятельство, что как раз начиная от этой реки разграничение владений между кабардинскими княжескими уделами носило детальный характер[48]. Только с учетом этих обстоятельств возможен научно выверенный, объективный подход к данному вопросу.

Важнейшей заслугой Хан-Гирея явилось выявление им значительнейшего наряду с исламом фактора, обусловившего зарождение в Кабарде хаджретского движения. Он сумел показать, что представления кабардинцев о прошлом, несмотря на отсутствие высокоразвитой письменной культуры на родном языке, далеко выходили за рамки генеалогической памяти. Опираясь на «исторические предания», которые, по словам автора, кабардинцы «выдают за достоверность, не подлежащую никакому сомнению, основываясь на сказаниях древних песен, в которых воспеты подвиги героев кровавых опустошений, их предками произведенных, можно сказать, по всему Кавказу», он писал следующее: «Кабардинцы, поль-

зуясь превосходством своих сил над соседними с ними племенами, покорили их… право сильного доставило им возможность лишить слабых свободы, за которую сами неоднократно кровь свою проливали ручьями, отражая войска крымских ханов. Важнейшими жертвами алчности могущественных тогда кабардинцев были абазинцы шестиродные, которых участи не избежали и их сопоколенники, кистинские и осетинские колена и другие горные племена, которые имели несчастие быть в соседстве с кабардинцами. Покоренные их оружием, они платили посемейную дань князьям этих последних. Более же отдаленные из этих поколений по временам также повиновались им или были разоряемы. Словом, все северные области Кавказа ужасались оружия кабардинцев, которые с гордостию, своевольному их духу свойственною, рассказывают, что цари грузинские платили дань воинственным их князьям и отдаленное царство Астраханское не токмо было ими опустошено, но даже и самая столица царства – Астрахань – трепетала их оружия, наконец, что их воины разорили земли, лежащие на запад до самых берегов Азовского моря»[49]. Как видим, речь шла об историческом сознании, базировавшемся на устойчивой и полноценной исторической памяти, оперировавшей многими столетиями. Столь высокая самооценка, опиравшаяся на укорененном в историческом сознании представлении о собственной значимости в регионе, обрекала кабардинский социум на предельное напряжение и выбор крайних альтернатив в условиях столкновения с колоссальной мощью Российской империи. Это обстоятельство, несомненно, было одним из ключевых факторов, обусловивших хаджретское движение.

Примечания

[1] *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961. С.199.
[2] *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 160.
[3] Там же. С. 169.
[4] Там же. С. 228.
[5] *Броневский С.М.* Новейшия известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. Спб., 2004. С.159.
[6] Хан-Гирей. Указ. соч. 158.
[7] Там же.
[8] Там же. С. 159.

[9] *Кажаров В.Х.* О времени и обстоятельствах учреждения «духовных судов» в Кабарде // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. 3. С. 400.
[10] *Хан-Гирей.* Указ. соч. С.159.
[11] *Грабовский Н.Ф.* Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // Сборник сведений о Кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 185.
[12] Из документальной истории кабардино-русских отношений. Нальчик, 2000. С. 202.
[13] *Хан-Гирей.* Указ. соч. С. 10.
[14] *Хан-Гирей.* Избранные произведения. Нальчик, 1974. С. 290.
[15] *Гордин Я.А.* Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. Спб., 2000. С. 208, 209.
[16] Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики, ф. 1209, оп. 3, д. 1, л. 55. (далее – ЦГА КБР).
[17] Хан-Гирей. Избранные произведения. Нальчик, С. 312.
[18] *Бэлл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов / Перевод с английского К.А. Мальбахов. Нальчик, 2007. Т. 1. С. 256–258, 260, 261.
[19] *Хан-Гирей.* Записки… С. 160.
[20] *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Нальчик, 2002. Вып. 1. С. 237.
[21] Там же. С. 238.
[22] Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1878. Т. 7. С. 905. (далее – АКАК).
[23] *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. 2. С. 7.
[24] *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982. С. 71.
[25] Российский государственный военно-исторический архив, ф. 15264, оп. 2, д. 43, л. 10. (далее – РГВИА)
[26] РГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 49, л. 100–104.
[27] Там же, д. 166, л. 9.
[28] Там же, д. 164, л. 1–2.
[29] ЦГА КБР, ф. И-16, оп. 2, д. 30, д. 1–18.
[30] *Хан-Гирей.* Записки… С. 85; *Гордин Я.А.* Указ. соч. С. 208.
[31] Там же. С. 208
[32] *Хан-Гирей.* Записки… С.85.
[33] *Филонов С.* Кавказская линия под управлением генерала Емануеля // Кавказский сборник. Тифлис, 1894. Т. 15. С.447.
[34] АКАК. Т. 7. С.905.
[35] *Панеш А.Д.* Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864). Майкоп. 2006. С.48.
[36] Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик,1999. С. 181, 322, 325, 369.
[37] Красноречивым свидетельством отсутствия значимой политической дееспособности служит самооценка феодальной аристократии, остававшейся на оккупированных территориях Кабарды. Во время приезда Николая I в 1837 г. в Тифлис туда в числе прочих была направлена и кабардинская депутация. Во время одной из встреч членов депутации – князя Алхаса Мисостова и тлекотлеша Магомет-Мирзы Анзорова с представителем российской администрации М.Кундуховым между ними имел место диалог. В ходе него последний уведомил кабардинцев об опасениях российских властей относительно восстания в центре Кабарды в поддержку Шамиля. «Ого! – воскликнул князь Мисостов. – Напрасно, напрасно опасается генерал общего восстания. Скажите ему, что я могу ручаться за неосно-

вательность его опасения. Кто в Кабарде восстанет? Разве он не знает, что в Кабарде осталось только пустое имя Большая Кабарда… Гм! – странно, что гяур сам нас заживо похоронил да еще полагает, что мы живем. http:// biblio. Darial – online. ru/ text / Kunduhov / index rus. shtml

[38] РГВИА, ф. 15264, оп. 1, д. 38, л. 26.

[39] Там же. Л. 6, 54.

[40] ЦГА КБР, ф. Р–1209, оп. 5, д. 8, л. 13.

[41] РГВИА, ф. 15264, оп. 1, д. 38, л. 25; ЦГА КБР, ф. Р–1209, оп. 5, д. 8, л. 12.

[42] *Хан-Гирей.* Избранные произведения. С. 278.

[43] Данное обстоятельство просматривается в творчестве Хан-Гирея довольно отчетливо. Так, он писал: «Кабардинцы в то время, когда присваивали себе господство над соседственными племенами, были и законодателями вкуса для других черкесских поколений; в одежде и вооружении, в обычаях и нравах, на войне и мире – все ставили их себе в пример». *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии С. 160; В пользу данного мнения говорит и суждение автора относительно черкесского языка, о котором он говорит, что он «делится на два главнейших наречия, из коих первое, которым говорят кабардинцы и беслинейцы, почитается за чистейшее…» Видимо, не в последнюю очередь по этой причине, к примеру, когда речь заходит о темиргоевцах, Хан-Гирей предпочитает использовать кабардинский вариант выговаривания названия этого адыгского субэтноса «тчемргой» хотя прекрасно осознает, что «владение это именуется на наречии низовых черкес – Тчемкуй». Там же. С. 93, 176. Примерно схожая ситуация прослеживается и с названием восточного подразделения бжедугов – черченеевцы. Если в «Записках о Черкесии» еще отражается сходство с западноадыгской формой названия «Чеченай», где оно приводится как «Владение Черченайское», то в более поздних работах Хан-Гирей предпочитает кабардинский вариант «черчанейский», «черченейское». Там же. С. 187, *Гордин Я.А.* Указ. соч. С. 208; *Хан-Гирей.* Избранные произведения. С. 302, 322, 325. И, наконец, в работах Хан-Гирея четко просматривается его убеждение относительно значительности исторического наследия Кабарды и масштабности амбиций ее политической элиты.

[44] АКАК. Т. 7. С.905.

[45] *Хан-Гирей.* Записки… С.161.

[46] Там же С. 172.

[47] Архив внешней политики Российской империи, ф. 115, Кабардинские дела, оп. 1, 1720 г., д. 1, л. 94; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Сборник документов и материалов в 2 томах. М., 1957. Т. 2. С. 156.

[48] ЦГА КБР, ф. Р–1209, оп. 8, д. 1, л. 152.

[49] *Хан-Гирей.* Записки… С. 156, 228.

А. А. Ганич
(Москва)

«ПОУЧЕНИЕ» ЗАКАВКАЗСКОГО МУФТИЯ И ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ЗАКАВКАЗСКОГО МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВНОГО ПРАВЛЕНИЯ СУННИТСКОГО УЧЕНИЯ (1892)[1]

Утверждение российской власти в Закавказье в первой трети XIX в. и включение в состав Российской империи территорий со значительным мусульманским населением потребовало от правительства разработки мер по осуществлению государственного контроля над новыми мусульманскими подданными и мусульманской духовной элитой. Одним из первых стратегию действий правительства в этой сфере определил главноуправляющий в Грузии генерал от инфантерии А.П. Ермолов (1816–1827). В 1824 г. в предписании кубинскому коменданту К.К. фон-Краббе он рекомендовал установить точное число духовных лиц и круг их обязанностей, чтобы впоследствии ограничить их численность теми, кто лоялен к российской власти, и исключить из разряда «духовенства»[2] *сейидов*[3], *шейхов* и *дервишей*[4].

Разработка проектов учреждения в Закавказье мусульманских духовных правлений началась с создания в 1828 г., по распоряжению главноуправляющего в Грузии графа И.Ф. Паскевича-Эриванского (1827–1831), специального Комитета об устройстве магометанских провинций[5]. В 1837 г. разработанный Комитетом проект был дополнен новым главноуправляющий в Грузии бароном Г.В. Розеном (1831–1837), а еще год спустя представлен третий вариант. Однако в 1839 г., в связи с подготовкой административной реформы, дальнейшее продвижение этого вопроса приостановилось[6] и возобновилось лишь в 1842 г.[7] Существенную поддержку осуществлению проекта организации муфтиятов Закавказья оказал

кавказский наместник великий князь Михаил Николаевич (1862–1881). Для пересмотра прежних и составления новых предложений об устройстве закавказского мусульманского «духовенства» в 1864 г. при Совете главного управления наместника в Тифлисе была сформирована специальная Комиссия, в состав которой вошли, помимо чиновников царской администрации, представители мусульманской духовной элиты[8] .

По итогам длительной подготовительной работы 5 апреля 1872 г. были официально утверждены «Положение об управлении закавказского мусульманского духовенства суннитского учения» и «Положение об управлении закавказского мусульманского духовенства шиитского учения», а 2 января 1873 г. торжественно открыты Закавказское мусульманское духовное правление шиитского учения и Закавказское мусульманское духовное правление суннитского учения с центрами в Тифлисе[9]. Их юрисдикция распространялась на мусульман Бакинской, Елисаветпольской, Тифлисской и Эриванской губерний. Все прочие территории Закавказья и Северного Кавказа, не имевшие общероссийского гражданского управления, находились вне юрисдикции Закавказских муфтиятов[10]. Тем не менее, архивные документы свидетельствуют, что на основании особых инструкций или с разрешения главноначальствующего гражданской частью на Кавказе Духовное правление суннитского учения могло рассматривать дела, поступившие из районов, неподведомственных данному правлению[11]. Проект отдельного северокавказского муфтията, предложенный в 1889 г. главноначальствующим на Кавказе князем А.М. Дондуковым-Корсаковым (1882–1890), реализован не был[12].

Согласно материалам архивных источников, Закавказские мусульманские правления (шиитское и суннитское) являлись средством надзора и контроля за «неблагонадежными» духовными лицами, в том числе теми, кто поддерживал связи с «духовенством» Ирана и Османской империи. Так, в «Положениях» об управлении Закавказского мусульманского духовенства от 1872 г. отмечено, что «мусульманские духовные лица подчиняются единственно властям, установленным Российским правительством. Им воспрещается, без особого дозволения главного управления Наместника Кавказского, обращаться к иностранным духовным или иным вла-

стям за какими-либо наставлениями и разъяснениями; а в случае получения таковых они обязаны немедленно представлять оные местному гражданскому начальству, под опасением, за сокрытие их, взыскания по ст. 257 улож. о наказ., изд. 1866»[13]. Кроме того, «в случае обнаружения между мусульманами вредных и нетерпимых правительством толкований и учений или неблагонамеренных разглашений каждое духовное лицо обязано отвращать от оных вразумлениями и увещеваниями и немедленно доносить о том местному начальству»[14]. В данном случае речь идет об идеях *мюридизма*[15], распространившихся среди мусульман Бакинской и Тифлисской губерний в 70—80-х гг. XIX в.[16] Показательным в этой связи является «наставление» закавказского муфтия Гаджи-Гамид-Эфенди Мустафы-Эфенди-заде[17] от 1873 г., в котором содержатся выдержки из религиозных книг мусульман-суннитов, осуждающих суфийскую практику и опровергающих мюридизм[18].

Организация духовных правлений Закавказского края имела трехчастную структуру. На местах – на уровне селений, городов и уездов – духовные дела мусульманских общин были переданы выборному мечетскому «духовенству» – *муллам*, которые совершали богослужения в мечетях и мечетских обществах, исполняли религиозные обряды и требы, заведовали работой приходских школ (*мектебов*) и вели метрические книги. Надзор за деятельностью мечетского «духовенства», а также разбор по шариату семейных и имущественных споров, оформление брачных договоров принадлежал судь-ям-*кади* (казиям). На двух высших уровнях мусульманское «духовенство» было построено по коллегиальному принципу. Для контроля над мусульманскими «приходами» учреждались губернские *меджлисы* (собрания), во главе духовных правлений в Тифлисе стояли суннитский *муфтий* и шиитский *шейх-ул-ислам*, которые, по представлению наместника кавказского, утверждались в должностях императором[19]. Жалобы на действия мулл и апелляции решений кади разбирались в меджлисах, а заключения последних, в свою очередь, могли быть опротестованы в духовных правлениях. Меджлисы и правления также ведали *вакфами*[20] и прочими имуществами общин, школами и экзаменами на занятие духовных должностей[21].

После учреждения Закавказских мусульманских духовных правлений был введен мечетско-приходской учет населения му-

сульманского вероисповедания. Мечетское духовенство обязывалось вести метрические книги, в которых записывалось количество новорожденных, умерших, сочетавшихся браком и разведенных. Годовые отчеты о деятельности духовных правлений передавались в Главное управление Кавказского наместничества и содержали, помимо движения текущих дел, ведомости о числе приходов, мечетей и духовных лиц, а также об общем числе мусульманских жителей Закавказских губерний обоего пола. Большинство подобных отчетов Закавказского мусульманского духовного правления суннитского учения хранятся в фондах Центрального государственного исторического архива Грузии (ЦГИАГ) в Тбилиси. В одном из таких отчетов за 1892 г. удалось выявить публикуемый ниже документ[22].

«Поучение закавказского муфтия и председателя закавказского мусульманского духовного правления суннитского учения» публикуется впервые. Его выбор обусловлен прежде всего характером самого текста. В сборниках документальных источников по истории ислама в Российской империи акцент преимущественно делался на законодательных актах, всевозможных инструкциях и материалах из судебно-бытовой практики[23]. Мы, в свою очередь, посчитали интересным представить документ из сферы религиозной обрядности закавказского мусульманского «духовенства». Текст «Поучения» составлен на азербайджанском языке (*тюрки*), поскольку он был официальным языком делопроизводства и школы мусульман Закавказья, в арабской графике (‘*аджам*) с переводом на русский язык.

В 1892 г. закавказский муфтий и председатель Закавказского мусульманского духовного правления суннитского учения Гусейн-Эфенди Гаибов[24] предпринял ревизионную поездку по краю[25], во время которой обратился к мусульманам с наставлением. Оно составлено по традиционным канонам хутбы (проповеди) и содержит все необходимые компоненты: приветствие собравшихся, воздание хвалы Аллаху, благословения пророку Мухаммаду, чтение отрывков из Корана, молитва за верующих и наставление их в благочестии[26]. Подбор молитв, коранических цитат и увещеваний определен задачей самого «Поучения», направленного на поучение мусульманского населения Закавказского края к лояльности и

преданности царским властям. Политическое значение хутбы связано также с той частью, где произносится молитва за верующих, в которой полагается упомянуть имя здравствующего правителя, в данном случае российского императора Александра III (1881–1894), и царствующего дома (л. 37).

«Поучение» состоит из 7 частей, заключения и составленной муфтием благодарственной молитвы в честь императора и его семьи. После традиционного приветствия следует первая часть, называемая «О повиновении властям». Ее содержание полностью соответствует задачам, поставленным российским правительством перед мусульманским «духовенством», а именно «поучениями своими внушать единоверцам непоколебимую верность и преданность Государю Императору и послушание установленным властям»[27]. Вторая часть касается обязанностей «духовенства» как перед мусульманской общиной, так и перед царским правительством. В третьей части муфтий остерегает закавказское мусульманское «духовенство» от связи с духовными лицами Ирана и Османской империи, а рядовых мусульман от проявления доверчивости к пришлым дервишам и шейхам, т.е. тем, кто был исключен из числа утвержденных властями мусульманских служителей культа. Четвертая часть посвящена проблеме *мухаджирства* (вынужденной эмиграции мусульман Кавказа из пределов Российской империи во владения турецкого султана)[28]. В духе наставлений в вере и благочестии построены пятая, шестая и седьмая части («Об обязанности человека в отношении друг к другу», «Об обязанности человека лично в отношении самого себя» и «Обязанности человека в отношении своего отечества»). В последней части муфтий отдельно подчеркивает, что «отечеством считается не только то место, где родился человек, но и все государство, к которому принадлежит родина человека и все население одного государства, без различия религии и национальности, считается между собою соотечественниками» (л. 36 об.).

Примечательно, что годом позже, в 1893 г., текст «Поучения» и благодарственной молитвы были переведены на арабский язык, размножены и распространены среди горского населения Кубанской и Терской областей[29].

При подготовке документа к публикации оставлены без изменений присущие ему формы написания имен, названий и терми-

нов, которые исправлены и прокомментированы в примечаниях. Особенности пунктуации и орфографии, характерные для конца XIX в., были по возможности сохранены, за исключением очевидных несоответствий с нормами современного русского языка. Автор публикации выражает глубокую благодарность сотрудникам Центрального государственного исторического архива Грузии за помощь в выявлении этого и других документов по истории духовных правлений мусульман Закавказья.

№ 1.

От Закавказского Муфтия и Председателя Закавказского Мусульманского Духовного Правления Суннитского учения Гусеина Эфендия Гаибова.

ПОУЧЕНИЕ

О братья-мусульмане! Да осчастливит вас Бог в обоих мирах!

Цель настоящих разъездов моих с разрешения высшего Начальства, по местам, населенным мусульманами, состоит главным образом в том, чтобы, познакомившись с духовенством вообще, лично удостовериться в достоинствах каждого из них и составить себе понятие об их деятельности и способностях к точному выполнению возлагаемых на них положением обязанностей соответственно званию каждого из них.

При этом случае я считаю своим священным долгом сообщить и внушить всем и каждому:

I. О повиновении властям (Улюль-Амр[30])

Повиновение и послушание царям и установленным властям (Улюль-Амр) будь они правосудные или неправосудные, мусульмане или немусульмане, обязательно, ибо Бог повелевает:

«О, верующие! Повинуйтесь Богу, его посланнику и тем, которые имеют между вами власть» (Коран глава 4 стих 57)[31]. Это подтверждается и следующими словами нашего пророка Магомеда: «Кто повинуется мне, тот повинуется и Богу, а кто восстанет против меня, тот восстанет и против Бога; равным образом кто повинуется своему государю, тот повинуется и мне, а кто восстанет

против своего государя, тот восстанет и против меня. Послушание своему государю и повиновение воле его обязательно для каждого мусульманина, хотя бы государь был раб из Габеша (Абиссинии)»[32]. Далее пророк повелевает: «Не будь царей, одни народы уничтожались бы другими», т.е. одни народы посягали бы на жизнь, честь и имущество других. Как всем известно, что в подобном положении находилось население Кавказа до времени господства в нем Великого Русского Правительства. Кроме того, в книге, сочиненной Имам-Азамом-Ханифа[33], под заглавием «Таалими-Тарик» сказано: «Человек достигнет своей цели только тогда, когда будет питать уважение и почтение к своему начальству, и он не подвергнется унижению, пока не допустит неуважения в отношении своего начальства»[34]. Также Бог повелевает: «Кто творит добро, тот делает это для своей выгоды; кто творит зло, тот делает это для своего разорения» (Коран глава 41 ст. 46)[35].

Близкое отношение христианской нации с мусульманской доказывается Божиим поведением: «Пища получивших писание дозволена вам и ваша равномерно им» (Коран глава 5 стих 6)[36]. Близость и любовь христианской нации к мусульманской подтверждается еще следующим:

Когда пророк Магоммед в начале своего пророчества пригласил племя Курейш[37] и других жителей Мекки принять религию Ислам, они отвергали такое приглашение и начали подвергать последователей пророка разным притеснениям, так что сии последние, доведенные до крайности подобными притеснениями, нашлись вынужденными переселиться, оставив свою родину – Мекку. Хотя сам Магоммед, благодаря покровительству и защите своего дяди Абу-Талиба[38], находился в безопасности, но он не в состоянии был ограждать своих последователей от обид и притеснений со стороны племени Курейш и населения Мекки.

Поэтому он нашел удобным, во всех отношениях, переселиться во владения царя Хабеша[39] (Абиссинии) Асхама Наджаши[40], исповедовавшего христианскую религию, почему и приказал Осману Ибн Аффан[41] и Джафару Тайяр Ибн Абу Талиб[42] переселиться туда вместе с девятью мужчинами и четырьмя женщинами, в числе которых находилась и дочь пророка – жена Османа, Ракия[43]; при чем пророк сказал им, что в Хабеше есть праведный царь, который не

допускает притеснений в отношении кого бы то ни было и при нем никто не может подвергаться притеснениям. Узнавши о подобном переселении, племя Курейш и жители Мекки отправили послов к царю Асхаму Наджаши и его министрам с большими подарками, с целью возвратить переселенцев и тем препятствовать распространению исламизма в разных местностях. Царь Наджаши потребовал к себе обе стороны, т.е. послов и переселенцев, и по внимательном выслушании их объяснений с начала до конца предложил одному из переселенцев Джафар Тайяру, известному своим красноречием, в присутствии собравшихся здесь духовных лиц, вельмож и народа христианского исповедания прочесть что-либо из Корана, ниспосланного Магомеду. Когда Джафар прочел с начала до конца 19-ю главу Корана о Марьям (Марии)[44], то Асхама Наджаши и все присутствовавшие пролили слезы умиления. Об этом Бог повелевает, обращаясь к пророку Магомеду: «О Магомед! Ты узнаешь, что питающие сильнейшую ненависть к верным, это Иудеи и язычники, а более расположенные любить верных, это люди, которые называют себя христианами; это оттого, что у них есть священники и монахи, и оттого, что у них нет гордости. Когда они услышат стихи Корана, то увидишь, как у них в изобилии польются из глаз слезы, ибо они узнают истину». (Коран глава 5 стихи 85 и 86)[45]. После того послы племени Курейш и жители Мекки были отпущены, без успеха, обманутые в надеждах. Царь же Асхама Наджаши обратился к переселенцам с приветливыми словами, предоставить им выбрать для себя место жительства в его владении, где им угодно, и жить спокойно. Все это подробно изложено в разных местах священного писания.

О, братья – мусульмане! Из вышеприведенного вам сделалось известным, что 1316 лет тому назад, т.е. в такую эпоху, когда в мире существовали, во всех отношениях, совершенно другие взгляды и потребности, чем в наше время, наш пророк Магомед счел удобным для своих последователей переселиться во владения царя-христианина Асхама Наджаши, убедившись в том, что там можно провести жизнь в спокойствии и что действительно царь Асхама Наджаши оправдал мнение Магомеда, приняв переселенцев под свое покровительство; что дружественные отношения христиан к нам – мусульманам и то, что во время нахождения ислама в самом

слабом состоянии христианская нация оказала ему помощь и покровительство, чего нельзя было ожидать от других наций, – все это ясно доказано Божием словом[46]. Вследствие этого люди, одаренные чувством справедливости и благодарности, не должны отрицать подобных благодеяний христианской нации и забывать их.

И так обратитесь к совести и здравому рассудку: есть ли какие либо причины, по шариату или обычаю, чтобы мы лишили себя счастья жить в благоденствии в нашей родине под сенью милости нашего Милостивого и Правосудного ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА? Есть ли возможность допустить мысль к непризнанию ЕГО многочисленных милостей и благодеяний и в состоянии ли мы отблагодарить ЕГО за эти милости и благодеяния? Не обязаны ли наши светские и духовные дела своим процветанием отеческим заботам Великого Монарха и Его Августейших Родителей и Дедов? Не учредил ли Он, для улучшения наших шариатских дел, духовные правления, губернские меджлисы и должности Муфтия, Шейх-Уль-Ислама и казиев на Кавказе, в Оренбурге и Крыме[47], отпуская на содержания их значительные средства из своей казны? Не Он ли заботится постоянно о благосостоянии своих верноподданных? Не открыты ли во всей России, в особенности на Кавказе, училища, исключительно для воспитания детей мусульман? В какие, вообще, учебные заведения не принимаются без различия вероисповеданий и национальности дети мусульманские? В какие училища не назначены учителя из мусульман для преподавания мусульманским детям закона Божия и родного языка[48]? Какие мусульмане не пользуются правами и преимуществами наравне с другими верноподданными Русского Правительства? Ввиду всего этого, а также ввиду столь многочисленных милостей и благодеяний Августейшего Монарха шариатский долг заставляет нас служить усердно и ревностно ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ и во всех отношениях без малейших упущений действовать согласно ЕГО царской воле, оказывать повиновение установленным властям и тем осчастливить себя в обоих мирах. В случае же если обнаружатся с нашей стороны какие-либо поступки, несогласные с ЕГО царскою волю (чего не дай Бог!), то это будет противодействием самим шариатским правилам, и мы лишим себя счастья в обоих мирах.

II. Об обязанностях духовенства

Казии и приходские моллы обязаны неуклонно и с особенным усердием исполнять возложенные на них положением о Закав. мус. духов. обязанности. Независимо сего они должны по мере возможности и силы стараться распространять догматы религии между своими единоверцами и поощрять в них чувство уважения к ней. Они должны объяснять мусульманам дозволенные и недозволенные шариатом предметы, отправлять совместно с ними пятикратные молитвы, внушать им условия истинной веры: необходимость поста, намаза, поездки в Мекку, закята и проч.[49] Имамы[50] же должны в пятницы и праздничные дни читать проповеди и делать добрые и полезные наставления. Кроме того, духовные лица должны направлять народ на путь истины, стараясь вселять в него отвращение от предосудительных поступков вроде убийства, грабежа, воровства и захвата чужих имуществ и склонять его к возведению в каждой деревне мечети и устройству разных богоугодных заведений.

Духовные лица должны и обязаны избегать действий и слов, могущих иметь дурные последствия, и, придерживаясь прямых указаний шариата, вразумлять и отклонять массу населения от доверия лицам, заявляющим себя боговдохновенными и обладающими сверхъестественными силами. Такие личности никогда не были свободны от честолюбивых и эгоистических целей. Благовидные действия их, клонящиеся лишь к достижению личных целей, причиняют народу вред и убытки. Лица эти не включены в число признанных Правительством в положении должностных лиц. Они именуются: шейхами, софитами[51], дервишами и зачидами[52].

III. Об отношениях к духовенству иностранных государств

Духовные лица иностранных государств прибывают к нам в Закавказский край в виде софитов и дервишей и бродят между нашими сельскими жителями. Сии последние, видя их в чалмах и ведущими себя подобающим образом, слушают их соблазнительные речи, всею душою и сердцем предаются им и отдают им: свои фитры[53], закяты и прочие приношения, никак не думая о том, что если бы лица эти были люди достойные, то они в своей таковой же мусульманской стране заслужили бы подобные приношения и, покинув свою родину, не приходили бы сюда нищенствовать, ибо

истинные дервиши всегда отказывали себе во всем. Лица эти кажутся нашему народу святыми оттого, что наши видят их только первый раз, не зная о поведении и образе жизни их на своей родине, почему, увлекаясь лишь наружным видом их, принимают их за достойных людей. Но стоит только вникнуть, дабы убедиться, что наши самые последние нищие и духовные лица в тысячу раз, во всех отношениях, выше их, и потому как пред Богом, так и пред самим пророком они больше заслуживают подаяний.

По сему каждый должен стараться устранять из среды своей иностранцев не давая им фитры, закята и прочих приношений: духовные же лица специально обязаны всеми мерами стараться удалять из среды общества прибывающих сюда с целью наживы иностранцев, а в случае невозможности доводить о том немедленно до сведения казия или местного начальства.

IV. Об эмиграции

Некоторые из невежд, превратно поняв вопрос об эмиграции, думают, что переселение с места жительства необходимо для нас, тогда как шариат наш не только не отнимается от нас, но напротив, как яснее солнца видно, еще более укрепляется и улучшается[54].

При неприкосновенности шариата, как видно из постановлений самого шариата, эмиграция уже не является необходимостью. Неприкосновенность же шариата очевидна и неоспорима.

И так да поймут заблаговременно те, которые решаются на эмиграцию, что они: во 1) действуют против самого шариата и во 2) сами собственными своими руками ввергают себя в погибель, бросая своих родных (что также воспрещается шариатом), движимые и недвижимые имущества, как перешедшие к ним от отцов и дедов, так и приобретенные ими при больших трудах и расходах. Все это лишь для того, чтобы осудить себя на вечную нищету и бедствия на чужбине.

Хотя эмигранты эти вскоре после того и раскаиваются в своем поступке, но раскаяние уже не приносит им пользы. Некоторые из них, [п]обуждаемые любовью к отчизне, возвращаются в самом жалком и бедственном положении, а многим при всем старании и этого не удается[55].

Посему духовные лица обязаны отеческими и братскими проповедями и наставлениями отклонять подобных людей от эмиграции.

V. Об обязанностях человека в отношении друг к другу

Так как весь человеческий род происходит от одних прародителей Адама и Евы, то существующие между отдельными племенами отношения и связи не должны быть прерваны, и, будучи созданиями и рабами одного Всемогущего Творца, мы обязаны сохранить между собою добрые отношения и, в случае нужды, оказывать друг другу помощь. Из этого видно, что никто из человеческого рода не имеет права и не должен посягать на жизнь, честь и имущество людей, не говоря уже о том, что подобные поступки заслуживают кару Божью, последствием чего является то, что совершающий такие поступки подвергается разным бедствиям в здешнем мире и его ожидает еще более горькая участь в том свете, чему явным доказательством служит следующее изречение Корана: «Кто убьет верующего намеренно, тот будет иметь в награду ад; он проживет там вечно. Бог, разгневанный на него, проклянет его и осудит на страшное наказание[56]». Кто допустит в отношении кого-либо презрение и жестокость, то подобные действия его не прощаются, хотя бы он оказался не знающим содержания Корана и постановлений шариата, ибо Бог в сердце каждого человека начертал свою Божью волю. Например, когда человек, намеревающий сделать кому-либо зло, обратится сам к себе с вопросом: согласился ли бы я на такое зло по отношению меня со стороны другого? Тогда он получит отрицательный ответ. Человек, не допускающий какого либо зла в отношении себя, должен воздерживаться от совершения подобного же зла и в отношении других. Также человеческая совесть не позволит отказать в помощи тому, кто находится в бедственном положении. А потому следует оказывать помощь и милость людям подобного рода, за что получится вознаграждение от Бога, как он повелевает в Коране: «Кто сделал доброе дело, по-лучит награду вдесятеро»[57].

VI. Об обязанностях человека лично в отношении самого себя

Бог создал человека наивысшим существом в мире, как об этом повелено в Коране: «Мы прославили детей Адама» (глава 17 стих 72)[58] и для отличия его от других одушевленных созданий одарил его разумом, т.е. духовною силою, которая указывает человеку дорогу и служит для него орудием для защиты себя от

всяких опасностей. При этом Бог возложил на человека некоторые важные обязанности. К числу таких обязанностей принадлежит и обязанность человека в отношении самого себя. Разум, или духовная сила, которым Бог одарил человека, подобен лампе, которая будет освещать ярче тогда, когда по временам будешь наливать в нее масло и отрезывать кончик фитиля. Точно так же для подкрепления и развития духовных сил нужно заниматься умственными упражнениями, т.е. научным образованием, каковое приобретается благодаря ревности и усердию учащихся и учащих. Очевидно, что стремление к изучению наук и ремесел есть в высшей степени дело полезное для человека как в сем, так и в будущем мире, а равнодушие к такому делу – чего не дай Бог – влечет за собою последствия, лишающие человека всех благ в обоих мирах. Человек, равнодушный к приобретению наук и полезным ремеслам и занятиям, и не трудящийся для доставления средств к поддержанию себя с семейством, действует против воли и желания Бога и Его пророка, ибо Бог повелевает: «Скажи, которые знают и которые не знают будут ли суждены одинаковым образом» (Коран глава 39 стих 4)[59]. Также пророк повелевает: «Приобретайте знания хотя бы в Китае (чин)»[60]. Далее Бог повелевает: «Когда молитва окончена, то идите куда хотите и снискивайте дары благословения Божия.» (Коран глава 62 ст. 10)[61]. Это повеление Бога еще подтверждается тем, что однажды пророк Магоммед после свершения намаза, обращаясь к народу, сказал, что «Мы, совершив намаз, исполнили первый свой долг, а теперь нам следует исполнить второй наш долг, заключающийся в приобретении средств к жизни»[62]; причем пророк и произнес вышеприведенное изречение Корана.

А потому необходимо: 1) заботиться об открытии новых медресе и училищ, 2) отдавать своих детей в открытые уже училища, дабы наши дети обучались татарскому языку и шариатским наукам и познакомились, по мере возможности, с правительственным языком и грамотою и 3) заниматься полезными ремеслами и работами для поддержания жизни.

VII. Обязанности человека в отношении своего отечества

Придерживаясь изречения нашего пророка: «Любовь и привязанность к отечеству есть признак любви к вере»[63], каждый должен

любить свое отечество как родную мать и, по мере силы и возможности, заботиться о благосостоянии его, ибо благосостояние каждого человека зависит от благосостояния его отечества и наоборот. Сколько необходимо для населения, в мирное время, всячески стараться к поддержанию спокойствия и тишины и препятствовать к проявлению разных раздоров и беспорядков, столько же оно обязано, ввиду угрожающей со стороны врагов опасности, с оружием в руках защищать свое отечество; причем или победить врага и жить покрытым славою, или пожертвовать жизнью за возлюбленное отечество. Отечеством считается не только то место, где родился человек, но и все государство, к которому принадлежит родина человека и все население одного государства, без различия религии и национальности, считается между собою соотечественниками. Все они обязаны повиноваться своему Государю, как это изложено в книгах Макасидуль-Ислам[64] и Тафсир-Такмил[65].

Заключение

О, братья мусульмане! Человек должен слушать полезное наставление и дать ему место в своей душе, ибо подобно тому, как семя пока не останется в продолжение известного времени в земле не принесет плодов и пока капля апрельского дождя не останется внутри раковины некоторое время, не получит значения драгоценного жемчуга, точно так же наставление не принесет никакой пользы, пока оно не вкоренится в душе и сердце человека. Итак, я надеюсь, что вы с благословения Божия не забудете настоящее отеческое мое наставление и тем будете снискивать себе счастья в обоих мирах. – Помолимся Богу указать нам путь истинный с спасением и удалением нас от всякого беспутства.

Благодарственная молитва

О, единоверцы – мои братья – мусульмане! Милость, щедрость и благодеяния Всемогущего, Всевышнего и Всесвятейшего Бога ко всем творениям, в особенности к роду человеческому, простираются до такой степени, что если допустим, что у нас было бы столько языков, сколько волос, то и тогда мы не могли бы хоть по величине кончика одного волоса отблагодарить Его! Из обильных нам даров Всемогущего и Всеблагодетельного Бога, в числе которых бывают

и редкие, самым высоким и самым первым из них должно считать щедрую, великодушную, благодетельную сень милости на земле Всесохраняющего Бога, Всемилостивейшего и Правосудного ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА Самодержца Всероссийского АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА, под сенью милости которого все ЕГО верноподданные вообще и мы, мусульмане, в особенности, благоденствуем, и все наши светские и духовные дела, благодаря ЕГО же попечениям и заботам, находятся, во всех отношениях, в самом цветущем состоянии, как об этом было подробно изложено выше. И так мы мусульмане, по изречению: «Облагодетельствованный должен отблагодарить благодетеля» должны отблагодарить, ибо в Алкоране написано: «Если вы отблагодарите, то я без сомнения возвеличу». А потому я молюсь о ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМ ВЕЛИЧЕСТВЕ и об Августейшем Его Семействе; молитесь же и вы, чистосердечно произнося: «Аминь».

О, Всемогущий, Всещедрый, всех питатель, Всемилостивый, в обилии дарующий блага и многочисленные благодеяния. Боже, молимся, просим Тебя, чтобы Ты сохранил помазанника Твоего над нами во всем величии Отца Отечества, Царя Могущего и Великого АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА, Самодержца Всероссийского и прочая, и прочая, продлил ЕГО царствования на многие лета, ниспослал счастье всем верноподданным по многим ЕГО деяниям, дабы сохранил ЕГО в высоком сане и степени царства ЕГО и удвоил дни ЕГО жизни с здравием и величием без недостатков, с счастливою судьбою. Соделай ЕГО победителем врагов, умножи количество ЕГО любящих и союзников, уничтожь ЕГО врагов и ненавистников в силу заповедей Алкорана; осчастливь мусульман продлением ЕГО жизни, чтобы исполнились ЕГО желания, цели и намерения как дома, так и в походе. Боже! молимся, чтобы Ты сохранил Ее Императорское Величество Государыню Императрицу МАРИЮ ФЕДОРОВНУ и Его Императорское Высочество Государя Наследника Цесаревича НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА и всех членов Августейшего Дома.

Молим Тебе, о Боже, о милосердный всех милосердных. Аминь.

(С отчетом Закавказского Мусульманского Духовного Правления Суннитского учения о деятельности Правления за 1892 год // ЦГИАГ, ф. 12, оп. 7, д. 929, л. 34–37).

Примечания

[1] Публикация по архивным материалам, введение и комментарии А.А. Ганич
[2] Определение «иерархической постепенности духовных званий» вызвало трудности у чиновников царской администрации. Отсутствие в исламе понятия «церкви» и «духовенства» поставило разработчиков проектов управления служителями мусульманского религиозного культа перед необходимостью соотносить исламские реалии с опытом устроения Русской православной церкви.
[3] *Сейиды* (араб. *саййид*) – роды, возводившие свое происхождение к семье пророка Мухаммада.
[4] Колониальная политика Российского царизма в Азербайджане в 20–60-х гг. XIX в. / Ред. И.П. Петрушевский. М.-Л., 1936. Ч. 2. С. 309, 310. Зд. последователи суфийских братств (араб. *тарика*) Накшбандийа-Халидийа и Кадирийа, распространившихся на Северо-Восточном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в.
[5] ЦГИАГ, ф. 2, оп. 1, д. 2232.
[6] АКАК. Тифлис, 1884. Т. 9. Ч. 1. С. 125.
[7] АКАК. Тифлис, 1884. Т. 9. Ч. 2. С. 724.
[8] «Записка о пересмотре Положения 5 апреля 1872 г. об управлении закавказского мусульманского духовенства». [Б.м., б.г.]. С. 3, 4.
[9] Кавказский календарь на 1886 год. Тифлис, 1885. С. 178. Открытие двух закавказских магометанских правлений дополнило существовавшую общегосударственную систему мусульманских учреждений империи: Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) в Уфе (1788–1917) и Таврического магометанского духовного правления в Симферополе (1794 / 1831–1917).
[10] Программа государственных экзаменов для «мусульманского духовенства» Закавказья (1873 г.) (Публикация по архивным материалам, введение и комментарии Д.Ю. Арапова и В.О. Бобровникова) // Кавказский сборник. М., 2006. Т. 3 (35). С. 188.
[11] ЦГИАГ, ф. 12, оп. 7, д. 929, л. 13.
[12] Программа государственных экзаменов для «мусульманского духовенства» Закавказья… С. 191, 192.
[13] «Положение об управлении закавказского мусульманского духовенства Суннитского учения». [Б.м., б.г.]. С. 20–22; «Положение об управлении Закавказского мусульманского духовенства Шиитского учения». [Б.м., б.г.]С. 20–22.
[14] «Положение об управлении закавказского мусульманского духовенства Суннитского учения»… С. 20.
[15] *Мюридизм* – мусульманское сопротивление российскому завоеванию Северного Кавказа в годы и после окончания Кавказской войны (1817–1864), активными участниками которого были члены суфийских братств Накшбандийа-Халидийа и Кадирийа.
[16] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 609, л. 3 об.
[17] Гаджи-Гамид-Эфенди Мустафа-Эфенди-заде назначен закавказским муфтием и председателем Закавказского суннитского духовного правления с момента его открытия в 1873 г. // Кавказский календарь. Тифлис, 1874. Адрес-календарь. С. 84.
[18] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1260, л. 11–14.
[19] «Положение об управлении Закавказского мусульманского духовенства Суннитского учения». [Б.м., б.г.]. С. 2–6, 10; «Положение об управлении закавказского мусульманского духовенства Шиитского учения». [Б.м., б.г.]. С. 2–6, 10; ЦГИАГ, ф. 12, оп. 1, д. 2074, л. 1.

[20] *Вакф* (араб.) – частное имущество, переданное на религиозные и благотворительные нужды мусульманских общин.
[21] «Положение об управлении закавказского мусульманского духовенства Суннитского учения»… С. 34.
[22] ЦГИАГ, ф. 12, оп. 7, д. 929, л. 34–37.
[23] Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20–60 гг. XIX в. / Ред. И.П. Петрушевского. М.–Л., 1936. Ч. 2; Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2001.
[24] Закавказский муфтий Гусейн-Эфенди Гаибов был назначен председателем Закавказского мусульманского духовного правления суннитского учения в 1885 г. и занимал эту должность до 1917 г. // Кавказский календарь на 1885 год. Тифлис, 1884. Отдел IV. Адрес-Календарь. С. 83, 84; Кавказский календарь на 1917 год. Тифлис, 1916. Адрес-Календарь. С. 775, 776.
[25] Периодические поездки с целью «обозрений подведомственных ему учреждений» и представление по их итогам соответствующих отчетов входило в обязанности закавказского муфтия // «Положение об управлении закавказского мусульманского духовенства Суннитского учения». С. 38.
[26] Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 285.
[27] «Положение об управлении закавказского мусульманского духовенства Суннитского учения»… С. 10.
[28] Подробнее о «кавказском» мухаджирстве см.: *Бадерхан Ф.* Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании. М., 2001; *Ганич А.А*. Черкесская диаспора в Иордании: особенности исторического и этнокультурного развития». М., 2007; *Кушхабиев А.В.* Черкесская диаспора в арабских странах (XIX–XX вв.). Нальчик, 1997 и др.
[29] ЦГИАГ, ф. 12, оп. 7, д. 979, л. 18, 18 об.
[30] *Улил-амр* (араб.) – «те, которые имеют власть», фрагмент 62 айата 4 суры Корана // Коран / Перевод с арабского языка Г.С. Саблукова: Репринт. Воспроизведение изд. 1907 г. в двух томах. М., 1990. Т. 1. С. 156, 157.
[31] В переводе Корана, подготовленном академиком И.Ю. Крачковским, эти строки 62/59 айата 4 суры звучат следующим образом: «О вы, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и обладателям власти среди вас» // Коран. Перевод академика И.Ю. Крачковского. М., 1990. С. 88.
[32] Данное изречение (араб. *хадис*) пророка Мухаммада вошло в сборник хадисов «ал-Джами' ас-Сахих» суннитского мухаддиса-традиционалиста ал-Бухари (810–870).
[33] Абу Ханифа, ан-Ну'ман б. Сабит ал-имам ал-а'зам (699–767) – богослов-законовед (араб. *факих*), основатель ханафитской религиозно-правовой школы (араб. *мазхаб*).
[34] На данном этапе разработки темы мы не располагаем сведениями об этом источнике.
[35] «Кто творил благое, то для самого себя, а кто творил злое, тоже против себя, и твой Господь не обидчик для рабов» // Коран… Сура 41, айат 46. С. 394.
[36] «Сегодня разрешены вам блага; и пища тех, кому даровано писание, разрешается вам, и ваша пища разрешается им. …» // Коран… Сура 5, айат 7/5. С. 102.
[37] Племя Курейш (Курайш) составляло основное население Мекки. К одному из его родов Хашим принадлежал Мухаммад.
[38] Абу Талиб – глава рода Хашимитов, дядя пророка Мухаммада.
[39] Хабеш (Хабаш) – Эфиопия.

[40] Ан-Наджаши – негус (правитель) христианской Эфиопии, под покровительство которого в 614/615 г. бежала группа мусульман из Мекки.
[41] ‘Усман б. ‘Аффан (ок. 575–656) – один из первых сподвижников Мухаммада. Впоследствии был избран третьим «праведным» халифом (644–656).
[42] Джа’фар ибн Абу Талиб – сын Абу Талиба.
[43] Рукайя – дочь пророка Мухаммада, жена ‘Усмана б. ‘Аффана.
[44] Коран… Сура 19. С. 251–257.
[45] Ты, конечно, найдешь, что более всех людей сильны ненавистью к уверовавшим иудеи и многобожники, и ты, конечно, найдешь, что самые близкие по любви к уверовавшим те, которые говорили: «Мы христиане!» Это – потому, что среди них есть иереи и монахи и что они не превозносятся. / А когда они слышат то, что низведено посланнику, то ты видишь, как глаза их переполняются слезами от истины, которую они узнали. Они говорят: «Господи наш! Мы уверовали, запиши же нас с исповедниками!» // Коран… Сура 5, айаты 85/82 и 86/83. С. 112.
[46] Религиозная политика царской России была построена на принципе примата РПЦ над другими «иноверческими» исповеданиями. В данном документе тезис о «защите и покровительстве» над мусульманами и исламом со стороны христианского правителя подкрепляется примером из ранней истории ислама.
[47] Речь идет об упомянутых выше Оренбургском магометанском духовном собрании с центром в Уфе (1788–1917), Таврическом магометанском духовном правлении в Симферополе (1794 / 1831–1917) и двух Закавказских мусульманских духовных правлениях с центром в Тифлисе (1872–1917).
[48] К моменту создания данного документа система мусульманского образования в Закавказье представляла собой достаточно стройную структуру. В Тифлисе функционировало два высших мусульманских училища «Алиева» и «Омарова» учения, в центральных уездных городах уездные училища, а в населенных пунктах первоначальные училища // Свод действующих штатов гражданских учреждений ведомства Наместника Кавказского, составленный в Главном Управлении Его Императорского Высочества. Тифлис, 1865. С. 434–467; ЦГИАГ, ф. 12, оп. 7, д. 1094, л. 7–12 об.
[49] Речь идет о пяти столпах ислама (араб. *аркан ал-ислам*): «свидетельство» (араб. *аш-шахада*) – исламский символ веры; пост (араб. *ас-саум*) в священный для мусульман месяц рамадан (араб.; перс., тюрк. *рамазан*); *намаз* (перс.) – ежедневная пятикратная молитва; хадж (араб. *ал-хаджж*) – паломничество в Мекку и закят (араб.) – налог в пользу нуждающихся мусульман.
[50] *Имам* (араб.) – предстоятель на молитве, а также руководитель общей молитвы в мечети.
[51] *Софт* (тур.) – учащийся *медресе*.
[52] *Захид* (араб.) – аскет.
[53] Раздача милостыни беднякам в праздник разговения *‘ид ал-фитр* (араб.) в честь завершения поста в месяц рамадан.
[54] На завершающем этапе Кавказской войны XIX в. вопрос о том, является ли переселение (араб. *хиджра*) в «область, находящуюся под властью мусульманских правителей» (араб. *дар ал-ислам*) обязательным для мусульман вызвал серьезную дискуссию в среде мусульманского «духовенства» Северного Кавказа. На Северо-Восточном Кавказе возобладала позиция тех, кто выступал против эмиграции. На Северо-Западном Кавказе ввиду ряда причин решающими оказались заявления эмиссаров турецкого султана, которые активно пропагандировали эмиграцию. В этот период российское правительство стремилось к скорейшему покорению Кав-

каза и поэтому всячески способствовало переселению. Однако в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. оно изменило свою тактику, и тогда усилия царской администрации на Кавказе были направлены на постепенное прекращение мухаджирского (переселенческого) движения народов Северного Кавказа. См. подробнее: *Ганич А.А.* Указ. соч. С. 21–23, 31–32.

[55] Многие мухаджиры, выселенные по приказу царских властей и эмигрировавшие самостоятельно в ходе и по завершении Кавказской войны, пытались вернуться на родину и подавали многочисленные прошения в российское посольство и консульства в Османской империи. Однако большинству из них было отказано в возвращении. См. подробнее: *Ганич А.А.* Указ. соч. С. 153–155.

[56] «А если кто убьет верующего умышленно, то воздаянием ему – геенна, для вечного пребывания там. И разгневался Аллах на него, и проклял его, и уготовал ему великое наказание» // Коран… Сура 4, айат 95/93. С. 92.

[57] Хадис пророка Мухаммада.

[58] « Мы почтили сынов Адама, и носили их на суше и на море, и уделили им благ, и оказали им преимущество пред многими, которых создали» // Коран…Сура 17, айат 72/70. С. 238.

[59] «… Скажи: «Разве сравняются те, которые знают, и те, которые не знают?»…» // Коран … Сура 39 айат 12/9. С. 377.

[60] Хадис пророка Мухаммада.

[61] «А когда кончена будет молитва, то расходитесь по земле, и ищите милости Аллаха, и поминайте Аллаха часто, – может быть, вы будете счастливы!» // Коран… Сура 63, айат 10. С. 458.

[62] Хадис пророка Мухаммада.

[63] Хадис пророка Мухаммада.

[64] Макасид ал-ислам (араб.) в переводе на русский язык может означать «цели, намерения ислама».

[65] Речь идет об одном из толкований (араб. *тафсир*) Корана.

О. А. Жанситов
(Нальчик)

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КАБАРДЕ: национально-религиозный аспект

Стремление к социальным преобразованиям явилось не единственной причиной участия горцев Терека в гражданской войне. Вооруженный конфликт здесь приобрел черты национально-освободительного движения, освященного религиозными лозунгами. Наиболее отчетливо это проявилось во время антисоветского восстания терских казаков (1918), а также в период борьбы с режимом А. Деникина (1919 – начало 1920 гг.), в котором видели продолжателя политики царизма, заключавшейся в том, чтобы «убить среди горцев зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык… и по возможности русифицировать их»[1].

На упорное сопротивление белые натолкнулись в Дагестане, Чечне и Ингушетии. Основные части северокавказской Красной Армии отступили к Астрахани. Оставшиеся на Тереке нашли приют в горных селениях и стали союзниками горцев в борьбе с белыми, стараясь направить ее в социалистическое русло.

Поддержка чеченцами и ингушами советской власти имела ряд оснований. Большевики, широко распространяя свои лозунги свободного национального и религиозного развития народов и обещая решить проблему земельного голода, выступали как бы избавителями от царского гнета. В обращении советского правительства (22.11.1917) «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в частности, указывалось: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными… Знайте, что ваши права… охраняются всей мощью революции и ее органов – Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Действия большевиков после провозглашения Советской власти на Тереке в определенной мере отвечали национальным интересам чеченцев и ингушей. На I съезде народов Терской области, состоявшемся в январе 1918 г. в Моздоке, большевики сорвали попытки казаков начать войну с горцами, используя при этом находящиеся в области солдатские части разложившейся царской армии. Кроме того, при решении на Тереке земельного вопроса территории переселенных казачьих станиц Сунженской, Тарской, Аккин-Юртовской и Фельдмаршальской возвращались ингушам.

Большевики, контактируя с мусульманским населением Терека, старались не обнаруживать свою атеистическую сущность и проявляли демонстративную лояльность в отношении ислама. Выделялись средства на работу шариатских отделов и судов при окружных народных советах. Революционные отряды объединялись в шариатские полки. Во время областных съездов председатель объявлял перерывы для совершения молитвы и т.д.

Несмотря на такую уступчивость большевиков, чеченцы и ингуши видели в них лишь временных союзников в борьбе с белыми. В свою очередь, в планы большевиков не входило предоставление независимости горским народам. Установление советской власти на Тереке они рассматривали как способ сохранения его в составе России. Процессы национально-государственного строительства, начатые после Февральской революции «Союзом объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана», были прерваны с приходом к власти большевиков. Не обольщались и по поводу лояльности большевиков к религии. До Терека доходили слухи о расстрелах православных священников, глумлении над останками святых, разграблении храмов и т.д., после чего патриарх Тихон придал анафеме советскую власть. Несмотря на декларируемую лояльность, большевики не церемонились и с последователями ислама. Согласно данным деникинской комиссии по расследованию злодеяний большевиков, «из всех мусульманских мечетей нагайского народа, число которых превышает 50, не осталось ни одной неосквернённой и неразграбленной. Все они носят следы разрушения и не посещались жителями во время власти большевиков. Все церковное имущество было разграблено. В ауле Махмуд Мектеб в главной соборной мечети была устроена стоянка для лошадей и отхожее место для красноармейцев»[2].

Учитывая эти обстоятельства, горцы после победы над белыми в союзе с «советами» планировали воспользоваться «правом на самоопределение». Примечательны в этом отношении мотивы сотрудничества с большевиками лидера чеченского революционного движения А. Шерипова. Он считал, что «от большевиков чеченские националисты получат больше, чем от остальных общероссийских группировок – во-первых. Во-вторых, он надеялся, что из всех общероссийских группировок – коммунистическая скорее всех и вернее всех приведет Россию к гибели. Тогда можно будет думать о самостоятельности…»[3]

Создание независимого исламского государства на Северном Кавказе – Северо-Кавказского Эмирства – являлось главной целью антиденикинского движения, возглавленного аварским муллой Узун-Хаджи. В «Воззвании к соседним русским и другим национальностям» он заявил: «…Мы не требуем автономии, а мы хотим независимой Шариатской монархии. Мы должны умереть за нашу независимость»[4].

Резиденция Узун-Хаджи располагалась в горной Чечне, в селении Ведено. Сюда стали стягиваться красноармейские части и горские революционные отряды, отступившие из занятых белыми округов, в том числе и из Нальчикского. Узун-Хаджи охотно включал их в состав войск Северо-Кавказского Эмирства. При этом следил за тем, чтобы действия новых союзников не расходились с целями его движения (достижение независимости, а не установление советской власти). Так, один из руководителей Эмирства Арсанукаев-Дышнинский пытался отстранить от командования 5-й армией Н. Гикало. 13 ноября 1919 г. на заседании эмирского правительства он заявил: «…В настоящее время вследствии отсутствия у Гигало понимания наших целей и наших стремлений, а так как стремления Гигало мне совершенно чужды, нахожу необходимым его устранение с назначением на его место другого»[5].

Полноценное духовное развитие народов Северного Кавказа Узун-Хаджи и его сторонники считали возможным лишь в условиях независимости и определенно не при большевиках. Когда последние после отступления белых с Северного Кавказа показали свое истинное лицо, то встретили серьезное сопротивление со стороны бывших союзников, недовольных политикой ревкомов и насаждением диктатуры пролетариата.

В Кабарде революционное движение, проходившее под исламскими знаменами, возглавил эфенди Н. Катханов. Будучи представителем национальной духовной интеллигенции, он объединил своих сторонников под лозунгом «Да здравствует Советская власть и шариат». Н. Катханов в отличие от Узун-Хаджи считал возможным развитие исламских традиций в социалистическом обществе, поскольку социализм и ислам, с его точки зрения, призывали к равноправию людей. Противоречие, обозначившееся в отношении к частной собственности (шариат признавал ее, а социализм, напротив, отвергал), было сглажено путем свободной трактовки религиозных текстов: «именно по шариату, – проповедовало революционное духовенство, – крестьяне имеют право на помещичьи земли, так как земля должна принадлежать тем, кто ее «воскрешает», то есть трудится на земле»[6]. «Те, которые утверждали, что земля принадлежит всем мусульманам, – отмечал С. Исхаков, – ссылались на известный хадис о том, что «земля и небо принадлежат Богу», а их противники ссылались на законы шариата о неприкосновенности и священности частной собственности»[7].

Таким образом, уловив созвучие исламских и социалистических идей и тем самым посчитав, что не вступает в противоречие со своими религиозными убеждениями, Н. Катханов приступил к политической борьбе в союзе с большевиками. Возможно, он поверил в избирательность их политики в отношении религии. Гонения на православную церковь не должны были, по его мнению, перекинуться на ислам, учитывая лояльное отношение к нему большевиков в период провозглашения советской власти на Тереке.

За что боролся Н. Катханов? «За Советскую власть и шариат» – гласит его лозунг. Однако к моменту выступления Н. Катханова в Кабарде уже около полугода действовала советская власть. После ее провозглашения 21 марта 1918 г. была ликвидирована февральская администрация и образован Окружной народный Совет. В четырех участках округа созданы комиссариаты, сельские правления заменены сельскими советами. Началось формирование красноармейских отрядов. Отменены сословные привилегии. Национализированные частновладельческие земельные участки переданы сельским обществам. Эти завоевания революции признавал даже «отъявленный контрреволюционер З. Даутоков-Серебряков, орга-

низовавший вооруженную борьбу с красноармейскими частями в Кабарде. В программе его партии «Свободная Кабарда» указывалось: «Раздел земли, выборная народная власть, сельские Советы и комиссары остаются; в селениях, где таковые причиняли обществу вред, они должны быть переизбраны». Но если мероприятия советской власти в социальной сфере, несмотря на противодействие свергнутой элиты, все же внедрялись в жизнь кабардинского общества, то в сфере национальной они ущемляли его интересы. Весной 1918 г. Терская советская республика, частью которой являлись и Кабарда, при решении аграрного вопроса передала около 50 тысяч десятин кабардинской земли соседним народам. В июне 1918 г. на Тереке вспыхнуло антисоветское казачье восстание. Терские большевики, организуя горцев на борьбу с казаками, пытались вовлечь в неё и «ограбленных» кабардинцев.

В августе в руководстве Нальчикского округа произошли изменения. Окружной народный Совет возглавил Т. Шакманов, комиссаром округа стал Б. Карачаев. Эти люди, проявившие себя ещё в дореволюционной, а затем и февральской администрации, оставаясь на платформе советской власти, стремились защитить национальные интересы Кабарды на фоне разгоревшейся на Тереке гражданской войны. Открывшийся в августе IV окружной народный съезд объявил незаконным отмежевание кабардинских земель, а также признал необходимым занять нейтральную позицию в вооружённом конфликте, что было направлено на сохранение «физического существования» народа. Местные революционные отряды отзывались с фронта и на их основе формировался Кабардинский национальный полк. Последний должен был стать опорой в деятельности созданного на съезде Кабардинского национального Совета. «Решения съезда, – отмечает В. Кажаров, – явились значительным этапом в национально-государственном строительстве кабардинцев»[8].

Таким образом, руководство Нальчикского окружного Совета, признавая советскую власть, в то же время обособляло Кабарду от Терского революционного лагеря. Естественно, большевики попытались вернуть её в орбиту своего влияния. Для этого необходимо было отстранить от власти Т. Шакманова и его сторонников и заменить их «надежными товарищами». Чтобы не решать этот вопрос

силами одной лишь Красной Армии, действия которой восприняли бы как внешняя угроза и сплотили бы население Кабарды в борьбе с ней, необходимо было заручиться поддержкой самих кабардинцев. Тут-то и появился на политической сцене Н. Катханов. Нальчикский большевик Г. Русаков вспоминал по этому поводу: «…во Владикавказе мне С.М. Киров говорил, что нужно, изучая работников, подобрать мусульманина, эфендия или муллу, с которым можно было бы объединить на советской платформе бедноту Кабарды и Балкарии. Присутствовавший при нашей беседе тов. Симон Такоев, указал на эфендия Назира Катханова… Я с товарищами написал письмо С.М. Кирову с характеристикой Катханова. Прошло 3–4 недели, и сияющий Катханов нам объявил, что уезжает получать колоссальное назначение во Владикавказ»[9].

Здесь из революционно настроенных осетин, русских красноармейцев и сторонников Н. Катханова был сформирован отряд, который под его руководством 24 сентября 1918 г. занял Нальчик и разогнал Окружной народный Совет.

По сути, это было предательством. Ведь Н. Катханов ещё 16 августа был уполномочен Нальчикским окружным Советом в числе прочих делегатов провести переговоры с большевиками во Владикавказе «для выяснения возможности предотвращения дальнейшей братоубийственной гражданской войны»[10]. Делегация была также послана в штаб восставших казаков. Но Н. Катханов, вступив в сговор с большевиками, стал вовлекать кабардинцев в борьбу с казачеством. Власти Нальчикского округа расценили деятельность Н. Катханова как провокационную и решили привлечь к суду как «идущего вразрез с интересами кабардинского народа»[11].

Действительно, действия Н. Катханова, противоречили национальным интересам. Ингуши, осетины, балкарцы имели достаточно оснований поддержать большевиков, наделивших их землей. На этом фоне попытки Н. Катханова втянуть кабардинцев в борьбу с казаками на стороне большевиков, отмежевавших их земли, выглядят противоречивыми. Мотивы выступления Н. Катханова против Окружного народного Совета, как было отмечено выше, нельзя связывать с отстаиванием революционных преобразований в социально-политической сфере, которые и так признавались руководством Совета. Скорее всего, речь здесь идёт о борьбе за

власть. К Чхеидзе – участник антибольшевистского движения в Кабарде – отмечал: «Духовенство, в глубине души, наверное, ненавидевшее большевиков, шло с ними, надеясь, что в союзе с большевиками возобладает над влиянием князей и дворян и станет единым руководителем народа»[12]. После провозглашения советской власти в Кабарде представители привилегированных сословий стали вытесняться из общественно-политической жизни. К строительству «нового общества» большевики допускали людей строго по классовому признаку. В одном из первых решений Окружного совета указывалось: «Обществу должно быть внушено, что даже неграмотный трудовой земледелец, служа, будет управлять делами трудового народа лучше, чем образованный богатей или его прислужник»[13]. Пришедшие в августе 1918 г. к руководству в новых органах власти Т. Шакманов и его сторонники отказались от проповедуемой большевиками политики социального раскола и старались использовать в управлении округом опыт свергнутых элит.

Для Н. Катханова не нашлось достойного места во властных структурах. «Относительно общественного веса Катханова к августу восемнадцатого можно утверждать, – заключает М. Текуева, – что он приобрёл уже определенную репутацию в политических кругах и определенную известность среди населения, но в общем его роль была ещё незначительной»[14]. Н. Катханов был одним из членов культурно-просветительского отдела при окружном исполкоме, а также его включили в состав делегации, направленной властями Нальчикского округа во Владикавказ на переговоры с большевиками.

Имея духовное и светское образование, признание в среде духовенства, Н. Катханов оказался вне власти и не мог полноценно участвовать в политической жизни. Поэтому, последовав девизу «Чтобы исполнить духовную миссию в мире, необходимо пользоваться политической властью»[15], Н. Катханов пошел на сотрудничество с большевиками, которые и помогли ему получить эту власть. Н. Катханов, в свою очередь, открыл в Кабарде антиказачий фронт, ударной силой которого был возглавляемый им Шариатский революционный полк. Слово «шариатский» подчеркивает, что движение Н. Катханова проходило под религиозными знаменами, и что он отводил значительную роль шариату в общественно-политической жизни народа (за это и был репрессирован впоследствии советской

властью). Большевики всячески «потакали» религиозным устремлениям Н. Катханова, что видно из следующего факта: вместо свергнутого Нальчикского окружного совета 25 сентября 1918 г. был образован Военно-Шариатский революционный Совет, в состав которого вошли представители мусульманского духовенства. Создание такого органа власти в Кабарде (аналогичного ему не было создано в других национальных округах) мотивировали «необходимостью в интересах дела и населения»[16]. Однако, когда эти «интересы» после подавления антисоветского восстания терских казаков были удовлетворены, Военно-Шариатский революционный совет был упразднен.

Построение общества, основанного на исламских идеях социальной справедливости, придерживающегося шариата, использование религиозной идеологии историография связывает с национальными движениями, поддерживающими советскую власть. Обращение же к исламу антибольшевистских сил представлялось как прикрытие для осуществления последними «своих антинародных замыслов» и как способ «сбить с толку широкие массы мусульманского населения»[17].

Если в антисоветском лагере оказывалось духовенство, то оно непременно было «реакционным», если интеллигенция, то неискренняя в своей вере и т.д. Между тем участники антибольшевистского движения в Кабарде были такими же мусульманами, как и сторонники Н. Катханова, и им также была дорога свобода вероисповедания. Организатор и лидер антибольшевистской борьбы З. Даутоков-Серебряков, чей дед и отец являлись крещеными кабардинцами, перед Октябрьской революцией вернулся к религии предков, приняв ислам. Такой шаг говорит о серьезности намерений человека изменить свой образ жизни и привести его в соответствие с требованиями новой веры. Борьба с большевизмом для З. Даутокова-Серебрякова была помимо прочего (защита национальных интересов) и борьбой за веру, хотя он и не декларировал это в своей политической программе. Характерны в этом отношении строки написанного и продекламированного им незадолго до вооруженного выступления стихотворения «Сон»:

«*Благословением для каждого брата*
Пусть будут святые слова газавата:

Доколе священное ля-иляха-ля-Аллах-
зеленое знамя с луной,
Не будет и места для страха
В сердцах всех вступающих в бой»[18].

В действиях большевиков З. Даутокова-Серебрякова оскорбляла их «проповедь насилия, разрушения, их отвержение религиозных и семейных устоев, ненависть ко всему личному, национальному»[19].

Просвещенная часть кабардинского общества, к которой относился и З. Даутоков-Серебряков, прекрасно осознавала атеистическую сущность большевиков и понимала, что их уступчивость в отношении ислама не продлится вечно. Союз большевиков и части кабардинского духовенства вызывал недоумение. Когда всадники даутоковского отряда захватили после одного из боестолкновений с красными трофеи, им попались знамена с изречениями из Корана и с лозунгами следующего содержания: «Да здравствует первая советско-шариатская ударная колонна». К Чхеидзе, участник боя, описал впечатления от увиденного: «Смотреть было дико. Голова отказывалась понимать такое, казалось противоестественным сочетание: советы и шариат; Маркс и Коран. И в то же время ум не доверял глазам, когда глаза видели трупы русских и евреев-красноармейцев с трупами хаджи. Хаджи – это люди, побывавшие в Мекке у гроба пророка»[20].

В большевиках видели противников веры, а в их сторонниках – её отступников. В 1919 г. знатный дворянин Каракан Куденетов собрал на сход жителей своего села, участвовавших в санкционированном большевиками разграблении имущества «бежавших контрреволюционеров», и объявил: «Я не буду здороваться с вами. Теперь вы не мусульмане, а гяуры»[21].

Религиозный настрой антибольшевистской борьбы отчетливо проявлялся в образе и действиях её участников. Отряд З. Даутова-Серебрякова носил на папахах зелёные ленты, на которых золотом были вышиты исламский символ – полумесяц и звезда. Знамя отряда было с такой же символикой. В бой шли, произнося молитвы. Генерал Мудар Анзоров, командовавший одной из даутоковских сотен, перед решающей атакой просил своего подчиненного прочитывать вслух главу из Корана[22].

Вопросы веры были чрезвычайно актуальны в антибольшевистском движении. Самому З. Даутову-Серебрякову поначалу

ставили в упрёк его недавнее пребывание в православии[23], тем самым полагая неуместным, чтобы бывший христианин возглавил в Кабарде антибольшевистский лагерь.

Вхождение отрядов З. Даутокова-Серебрякова в Белую армию и поддержка им деникинского режима, установившегося в Кабарде в январе 1919 г., явились основным условием продолжения антибольшевистской борьбы. В то же время белые власти не ущемляли религиозные традиции населения на подконтрольных территориях. Горцам гарантировалось сохранение шариатского права и суда. В Ростове-на-Дону был образован Мусульманский центр, который в своей работе руководствовался следующим положением: «Все мусульманские народы России: черкесы, кабардинцы, осетины, ингуши, чеченцы, дагестанцы… являются равноправными членами семьи народов Российского государства, им открыты пути для культурного и экономического развития»[24].

Белая власть в отличие от советской не покушалась на религиозные устои. Тем не менее большевики, играя на религиозных чувствах горцев, сумели привлечь их на свою сторону. Однако если в Чечне и Ингушетии в большевиках видели лишь временных союзников, то в Кабарде часть духовенства стремилась совместить советскую власть и шариат. Союз кабардинского духовенства и большевиков негативно сказался на процессах национально-государственного строительства в Кабарде, начатого Т. Шакмановым и поддержанного З. Даутоковым-Серебяковым. В конечном итоге, когда белое движение было сломлено, потребность в помощи духовенства в деле утверждения Советской власти отпала и большевики показали свое истинное отношение к религии.

Примечания

[1] Цит. по: *Улигов У.А.* Социалистическая революция и Гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937). Нальчик, 1979. С. 32.

[2] Выписка об отношении большевиков к магометанской религии из дела о злодеяния большевиков в Ставропольской губернии // Электронный ресурс: http://ricolor.org/history/kt/ktr/57/

[3] *Чхеидзе К.А.* Генерал Заур-бек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде. Нальчик, 2008. С. 35.

[4] Цит. по: *Цветков В.* Вторая Кавказская война // Родина. 1992. № 2. С. 26.

[5] Цит. по: *Улигов У.А.* Указ. соч. С. 253.
[6] Цит. по: *Коренев Д.З.* Революция на Тереке. Орджоникидзе, 1967. С. 36.
[7] *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917-го – лето 1918 г.). М., 2004. С. 252.
[8] *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. С. 43.
[9] Архив КБИГИ, ф. 2, оп. 2, д. 38, л. 37.
[10] *Текуева М.А.* Назир Катханов: Штрихи к политическому портрету // Известия КБНЦ РАН. 2003. № 1. С. 113.
[11] Цит. по: *Улигов У.А.* Указ. соч. С. 194
[12] *Чхеидзе К.А.* Указ. соч. С. 86.
[13] Цит. по: *Улигов У.А.* Указ. соч. С. 137.
[14] *Текуева М.А.* Там же. С. 111.
[15] Там же. С. 110.
[16] *Улигов У.А.* Указ. соч. С. 195.
[17] Там же С. 189.
[18] *Чхеидзе К.А.* Там же. С. 57.
[19] Там же. С. 45.
[20] Там же. С. 82.
[21] УОПД АС КБР, ф. 2459-д, оп. 1, ед. хр. 96, л. 384.
[22] *Чхеидзе К.А.* Указ. соч. С. 99.
[23] Там же. С. 63.
[24] Цит. по: *Жанситов О.А.* Антибольшевистское движение и деникинский режим в Кабарде и Балкарии 1917–1920 гг. Нальчик, 2009. С. 71.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Бгажноков Б.Х. Отыскать беспристрастную точку зрения. К 60-летию В.Х. Кажарова …..... 3

Абазов А.Х., М.Н. Губжоков, Прасолов Д.Н., Рахаев Дж.Я., Унарокова М.Ю. Проблемы истории и этнографии адыгов в работах В.Х. Кажарова …..... 7

Унарокова М.Ю. Адыго-русские отношения и диффузия культур 45

Озова Ф.А. Институт аманатства в Кабарде в конце 1580-х – середине 1620-х гг. 58

Бобровников В.О. Ишкиль и баранта в Дагестане XVII – второй трети XIX в.: обычай или пре-ступление в международном праве горцев-мусульман? 88

Рахаев Дж.Я. Кабарда в системе международных отношений в начале XVIII в. 123

Алоев Т.Х. Баксанская битва (у Крымских стен) 26–28 апреля 1729 г.: военно-политические предпосылки и условия успешного отражения Кабардой крымской агрессии …..... 183

Карданова (Кошукоева) Р.С. Институт абречества в политической системе Кабарды в XVIII – первой половине XIX в. 195

Кобахидзе Е.И. Традиционная юридическая практика у осетин и ее трансформация в ходе российских судебно-административных преобразований конца XVIII – 50-Х гг. XIX в. …..... 215

Абазов А.Х. К вопросу о формировании понятийного аппарата юридической антропологии кабардинцев …..... 244

Нагоева Р.Р. Социальные трансформации в среде кабардинского крестьянства в 20–60-е гг. XIX в. .....… 276

Губжоков М.Н. Хан-Гиреем «невоспетые» герои: к интеллектуальной истории адыгов XIX века 294

Алоев Т.Х. Хаджреты в исследовательском дискурсе Хан-Гирея .....… 310

Ганич А.А. «Поучение» закавказского муфтия и председателя закавказского мусульманского духовного правления суннитского учения (1892 г.) .....… 328

Жанситов О.А. Гражданская война в Кабарде: национально-религиозный аспект …..... 347

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ КАВКАЗА

Заведующий редакционно-издательским отделом *М. У. Шумахуа*
Верстка и техническое редактирование *А.Х. Абазов*
Оформление *Ф. В. Гучева*
Корректор *Н. Г. Солгалова*

Сдано в набор 15.06.2009. Подписано в печать 29.07.2009.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 22,50. Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-91766-005-9

Издательство Института гуманитарных исследований
Правительства КБР и КБНЦ РАН
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.
Тел.: (8662) 42-34-50
Факс: (8662) 42-47-78
e-mail: kbigi@mail.ru